

3

Петр I

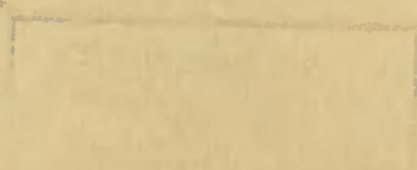
ISSN 0042—8779

ИВМ

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**

Петр I

6/93

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

6/93

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АРХИВ XX ВЕКА

Материалы февральско-мартовского пленума
ЦК ВКП(б) 1937 года 3

СТАТЬИ

Ю. Е. Ивонин — Имперская идея и проблема
государственности в Западной Европе XVI
века 31

Н. А. Троицкий — Корифей отечественной
адвокатуры. (Жизнь и судьба Н. П. Ка-
рабчевского) 45

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

Я. Е. Водарский — Петр I 59

ВОСПОМИНАНИЯ

Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева 79

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

В. Д. Тополянский — Гибель Фрунзе 95

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

Генерал А. И. Деникин — Очерки русской
смуты 107

Выходит
с 1926 года

ТОО
РЕДАКЦИЯ
ЖУРНАЛА
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
МОСКВА

СООБЩЕНИЯ

- А. А. Кошкин** — Предыстория заключения пакта Молотова — Мацуока (1941 г.) . . . 133
- И. В. Чуркина** — В. С. Соловьев и Й. Ю. Штротмайер об объединении церквей . . . 143

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ.

- В. Б. Перхавко** — Гости-сурожане . . . 149
- Э. Л. Нитобург** — Фульхенсио Батиста . . . 154

ИСТОРИОГРАФИЯ

- С. И. Михальченко** — М. В. Довнар-Запольский: историк и общественный деятель . . 162
- В. Смолярчук** — История отечественного государства и права 170
- В. П. Трут** — И. Л. Омельченко. Терское казачество 171
- Я. Г. Солодкин** — В. П. Загоровский. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке . 172
- С. И. Лучицкая** — Власть как социальная практика. Исторические и социально-антропологические исследования 174
- С. Ю. Торопова** — Ф. Виллиамсон. Национальный кризис и национальное правительство. Британская политика, экономика, империя, 1926—1932 гг.; Э. Торп. Всеобщие выборы в Великобритании в 1931 г. . . . 176
- Т. Л. Лабутина** — Просветительское движение в Англии 178
- По страницам зарубежных журналов** 180

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

- И. И. Лившиц** — О роли кадровых офицеров в гражданской войне 188
- М. А. Тумшис** — Еще раз о кадрах чекистов 30-х годов 190

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АРХИВ XX ВЕКА

Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года

27 февраля 1937 года. Утреннее заседание

А н д р е е в (председательствующий). Заседание открывается. Слово имеет тов. Эйхе.

Эйхе. Тов. Жданов вчера в своем докладе решительно вскрыл те крупнейшие недостатки, которые имеются в партийной работе. На опыте Западносибирской партийной организации я хочу остановиться на некоторых вопросах, которых касался т. Жданов. Нарушение выборности и практика кооптации имеют место во многих организациях края, и за это на крайком ложится тяжелая вина. Эта вина усугубляется еще тем, что в конце 1935 г. по итогам проверки на пленуме крайкома мы вынесли решение, в котором отметили этот недостаток нашей работы. Но в практической работе мы недостаточно обеспечили повсеместное проведение в жизнь нашего же решения и важнейшего пункта устава. О нарушении выборности говорит еще и такой факт. Из сменившихся за последнее полугодие 612 секретарей парткомов 25% падает на снятых с работы райкомами и горкомами и только 17% сменилось в связи с перевыборами. Этот факт показывает, что каждый член партии в отдельности не чувствовал своей ответственности за состояние партийной организации. Это и есть один из видов практики назначенчества, резко и правильно осужденной в проекте резолюции по докладу т. Жданова.

Исключительно правильным является предложение об установлении при выборах тайного голосования. Тайное голосование поможет бороться с семейственностью и выбросить за борт отдельные элементы примазавшихся подхалимством к партийному аппарату. Как правило, если проверить состав кооптированных, среди них можно найти большое количество людей с разными изъянами. Я бы сказал, что зачастую ряд из тех людей, которые в порядке кооптации попали в выборные партийные органы, при выборах не попали бы в выборные органы. Тайное голосование будет являться еще одной формой проверки связи руководителей с массами членов партии.

Самоотчеты коммунистов в той форме, в какой они практиковались до сих пор, вредны, даже если они проводятся без особых нарушений. ЦК от нас требует, и совершенно правильно требует, отчетности всех выборных органов перед членами партии. Самоотчеты есть подмена отчетности выборных органов самоотчетом отдельных коммунистов. Во-вторых, самоотчеты, как правило, приводят к зажиму самокритики, во всяком случае

способствуют зажиму самокритики. Когда коммунист знает, что он должен будет сделать самоотчет, ему не до того, чтобы критиковать тех людей, которых он выбирал. Начнет он критиковать, тут же ему начнут шпильки подпускать: а как ты в быту себя ведешь, как ты дома с женой, как с детьми, почему газеты не выписываешь, и его критика смазывается. Эта форма работы явно не годится в теперешних условиях, она вредна и идет вразрез с требованием Центрального Комитета, мешает правильному проведению требований Центрального Комитета об отчетности выборных органов перед массой членов партии.

В отдельных местах, там, где в партийных организациях скрылись окопавшиеся враги, они этой формой самоотчетов воспользовались. Путем издевательской постановки самоотчетов они создавали среди отдельных менее устойчивых членов партии озлобленных лиц, и это была прекрасная среда, в которой эти провокаторы могли развертывать свою работу для вербовки себе сторонников. У провокаторов это был любимый метод работы по вербовке себе сторонников. Совершенно правильно ЦК партии нас поворачивает к большевистской связи с массами, выражающейся в том, что каждый работник в партии ставится под повседневный контроль масс, и совершенно правильно ЦК партии требует, чтобы точно соблюдалась отчетность выборных органов перед массами. Вот сюда должны быть направлены наши усилия.

Прав т. Жданов, что к нарушениям принципов выборности, отчетности перед массами, попыткам зажима самокритики не может быть либерального отношения. Все эти нарушения должны рассматриваться как тягчайшие партийные преступления. Организация доходчивой, острой, политической агитации — это вторая политическая задача. Прав т. Варейкис, что мы, работники в краях и районах, недостаточно выступаем с агитацией перед беспартийными массами, хотя с нашей стороны нет подчас недостатка в длинных речах. По имеющимся данным, в крае 26 первых секретарей райкомов за полугодие сделали на собраниях беспартийных 86 докладов, т. е. по 3 доклада на полугодие. Это явно недостаточно. В нашей политической агитации зачастую нет большевистского огня. Крайкомы и райкомы успокаиваются количеством агитационных коллективов, организованных в том или ином районе, успокаиваются на количестве агитаторов, имеющих в той или иной партийной организации, не вникая в содержание их работы.

При проверке работы на местах вскрывается иногда самая безотрадная картина. Например, укажу на «Трикотажстрой» в Новосибирске, где числится 15 агитаторов, а на собраниях могут выступать только четыре товарища, остальные никогда не выступали на собраниях. (Варейкис. А эти четыре как выступают?) Эти хотя бы выступают, остальные 9 никогда не выступали на собраниях, а числятся в коллективе агитаторов. На заводе им. Заковского числится 12 агитаторов, выступать на собраниях могут только 3. В коллективе «Союзунивермаг» числится 7 агитаторов, но никто из них никогда не выступал на собраниях. (Жданов. Где же агитколлектив?) Это агитколлективы для статотчета, но это не организация большевистской агитации, которая нам необходима.

Мы увлекаемся количеством агитколлективов без должной проверки их состава, без проверки их работы, подбираем зачастую в агитколлективы людей по должности. Если товарищ, скажем, является работником какой-нибудь профсоюзной организации, он, как правило, зачисляется в агитационный коллектив, хотя хорошим агитатором далеко не всякий может быть. У нас выросли новые люди. Лучшим доказательством этому были прошедшие чрезвычайные съезды советов, и особенно прошедший Чрезвычайный VIII Всесоюзный съезд Советов. Каких прекрасных агитаторов с разных краев и разных мест мы слышали, они выступали на этом съезде. Задача наша — суметь найти этих людей, организовать и использовать их. Мне кажется, что нужно партийным организациям суметь привлечь к агитационной работе проверенных беспартийных под руководством партии. Зачастую мы это игнорируем, не учитываем, что среди выросших новых людей,

людей сталинской эпохи, среди беспартийных имеется ряд товарищей, умеющих прекрасно, доходчиво разговаривать с массой, умеющих прекрасно, с огнем агитировать. В каждом районе имеются заброшенные глухие села и в каждом городе есть заброшенные глухие участки. Это нам ярко показала всесоюзная перепись, когда пришлось обойти каждое село, каждый участок. Там мы вскрыли наибольшее количество отсталых настроений, наибольшее количество враждебных настроений, да иначе и быть не могло, потому что враг, прежде всего, окапывается в таких глухих уголках.

Во время избирательной борьбы мы столкнемся с попытками врага из этих отсталых глухих уголков повести свою атаку против нас, организовать борьбу против нас. Нужно так перестроить нашу политическую работу, чтобы не было этих глухих забытых сел и глухих забытых участков. (Голос с места. Чтобы в самом городе не было таких участков). Да, и чтобы сам город не был таким участком. Кроме того, враг во время выборной борьбы будет пытаться использовать каждый наш промах. Он будет обращать свои взоры на каждый наш недостаток, чтобы дискредитировать того или другого кандидата. Отстающие колхозы, отдельные совхозы, отдельные другие хозяйственные участки должны быть проверены и подтянуты так, чтобы мы были готовы на любом участке дать должный жесткий отпор всем попыткам, всем вылазкам врага. Личная связь работников советов с избирателями должна резко усилиться. Кандидат, намеченный, скажем, в Верховный Совет, должен объехать весь свой избирательный округ, чтобы провести глубокую политическую работу,— не пролететь метеором, а объехать так, чтобы установить тесную связь со своими избирателями. Это будет одно из важных условий для проведения выборов в соответствии с требованиями партии.

При организации выборов потребуется, чтобы и центр и краевые организации крепко помогли районам в части организации выборов. Прежде всего потребуется помочь районам людьми, особенно таким районам, где малочисленны партийные и комсомольские организации, где много глухих, заброшенных, запущенных уголков. Во-вторых, надо уже сейчас посмотреть, как улучшить нашу материальную базу для агитации. Потребуется ведь очень большая агитационная работа. Многие места недостаточно вооружены материальной базой для развертывания той широкой агитации, которую нам придется проводить в связи с выборами. В частности, скажем, Западная Сибирь, она далеко не так вооружена, как это нам потребуется. Мне кажется, что надо предусмотреть и организационно приспособиться к избирательной борьбе. Ведь выборы будут организованы по избирательным округам, которые охватывают ряд районов. Обязательно нужно, чтобы в избирательном округе было какое-то объединение, которое организовывало бы всю массовую агитационную работу. На местах нужно будет уметь повседневно и немедленно организовывать политический отпор тем или иным вылазкам врага.

Мы встретимся во время выборов, прежде всего, с многомиллионной массой новых людей, людей сталинской эпохи, преданных партии, преданных Советской власти, с энтузиазмом борющихся за коммунизм. Но мы встретимся также во время выборной борьбы с остатками врагов, и надо изучить сейчас и ясно себе уяснить с какими врагами нам придется встретиться, где эти очаги врагов. Это важнейшая задача.

В частности, мы взяли и подсчитали, сколько у нас людей с 1926 г. выбыло и исключено из партии. Я не хочу сказать, что все эти исключенные или вышедшие из партии являются врагами. Большой процент среди них людей, которые не только не являются врагами, а преданы партии, преданы Советской власти. Но есть немалое количество среди этих людей врагов. И вот какое соотношение получается у нас по краю: если взять исключенных и выбывших из партии, то за 11 лет из партии выбыло и исключено 93 тыс. человек. (Г а м а р н и к. Сколько?) 93 тыс. человек. (Г а м а р н и к. Ого!) А в партии у нас сейчас 44 тысячи коммунистов,.. (Г о л о с с м е с т а. Это за 10 лет?) т. е. в два с лишним раза больше людей, которые прошли через партию за эти годы! (Ш к и р я т о в. Это общее явление. Они у вас все не

живут.) Это общая цифра исключенных и выбывших из партии за 11 лет. (Шкирятов. Они в других местах находятся.) Зато из других мест к нам приехали. Тут, конечно, точной отчетности нет и установить точно довольно трудно. Я лично проверил положение на одном из предприятий, в крупном депо Топки исключенных и выбывших из партии больше, чем членов партии.

Настроения среди этих людей самые разные. Я говорю, что есть много людей, которые преданы нам, прекрасно работают и будут бороться за линию партии, но среди исключенных есть немало прямых врагов партии. Они побыли в партии, получили некоторые политические навыки и будут пытаться использовать их против нас. Этого недоучитывать нельзя. У нас в крае есть еще одна особенность — это бывшие кулаки, которых у нас порядочное количество, частично от т. Косиора и других. (Косиор. Признаем свою ошибку. Веселое оживление в зале.) Среди них партийные организации также должны производить учет настроений. Какие настроения мы можем учесть на сегодняшний день по тем данным, которыми мы располагаем, и по нашим личным наблюдениям? Особенно молодежь, в подавляющем большинстве своем это люди, которые считают, что они встали на новую дорогу и по этой новой дороге должны идти под руководством партии. Но осталась немалая группа заядлых врагов, которые будут пытаться всеми мерами продолжать борьбу, будут пускать в ход клевету и провокацию во время выборов, будут пытаться причинять нам разные гадости. Поэтому как никогда вовремя поставлен на пленуме ЦК доклад т. Жданова.

Нам нужно уже сейчас крепко включиться в подготовку к предстоящим выборам. В частности, нельзя ли было привлечь побольше местных людей к выработке избирательного закона. Мне кажется, что учебу о том, как проводить выборы, следовало бы начать со скорейшего ознакомления нас с избирательным законом. До сих пор мы ничего не знаем. Я думаю, т. Калинин, это было бы нам очень полезно.

Нужно крепко взяться за выполнение четких указаний Центрального Комитета партии. Совершенно правильно говорится в проекте резолюции, что для выполнения этой большой работы, связанной с выборами по новой Сталинской Конституции, требуется, «чтобы партия сама проводила последовательно демократическую практику, чтобы она проводила до конца во внутрипартийной жизни основы демократического централизма, как этого требует устав партии, чтобы она сама имела необходимые условия, в силу которых все органы партии являлись бы выборными, чтобы критика и самокритика развивалась в полной мере, чтобы ответственность партийных органов перед партийной массой была полная и чтобы сама партийная масса была полностью активизирована». Это должно стать твердым, неизблемым законом нашей повседневной работы.

Андреев. Слово имеет т. Косиор.

Косиор. Правильно поставлен вопрос о задачах предстоящей выборной кампании, на основании новой Конституции, нового избирательного закона. Правильно т. Ждановым поставлен вопрос о том, как нужно перестроить свою внутрипартийную работу, чтобы поднять мобилизованность партии для успешного проведения тех очень сложных задач, которые нам предстоят в связи с новой Конституцией и в особенности в связи с новыми выборами. Я хочу подчеркнуть некоторые моменты. Если раньше система агитации при выборах заключалась в том, что мы собирали собрания, выступали на собраниях и после этого проводили голосования, то сейчас вопрос поставлен по-другому. Сейчас будет голосовать каждый индивидуально, да еще путем закрытого голосования. Следовательно, такие старые формы агитации, как собрания, хотя в качестве агитационного средства и остаются, однако этого одного средства уже явно недостаточно.

Нам придется подойти индивидуально к избирателю, чтобы знать чем тот или иной избиратель политически дышит. (Голос с места. Надо изучать избирателя). Само собой разумеется, как можно узнать, что он собою представляет, если его не изучать. Значит, нужно таким образом

перестроить нашу работу, создать такую систему агитации и так расставить свои силы, прибавив к нашим силам еще широкий беспартийный актив, чтобы этот индивидуальный подход и наше политическое проникновение в сознание каждого избирателя обеспечить. Голосовать ведь теперь будут все. Есть ли такие слои населения, в отношении которых мы могли бы сказать — сюда можно не ходить, здесь мы не можем рассчитывать на то, чтобы поднять свое влияние? Я считаю, что таких слоев у нас в стране нет. Так что все решительно слои населения могут и должны быть под нашим политическим и организационным влиянием, в отношении всех слоев населения мы должны сделать определенную попытку и настойчиво добиваться усиления нашего влияния. Мы должны на них влиять.

До сих пор нашу агитационную работу мы ведем с расчетом не на все слои населения. Основную ставку до сих пор мы делаем на завод. (Г о л о с с места. Крупное предприятие.) Правильно. Мы работаем главным образом на крупных предприятиях. Правда, и здесь наша работа идет и партийная и тем более массово-политическая, с большим изъясном. Мы особенно это ярко видим после того, как всерьез начали заниматься критикой и самокритикой. Мы видим, что и эти почти единственные очаги, на которых мы ведем работу, недостаточно охвачены нами, работа наша и там сильно хромает. Если же взять более мелкие предприятия, если взять тех, кто работает на маленьких кустарных предприятиях, если взять все остальное население, которое будет составлять 50—60% избирателей, если взять такие большие слои населения, как домашние хозяйки (а теперь это огромные кадры избирателей), то туда, надо прямо сказать, наша агитация и наша организующая рука еще не проникала.

Тут трудная задача в том отношении, что нужно подойти к каждому индивидуально, узнать, что собой представляет тот или иной избиратель. Надо сказать, что у нас выработался в работе некоторый аристократизм. Мы считаем своим долгом вести работу на предприятии, даже в деревне, но считаем ниже своего достоинства вести работу среди служащих. Служащие считаются у нас народом второсортным. Тратить время и свои способности на то, чтобы широкую массу этих служащих держать под нашим влиянием, мы до сих пор не считали возможным. Здесь мы свою организующую руку еще не приложили, а сейчас придется это сделать. Придется перестроить агитационно-массовую работу так, чтобы все слои населения охватить. Даже на заводах — это известно всем — мы знаем главным образом наш широкий актив, т. е. людей, которые работают, активно проявляют себя, отстаивают задачи партии, идут за партией. Но на заводах есть довольно солидное меньшинство разных пассивных, отсталых, а порой и враждебных людей, которые усложняют нам дело, и могут быть и являются источником чуждых влияний, как это нам теперь прекрасно известно. К этим отсталым элементам подхода у нас нет. Мы идем по линии наименьшего сопротивления, а не как раньше — с напором по линии наибольшего сопротивления. Нам придется сейчас взять под свое влияние огромное количество людей, среди которых мы раньше не работали или почти не работали, ибо мы раньше выбирали огулом, просеивали через сетку и имели почти полную гарантию, что чуждые люди не пройдут.

Надо подчеркнуть в особенности одну задачу — это работу среди интеллигенции. Сейчас, когда мы занимаемся критикой и самокритикой, оказывается, что в том же Донбассе, в Днепропетровской области мы почти никакой работы не ведем среди технической интеллигенции. Правда, говорят, что это теперь уже другая, новая наша интеллигенция, но это еще ничего не решает. Это только значит, что если мы не будем вести работу среди интеллигенции, то туда могут проникать чуждые влияния, а там больше всего остатков чуждых людей. Тут у нас большой недочет. Взять, например, Донбасс, там несколько десятков тысяч инженеров и техников, если прибавить их семьи, то получится сотни тысяч избирателей, а охвачены они нашим непосредственным влиянием очень плохо. Теперь нам надо знать и другую линию — это источник чуждых влияний, откуда эти чуждые влияния могут идти. Когда у нас раньше агитационно-массовая работа

была поставлена остро, мы всегда знали, всегда интересовались источником чуждых влияний, мы знали на заводе, в городе, в селе, откуда может появиться опасность, где нужно проявлять большую подозрительность и глядеть в оба. Сейчас мы разучились это делать. Сейчас наши успехи, наше благополучие приучили нас к тому, что у нас все хорошо — стоит произнести речь и все будет в порядке.

Один из таких источников чуждых влияний здесь называл т. Жданов — это всякие религиозники. Сейчас происходят интересные явления, от которых некоторые наши руководители теряются. Например, на Украине было несколько случаев, когда религиозные общины обращались за разрешением собраться, принять приветствие т. Сталину и Центральному Комитету по поводу утверждения новой Конституции (Шум, смех.) Наши товарищи в полной растерянности: не разрешить? — народ имеет право принять приветствие своему вождю; разрешить? — черт знает, что из этого выйдет.

У нас были такие собрания верующих, они принимали приветствия, любопытные приветствия, очень выдержанные, где ловко доказывали, что религия не противоречит социализму, что они будут вместе с нами строить социализм, что т. Сталин как наиболее чуткий человек понял это. Оканчиваются эти приветствия клятвой в верности советскому строю. Мы были бы наивными людьми, если бы принимали эти клятвы за чистую монету. Нас надо было бы за это бить. Между тем, у нас есть случаи, когда в этих событиях принимали участие тысячи людей. (Молотов. Ну, конечно, не тысячи, а миллион.) Совершенно правильно, т. Молотов, верующих наберется не тысячи, а пару миллионов. Следовательно, нам надо тут каким-то образом протянуть свои щупальцы, знать, что происходит, что делается, какие организующие рычаги, центры имеются. И все это надо делать заблаговременно, потому что во время избирательной кампании будет уже поздно заниматься этими делами.

У нас есть еще один совершенно забытый участок — огромнейшие слои мелких кустарей в городах и особенно в мелких местечках. Это десятки и сотни тысяч людей. Мы абсолютно не заглядываем в эти местечки, совершенно не интересуемся этим большим слоем людей в крупных городах, совершенно не знаем, что там делается, что происходит. Мы об этом не знаем потому, что нам некогда, недосуг. Между прочим, здесь т. Эйхе правильно напомнил насчет последней переписи. Перепись показала, что у нас есть еще много примеров страшной дикости, консерватизма, косности даже в городах. Я не говорю уже о маленьких городишках, медвежьих углах. Имеются исключительно фанатично настроенные религиозники, которые питают к советскому строю нескрываемую ненависть. Очевидно, более тонких, более ловких людей среди этой публики имеется еще большое количество. Этими слоями населения мы, повторяю, почти совершенно не занимаемся. Вообще постановка нашей массово-воспитательной, массово-агитационной работы слаба. Нам это дело теперь нужно организовать по-настоящему, агитацию поставить остро и широко.

Можно прямо сказать, что в настоящее время наша агитационная работа на заводах на 70—80% беззуба. (Голоса с мест. Правильно!) В старое время, когда мы занимались агитационной работой, мы привыкли брать быка за рога. Мы знали о всех болячках, о всех больных местах, обо всех недоразумениях и всегда брали в своей агитации именно эти вопросы и на этих вопросах строили свою агитацию, поднимали ее на соответствующую политическую высоту. Сейчас большей частью наша агитационная работа беззуба. Наши агитаторы стараются как раз эти острые больные вопросы обходить, занимаются второстепенными вопросами и стараются не давать ответа массам на больные вопросы. А у нас этих больных вопросов еще сколько угодно, и безобразий немало на наших заводах и предприятиях. На все эти вопросы мы по-настоящему, так, как это нужно, не реагируем. А можем ли мы идти к избирателям, не разьяснивши им всех этих больных вопросов, не приняв мер к их устранению? Конечно, не можем. Мы должны привести все эти вопросы в полную ясность, чтобы не дать тем самым нашим врагам играть на этом. Этот вопрос имеет большое значение.

Затем (об этом уже говорил здесь т. Жданов) насчет связи руководящих работников с массами, насчет их отчета перед массами. Конечно, если сейчас какой-нибудь дорогой товарищ председатель исполкома или секретарь захочет быть избранным, он должен будет в отношении рабочих, колхозных масс вести себя совсем по-другому, чем это было до сих пор. Он должен стать ближе к массе, он должен себя показать, насколько он понимает, что у нас власть народная, что каждый из нас обязан перед народом отчетом. (Б у д е н н ы й. Немало найдется у нас хвостистов, которые будут подделываться под массы.) Но на то мы и партия, чтобы таких хвостистов, которые будут подделываться под чужие настроения, просто выгонять. Но все-таки опасность по-моему сейчас другая. Главное заключается в том, что наши руководящие работники от настоящих отчетов отвыкли.

Что было до сих пор? Наши съезды Советов, наши пленумы исполкомов — там никакой критики по существу не было и считалось большой бестактностью, если кто-нибудь случайно выступит с критикой против председателя или кого-либо другого лица на пленуме исполкома или горсовета. Даже заведующие отделами считали для себя такую критику большим оскорблением. Сейчас же начинались большие разговоры, кто это такой, почему это и т. д. Сейчас, в новых условиях, для того, чтобы рабочая масса, крестьянство и вообще широкие слои народа руководящих работников уважали по-настоящему, надо свою связь с массами укрепить. Тут окажется много таких людей, которых придется нам выкидывать самим. Надо таким образом и в партии через партийную массу и, конечно, в рабочих массах проверить отношение к людям, сидящим на руководящих выборных постах. Как бы ни работали отдельные руководящие товарищи, у массы членов партии всегда к ним определенное отношение складывается, большей частью безусловно правильное, и то же самое у беспартийных.

Есть у нас много людей одиозных, не заслуживающих доверия, которые держатся на руководящей работе большей частью исключительно по каким-нибудь связям, или людей, которых масса иногда даже ненавидит, а мы этого не замечаем, игнорируем. В этом отношении нам самим нужно проверить, и очень основательно, те кандидатуры, которые мы будем выставлять на выборах в советские органы, чтобы эти кандидатуры отвечали тому, что партия сейчас требует, чтобы не получилось таким образом, что потом слишком много кандидатур будет проваливаться. Тов. Варейкис говорил, что тайные выборы выдвинут новый актив. Я думаю, что если мы будем ждать, пока это произойдет, мы можем попасть в большой просак. Для того, чтобы выборы прошли хорошо, надо подготовить свой актив, партию подготовить, не только партийный актив, но всю массу членов партии. Надо и комсомол впрячь в это дело... (Ж д а н о в. И профсоюзы. Здесь демократия очень нужна.) Совершенно верно. Иначе мы миллионов избирателей охватить не сумеем, а мы должны обеспечить, чтобы каждый голосовал за нас. (К а м и н с к и й. Тов. Косиор, он не это имел в виду.) Я только хочу сказать, что ждать пока закрытые выборы выдвинут нам актив — это неправильно. Наоборот, надо действовать сейчас, потому что тогда будет уже поздно.

Дальше — об усилении контроля масс и ответственности советских органов перед массами. Это — вопрос величайшей важности, и отчетность и самостоятельное значение советских органов, должны быть сейчас, что называется, подняты. Почему это особенно важно? В тех решениях, которые ЦК ВКП(б) вынес по Украинской организации и Азово-Черноморскому краю, замечательно сказано насчет партийных руководителей, которые превращаются в простых хозяйственников и подменяют советские органы. Эта подмена советских органов имеет и другую сторону — она принижает значение советских органов. Сплошь и рядом сейчас приходится встречать в районах, когда районный исполком (нечего греха таить, иногда не только в районах, а и выше это бывает), председатель исполкома, не говоря уже о заведующем соответствующим отделом, обезличен, просто на побегушках. Люди никаких вопросов не решают, даже в глазах крестьянской массы эти органы ничего не решают, что на самом деле неверно. Мы не можем так

дальше оставлять это дело. Мы эту самую свою опеку должны бросить, уважение к советским органам и значение их надо поднять.

Правильно ставится вопрос, что для успешного проведения выборов по новому избирательному закону, по новой Конституции, нужно подготовить прежде всего самих себя, партию. Связь этих двух вещей совершенно очевидна. На первый взгляд, когда читаешь тезисы¹ по докладу т. Жданова, кажется, что тут начинается об одном, а кончается о другом, непомерно сильно выпячена партийная сторона, но это абсолютно правильно, потому что если мы сами своих собственных рядов не перестроим, не начнем работать по-другому, мы будем во время выборов выглядеть очень неприятно.

При таких условиях многие организации при выборах будут иметь огромное количество всяких сюрпризов, всяких неприятностей, а мы будем только расширенными удивлением глазами глядеть на это дело. Боеспособность, подвижность, мобилизованность партии будут тут иметь решающее значение и, конечно, это будет зависеть от того, как мы поставим свою работу, как будем проводить внутрипартийную демократию, выборность партийных органов и все прочее. От этого будет зависеть активность членов партии, а сейчас эта активность оставляет желать еще очень и очень многого. В этом отношении имеются такие колоссальные резервы, которые мы обязаны организовать и ввести в дело. И в критике наших недостатков нельзя бояться перехлестывания. Наоборот, я считаю, несмотря на то, что нас бьют основательно за эти ошибки, что мы недостаточно все-таки понимаем эту силу привычки и консерватизма, которые на протяжении ряда лет ввелись в нас и которые будет очень тяжело вышибать.

Такой перелом, начиная с областных организаций и кончая низовыми организациями, будет обеспечен только путем большого нажима и острой критики недостатков нашей работы. ЦК ВКП(б) сейчас ткнул украинцев носом в нарушения выборности и вообще устава партии. Действительно, приходится прямо удивляться, как мы, в большинстве своем все-таки люди опытные, старые партийные работники, зубы съевшие на этом самом деле,— как же мы смотрели и не видели величайших безобразий, которые происходили в отношении выполнения устава партии, в отношении выборности.

Вот эта самая кооптация. Когда мы сейчас проверяли партийные организации на Украине, такие города, как Киев, Харьков, Днепропетровск, оказалось, что у нас в городских организациях фактически нет выборных комитетов, большинство кооптированы. На протяжении трех лет, с 1934 г., во многих местах у нас получилась такая картина: выборный состав постепенно вымывался, постепенно уходил. Потом происходила кооптация и сейчас выборных осталось меньшинство, а в руководящем составе, в бюро иногда почти все кооптированные. Как мы могли проглядеть, как мы могли допустить такое положение и даже не заметили его? Конечно, это наша величайшая ошибка. Очень хорошо, что ЦК ВКП(б) основательно за это дело нас ударил. Это поможет нам понять, что так работать дальше нельзя. Когда присматриваешься сейчас к практике кооптации, что это такое? Это не только простое нарушение устава, это часто издевательство, это возможность для всякого рода малопартийных, а часто и чуждых элементов пролезать на партийные руководящие посты.

В Киеве было кооптировано в обком на протяжении 2—3 месяцев 50 человек. Даже принимая во внимание, что при переезде правительства из Харькова в Киев была необходимость кооптации, максимально было необходимо кооптировать 10, ну, самое большее, 15, а там было кооптировано 50 человек. Причем самое главное заключается в том, что значительная часть тех людей, которые кооптированы, не была бы выбрана на конференции, а частью это люди просто протащены как свои люди, по семейственности, как связанные личными отношениями с руководством. Кооптация тут проведена для того, чтобы устроить положение своему человеку. Затем взять район. У нас есть районы на Украине, об этом упоминал тот же т. Жданов, где состав партийного комитета уже трижды изменялся. Проис-

ходит постоянное движение. Скажем, выбрали 50 человек, сейчас тоже 50 человек, но состав партийного комитета уже трижды изменился, а конференции или общего собрания ни разу не было. Это совершенно нетерпимое положение, это грубейшее нарушение устава и выборности, это издевательство.

Все это имеет очень большое значение в смысле чувства ответственности членов партии и активности членов партии. У нас даже есть такие случаи, когда в партийных организациях, насчитывающих 25—30 человек, которые могут быть собраны хотя бы каждый день, тоже занимаются кооптацией, вместо того, чтобы собраться и выбрать двух человек. Это вошло у нас в обычай и, к сожалению, никто у нас даже не замечает, насколько все это плохо и недопустимо. К тому же это еще и очень опасная вещь.

Тут правильно поставлен вопрос о том, что надо изменить систему рекомендации секретарей... Та система, которая существует, никуда не годится. Незаметно для нас получилось своего рода издевательство над партийной выборностью, потому что никто партийную организацию не спрашивает, не говорит ей о том, что у нее забирают секретаря, а потом вдруг трах-тарарах присылают постановление за подписью ЦК КП(б)У, а иногда утвержденное Секретариатом ЦК ВКП(б), о том, что новым секретарем утверждается такой-то. Конечно, после этого всякий член партии, который немного уважает свой руководящий орган, если даже он и недоволен, постесняется говорить. Очевидно, эту систему надо изменить. Надо, чтобы сначала, до постановления местной организации, вышестоящие органы секретарей не утверждали. Потом надо также изменить систему передвижения и отзыва секретарей.

У нас очень легко перебрасывают людей. (Голос с места. Правильно.) Если нужно посадить человека, то для этого делается несколько перебросок по цепочке. Здесь опять-таки игнорирование принципа выборности. Не считаются с тем, что если человека выбрали, то нужны какие-то чрезвычайные условия для того, чтобы этого человека забрать. Эти условия, вызывающие необходимость отзыва секретаря, надо объяснить этой партийной организации. У нас же, когда снимают, никогда организации не говорят, почему секретаря забирают. (Постышев. А нового сажают потому, что снимают.) Это надо изменить коренным образом, поменьше перебрасывать.

Затем, правильно, что у нас теперь вводятся закрытые выборы. Эти закрытые выборы и соответствующее изменение системы выдвижения кандидатур на наших конференциях, это будет, конечно, очень большим плюсом для проведения партийной демократии, ибо вопрос, как выбирать и кого выбирать — этот вопрос имеет колоссальнейшее организационное значение. При той системе, которая существует сейчас, очень легко по принципу семейственности тащить своих людей. Сейчас иногда получается так, что в составе партийных органов и в городе и в области оказывается значительное количество людей ненужных, которые и по своей партийной ценности не должны быть в руководящем составе. У нас страшно развито составление партийного комитета по принципу должностей. Раз человек занимает известную должность, он по своему положению должен быть членом партийного комитета. Больше того, даже сплошь и рядом, если перетаскивают человека из одной организации в другую, то секретарь обещает: мы тебя введем в партийный комитет. И вводят. Все это очень просто происходит, потому что с партийной организацией не считаются и протаскивают кого угодно. Кончить с этим надо.

Безусловно, у нас найдутся для состава партийного комитета в каждой организации достойные подходящие люди. Конечно, есть особые посты, как, например, секретарь партийной организации, председатель исполкома. Если он лишается политического доверия и не избирается в партийный комитет, это значит, что его надо снять с поста. Но таких две-три должности, а остальные только по должности вовсе не обязаны быть членами партийного комитета. А у нас это вошло в обычай. Это принижает значение руководящего партийного органа.

В проекте резолюции в отношении выборов сказано, что их надо провести до конца апреля. Я в большом смущении в отношении Украины. У нас началась весна. Конечно, мы будем во время весеннего сева проводить выборы в районах, но все-таки так интенсивно, целиком уделить этому делу внимание наверное не удастся. Придется продлить срок, особенно для областных и республиканских парторганов, хотя бы до конца мая. Я думаю, что это надо учесть. (Жданов. Станислав Викентьевич, после весны лето пойдет, а потом осень.) Нет, есть такой период работы, примерно месяца полтора, в мае, например, когда время более свободно. Этот период не совпадает по краям и областям, но май для Украины такой месяц, когда и областные конференции и республиканский партийный съезд можно провести. Но этого никак невозможно сделать в апреле. В апреле мы не в состоянии этого сделать. (Икрамов. Тов. Косиор, Средняя Азия тоже присоединяется. Жданов. Тов. Икрамов, тогда до выборов время останется мало, имейте это в виду.) Выборы по новой, Сталинской Конституции будут для нас большим испытанием и конечно, мы были бы последними чудаками, если бы мы подготовку к этим выборам начали тогда, когда надо объявлять выборы. Конечно, надо сейчас с самих себя начинать. Надо начинать с постановки всей партийной работы, потому что от этого зависит подготовка массовой работы. Сейчас надо начинать с самих себя и с тех щупальцев нашего партийного аппарата, которые должны влиять на избирателя в необходимом нам духе. Нужно начинать с себя, с критики тех серьезных недостатков, которые у нас в работе имеются, и эту нашу работу как можно скорее надо перестраивать.

Андреев. Слово имеет т. Хатаевич.

Хатаевич. Настоящий пленум ЦК ВКП(б) по важности поставленных на нем вопросов и внесенных предложений будет иметь чрезвычайно важное значение для судеб нашей страны и займет исключительно важное место в истории нашей партии. Здесь совершенно правильно поставлены в тесной связи вопросы нашего руководства массами и вопросы внутрипартийные. В докладе т. Жданова и в тезисах дано очень яркое, убедительное обоснование исключительной важности и огромного значения того поворота в нашей работе в массах, который должны мы сделать в связи с введением новой советской Конституции. Вырастает политическая активность всех групп и прослоек населения. Введение новой Конституции означает новый большой подъем этой активности. Наша задача состоит в том, чтобы все больше и больше содействовать повышению этой активности, обеспечить охват и руководство ею. Необходимо обеспечить, чтобы эта выросшая общественная и политическая активность широких трудящихся масс находила себе должное оформление и выражение под нашим руководством, чтобы она была полностью использована для все большего укрепления нашего строя. Опираясь на подавляющее большинство трудящихся, мы должны суметь дать полный отпор противостоящим нам немногочисленным группам, какие уже пытаются и будут пытаться использовать новую Конституцию для борьбы против советского строя.

Справиться с этой важной задачей можно только, если партия подымет свою боеспособность, если она укрепит внутри себя как следует свои партийные связи, подымет активность и сплоченность широких партийных масс.

Закрытое голосование внутри партии, выборы парторганов на основе закрытого голосования являются организационным обеспечением большевистской демократии и самокритики, которая сейчас нам особенно необходима. Без введения закрытого голосования развертывание самокритики неизбежно свелось бы сейчас к очередной кампании. Случилось то или иное событие, выявлен тот или иной недочет, тот или иной провал — и в связи с этим остро ставится вопрос о недочетах и ошибках и получается что-то вроде декадника или двухдекадника самокритики. Вносимые на этот пленум ЦК партии предложения о закрытых выборах в партии организационно обеспечивают, чтобы самокритика у нас была не кампанейской и эпизодической, не от случая к случаю, а критикой повседневной, проводимой

и обеспечиваемой изо дня в день во всей нашей работе. Закрытое голосование внутри партии обеспечит на деле ответственность и чувство зависимости выборных партийных работников не только перед вышестоящими партийными организациями, но и перед своими членами партии. (Постышев. Правильно.) Это на деле обеспечивает ответственность руководящих партработников перед партийными массами и дает гарантию нового большого подъема активности всех членов партии. В нынешней обстановке предложение о переходе внутри партии на закрытое голосование при выборах является чрезвычайно своевременным и должно быть всячески нами поддержано.

В тезисах по четвертому вопросу повестки дня пленума, по докладу т. Сталина дана небывалая острая критика тех серьезнейших недочетов, какие имеются в нашей внутрипартийной работе. Критика эта заострена и в первую очередь она направлена своим острием против нас, против областных партийных руководителей. Заострена эта критика против нас совершенно правильно. Нельзя критиковать вообще, нельзя допускать, чтобы критика была беспредметной. Надо критиковать конкретные ошибки и конкретных носителей этих ошибок, которые с небывалой остротой и ясностью вскрылись в тезисах т. Сталина. В первую очередь носителями их являемся мы, областные работники. Это, бесспорно, верно, что за последние годы у очень многих из нас притупилось большевистское чутье, что мы утратили,— хотя нет, это будет слишком крепко, вернее в нас ослабили многие чрезвычайно важные и ценные большевистские традиции и многие из нас потеряли вкус к партийной работе.

В 1928—1929 гг., если я приезжал на завод, то я в первую очередь бывал там на партийном собрании, в первую очередь интересовался там партработой, если я приезжал в деревню, я в первую очередь собирал партийцев и с ними толковал. А сейчас? (Постышев. А сейчас в первую очередь вызываешь председателя колхоза.) Да, главным образом, говоришь с председателем колхоза, с активом. Еще 4—5 лет тому назад я считал своей безусловной обязанностью раз в неделю бывать на собрании первичной парторганизации, а теперь я на собраниях первичной организации последний год не бывал. Бесспорно, правильно сказано в тезисах по 4-му пункту доклада т. Сталина, что у нас изрядно притупилось большевистское чутье и ослабили многие большевистские традиции и только поэтому враги и троцкисты сумели пролезть в самые важнейшие звенья нашего партийного аппарата, засорить наши партийные органы, нанести нам такой серьезный ущерб.

Перестраиваться так, как сказано в предложениях, которые вносятся на настоящем пленуме, будет для нас нелегко. Я о себе говорю, хотя я и не молодой партийный работник. Сильна у нас инерция старых навыков и приемов в работе, и преодолеть эту инерцию можно при большом нажиме сверху, и при большой критике снизу и при серьезном подходе нас самих к делу перестройки. Нужен психологический перелом в нас самих. Надо не болтать, а перестраивать на деле работу, и при этом так перестраивать работу, чтобы не было никакого ущерба для хозяйства, а впереди поставить партийно-политическую работу, впереди поставить непосредственную работу в массах, работу по поднятию боеспособности и активности членов партии, работу по укреплению живых связей сверху вниз и снизу вверх во всех звеньях нашей партии.

Вопросы жизни и содержания работы наших первичных парторганизаций, их правильного обслуживания должны занять сейчас значительно большее место в нашей работе. Мы зачастую многих из этих вопросов не знаем. Жизнь ставит очень серьезные вопросы перед нами, но мы их как следует не подняли. Ведь работа, содержание работы первичной парторганизации в значительной степени определяются ее составом, ее лицом. А состав первичной партийной организации у нас сейчас совсем иной, чем 4—5 лет тому назад. Почти пять лет у нас приема в партию нет. За эти пять лет у нас значительная часть коммунистов продвинулась вперед, выдвинуты мастерами, начальниками цехов, кончили всякие втузы, если говорить

о промышленности. Если говорить о сельском хозяйстве, то они выдвинуты на посты предколхозов, предсоветов и т. д., а другая немалая часть членов партии, процентов 30—35, осталась в том же положении и на той же работе, т. е. какое место они занимали в 1932 г., примерно такое же место занимают и сейчас, почти не продвинулись.

Это отчасти потому, что мы плохо работали по их воспитанию и выдвижению, но это не только зависит от плохой работы, многие не могут дальше расти и продвигаться, многие являются как бы ветеранами. Получился известный разрыв между членами партии, которые остаются на низовой производственной работе, и между теми, которые продвинулись на руководящие командные посты в социалистическом хозяйстве. Этот разрыв может быть восполнен теми огромными слоями новых кадров беспартийных большевиков, которых партия вырастила, воспитала, выковала за последние годы.

Партия за эти годы достигла величайших, славных побед в борьбе за укрепление колхозного строя, за подъем и дальнейшее укрепление нашей социалистической индустрии. В этой борьбе выявились и вокруг нас сплотились новые значительные слои передовых людей, стахановцев, многие из которых выдвинуты уже на руководящую работу и т. д. И вот, вопрос увязки работы наших первичных парторганизаций с этими кадрами непартийных большевиков, этого прекрасного, беспартийного актива, это очень серьезный, актуальный вопрос нашей внутрипартийной работы на сегодняшний день. Мы должны уделять очень серьезное внимание вопросам организации работы через беспартийный актив. Все стоящие перед нами большие задачи по улучшению работы в массах, по подготовке к выборам органов власти на основе нового избирательного закона будут разрешены с тем большим успехом, чем лучше свяжутся в работе наши первичные организации с кадрами непартийных большевиков. И именно в связи с этим мы должны поставить теперь очень остро вопрос о работе с беспартийным активом и о работе через него в массах, чтобы все задания и мероприятия партии проводить через этот огромный беспартийный актив, который мы вырастили.

Мы должны серьезно улучшить и расширить нашу агитационную работу в массах. Если взять нынешнее состояние и уровень нашей агитации, то надо сказать, что наш опыт работы в массах совершенно не отвечает тем требованиям, которые выдвигает перед нами современная политическая обстановка. У нас она, эта агитация, во-первых, слишком парадна, во-вторых, не говорит о трудностях и о многих вопросах, волнующих массы, она обща и нет в ней дифференцированного подхода к отдельным прослойкам трудящихся. На каждом заводе у нас есть рабочие старые и рабочие новые, есть молодежь, есть рабочие основных цехов, горячих цехов и есть рабочие подсобных цехов, есть рабочие дневных и ночных смен, есть рабочие, живущие в новых домах, есть рабочие, живущие в собственных маленьких домишках, есть рабочие, живущие в общежитиях, и есть очень немало рабочих, живущих еще в весьма тяжелых жилищных условиях. Есть кустари, домохозяйки, есть различные прослойки населения и в деревне. И надо в каждой из этих групп трудящихся вести отдельную дифференцированную работу. Наши партийные организации должны очень внимательно, очень чутко прислушиваться к вопросам, которые ставятся и возникают снизу, быстро реагировать на них и на основе этого строить свою работу. Недочеты, которые имеются, быстро исправлять и давать нужные ответы и разъяснения. К сожалению, мы такого подхода к делу не обеспечили в нашей работе ни в городе, а в деревне тем более.

Подготовка к выборам по-новому в Верховный Совет трудящихся и в органы советской власти на местах уже должна сейчас идти. Как она должна идти? Она должна идти таким путем, чтобы каждый день укреплять нашу связь с массами, каждый день поднимать и оформлять под нашим руководством активность масс, поднимать советскую самокритику снизу для того, чтобы люди ставили все вопросы, люди, болеющие за Советскую власть, выявляли недочеты различного рода, а мы устраняли их с тем,

чтобы на этой основе укреплять связь, доверие широчайших масс к нашей партии. С этой точки зрения, скажем, в деревне контроль снизу со стороны колхозников за проведением устава с. х. артели имеет, например, очень большое значение. Кончился сельскохозяйственный 1936 год, и колхозники в своих колхозах подводят итоги работы за год, заслушивают и проверяют соответствующие отчеты правления. В связи с этим они должны подвергнуть внимательной проверке работу своего колхоза, должны проверить выполнение устава сельхозартели, который является основой упрочения колхозного строя, следовательно, внутри колхоза в связи с этим должна быть развернута широчайшая активность, критика и самокритика со стороны самих колхозников работы своих колхозов и их выборных органов.

Хорошее проведение такой работы, внедрение на этой основе колхозной отчетности, выборности и самокритики является известной ступенькой к тому, чтобы проведение выборов в Верховный Совет трудящихся на основе новой нашей Конституции не дало нам таких сюрпризов и неожиданностей, вроде тех, какие случились в Северном крае. Подготовка на местах должна идти уже сейчас, мы должны нашу массовую работу всю развернуть. Мы должны агитацию нашу на этой основе наполнить значительно более высоким и ценным практическим содержанием. Мы должны обеспечить, широко развернуть для этого и обеспечить критику и самокритику внутри партии и в массах. Решения пленума ЦК сыграют тут колоссальную роль.

Самокритика должна базироваться на известной большей терпимости к высказываниям тех товарищей, которые исходят с нашей точки зрения, которые критикуют с точки зрения укрепления нашего строя. Врагам — решительный и беспощадный отпор, к тем, кто хочет опрокинуть наш строй, суровая большевистская нетерпимость, а к нашим людям — больше терпимости. У нас многие боятся высказаться потому, что боятся ошибиться. Ведь если он не так скажет, его так затюкают и разделают, что он на несколько лет закается выступать. (Жданов. В пассив, в пассив его.) Для того чтобы поднять активность масс и развернуть наше большевистскую критику и самокритику, мы должны обеспечить большую терпимость к нашим людям, чтобы они более смело и откровенно выкладывали наружу свои мнения, непонимания и недовольство.

Надо сказать откровенно, по-честному. Я скажу о самом себе. Я за последние годы многих вопросов о наших тех или иных недочетах, упущениях и о трудностях перед ЦК как следует не ставил, не сигнализировал в ЦК. Почему? Ну, понятно, я себя не причисляю к тем, кто боится, чтобы его там поругали за то, что он ставит неправильно те или иные вопросы. Но все-таки есть немного. (Каганович. Ты привык немного.) Немного привык. Но все-таки элемент боязни, что косо на тебя посмотрят, или боязни, что, может быть, неправильно ставить такой вопрос сейчас, что для партии это будет не полезно — это имеет место. А ведь при огромных успехах, которые мы имеем в нашей стране, мы имеем и трудности, о которых надо говорить. Если взять нашу печать, наши выступления и доклады, то в них мы мало говорим обо всех этих недочетах. А те, которые испытывают на себе эти трудности, у них поэтому создается известная такая холодность к нашим докладам. (Постышев. Это правильно.) Так вот, я хочу еще пару практических вопросов поставить.

По вопросу о перевыборах на основе закрытого голосования. Мы должны немедленно после пленума ЦК приступить к их проведению, а техника этого дела совсем не разработана. Техника тут сложная. Опыта проведения у нас в массовом масштабе таких выборов — нет. Надо возможно скорее технику разработать. В особенности, это важно для организации выборов в первичных партийных организациях. Если взять районные конференции, городские конференции и областные конференции, этот вопрос тоже не так прост. Затем такой вопрос: тайные выборы только ли в партийные комитеты или и делегатов на вышестоящие партийные конференции? Этот вопрос надо также уточнить. Я лично присоединяюсь к тому, что говорил т. Косиор, что надо несколько оттянуть

сроки окончания партийных выборов. Я за свою область не опасаюсь, мы сумеем увязать и сев весенний и перевыборы в партийных органах. Но большое отвлечение нашего внимания от вопросов сева, несомненно, будет, и все это пройдет не в таких выгодных условиях, как это должно вытекать из решений пленума, которые мы примем. Известное отвлечение будет. (Постышев. Хатаевич, эти перевыборы — это не те перевыборы, они затянутся, они время отнимут больше. Каганович. Не перевыборы, а выборы.) Они потребуют большего отвлечения нашей энергии. (Каганович. А главное, они могут провалиться.) Обязательно провалят кого-нибудь.

А н д р е е в. Слово имеет т. Калинин.

К а л и н и н ². * Товарищи, мы обсуждаем вопрос, как партийные организации должны готовиться к выборам. И вот т. Эйхе здесь говорит, что, дескать, нужно было бы поскорее иметь избирательный закон. Между тем всем известно, что избирательный закон будет обсуждаться на сессии ЦИК Союза, проект закона подготавливается. Но ведь избирательный закон касается выборов только в Верховный совет Союза. (Эйхе. Вот мы просим, чтобы вы нас привлекли для этого дела.) Я думаю, что т. Эйхе напрасно думает, что избирательный закон даст ему полную ориентировку в подготовке к выборам. Ведь Конституция РСФСР дает вам все *. Она только не дает ответа на вопрос, будут ли округа в пределах республики или в пределах области. (Мирзоян. От округа может быть один кандидат или будет допущено выставление 2—3?). Я говорю о том, что в проекте намечается, что округа будут ограничены пределами области, т. е. округа не будут выходить за пределы области. Но ведь это только намечается. Проект будет внесен на сессию, там будет рассматриваться и возможно подвергнется изменениям. Но надо полагать, что округа будут в пределах области. Так что если партийные организации готовятся к выборам в Верховный Совет, они обязаны округа наметить у себя. (Любченко. Что будет в пределах области?) Округа. Я уже сказал, что округа не выходят из пределов области. Понятно вам это или нет? (Голоса с мест. Понятно! Любченко. Их может быть несколько?) Не только может, а должно быть несколько, ибо Конституция говорит, что каждый округ состоит из 300 тыс. избирателей.

Будет ли голосование по всей области одним списком? Если в области есть 6 округов, так будет ли в этой области голосование одним списком для всех этих округов? Этого не будет. В новом избирательном законе предполагается, что это будет только в одном округе. Каждый кандидат выставляется только одним округом и голосуется в этом округе отдельно. Иначе говоря, французская система выборов. (Постышев. Это ясно теперь, тут французов много. Веселое оживление в зале). По этому вопросу большой спор идет. Конечно, удобнее, если бы в каждой области или в небольших республиках Союза шло голосование по одному списку. Но это не пройдет. В соответствии с этим предполагается, что и кандидаты будут голосоваться только в одном округе. (Косиор. Это очень важная штука.)

Товарищи, ведь вы же сами понимаете, что мы по решению съезда должны внести свой избирательный закон на сессию. Поэтому, когда вы говорите, почему не готов избирательный закон... (Косиор. Мы не говорим этого.) Вот Эйхе говорит. (Косиор. Что же ты на нас кивашь? Голос с места. Михаил Иванович не любит самокритики. Веселое оживление в зале.) Нет, наоборот, я очень за самокритику стою. (Голоса с мест. Правильно, правильно!) Если быя не любил самокритики, я бы не выступил с этой трибуны. Правильно, что товарищи говорят о подготовке к выборам. Подготовка эта выражается в том, чтобы провести работу по советской линии: разделить территорию каждой области на округа, создать центр, который будет руководить избирательной кампанией в округе, подкрепить этот центр партийно. (Голос с места. Что, что?) Я говорю, что, например, ваш Кременчуг будет избирательным округом, центром избирательного округа. По-видимому, в большинстве случаев, центром избирательного округа будет большой город, но есть такие места,

где избирательный округ будет находиться в непромышленном местечке. Вы сами понимаете, что трудно товарищам из районного центра руководить избирательной кампанией в большом округе. (Эйхе. Вот я об этом и говорил.) Не думайте, т. Эйхе, что работа в этом направлении не идет. Мы имеем целый ряд проектов, предложений с мест о подготовке к избирательной кампании.

Помимо этого у вас еще большая работа — вы делаете округа союзные, у вас должны быть еще округа РСФСР'овские. Они меньше союзных округов. Вы должны будете сочетать округа союзные с республиканскими округами: у нас 200 тыс., у них 300 тысяч. Это большая трудная работа географическая. Но это работа не только географическая работа, но и политическая. Значит, надо так сделать, чтобы эти округа сделать там, где партийная организация сильнее. Надо принимать во внимание территорию, но надо принимать во внимание и партийную организацию. Вот эта подготовка к выборам, она носит характер организационно-технический, но это в то же самое время и глубокая партийная работа. Поэтому я считаю, что подготовку к выборам, подготовку организационно-техническую надо связать с глубокой политической работой. Я прямо должен сказать, что от вас зависит эту внешне-техническую работу наполнить политическим содержанием. Это большая работа. Я считаю, что это большая работа по выборам, она будет еще труднее на местах. (Косиор. Правильно.) Здесь сюрприз в округе — это частностью явится для общих выборов. (Косиор. Производное от местного). Производное. А вот выборы уже в районах, там имеет большое значение индивидуальное голосование непосредственно. (Косиор. Нужны избирательные участки). Избирательные участки у нас предполагаются в 2 тыс. человек.

Я же вам говорю, что все эти вопросы будут разрешены, когда будет обсуждаться проект, тогда вы будете говорить. Опубликовывать раньше проект нет оснований. Обсуждаться проект, очевидно, будет на сессии, и вы тогда внесете свои поправки. (Буденный. А если разослать раньше?) А как же мы будем рассылать неутвержденный проект? (Эйхе. Только партийным организациям). Это можно. (Постышев. Это будет не вредно). Если Эйхе, Постышев и другие захотят получить проект, так они же всегда его получают. Неутвержденных Конституций мы столько роздали в копиях, а ведь у нас утверждена только одна Конституция — Якутская. Так что весь материал вы всегда можете получить. Все это можно разослать. (Берия. Надо разослать. Любченко. И своевременно.)

Все это можно разослать, но я вам говорю, что это не помощь — Конституция РСФСР одно, а Конституция Украинской республики другое. Будет схема горсоветов, райсоветов. У нас в выборном законе там не будет точного перечисления, там будет схема. Выделены только будут Ленинград и Москва, так как эти города по своей величине выделяются, в этих городах меньшим количеством депутатов, увеличим количество людей, от которых идет депутат, а все остальное вы будете проводить на месте. Поэтому я считаю, что подготовка к выборам не только организационно-техническая, но и сугубо политическая. Имеете ли вы к этой подготовке возможности? Вот Эйхе пришел сюда и хотел свалить: нет выборного закона. (Эйхе. Это зажим, Михаил Иванович.) Конечно, я вас зажимаю. Я считаю, что вы имеете все возможности для полной подготовки.

У нас были выборы в советы. У нас было большое количество запросов — можем ли мы при выборах в советы переизбирать райисполкомы и т. д. Я им говорил: товарищи, как же вы ко мне обращаетесь, обратитесь к старой Конституции, она дает полное право, но меня бесконечно запрашивают. Я обратился в ЦК, мне сказали там, что есть старая Конституция, т. е. то, что я раньше сказал товарищам. Ведь новая Конституция что говорит? Что руководство, власть должны руководствоваться законами. Мне кажется, что вот одна из главнейших задач местных органов власти и в особенности партийных организаций при подготовке выборов, — я снова повторяю свою мысль, — сейчас нужно не тянуть, а заняться организационной технической подготовкой

и в эту организационно-техническую подготовку влить политическое содержание. Это будет большой работой, которая даст большие результаты.

А н д р е е в. Слово имеет т. Хрущев.

Х р у щ е в ³. Товарищи, вопрос, который мы обсуждаем по докладу т. Жданова о подготовке к выборам на основе новой, Сталинской Конституции и соответственно о перестройке нашей партийной работы и общественной работы наших массовых организаций, сейчас стоит очень остро также и перед Московской организацией. Вопрос оживления: в связи с большой активностью, которую мы имеем на предприятиях, в колхозах, в учреждениях, среди рабочих и служащих, мы имеем, безусловно, оживление некоторых враждебных групп и в городе и на селе. У нас в Рязани не так давно выявлена эсеровская группировка, которая также готовится, что называется, сейчас уже, к выборам на основе новой Конституции. Руководитель этой контрреволюционной группировки эсер Остапченко, он здесь развивает свою мысль. В подготовке к выборам занимается вербовкой людей, указывает, какими путями нужно добиваться того, чтобы протаскивать своих людей в райсовет, сельсовет, колхозы с тем, чтобы оттуда вредить и вести антисоветскую контрреволюционную работу. Он разрабатывает и дает указания своим людям, как можно вести подрывную работу против коммунистов, дискредитируя, проваливая их на выборах с тем, чтобы протаскивать свои кандидатуры.

Товарищи, вопрос массовой работы, вопрос выборов, выборности наших органов, вопрос борьбы с кооптацией, вопрос отчетности, отчетов перед членами партии, отчетов членов Моссовета, райсоветов и сельсоветов перед своими избирателями, — это вопросы исключительной важности и особой остроты в настоящих условиях. Как по Московской организации и областной и городской обстоит дело с кооптацией. Тов. Жданов здесь назвал среднюю цифру по Московской областной партийной организации в 17% кооптированных людей в составе руководящих партийных органов. Если взять Московский областной партийный комитет, то мы за этот период времени имеем кооптированных четыре человека. В городском партийном комитете Московском мы имеем одного кооптированного в составе городского партийного комитета, так как у нас проходило районирование. (Г о л о с а с м е с т. Одного кооптированного? Вот это дело. А в области четырех?) Четырех. (Г о л о с а с м е с т. Тоже здорово. Устойчивая власть.) Устойчивая. Товарищи, я должен сказать, что четырех человек, товарищи говорят, мало. (О б щ и й с м е х. К а г а н о в и ч. Извиниться придется, что так мало. В о р о ш и л о в. Здесь сказала близость Центрального Комитета.) Тов. Ворошилов, здесь мне говорить об этом, в данных условиях, не к лицу и было бы, пожалуй, неправильно. (Г о л о с с м е с т а. Все-таки пример. К а г а н о в и ч. Из общей компании опасно выделяться. Г о л о с с м е с т а. Нарушение традиций партийной организации.)

Я считаю, что мы, безусловно, имели бы возможность не допустить и этого. Из четырех кооптированных... (Б е р и я. А кто они эти четыре кооптированных, нельзя узнать?) Могу сказать. (К о с и о р. Зачем? Это никому не нужно.) Из этих четырех необходимо было кооптировать одного т. Филатова — председателя облисполкома. (Г о л о с с м е с т а. Остальных не надо?) Заведующих отделами Московского комитета, секретаря областного комитета комсомола т. Ильинского — замечательный большевик. Но я считаю, что, безусловно, можно было бы не кооптировать и можно было бы ему работать и пользоваться поддержкой Московской партийной организации, не состоя членом Московского комитета. (Ш у м. К о с и о р. Пока его выберут. Г о л о с а с м е с т. Правильно.) Также и по Московскому городскому партийному комитету. По районным партийным комитетам города Москвы у нас не так давно были выборы. У нас сейчас имеется семь человек кооптированных. Большинство случаев падает на кооптацию заведующих отделами районных партийных комитетов. У нас сложилось некоторое такое понятие, что если утверждают его заведующим отделом, то он должен обязательно в неменьшей степени быть членом районного партийного комитета, а когда он идет на эту работу, он зондирует почву, как бы

его избрали членом бюро или кандидатом. Это — неправильная такая претензия и наш неправильный взгляд и отношение к этому делу.

Товарищи, мы имеем значительное количество нарушений выборности наших партийных органов в районах области: в Алексинском, Арсентьевском, Верейском, Дедиловском районах, где мы имеем в составе районных партийных комитетов кооптированных людей. Эта кооптация даже имеет место и в составе партийных комитетов, где это особенно недопустимо и ничем это не вызывается. (Жданов. Никита Сергеевич, хорошо, что мы с вами райкомы переизбрали в прошлом году!) Это хорошо, потому что мы уменьшили количество первичных организаций. У нас в районах городских было 600 первичных организаций, нужно представить себе трудности в работе секретарей районных партийных комитетов. Чтобы сейчас руководить, нужно прежде всего знать руководителей, которые обеспечивают проведение партийной линии в первичных партийных организациях, и как они работают в этой организации. Если секретарь районного партийного комитета не знает персонально секретарей первичных организаций и если он с ними не встречается, следовательно, он не может по-настоящему, по-большевистски руководить.

Поэтому нам большое облегчение было, когда мы провели реорганизацию и провели вместо 10 районов г. Москвы — 23 района. Хотя и сейчас у нас отдельные районы насчитывают более 300 первичных организаций. Это очень большое количество первичных партийных организаций. У нас сейчас имеется такое явление — некоторая распыленность партийных организаций. Там, где три человека членов партии, согласно устава, создается уже первичная партийная организация. Огромное количество торговых организаций, огромное количество промкооперативных артелей, где имеется небольшое количество членов партии и где создаются эти первичные партийные организации. И не всегда районный партийный комитет в состоянии справиться с этой огромной сетью, которая имеется в его районе. Поэтому мы имеем в этой области также большие трудности. Это особенно относится к Московской городской партийной организации.

Товарищи, о работе советских органов — Московского совета, Московского облисполкома и райсоветов я должен сказать со всей откровенностью и вскрытием этих недостатков о запущенности массовой работы в наших советских органах, которую мы имеем по Москве и по Московской области. Перед пленумом ЦК партии, когда организовали проверку, как же идет массовая работа, как идет учет членов Моссовета, членов районных советов, то оказалось, что после и благодаря районированию города Москвы мы пошли по линии создания райсоветов, выделения, разделения членов районных советов, согласно вхождения того или иного предприятия в тот или другой район. Но не проследили за этим делом, а на деле получилось совершенно иначе. Помимо того, что прошло совершенно правильное разделение, чтобы не производить сейчас общих перевыборов членов райсоветов. Следовательно, если депутат Сталинского района не входит в состав Пролетарского района, рабочий, депутат Сталинского совета входит в тот район, в который входит и его предприятие. На деле получилось, однако, некоторое извращение. Например, рабочий работал на заводе № 1, он был членом райсовета Красной Пресни. Он рассчитался и поступил на завод им. Сталина. Этот завод находится в Пролетарском районе. Следовательно, получилось буквально бухгалтерское списывание: этого члена райсовета Красной Пресни, где его избирали, его переписывали в состав райсовета Пролетарского района. Это совершенно недопустимая вещь, перевод из баланса на баланс. Это же можно так имущество списывать, но нельзя поступать так с живыми людьми, да еще с выборными людьми. (Смех. Косиор. Это даже остроумно.) ...остроумно, но не умно. И поэтому, несмотря на остроумие в кавычках, и так как это неумно, я и считаю необходимым сказать это на пленуме ЦК партии, чтобы такого остроумия больше не проводилось. (Голос с места. Это тоже правильно.)

Возьмем сейчас работу райсоветов, работу Моссовета, облисполкома. Я не знаю, я не могу говорить о других городах, как у них. К сожалению,

мы находимся в таких условиях, когда не всегда имеем возможность использовать опыт других городов. Другие товарищи, приезжая к нам в Москву, имеют эту возможность, мы же не знаем, как у других. (Б е р и я. Мы просим вас приехать к нам.) Спасибо за приглашение, т. Берия, но я хочу сказать о наших недостатках в работе. Вот взять Моссовет, огромное хозяйство с капиталовложением до полмиллиарда, огромная работа по реконструкции города Москвы. Поэтому, товарищи, естественно складываются сейчас такие условия, что руководящие работники, председатель Моссовета, заместители, если критически говорить, то во всяком случае их работа больше похожа на директорскую работу, чем на работу председателя выборного органа.

Почему это так? Потому, что мы еще слабо, видимо, организовали работу наших хозяйственных органов: строительного управления, трамвайного треста, треста строительства канализации, дорожного строительства и других строительных организаций. (Б е р и я. Трест зеленых насаждений.) Да, товарищи, зеленые насаждения для города Москвы имеют тоже большое значение. (Б е р и я. Для всех также.) Оттого, что мы рубим деревья, т. Ярославский, мы рубим там, где надо, для того, чтобы перестроить город Москву, чтобы это была столица, а не деревня, и чтобы покончить с мнением, что Москва — это большая деревня. Надо, чтобы Москва была настоящим первоклассным столичным городом. (Г о л о с а с м е с т. Правильно.)

Это относительно рубки деревьев, т. Ярославский, потому что вы это сказали и я получаю письма, а также некоторые слезы в жилетку в кулуарах. Я пользуюсь случаем на пленуме ЦК сказать, что это неправильно. Нельзя город Москву улучшать и бояться скосырнуть какое-нибудь дерево, церквушку или снести какой-нибудь хлам. (Г о л о с а с м е с т. Правильно. Каганович. Автомобили по бульварам пускать трудно, а количество автомобилей по Москве все увеличивается.) Этот вопрос у нас на пленуме Моссовета будет стоять в ближайшие дни, где мы обсудим вопрос и развернем разъяснительную работу более широкую и глубокую, чтобы каждому было понятно, почему необходимо рубить некоторые деревья в городе Москве. (Г о л о с а с м е с т. Правильно.) Следовательно, товарищи, нам это надо учесть сейчас, тем более что мы будем строить работу на основе новой, Сталинской Конституции.

Нам надо усилить нашу организационную работу, работу с депутатами. Нам надо собирать депутатов, вовлекать их в активную работу Моссовета, райсоветов. Этим делом нужно заниматься членам президиума Моссовета и райсоветов. У нас в этом отношении также имеется очень много недостатков. Работа больше всего лежит на плечах заведующих отделами, которым специально поручено этим делом заниматься. И до сих пор руки не доходили у тех людей, которым нужно этим заниматься в первую голову. Нужно сейчас исправить этот недостаток. Вопрос приема людей в советских органах, в Моссовете, в райсоветах. Вопрос разбора жалоб и ответа на жалобы. Мы сделали проверку. Другой раз идет так: поступила, к примеру, тысяча жалоб, идет учет, из них рассмотрено столько-то процентов, удовлетворено столько-то. Но если посмотреть, что это за удовлетворение разбора этих жалоб, то получается, что рассмотрения почти никакого нет. Какой-нибудь отдел посмотрит и пишет, что письмо направляется туда-то для разбора и принятия мер. Это только пересылка, а не ответ по существу. Ведь человек пишет, затем ждет не дожидается, когда получит ответ, и в результате — настоящий ответ он не получает по существу этого вопроса. Это только формальная отписка. Сейчас, товарищи, когда у нас на новой основе будут проводиться выборы, когда еще выше возрастет активность масс, и этому мы будем всемерно содействовать, такая форма работы не годится, по существу, от нее надо отказаться, работу нужно перестраивать.

Товарищи, я хочу сказать несколько слов о первичных партийных организациях. Как у нас обстоит дело? Здесь т. Косиор уже по этому вопросу говорил, я хочу, хотя, может быть, будет повторением, сказать, как обстоит дело в первичных организациях. Товарищи, подготовки к партий-

ным собраниям не чувствуется, нет той ответственности, которая требуется. Резолюции, к примеру. Готовится резолюция. Выходит на партийное собрание с резолюцией партийный комитет и предлагает. Если выступают люди с дополнением к этой резолюции, нет такого суда, что надо выступить, если в резолюции несуразные вещи. Нет такого положения, чтобы выступить, внести предложения, дополнения. Партком же спокоен, что в основном резолюция большевистская, в основном резолюция правильная, а поправки, мол, дополнения, это не важно. Что касается в части поправок, замечаний и дополнений, то это поручается партийному комитету или какому-нибудь органу. (Жданов. Учень.) Учень в дальнейшей работе, уточнить. Но тот, кто вносил дельное предложение, не знает, принимается это предложение или нет. Тот, кто вносил неправильное предложение, против которого нужно возражать и на этом деле воспитывать партийную организацию, беспартийных рабочих и служащих,— это не делается. Неправильно. Надо перестраивать нашу работу. Нужно больше быстроты в этой работе.

Теперь, товарищи, насчет отчетности. Партийные собрания, беспартийные рабочие собрания принимают резолюцию. Человек участвует в этом собрании, вносит свое дополнение или предложение, и после этого оно как в воду кануло, ответа нет, нет такого порядка, чтобы на следующем собрании или через какой-то промежуток времени выступить на этом партийном собрании или беспартийном и сказать, что такой-то т. Попов вносил такое-то предложение, говорил о таких-то безобразиях, мы разобрали это дело, рассмотрели и вот результаты. Тогда, конечно, другое дело будет. Тогда будет повышаться заинтересованность и будет настоящая активизация у членов партии и беспартийных. Будут более оживленно проходить наши собрания. И это будет проникнуто еще высшей боеспособностью партийной организации, будет укреплять авторитет партийной организации среди беспартийных.

Вот, товарищи, вопрос работы цеховых партторгов, группторгов, вопрос инструктажа, цехгруппторгов — плохо это дело поставлено, товарищи, у нас. Таким образом мы имеем огромную разветвленность наших партторгов на предприятиях и в результате слаба работа с ними. Среди них мы не работаем, не используем всех возможностей, которые мы имеем на предприятиях.

Я считаю, товарищи, что предложения по докладу т. Жданова, которые розданы членам ЦК, которые будут приняты, эти предложения, безусловно, правильные, и они еще лучше заставят нас работать, лучше организовать нашу работу и в партийных организациях, и среди беспартийных рабочих и служащих, и тем самым мы добьемся, безусловно, еще большего повышения авторитета наших партийных организаций и сможем более успешно бороться с извращениями и бороться с врагами, которые вредят нам, сидя в той или иной партийной организации, в том или ином беспартийном органе.

А н д р е е в. Слово имеет т. Мирзоян.

М и р з о я н. Тов. Жданов в своем докладе правильно подчеркнул, что в связи с предстоящими выборами по новой системе наметилось большое оживление работы враждебных элементов почти во всех областях и республиках. У нас, мы знаем на опыте нашем, особенное оживление проявляют такие враждебные элементы, как попы и муллы. Эти элементы проявляли особенно большую активность по линии открытия мечетей, причем в некоторых местах нашей южной области удалось даже под влиянием этих элементов открыть снова мечети. Кое-где они развернули работу даже за строительство новых мечетей, и надо сказать прямо, что нашлись даже целые колхозы, которые поддавались агитации этих элементов, поддерживали их. К сожалению, наши партийные организации оказались застигнутыми врасплох, прозевали начальный период развертывания этой активной, враждебной агитации попов и мулл. Партийные организации не сумели у нас во всеоружии встретить активизацию враждебных элементов.

Характерно, что особенно большую работу развертывают эти реакционные и враждебные элементы вокруг старых, больших и известных

в мусульманском мире мечетей. У нас есть такой город Туркестан. Там существует старая мечеть — «Казрет Султан» — чуть ли не несколько сот лет тому назад построенная. Вокруг этой мечети особенно большую работу они развертывают. (Постышев. А вы ее сломайте, тогда и не будут.) Мы, т. Постышев, не сломали эту мечеть, сохраняли ее, как большую историческую ценность. Ведь существует даже специальный комитет памятников старины, который следит и бережет эту мечеть. И вот мы берегли ее, как памятник старины, а теперь этот памятник старины стал центром религиозной большой работы не только в Казахстане, но почти во всей Средней Азии. У нас есть сведения, что из Ферганы, Туркестана, Таджикистана приезжают туда почти группами колхозники. (Вопрос с места. Где Бухара?) Очевидно, и в Бухару едут. Говорят, что в старое время эта мечеть имела большое значение, и верующие люди, которые не в состоянии были ездить в Мекку, ездили сюда, чтобы получить звание хаджи.

Все это говорит о том, что наши партийные организации не сумели понять значение того огромного поворота, о котором говорит проект резолюции, и те задачи, которые Конституция выдвигает перед партийными организациями, чтобы и соответственно с этими задачами перестроить свою работу и работу советов. Кстати сказать, надо отметить, что работа городских и сельских советов является у нас наиболее слабым участком. Это не только специфическое казахстанское явление. Как видно из выступлений других товарищей, работа советов, особенно массовая работа советов, очень слаба. Очевидно, общепризнанный факт, что председатели райисполкомов и горсоветов — это своего рода директора МТС, начальники строительных трестов, преимущественно хозяйственные работники, и меньше всего организаторы масс, организаторы борьбы против реакционных и враждебных элементов. Такую же активность мы наблюдаем и со стороны русского духовенства. В Казахстане ведь солидное русское население, особенно казачье население. Вот среди казачьего населения за последнее время такие имеются факты оживления этой работы. В Гурьеве были даже попытки организовать крестный ход, причем наши партийные организации настолько были застигнуты врасплох, не знали, что им делать, и вместо принятия действенных организационно-политических мер начали нас спрашивать: как, мол, быть? Это факт, товарищи. (Берия. А чем закончилось это, крестный ход состоялся все же?) Конечно, крестный ход не состоялся, сорвали, не дали организовать. Чрезвычайно характерно, что в целом ряде мест духовенство так ловко подделывается под советский лад, что частенько разоружает наши отдельные первичные организации. У нас был случай, когда в церквях и мечетях выступали с докладами о новой Конституции, говорили относительно великого значения Конституции и т. д. Есть даже такие факты, когда поп выступает с такой проповедью: «Богом хранимую страну нашу и правительство ея, да помянет господь в царствии своем».

Я это, товарищи, привожу, чтобы показать, как попы и муллы пытаются усыплять бдительность наших людей. Кое-где наши товарищи думают, что раз в Конституции имеется пункт о свободе совести, то и попы будут вести работу. Я подчеркиваю, что на первых порах это застигло врасплох наши организации. Однако за последнее время наши организации значительно подтянулись. Этот вопрос был предметом специального обсуждения на пленуме крайкома. Наши партийные организации начали перестраиваться на ходу и сейчас уже развернули соответствующую работу против этих элементов.

Совершенно правильно проект резолюции отмечает, что партийные организации смогут возглавить этот большой поворот в жизни советского государства и в работе наших партийных организаций и встретить во всеоружии попытки враждебных элементов только в том случае, если сами партийные организации сумеют решительно преодолеть недостатки, существующие в партийной работе, сумеют перестроиться и обеспечат проведение последовательной демократической практики в работе партийной организации. Могут ли наши партийные организации ликвидировать такие,

скажем, недостатки в партработе, как кооптация, ликвидировать такие нарушения устава партии, принципов нашей партийной работы и внутривнутрипартийной демократии? Ликвидация этих недостатков целиком и полностью зависит от нас. У нас, как и в других организациях, немало недостатков, может быть, даже больше. Тов. Хрущев рассказывал, что в Московский комитет кооптирован только один товарищ, а в областной комитет — четыре. Мы, конечно, не можем похвастаться такими данными. У нас гораздо больше кооптированных.

У нас не только в областных, городских, но и в краевом комитете партии количество кооптированных доходит до двух десятков и больше человек. У нас есть областные комитеты партии, где бюро почти все кооптировано. Тут т. Жданов указал на наш Семипалатинский горком партии, но даже в такой крупной организации, как Риддеровская, партийный комитет тоже имеет немалое количество кооптированных людей. Правда, за последний год практика кооптации значительно сократилась, особенно после того, когда ЦК ВКП(б) в своих указаниях на заседании Оргбюро, в ОРПО ЦК подверг резкой критике нас за эти недостатки. Ее, конечно, можно и нужно полностью ликвидировать. Но мне кажется, что ликвидация практики кооптации — одновременно ставит перед нашими партийными организациями и ряд других задач.

Из-за чего, главным образом, происходит кооптация в наших партийных организациях и за счет кого мы проводим кооптацию? Если взять райкомы и горкомы, то там кооптация производится, главным образом, за счет руководящих работников райкома, за счет директоров МТС, директоров совхозов, начальников политотделов, начальников райЗУ и т. д., т. е. в силу того, что происходит у нас быстрая передвижка работников, люди не закрепляются, подолгу не сидят... (К а л и н и н. Мягко выражаясь.) Совершенно правильно, мягко выражаясь. А на места этих людей приходят новые работники, поэтому райкомы и горкомы вынуждены бывают их кооптировать. (М и к о я н. Сами не сидят?) Конечно, они сами не виноваты, а виноваты мы. Мы их передвигаем, перебрасываем... (Ж д а н о в. И вместе с должностью переезжает и членство комитетское. Ш к и р я т о в. Правильно, как раз это и есть.) Так установилось. Это верно. (К о с и о р. Вагонами едут. Ж д а н о в. Кочующие комитеты.) У нас есть даже и в прямом смысле слова кочующие комитеты, вроде нашего Сарысуйского райкома. (К о с и о р. Но в данном случае речь идет не про этот комитет.) Я знаю, что кочующие комитеты получаются в силу того, что часто снимаем и перебрасываем работников.

Поэтому я и хочу сказать, что ликвидация практики кооптации ставит и такой вопрос, как подбор людей и закрепление их на местах, как ликвидацию практики частой сменяемости, частой переброски работников, закрепление работников на более длительные сроки. Это необходимо даже с точки зрения выборов советских органов по новой Конституции. Ведь по новой Конституции мы будем выбирать не только Верховный Совет Союза, но Верховные Советы республик, Советы трудящихся областей, городов, районов и т. д. И если у нас директор МТС, секретарь райкома, председатель райисполкома, его зам, заведующие отделами райисполкома не будут закреплены на длительные сроки, чтобы они знали районы, рабочих и чтобы их знали хорошо, то, конечно, тут у нас могут быть большие провалы.

Бесспорно, что враждебные элементы будут развивать большую работу, чтобы очернить наших работников и выставить угодные им кандидатуры, главным образом, в первичные советы, в районные советы и в городские советы депутатов трудящихся. Труднее будет им выдвигать своих людей в Верховный Совет и даже в Верховные Советы республик, но в районные, особенно в сельские, городские советы, они, конечно, будут пытаться выдвигать своих людей. Мы имеем уже ряд фактов, когда враждебные элементы из остатков бывшего кулачества и духовенства, особенно мулл, ведут среди отсталых групп работу и готовятся к выборам. Во время переписи, например, были случаи, когда муллы и попы обходили дворы и предупреждали население, чтобы в графе о вероисповедании писать:

верующие, ибо, опираясь на эти данные, им легче будет потом требовать открытия мечети, им легче будет собирать своих людей и т. д. Ясно, что с этими элементами надо вести решительную борьбу, но это легче будет сделать, если мы уделим особое внимание подбору людей в районах и закреплению их на длительные сроки.

Несколько слов относительно районных партийных собраний и партийных активов. Тов. Жданов правильно говорил, что роль этих партийных собраний значительно снижена. Партийные собрания несколько оживились только за последний период, особенно в связи с введением в практику нашей работу созыва общерайонных партийных собраний. Там, где нам удалось действительно обеспечить проведение этого указания ЦК партии о созыве общерайонных партийных собраний с постановкой отчетов и докладов секретарей райкомов партии, там мы имеем некоторое оживление партийной работы, некоторое ее улучшение. Но в основном уровень партийных собраний еще недостаточно высокий. В основном роль партийных собраний еще невысока. То же самое положение и с созывом партийных активов. На мой взгляд, один из самых больших, коренных недостатков наших партийных собраний и партийных активов заключается в том, что на этих собраниях и активах установилась вредная традиция — не принимать почти никаких конкретных решений. Решения носят слишком общий характер. Больше всего на партийных активах ограничиваются принятием приветственных телеграмм в адрес той или иной организации, а дополнительные конкретные предложения, которые вносятся тем или иным товарищем, обычно передают в бюро райкома или горкома партии.

Поскольку т. Жданов говорил здесь о самоотчетах и ссылаясь на Казахстан, я хочу остановиться на этом вопросе. Одно время в Казахстане эти самоотчеты как форма партийной работы действительно применялись достаточно широко. Были даже случаи, когда в такой рабочей организации, как Риддеровская, в течение 2—3 месяцев проводили самоотчеты сплошь всех коммунистов. Вполне понятно, что самоотчеты носили формально-бюрократический характер. (Любченко. Даже слушали самоотчет секретаря.) Возможно, и секретарь отчитывался, там это не так трудно было. Но эта форма партийной работы настолько была забюрократизирована, что по существу потеряла всякий смысл и значение. Мы на пленуме крайкома после того, как нас поругали по этому вопросу в ЦК при сдаче итогов обмена партийных документов, пришли к тому выводу, что эта форма партийной работы отмирает и идет, по существу, на нет. Поэтому мы не пытаемся оживить эту форму нашей партийной работы.

Я согласен с товарищами, которые подчеркивали, что агитация является самым заброшенным участком. Если в низовых партийных организациях многие вопросы ставятся и обсуждаются, то среди широких беспартийных масс эти вопросы мы обсуждаем мало. Наши районные и областные руководители не выступают на небольших колхозных собраниях по тому или иному важному вопросу. Им обязательно подавай большое собрание, где присутствует тысяча человек, чтобы была торжественная обстановка и т. д. Случай выступления руководящих работников на колхозных собраниях в 100—150 человек крайне редки. Установилась такая практика, когда наши руководители, приезжая в колхоз, заходят в правление колхоза, вызывают председателя, заведующего фермой, бригадиров, говорят с ними по хозяйственным делам и уезжают. И очень редко бывает, когда они соберут колхозников и колхозниц и поговорят с ними по интересующим их вопросам. По этому вопросу мы тоже наметили ряд мероприятий на пленуме краевого комитета партии, и после решения ЦК, который очень остро ставит эти вопросы, нам, очевидно, удастся обеспечить коренной перелом в практике нашей работы.

Последнее — относительно сроков выборов. Я хочу поддержать т. Косиора относительно удлинения сроков. У нас условия во многом отличаются от других республик, нам тяжелее будет, чем кому бы то ни было, даже по сравнению с нашими соседями, организовать в такой короткий срок выборы партийных организаций вплоть до областных конференций

и республиканского съезда. Если не для всех организаций, то во всяком случае для некоторых организаций, как, например, для нашей, нужно продлить срок, разрешив закончить всю работу по новым выборам в конце мая, тем более что нам предстоит еще провести съезд советов. Я прошу учесть это и дать нам возможность закончить выборы партийных органов по новой системе в конце мая.

А н д р е е в. Слово имеет т. Попок.

П о п о к. Кооптация, нарушение сроков выборов и назначенство оказались довольно распространенными явлениями во всей партии. Это лучше всего подтверждает то, что неоднократно подчеркивалось во время обмена и проверки партдокументов, — устав партии оказался в значительной мере опрокинутым. Основная причина четко сформулирована в докладе т. Жданова и с ленинско-сталинской резкостью и полнотой отмечается в резолюции по докладу т. Сталина — это увлечение хозяйственной работой и отход от партийно-политической работы. Это характерно именно для всех партийных работников, именно это обстоятельство привело к тому, что: «Вместо демократического централизма получился, таким образом, бюрократический централизм». У нас, по сути дела создалось такое положение, что для выборности времени не оставалось, для проведения пленумов партийных комитетов не было времени. Пленумы переносились с одного срока на другой, то посевная мешает, то горючего нет, то другое, то третье. Хозяйственная текучка съедала нормальную внутривнутрипартийную жизнь.

Сейчас удивляешься и кажется странным, как все это могло получиться. Здесь Косиор и другие товарищи ставили вопрос о том, что надо было бы перенести сроки партийных конференций на месяц, на два. Я тоже думал, что в особенности в Туркмении, где бездорожья не меньше, чем в Казахстане, трудно будет провести выборы в такой небольшой срок, и как будто бы, логически рассуждая, это должно помешать посевной. Но, мне думается, можно будет совместить, сочетать одно и другое, посевную с выборами парторганов, если правильно поставить вопрос о распределении партийных обязанностей между партийными и хозяйственными органами. (М и р з о - я н. У нас территория больше.) У вас территория больше, но и людей больше. Дело не в этом. Не надо проявлять колебаний и чрезмерной осторожности, а надо искать и найти организационные формы, чтобы этот важнейших поворот в жизни партии совершить и совершить с меньшим количеством потерь для хозяйства.

Мы сейчас отмечаем рост активности рабочих масс, колхозников под влиянием крупнейших успехов, которые мы имеем, но совершенно правильно здесь также подчеркивается активность враждебных элементов. Вот мы по Туркмении в последнее время особенно резко чувствуем эту активность. Больше всего эта активность проявляется по линии духовенства как наиболее организованной и сохранившей свои позиции прослойки. Но сейчас вместе с духовенством большую активность проявляют возвращенцы-кулаки. Большое количество кулаков прошло через Соловки и другие лагеря и сейчас в качестве «честных» тружеников возвращаются обратно, требуют наделения их землей, предъявляют всякие требования, идут в колхоз и требуют приема в колхозы. У нас был такой случай, когда сын крупного хана, Хан-Кули, вернулся обратно, разбил кибитку на бывших феодальных землях своего отца, потребовал от аульного совета вернуть ему участок земли «согласно новой Конституции»! Мы наблюдаем также активность по такой линии. С Туркменией граничат два сопредельных государства — Афганистан и Персия, куда в свое время была большая эмиграция из Туркмении. Сейчас усилился приток возвращающихся из Афганистана и Персии туркменских эмигрантов. Возвращаются в СССР во главе с родовыми вождями и т. д.

У нас во многих колхозах обсуждались заявления кулаков о приеме их в колхозы, и когда им отказывали, они писали жалобы в советские организации о нарушении Конституции колхозниками. Иначе говоря, по всем линиям мы чувствуем рост активности враждебных элементов. (М о л о - т о в. Не только враждебные элементы могут выразить недовольство тем

или другим недостатком, но и самые советские элементы. Это надо учесть.) Я к этому перехожу. Наряду с этой активностью мы наблюдаем активизацию националистических элементов именно в советском аппарате — это совершенно правильно — и потом в наших вузовских организациях. (Шкирятов. Молотов не про это говорил. Косиор. Молотов не про это говорил.) Я понял, что Вячеслав Михайлович именно об этом говорил, я об этом скажу. (Голос с места. Он говорил о честных советских людях, которые могут быть недовольными. Молотов. Могут быть недовольными бюрократами, честные советские люди могут оказаться против наших кандидатов.) Я это понял, я сейчас скажу, т. Молотов. Разрешите мне перейти к этому, но прежде я хочу остановиться еще на одном моменте. Мы наблюдаем активизацию националистических элементов, именно в советском аппарате и в вузовских ячейках. Мы недавно вынуждены были ликвидировать несколько националистических организаций полутроцкистского толка. Свою активность они, главным образом, проявили после принятия новой Конституции. Конституция явилась для них, так сказать, легальной формой для того, чтобы усилить свою деятельность.

А сейчас, вот в связи с тем вопросом, о котором говорил т. Молотов. Совершенно верно, бюрократическая работа некоторых советских работников, она, конечно, может вызвать вот эту самую враждебность и активность. Тут мы сталкиваемся с основным вопросом — с работой советского аппарата. Я должен сказать, товарищи, что слабость советского аппарата является основным тормозом в работе. Если сейчас в партийных организациях более или менее усвоено, что перестройка необходима, что нужно очень крепко налечь на партийную и политическую работу, если это будет особенно крепко усвоено после решения пленума Центрального Комитета, которое будет понято всей партией и подхвачено с огромным удовлетворением, то организационное обеспечение работы нашего советского аппарата представляет именно большую трудность.

Мы недавно у нас имели такое положение, когда на одном из наших партийных активов в Ашхабаде критиковали советского работника, одновременно появилась статья в газете, которая критиковала одного нашего крупнейшего советского работника, и вы знаете, т. Молотов, единственно, что он мог сказать в свое оправдание, это то, что критиковать советское учреждение, поскольку оно издает законы, нельзя, потому что всякое решение советского органа является законом, а закон-де, мол, критиковать нельзя. Тут бюрократизм возведен уже, что называется, в степень. И надо сказать, что это явление не случайного порядка, особенно в национальных республиках. Мы имеем такое положение, когда многие товарищи работают в течение очень большого количества лет. Есть у нас работники, которые работают 15—16 лет, занимая одни и те же посты. Это и хорошо, с одной стороны, потому что так выковываются кадры, но с другой стороны, это вызывает у людей представление, что они вообще вне всякой критики, их критиковать нельзя, а указание на их недостатки — это есть чуть ли не потрясение основ. Переломить эти настроения сейчас имеет большое значение, потому что без этого мы настоящей критики и самокритики в партийной организации, в советском аппарате не сумеем создать, и подготовиться к новым выборам не сумеем.

Кстати, по вопросу об авторитетах. Иногда авторитет того или иного работника определяется чем? Что у него имеется такое-то количество колхозов его имени, кроме того, он в течение многих лет занимает один и тот же пост. А если по существу посмотреть, что стоит этот работник, как он растет, как он развивается, как он действительно, по-настоящему связан с массами, то картина рисуется совершенно другая. А если взять авторитет таких людей в партийной организации, то положение будет гораздо хуже. Вот с этими вопросами придется нам столкнуться в национальных партийных организациях, когда мы будем проводить выборы по новой Конституции. (Звонок председателя). Мое время кончается. Я должен в заключение сказать, что это решение Центрального Комитета, эта резолюция явится действительно мощным орудием ликвидации недочетов пар-

тийной работы, вооружившись которым, наша партия совершит успешно поворот, который под руководством т. Сталина наша партия проводит.

А н д р е е в. Тов. Кабаков.

С т а л и н. Ну, как у вас дела? (С м е х.) Всех разогнали или остались?

К а б а к о в. Верно, разогнали много, но остались, которых надо посмотреть. Товарищи, действительно конституционные права, установленные Конституцией, явились праздником для трудящихся масс. Никогда еще массы народа неспособны были выступать такими активными творцами социалистического строительства и социалистического общества, как после принятия Конституции. (М и к о я н. Все-таки хлопот много. С м е х.) Да, хлопот будет много, так как участвовать в выборах будут новые слои, которые раньше не избирали. До принятия сталинской Конституции эти люди считали себя в выборах советов бесправными, не всегда могли свободно высказывать свою точку зрения по тем или другим вопросам. (О б щ и й с м е х. Г о л о с а с м е с т. Как бесправными? Это наврал. К о с и о р. Так же нельзя говорить. Как бесправными?) Просто по старой конституции избирательным правом эти граждане не пользовались. (К о с и о р. Кто?) Лишенцы. Выходцы из буржуазии и дворянства. (Г о л о с а с м е с т. Ага.) Во-вторых, кулацкие элементы, поны, дети попов, дети полицейских. По Конституции эти люди получили избирательные права. Теперь они имеют право выбирать. Мне кажется, здесь нужно будет чрезвычайно внимательно посмотреть на те изменения, передвижки населения, которые произошли в каждой области.

Вот, например, по Свердловской области. 10 лет тому назад в городах и промышленных поселках всего было населения около 800 тысяч человек. По последней переписи в городах и промышленных поселках мы имеем свыше 2 миллионов человек. Сюда не входит целая вереница различных мелких предприятий, расположенных в сельскохозяйственных районах. Всего в области около 14 тысяч различных предприятий, некоторые из них там, где ранее не было никакого населения. Возьмите Вишеру — фабрика была построена в первые годы первой пятилетки. Теперь здесь вырос целый город, ряд лет сюда стекались люди со всех районов нашей страны и зачастую не самые передовые. Ивдельский район — здесь вырос район золотоплатиновой промышленности, который отстоит от линии железной дороги на 100 км. И здесь нельзя считать, что всегда нам удавалось укреплять эти предприятия передовыми коммунистами.

Крупные промышленные центры, такие, как Ворошиловск, Тагил, тот же Красноуральский завод и др., — строительство здесь проходило в условиях больших трудностей, когда по стране шла борьба с кулачеством, и недостаток рабочей силы, который имел место на Урале, безусловно, открыл большие щели для притока чуждых элементов. Увеличение населения на 1200 тыс. человек в промышленных районах и городах не проходило одновременно. Строительный процесс заканчивался, и предприятия вступали в эксплуатацию. На предприятия из разных мест приходили новые люди. И вот при той запущенности партийной работы, которая имеет место, при нашей слабости руководства та активность, которая выливается в форму усиления участия масс в строительной работе, зачастую используется враждебными элементами как прикрытие для контрреволюционной работы. (С т а л и н. Кооптация остается?) Кооптация в Свердловской партийной организации была широко распространена.

Как враги рассматривают данную ситуацию? Чрезвычайно характерно в этом отношении показание Головина о той директиве, которую дал ему Пятаков. Пятаков поставил вопрос таким образом, что в настоящее время нужно людей продвигать в такие организации, которые связаны с массами и где особенно у нас запущена партийная работа. Это добровольные общества, втузы, стенгазеты, клубы, кино и т. д. А нужно сказать прямо, что партийной работой в этих организациях мы занимались чрезвычайно мало. Я не говорю о руководстве содержанием массовой работы. Возьму только организационную сторону — с этим дело обстоит исключительно плохо. Клубной работой, красными уголками профсоюзные организации не занимались так, как нужно. Радио фактически представляет из себя такую

организацию, которая ведет работу бесконтрольно. Ведомственное радио государственными организациями не контролируется. Радио профсоюзных организаций, по крайней мере, на 70% не действует, оборудование его чрезвычайно плохое. Взять кино. В какой степени эта организация справляется со своими задачами? Вот, например, в 1936 году подготовлено профсоюзами всего лишь 38 киномехаников на всю область. В сельских районах эта работа поставлена еще хуже. При полной насыщенности кинопередвижками, например, в Алапаевском районе около 65 колхозов совершенно не обслуживались кино.

Относительно религиозных общин. По этому поводу Пятаков тоже имел свою точку зрения и даже давал конкретные указания относительно связи. (Шкирятов. С кем?) С советами, с служителями культа и т. д. и т. п. Мне кажется, такое состояние требует от нас проверки боеспособности состояния партработы в каждой организации, ведущей массовую работу. Мы коснулись библиотек, проверили, какие книги имеются в библиотеках. Оказалось, что в глухих сельскохозяйственных районах и даже в промышленных районах (мы проверили целый ряд ведомственных библиотек) нашлись такие библиотеки, где по 300—400 книг в библиотеке имеются враждебных. Библиотеки, их работа зачастую совершенно не проверяется.

Проверили работу торговых организаций. Как будто бы здесь работа за прилавком связана исключительно с продажей товара. Простой ларек обслуживает 2—2³/₄ тысяч покупателей в день, и вот в одном магазине встретили такой факт — на обертку используют книги Зиновьева, в другом ларьке обертывают покупки докладом Томского. (Смех.) Мы проверили, и оказывается, такой литературы торгующие организации купили порядочное количество тонн. Кто может сказать, что эту литературу пользуют только для обертки?

Взять по существу работу органов народного образования. (Шкирятов. Кабаков, а там у тебя было плохо с торговлей хлебом, к выборам это относится?) Об этом, т. Шкирятов, я вам расскажу. (Смех.) Работа органов Отдела народного образования поставлена плохо. Органы Наркомвнуторга ни в какой мере не обеспечивают работы. Мы в этой организации совершенно не чувствуем боеспособности. И как характерный пример я приведу торговлю хлебом: 25 ноября, в день открытия съезда Советов в Свердловске хлеба было больше, чем достаточно, но в органах Облвнуторга все руководство планированием, транспорт были захвачены врагами. В результате в городе создались очереди, создалась паника. Проверили состав людей. Оказалось, что все это было сделано враждебными элементами искусственно. И вот, в этом свете нужно и посмотреть нашу работу, нас — руководителей — как мы руководим партийной работой.

Запущенность партийной работы целиком зависит от нас. Мы, руководители, мимо этой запущенности часто проходим и не видим повседневного нарушения устава партии. По новой должности секретаря Свердловского горкома мне пришлось заняться партийной работой в городе. Как расставлена наша партийная сеть в городе Свердловске? В городе имеется около 2140 различных предприятий и учреждений, а первичных партийных организаций — 508. Такая расстановка партийных организаций говорит о том, что целый ряд как будто бы небольших предприятий и организаций совершенно находится без партийного влияния. Эта группа учреждений и предприятий, как будто бы маленьких, а на самом деле на каждом предприятии работают 100—150 человек, у каждого из них есть семья, а эта часть населения зачастую остается организационно не охваченной партийным влиянием.

Как руководятся партийные организации нашими районными комитетами партии? Вот Сталинский район, там имеется 130 первичных организаций. С основными первичными организациями, находящимися на крупных предприятиях, районный комитет в той или иной мере связан, но в 90 первичных организациях, находящихся в мелких предприятиях и учреждениях, в течение года не было ни одного раза члена бюро, а в некоторых первичных организациях даже не было и инструктора районного комитета партии. На партийных собраниях секретари не делали отчетов ряд лет, также

не делалось никаких отчетов бюро районного комитета партии. Вот у нас в последнее время в городе происходили перевыборы районных комитетов, производились перевыборы в первичных организациях. Что оказалось? Оказалось около 100 секретарей первичных организаций с выговорами или другими партийными наказаниями. Из этого количества ряд секретарей первичных организаций имели в прошлом выговоры за тот или иной уклон.

Дело с кооптацией, с нарушением устава в первичных парторганизациях, а также и в районных комитетах, обкоме как правило не контролировалось. И когда работа по перевыборам развернулась в первичных организациях, то оказалось, что секретари не только не отчитывались о своей работе, но в целом ряде первичных организаций не обсуждалось, как ставить политическую агитацию среди беспартийных масс. Если что-либо и делают — собирают 10—15 человек стахановцев, с ними разговаривают, проводят беседы, ставят вопросы, которые связаны с производством, но остальная масса рабочих, особенно служащие и инженеры, политической организацией совершенно не охвачены. На мелких предприятиях инженеры остаются часто без партийного влияния.

Мы только что на днях собрали совещание секретарей парткомов, секретарей первичных организаций с отсталых предприятий. Вскрылась исключительная запущенность политической работы среди рабочих и служащих, но помимо этого исключительно плохо обстоит работа с инженерно-техническим составом. Теперь дело обстоит так, что нет ни одного самого маленького предприятия, где бы не было 2—3 инженера, инженер является техническим руководителем предприятия, оказывается, что партийная организация не знает ни его прошлого, не знает по-настоящему о его настоящей работе и не знает его настроений. Технический же руководитель повседневно общается с рабочими и служащими. В небольшие же предприятия зачастую идут работать те инженеры, которые почему-либо не могут работать на крупных предприятиях... (А н д р е е в. Тов. Кабаков, пора кончать.) Доклад, который сделал т. Жданов, и те решения о ликвидации кооптации, выборах, тайном голосовании, которые вносятся, они проверяют каждого партийного руководителя, бесспорно посадят каждого на свою полочку, бесспорно заставят каждого руководителя связаться с толщей, рабочими, массами членов партии.

Нужно сказать, что я лично немало выступаю на собраниях и вот, когда после критики, после указаний ЦК и решений по Азово-Черноморскому крайкому, Киевскому обкому... (С т а л и н. И по Уральскому.) Да, и по Свердловскому обкому. Из этих решений видишь во весь рост свои недостатки, которые здесь имеются у тебя не в меньшей, а в большей степени: нарушение устава, запущенность партийной работы, кооптация без разбора, засоренность, оторванность от масс, решение вопросов опросом. Взять хотя бы такой пример — раньше приедешь на заводское собрание рабочих, там видишь массу, а в настоящее время приезжаешь на завод и собирают партийный актив, собирают стахановцев, а масса же членов партии, которые работают непосредственно на производстве, даже не имеют возможности попасть на это собрание, так как выделяется сюда только тот, кто является передовиком.

Вопрос сводится именно к тому, чтобы войти руководителю в гущи партийных масс, подтянуть отстающих, вооружить их и наполнить работу первичных парторганизаций большевистским содержанием. Точно так же и в партийной организации: введение тайных выборов, ликвидация практики кооптации, восстановление в соответствии с уставом выборности парторганов, отчетность — вскроют и устранят со всей полнотой недочеты, запущенность партийной работы и обеспечат в самый короткий срок повышение большевистской боеспособности партийных организаций и обеспечат подготовку партийных организаций к выборам.

А н д р е е в. Членам комиссии напоминаю, что сейчас состоится заседание комиссии в зале Политбюро. Объявляю перерыв до 6 часов.

(Продолжение следует)

От публикаторов

Публиковавшиеся ранее в журнале материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) не вошли в стенографический отчет. Изданный типографским способом в 1937 г. под грифом «Строго секретно. Хранить на правах шифра. Снятие копий воспрещается. Подлежит возврату во 2 часть техсекретариата ОБ» стенографический отчет начинается только с 26 февраля. Таким образом, в распоряжение исследователей помимо направленной стенограммы и стенограммы с авторской правкой поступает третий вариант текстов выступлений участников пленума.

Выбирая основной текст для печати, публикаторы руководствовались несколькими соображениями. Во-первых, предназначенная для рассылки по специальным спискам с целью доведения до местных партийных организаций официальной версии о прошедшем пленуме стенограмма является источником, имеющим самостоятельное значение. Во-вторых, стенографический отчет был более доступен (если вообще можно говорить о доступности секретных партийных документов) как верхнему эшелону партийной номенклатуры в то время, так и историкам в последние годы. В-третьих, каких-либо документов, отражающих огромную редакционную работу по подготовке к печати стенограммы, практически не сохранилось, и результаты такой работы можно обнаружить только на основании тщательного текстологического анализа.

Все это приводит к необходимости продолжить публикацию по тексту правленной стенограммы. Однако в ряде случаев тексты с собственноручной правкой таких деятелей, как И. Сталин, Н. Хрущев, М. Калинин, А. Жданов, отсутствуют. В делах вместо правленной стенограммы находятся подписанные ими машинописные тексты, существенно отличающиеся от стенограммы. Определить, когда именно, на каком этапе и кем конкретно были переработаны выступления, не представляется возможным. В этом случае тексты выступлений даются по направленной стенограмме, что каждый раз оговаривается публикаторами в примечаниях.

Стенографическая запись подчас очень далека от официальных версий, опубликованных в периодической печати 30-х годов или вошедших в собрания сочинений. Исследователи могут сравнить эти варианты и выявить разночтения.

Примечания

1. В стенографическую запись выступления Косиора после авторской правки внесена редакторская правка: слово «тезисы» заменено на «проект резолюции». В стенографическом отчете редакторская правка была учтена.
2. Текст выступления М. И. Калинина дается по направленной стенографической записи. Правка была внесена автором только в текст, заключенный между **.
3. Выступление Хрущева публикуется по направленной стенограмме.

Имперская идея и проблема государственности в Западной Европе XVI века

Ю. Е. Ивонин

В политической истории Европы XVI в. определяющее место занимала борьба трех тенденций в государственном и международном развитии: в первом случае — к формированию наднациональных государств, наиболее ярко представленной Англией и Францией; во втором — к сохранению феодального строя в форме наднациональной всеевропейской универсальной монархии под властью династии Габсбургов; в третьем — к локальной государственности, характерной для территориальных княжеств и городов-государств Италии и Германии. Первая тенденция диктовалась логикой экономического и политического развития Европы в эпоху генезиса капитализма, вторая вела назад, к единой феодальной Европе, хотя и пытавшейся совместить формирование европейского и мирового рынков с созданием наднациональной империи, третья исторически была обусловлена предшествующим развитием итальянских и германских земель, отсутствием централизованного национального государства и оппозицией имперской идее.

Защита ценностей старого феодального мира была объективно главным содержанием политики императора Карла V. Амбиции Габсбургов уже в конце XV в. становились безграничными. Прадед Карла V император Фридрих III писал, что Австрия (имеется в виду дом Габсбургов.— Ю. И.) будет выше всего в мире¹. Под властью Габсбургов в результате различных династических комбинаций оказались Нидерланды и Испания с ее американскими колониями, что подкрепляло их претензии на европейское господство. Недаром в те времена говорили, что во владениях самого известного из династии Габсбургов, императора Карла V (1500—1558), никогда не заходит солнце.

Императорская канцелярия признала титул «Величество» за королями Англии и Швеции в 1633 г.; а за французским королем — лишь в 1641 г., на исходе Тридцатилетней войны, положившей конец претензиям Габсбургов на мировое господство. Империя явилась также центром господствующего класса в феодальной Европе — дворянства — и поэтому занимала прочное место в его политическом мышлении. Проведение активной европейской и мировой политики требовало привлечения огромных финансовых средств, а в Германии их можно было получить только с согласия князей, отнюдь не стремившихся к укреплению материального положения Габсбургов².

Ивонин Юрий Евгеньевич — доктор исторических наук, декан Исторического факультета Запорожского университета (Украина)

В политике Карла V идея создания европейской и в известном смысле мировой империи проявилась в наибольшей мере. Поэтому его личность и политика вызывают интерес не только у историков, но и у писателей, политиков, философов. Довольно распространенный в прошлом взгляд, что конфликт между империей Карла V и другими европейскими государствами, в первую очередь Францией, был столкновением средневекового универсализма и национализма нового времени, стал в последние десятилетия подвергаться ревизии. Возникновение универсалистских идей, хотя и строившихся на средневековом наследии, стали объяснять конкретно-историческими условиями конца XV — начала XVI в., причем универсализм приписывается не только империи Карла V, но и Османской империи при Сулеймане Великолепном, Русскому государству при Иване Грозном, осуществлявшим территориальную экспансию разными методами и по далеко не одинаковым причинам³.

В оценках политики Карла V заметны и национальные мотивы. Многие немецкие историки, в первую очередь консервативные, видели в его политике воплощение германских интересов, а испанские — продолжение политики Фердинанда Арагонского и Изабеллы Кастильской, первых испанских монархов после объединения Кастилии и Арагона, и ставили Испанию в центр державы Карла V⁴. Особенно апологетическими были его оценки в работах консервативных историков 30-х годов⁵. После второй мировой войны параллельно с идеями интеграции Западной Европы и созданием Европейского экономического сообщества в политике Карла V стали видеть чуть ли не прообраз европейской интеграции, а в самом императоре — не больше не меньше как «отца Европы», предтечу современного федерализма. Широко рекламируется также роль Карла V как защитника христианской веры в борьбе против турок. Он нередко именуется последним истинным императором (действительно, он был последним государем, которому возложил на голову императорскую корону папа римский). В то же время на сопротивление попыткам Карла V создать европейскую монархию со стороны формировавшихся национальных государств и немецких территориальных князей в последнее время все чаще указывается в западной литературе⁶.

Важнейшей особенностью начавшегося в XVI в. перехода от феодализма к капитализму было усиление общности исторического процесса в масштабе всей Европы, происходившего в значительной мере в связи с формированием общеевропейского и мирового рынка. Европа из средневековой «суммы государств» становилась их системой, которая придавала локальным конфликтам общеевропейское, системное значение. Процесс формирования национальных государств как национальных монархий вызвал к жизни новые межгосударственные отношения, в основу их был положен «государственный интерес» как высший принцип внутренней и внешней политики. В условиях господства феодальных монархий «государственный интерес» неизбежно отождествлялся с дворянско-династическими интересами господствующего класса в целом. Вместе с тем во внешней политике феодальных монархий в большей или меньшей степени проявляются интересы поднимающейся буржуазии.

Развитие раннекапиталистических отношений и становление класса буржуазии вызвали двоякую реакцию правящего феодального класса. Во Франции и Англии без буржуазии, обладавшей деньгами, развивавшей широкую торговлю и создававшей основы национальной промышленности, феодальные монархи обходиться не могли и поэтому попытались приспособить общественно-политический строй к меняющимся социально-экономическим условиям. Другой вариант политики феодального класса по отношению к буржуазному развитию нашел свое выражение в реставрации идеи Священной Римской империи. Эта идея наибольшее развитие получила при Карле V.

Само понятие «Священная Римская империя германской нации» окончательно было сформулировано в XV в., хотя мало соответствовало действительности, ибо Рим был столицей папства, а германские императоры не

являлись полными суверенами в своих собственных владениях, исключая лишь наследственные земли. Да и само избрание того или иного императора зависело от воли и интересов коллегии из семи курфюрстов — наиболее крупных светских и духовных феодалов Германии. Но если избрание императора в XIV и XV вв. происходило в обстановке феодальных распрей, нарушавшихся социальными антагонизмами лишь на периферии империи (например, гуситскими войнами), то избрание Максимилиана I и особенно Карла V совершалось в условиях созревания предпосылок, а затем и начала Реформации в Германии. Но главное противоречие заключалось в том, что в политическом отношении Германия становилась все более раздробленной, тогда как в Англии и Франции укреплялись централизованные национальные государства.

Государственное развитие Германии так или иначе шло в сторону локальной централизации. Тенденция к укреплению территориальных княжеств пустила к XVI в. слишком глубокие корни, князья ставили свои местные интересы выше национальных, они их по существу и не осознавали. Единства между князьями и императорской властью не могло быть еще и потому, что Габсбурги в силу своих наднациональных имперских устремлений пытались лишить князей их политических привилегий, но, не выражая национальных интересов, не получали поддержки тех слоев, которые более всего были заинтересованы в национальном единстве, то есть бюргерства и рыцарства. Вместе с тем, не подчинив своей власти Германию, Габсбурги не могли рассчитывать на создание универсальной европейской империи.

Существовал и третий выход, характерный для Германии и Италии, — достижение локальной централизации или федерализма, проекты которого особенно часто появлялись в Германии в конце XV века. Особенностью регионально-абсолютистского государства в Италии было ослабление раннебуржуазной прослойки и укрепление феодальной. Но в то же время образование регионально-абсолютистского государства было прогрессивным явлением, поскольку в конечном счете способствовало дальнейшему развитию экономики и сохранению независимости государства ⁷.

Обычно идею создания универсальной католической империи приписывают канцлеру императора (с 1518 г.) итальянцу Меркурино ди Гаттинаре. Но когда Гаттинара получил должность канцлера, линия Габсбургов на формирование универсальной европейской монархии уже вполне определилась. Максимилиан I видел в будущей державе своего внука осуществление идеи «божьего государства» на Земле ⁸. Подготовка к избранию Карла Габсбурга императором велась задолго до 1519 г., все действия Максимилиана I были подчинены одной цели — любыми средствами создать империю и обеспечить императорскую корону для своего внука. Причем империя создавалась фактически без крови, при помощи типично средневекового метода политики — династических браков, в основе которого лежало феодальное представление о династической природе государства. Недаром в те времена возникла поговорка «пусть воюют другие, ты же, счастливая Австрия, заключай браки». Отношения же самих Габсбургов, особенно в их родовых владениях, со своими вассалами носили характер патроната и клиентелы, отчасти напоминающий времена древнего Рима, но более всего продолжающий традиции бургундского двора XIV—XV веков. Клиентела была не только инструментом имперской власти, но также важным средством создания региональной системы гегемонии в империи. Борьба за возможных клиентов была выражением политики региональной власти ⁹.

Начало «династическим комбинациям» было положено еще в 1477 г. браком самого Максимилиана I с дочерью бургундского герцога Карла Смелого Марией. Поскольку в качестве приданого Максимилиан получил графство Франш-Конте, возникла напряженность в отношениях с Францией. Максимилиану в результате этого брака достались и Нидерланды, экономически наиболее развитая область Западной Европы. Женив своего сына Филиппа Австрийского на дочери Фердинанда

Арагонского и Изабеллы Кастильской Хуане, Максимилиан рассчитывал закрепить за Габсбургами и испанскую корону, так как у испанских монархов не было наследников по мужской линии. Дочь Максимилиана, Маргарита, была выдана замуж за герцога Савойского. Когда же Филипп умер, единственным претендентом на испанский престол стал его сын Карл. Обладание Испанией и ее американскими колониями было очень важно для осуществления замыслов Максимилиана. Естественно, что необходимо было склонить большинство курфюрстов к избранию Карла, ставшего в 1516 г., после смерти Фердинанда Арагонского, испанским королем.

Наднациональная политика Габсбургов в век усиливавшегося протекционизма и меркантилизма наносила огромный ущерб как экономике складывавшихся национальных государств, так и экономическому развитию составных частей империи. Феодалная основа политики Габсбургов проявлялась в характере финансовых поступлений в имперскую казну. Это в первую очередь доходы духовно-рыцарских орденов в Испании, таможенные пошлины в Нидерландах и косвенные обложения в Германии, горные регалии, единовременные займы у торгово-ростовщических компаний и т. д. Обладание Нидерландами имело большое значение для Габсбургов. Эта страна была им необходима прежде всего с экономической точки зрения, поскольку ежегодно давала в имперскую казну 2 млн. гульденов (для сравнения можно привести доходы, поступающие из Италии и Испании — соответственно 1 млн. и 0,5 млн. гульденов).

Политика Габсбургов, начиная с конца XV в., находилась в тесной связи с деятельностью южнонемецкой торгово-ростовщической компании Фуггеров, которые были заинтересованы в проведении Габсбургами универсалистской политики, а те, в свою очередь, — в финансовой поддержке аугсбургских банкиров. Так родился этот союз, ставших важным фактором не только политической жизни Германии, но и международных отношений XVI века.

Образование огромной габсбургской державы неизбежно столкнуло ее с Францией, франко-испанское соперничество за преобладание в Италии переросло во франко-габсбургское. Франция, окруженная со всех сторон габсбургскими владениями, кроме Северной Италии, для того чтобы отстаивать свою национальную независимость должна была вести борьбу не на жизнь, а на смерть против Габсбургов. Эти обстоятельства превратили Итальянские войны (1494—1559) в общеевропейский конфликт.

Почувствовав приближение смерти, Максимилиан I решил начать кампанию за избрание императором своего старшего внука Карла. Оно должно было стать логическим завершением всей той сложной подготовительной работы по созданию универсальной европейской монархии, которую в течение нескольких десятилетий проводил старый император. Руководящие инструкции Карлу Максимилиан дал в письме из Инсбрука 18 мая 1518 года. По сути дела, они сводятся к указаниям, кому, сколько и что обещать, причем не следует скупиться, ибо французский король все чаще старается продемонстрировать свою щедрость¹⁰. И тут главную роль сыграли Фуггеры, которые с избранием Карла императором получили бы доступ к богатствам Нового Света, к рудникам Испании, могли бы полностью контролировать деятельность антверпенской фондовой биржи.

12 января 1519 г. Максимилиан I скончался, а 29 июня во Франкфурте-на-Майне пятеро из семи курфюрстов проголосовали за Карла, ставшего императором Священной Римской империи под именем Карла V. Из суммы в 900 тыс. гульденов, полученных Карлом от различных банкирских домов для подкупа курфюрстов, Фуггеры дали 543 585 гульденов. Но в награду за это они надолго завладели доходами главных духовно-рыцарских орденов в Испании — Алькантары, Калатравы и Компостелы. В общем итоге выиграла и Габсбурги, и Фуггеры, и в известной степени немецкие князья. Они получили некоторые преимущества политического характера и рассчитывали сохранить свою территориальную власть. Особенно подчиняться императору они не собирались, и во время коронации Карла V короной германского императора (римская корона была возложена на его голову

только в 1530 г. в Болонье) заявили ему: «Помни, что этот трон дан тебе не по праву рождения и не по наследству, а волей князей и курфюрстов Германии»¹¹. Но воспрепятствовать претензиям Габсбургов на европейское господство они не могли.

В образе мышления и действий Карла V сохранялась типично феодальная ритуальность, нередко принимавшая формы своего рода политического театра. Это проявилось в торжественном въезде Карла V в Аугсбург 15 июня 1530 г. накануне Аугсбургского рейхстага. Император прибыл в Германию сразу же после коронации его папой в Болонье императорской короной. Он находился в зените славы, и его торжественный въезд в Аугсбург, где он надеялся на рейхстаге решить германский вопрос, должен был произвести соответствующее впечатление на немцев и в то же время продемонстрировать величие имперской идеи. Карл V въезжал в Аугсбург поистине как владыка мира. За ним следовали придворные и духовенство разных национальностей (испанцы, итальянцы, немцы и др.), более 200 князей, графов и баронов, 1000 наемников для охраны рейхстага, гвардия телохранителей в составе 300 человек и две сотни испанских охотничьих псов. Вместе с Карлом ехали его брат эрцгерцог Австрийский Фердинанд в окружении австрийских дворян, двух кардиналов, двух пфальцграфов, двух герцогов Баварских с пятью сотнями всадников, нескольких епископов, папского легата и иностранных послов. Курфюрсты Иоганн Саксонский и Иоахим Бранденбургский, а также ландграф Филипп Гессенский, представлявшие протестантский лагерь, въезжали в сопровождении соответственно 200, 150 и 120 всадников. Этим политическим спектаклем император рассчитывал повлиять на оппозиционных ему германских князей¹².

С избранием Карла императором международная обстановка в Западной и Центральной Европе еще более обострилась. Действия Карла V в отношении Франции диктовались отнюдь не соображениями защиты против французской агрессии. Франция не могла угрожать непосредственным вторжением ни Испании, ни тем более Австрии. Спор с французской монархией шел в основном из-за Италии, где обе стороны стремились установить свое господство, и из-за гегемонии в Европе. Для успешного ведения войн против Франции необходимо было подчинить германских князей, особенно тех, кто рассчитывал на помощь Франции, и обуздать начавшуюся Реформацию. Одним из первых шагов в этом направлении стало изгнание в 1519 г. силами Швабского союза, главой которого был Карл V, франкофильского герцога Вюртембергского из его владений и издание в мае 1521 г. Вормсского эдикта, запрещающего распространение лютеранства. В этом же русле находилось и стремление Карла V превратить римскую курию в идеологический рупор своей политики. Примером тому являлось избрание папой римским воспитателя императора кардинала Утрехтского под именем Адриана VI (папа Лев X скоропостижно скончался 16 декабря 1521 г.).

Начиная войну против Франции в 1523—1524 гг. в союзе с Англией и королем Наварры Карлом Бурбоном, Карл V предполагал провести широкие наступательные операции с трех сторон на территории Франции (особо оговаривалось, что английская корона получит земли, которые она потеряла во Франции в результате Столетней войны). Карл V и его советники были осведомлены о честолюбивых планах английского короля, мечтавшего о славе Плантагенетов, и умело использовали их¹³. Но когда Генрих VIII потребовал отдать ему часть территории Франции¹⁴ после поражения французов 24 февраля 1525 г. в битве при Павии и пленения их короля Франциска I, в результате чего перевес сил в европейской политике оказался на стороне Габсбургов, Карл V отказал английскому монарху, потому что опасался усиления Англии. Это послужило причиной начавшегося сближения Генриха VIII с французской монархией и первым сигналом о начавшемся распаде заключенного в конце XV — начале XVI в. англо-испанского союза, который с избранием Карла Габсбурга императором трансформировался в англо-габсбургский союз. Интересы английской национальной абсолютной монархии, учитывавшей в своей политике настроения не только дворянства, но и буржуазии, и интересы

наднациональной монархии Габсбургов, были в корне противоположны. Включение в орбиту мировой политики Карла V противоречило экономическому и социальному развитию Англии.

Битва при Павии и Мадридский мир, подписанный в январе 1526 г., занимают особое место в военной и политической судьбе Карла V. Император не смог воспользоваться результатами победы при Павией. Платить солдатам было нечем, в Германии шла Крестьянская война, Англия после отказа Карла V удовлетворить территориальные претензии Генриха VIII стала склоняться к союзу с Францией. К тому же не так-то просто было принудить французского короля к прекращению борьбы, даже несмотря на его пленение. Условия мира, предлагавшиеся императором, были неприемлемыми для Франции — отказ от претензий на итальянские земли, прав на Бургундию и заключение брака между французским королем и сестрой императора Элеонорой⁵.

В конце концов 13 января 1526 г. Франциск I согласился на все требования императора и дал рыцарскую клятву никогда не выступать против него. Однако Мадридский мир во Франции так и не был ратифицирован. В письме Фердинанду Австрийскому Карл V замечал: «Касаясь этого мира между нами и им (Франциском I.— Ю. И.), я заключил его по милости божьей для спокойствия христианства и искоренения всех наших раздоров»¹⁶. Верил ли Карл V в возможность решения конфликта таким путем? Точных доказательств этого нет. Но тут важны два обстоятельства. Во-первых, император считал себя носителем добродетелей рыцарства. Во-вторых, хотя Крестьянская война пошла на спад, страсти в германских землях не улеглись. Вырвав у Реформации революционное жало, часть князей стремилась использовать ее достижения для укрепления своей территориальной власти, что совершенно не соответствовало интересам императора. Поэтому он был вынужден на время приостановить решение конфликта с Францией.

Не исключено, что Карл V рассчитывал на некоторое ослабление Франции событиями 1525 г., но он ошибся. В апреле 1526 г. было окончательно решено освободить Франциска I из плена. Едва переехав границу, тот приступил к осуществлению подготовленных французскими и итальянскими дипломатами планов создания антигабсбургской коалиции. 22 мая 1526 г. была образована Коньякская лига, в которую вошли Франция, римский папа Климент VII, Венеция, Генуя, Флоренция и Милан. Но военные действия лиги, в которой главную роль играли итальянцы, были вялыми, что дало возможность Карлу V собрать в Германии армию в 12 тыс. ландскнехтов во главе с Фрундсбергом и послать ее в Италию. Объединившись с остатками армии Бурбона, отряды Фрундсберга сняли осаду с Милана и двинулись на юг. В феврале 1527 г. императорская армия подошла к Болонье, а 15 марта между лигой и императором было подписано перемирие. Климент VII как официальный глава лиги объявил о ее роспуске. Тем не менее мир не наступил.

Папы римские являлись одними из светских государей Италии, и поэтому их политические интересы нередко вступали в противоречие с универсалистскими планами Габсбургов. Во всяком случае, в XVI в. было немало пап, так или иначе выступавших против Габсбургов. Карл V рассматривал папу как потенциального союзника в создании универсальной империи, но при этом ставил на второй план территориальные интересы Климента VII, мечтавшего о восстановлении власти клана Медичи во Флоренции. В свою очередь, папа без особого восторга относился к явному стремлению Габсбургов сделать Рим рупором своей политики. Эти моменты создавали трения между Климентом VII и Карлом V¹⁷. Современники считали, что император не прочь был наказать строптивого папу. Сам же Карл V решительно отказывался от причастности к событиям, разыгравшимся весной 1527 г. в Средней Италии, хотя они, несомненно, были ему на руку.

После невыплаты жалования и заключения перемирия наемники в армии императора подняли мятеж и двинулись на Рим. 6 мая ландскнехты штурмом овладели городом. Разгром Рима произвел большое впечатление

на современников, многие из которых справедливо полагали, что теперь папа пойдет на примирение с Карлом V. Хотел того император или нет, но произошло так, что папа получил предметный урок на тему, в каком лагере он должен находиться. Климент VII пошел на сближение с императором лишь после поражений французов в Италии в 1528 году. 29 июля 1529 г. был подписан Барселонский мир, по которому папа обязывался предоставить четвертую часть доходов курии на борьбу с еретиками и пропускать через земли Папского государства войска императора в любое время года¹⁸. В следующем году в Болонье (а не в Риме, как того требовала многовековая традиция) папа короновал Карла V короной императора и римского короля.

По условиям заключенного в августе 1529 г. мира в Камбре империя признавала права Франции на Бургундию, но Франция отказывалась от претензий на Италию, Фландрию и Артуа. Франция обязывалась также оказать императору помощь в борьбе с турками. Этот мир стал точкой отсчета в установлении диктата Габсбургов в Италии. Но заключение мира в Барселоне и Камбре не могло полностью удовлетворить Карла V. Назначив на май 1530 г. коронацию в Болонье, император стремился к тому, чтобы на ней присутствовали короли Англии и Франции: это как бы должно было свидетельствовать о признании именно за императором первенства среди монархов Европы. Но ни английский, ни французский короли, понявшие замысел Карла V, не прибыли на коронацию.

Не успели еще высохнуть чернила на перьях, которыми были подписаны договоры в Барселоне и Камбре, как с юго-востока Европы на империю надвинулась турецкая угроза. Успехи турок во многом связаны с именем султана Сулеймана I Кануни (Законодателя), известного в европейской традиции как Сулейман Великолепный. При нем Турецкая империя достигла вершины своего могущества, что неизбежно столкнуло ее в военном противостоянии с державой Карла V.

Фактически Карл V в своей политике ставил турок и немецких князей — сторонников Реформации в один ряд не только в официальной переписке и пропаганде, но и в практической деятельности. В этом отношении он в известной степени смыкался с политикой папской курии. Папы, начиная еще со второй половины XV в., многократно обращались к западноевропейским монархам с предложениями помириться между собой и присоединиться к «крестовому походу» против турок под эгидой папства. Но, с одной стороны, в Западной Европе уже началась Реформация, с которой папство повело ожесточенную борьбу, с другой — борьбу против турок пытались возглавить Габсбурги, надеявшиеся сделать ее средством подчинения европейских монархов своей универсалистской политике. Нередко папство оказывалось в этом смысле орудием политики Карла V.

Обвиняя французского короля, как вероотступника, в связях с турками (официальный союз между Францией и Османской империей был заключен в феврале 1535 г.), Карл V вовсе не гнушался связей с персидскими шахами-мусульманами из династии Сефевидов — Тахмаспом и Измаилом, боровшимися с турками за преобладание на Ближнем Востоке. В ответ на предложение шаха Измаила совместно выступить против турок Карл V дал в августе 1525 г. согласие, а затем и сам послал в 1529 г. подобное предложение в Исфаган¹⁹. В 40-х годах XVI в., нуждаясь в свободе рук для подавления оппозиционных немецких князей-протестантов и для ведения войны против Франции, император одобрил начало переговоров между турками и эрцгерцогом Фердинандом, считая, что они могут принести много неудобств французам²⁰. В мае 1545 г. в Стамбул был отправлен императорский посол Г. Вельтвик для ведения переговоров о заключении мира с турками²¹.

Для противостояния туркам Карлу V и Фердинанду, конечно, требовалась помощь немецких князей, являвшихся одними из важнейших поставщиков наемников в армию императора. Немецкие князья пытались использовать нужду Карла V в солдатах для того, чтобы вырвать у него уступки политического характера. Помощь против турок они, особенно курфюрсты

Саксонские, ставили в связь с вопросом о свободе вероисповедания. Естественно, что Карлу V, несмотря на сильное желание расправиться с Реформацией в Германии, приходилось считаться с настроениями князей. Тем более, что и Карл V, и Фердинанд были уже информированы о начавшихся в 1525 г. тайных переговорах о заключении военно-политического союза между Францией и Османской империей.

В этих условиях Карлу V, разумеется, ничего не оставалось, как пойти на компромисс с немецкими князьями. На Аугсбургском рейхстаге 1530 г. они решили выделить для крестового похода 40 тыс. пеших и 8 тыс. конных воинов. Но в апреле 1531 г. послы протестантских князей заявили Карлу V, что если он хочет получить их поддержку в антитурецкой кампании, то не должен принимать против них никаких мер, включая созыв Вселенского собора. В иных условиях это обращение вряд ли возымело бы действие, но после осады Вены турками в 1529 г. вести о готовящемся новом турецком нашествии сделали императора более стоворчивым, и он пошел на заключение Нюрнбергского религиозного мира 23 июня 1532 г. и обещал соблюдать религиозные свободы.

Император стремился использовать турецко-персидские войны для ослабления турецкой экспансии и превращения Западного Средиземноморья в своего рода внутреннее море Испании, из которого французам не было бы выхода ни на Восток, ни на Запад. Когда Сулейман вел войну с персами в Двуречье, император осенью 1535 г. совершил удачный рейд против турецкого вассала — тунисского бея. Успех в Тунисе был сведен почти на нет неудачной войной 1536—1538 гг. с Францией, когда императорские войска были вынуждены уйти из Прованса. Заключенный в июне 1538 г. мир в Ницце между Карлом V и Франциском I при посредничестве папы Павла III, мечтавшего о союзе католических государств для борьбы с Реформацией, не имел далеко идущих последствий. Стороны примирились лишь внешне, в силу истощения военных и финансовых ресурсов. В 1545 г. между Карлом V и Сулейманом I был заключен мир.

Решающий удар по попыткам Карла V создать универсальную католическую империю нанесли все же не Франция и не Османская империя, а немецкие князья. Не подчинив своей власти Германию, император не мог создать универсальной империи. С самого начала Реформации (1517 г.) Германия раскололась на два лагеря, причем не только в идеологическом, но и в политическом отношении, поскольку на стороне Реформации оказался ряд крупных немецких князей. Реформация Лютера была не только выступлением против идеологического, экономического и политического диктата римской католической церкви, но была в известном смысле политическим движением, направленным против универсалистских тенденций империи Габсбургов²². Религиозное движение стало, по сути дела, знаменем территориальной независимости, под которое позднее встали и некоторые католические князья, выступившие против Габсбургов и папства²³. Но до идеи национального единства князья тогда все же не доросли, что позволило в XVII в., во время Тридцатилетней войны, Габсбургам снова попытаться подчинить князей своей власти. Раскол князей на два лагеря прерывался лишь дважды: во время Крестьянской войны 1524—1526 гг. ввиду общей социальной опасности и после введения Карлом V ограничивавшего их самостоятельность Аугсбургского интерима 1548 года.

Вместе с тем существовало примерное равновесие сил между католическими и протестантскими князьями в Германии, нарушаемое только редкими вмешательствами Габсбургов в германские дела. Попытки Карла V усилить имперскую власть в известном смысле приводили даже к некоторому примирению двух сторон. Очевидно, поэтому постепенно усиливалась идея религиозной терпимости, основой которой стал Аугсбургский религиозный мир 1555 года²⁴.

В июне 1530 г. состоялся Аугсбургский рейхстаг, ставший важной вехой в отношениях между Карлом V и немецкими князьями. Попытка императора возобновить действие антилютеровского Вормского эдикта 1521

г. и отменить решения Шпейерского рейхстага 1526 г. о проведении секуляризации церковных и монастырских земель князьями-протестантами вызвала сопротивление князей, объявивших в апреле 1529 г. в Шпейере протестацию императору, отчего они, а потом и все сторонники Реформации и получили название «протестантов». Нашествие турок и осада ими Вены осенью 1529 г. помешали Карлу V осуществить подчинение протестантских князей с помощью большинства на имперском рейхстаге. Но уже в следующем году он попытался взять реванш.

На Аугсбургском рейхстаге 1530 г. князья представили императору на рассмотрение составленные в весьма умеренном духе статьи провозглашавшие свободу веры «Аугсбургского вероисповедания». Карл долго совещался с католическими прелатами и князьями. Те были непреклонны, хотя император склонялся к компромиссу: ему были нужны для войны против турок солдаты из протестантских княжеств. В результате длительных обсуждений был подготовлен ответ императора, чтение которого началось 1 августа. Император обвинял князей в возбуждении против него мятежей, настаивая на восстановлении монастырей и созыве для решения вопроса о судьбе лютеровского учения церковного собора, на котором он надеялся при поддержке католического большинства подавить протестантов и таким образом обеспечить себе тылы в Германии. Но, поняв тактику императора, протестантские князья уклонились от ответа. Хотя рейхстаг решил выделить Карлу на войну против турок солдат, главный вопрос рейхстага не был решен ²⁵.

Чувствуя нависшую над собой угрозу, ряд князей (курфюрст Саксонский, ландграф Гессенский и др.) и городов Германии создали в декабре 1530 г. в тюрингском городке Шмалькальден религиозно-политический союз, направленный против католических князей и императора. Теперь Карлу V пришлось иметь дело с оформившейся военно-политической оппозицией, действовавшей под религиозными лозунгами. Уже в апреле 1531 г. Шмалькальденский союз откровенно ставил условием предоставления военной помощи императору против турок свободу вероисповедания ²⁶. Результатом всех этих коллизий был Нюрнбергский религиозный мир 1532 г., итоги которого препятствовали положительному исходу переговоров французских и английских дипломатов с руководителями Шмалькальденского союза, что спасало Карла от появления мощного врага в лице коалиции в составе Франции, Англии и протестантских княжеств Германии. Кроме того, император пытался сплотить католических князей, создавая один за другим их союзы, сначала в 1535 г. (9-дневный союз), затем в 1538 г. союз между Карлом V, архиепископами Майнцским и Зальцбургским, герцогами Баварским, Георгом Саксонским и Брауншвейгским ²⁷.

С дальнейшим развитием Реформации создавалась патовая ситуация в отношениях между императором и территориальными княжествами. Борьба между империей и князьями не привела ни к созданию сильной монархии, ни к дворянской вольнице, подобной той, что была в Польше. Успехи Реформации в отдельных территориальных княжествах показывали путь к свободному решению проблемы вероисповедания и системы управления. Нельзя сказать, что Карл не понимал сложившейся политической ситуации. Его письма показывают, что он довольно точно анализировал политику как своих врагов, так и союзников. В конце 1531 г. он высказывал подозрения, что французский король устанавливает тесные отношения с протестантскими князьями Германии, но в то же время предполагал, что Франциск I вряд ли придет им на помощь в случае возникновения конфликта между ними и императором или католическими князьями ²⁸.

С годами возрастала опасность выступления Франции на стороне протестантских князей. В середине 30-х годов XVI в. император в письмах пытался внушить Франциску I, что может настроить германские княжества против Франции, внушив им, что ее политика направлена на порождение разногласий в Германии ²⁹. Угроза эта была скорее психологической и видимых результатов не дала.

Очевидно, с целью консолидации империи и католических княжеств

Германии в июне 1538 г. в Нюрнберге была создана Католическая лига, ставившая своей целью защиту католической веры. Ее инициатором и вдохновителем был Карл V. Идея создания лиги питалась тем, что в это время как уже упоминалось выше, в Ницце Карл V и Франциск I заключили мир. Однако участников его разделяли глубокие противоречия. Полное примирение было возможно только при условии отказа императора от широких имперских замыслов, а Франциска I — от планов утверждения своей гегемонии в Италии.

Естественно, что в обстановке обострения отношений с Францией политика императора в Германии была направлена на то, чтобы отделить от князей города, а также вбить клин между католической Баварией и протестантскими князьями³⁰. Поэтому император с помощью династических комбинаций хотел превратить герцогство Клеве в лен империи. Но против этих планов выступили протестантские князья, увидевшие в них средство укрепления власти императора³¹. Отношения между Карлом V и протестантскими князьями резко обострились. Карлу была необходима не только моральная, но и материальная поддержка римского престола. В 1545 г. был созван Тридентский собор, на котором обсуждались вопросы борьбы с Реформацией в Германии. В отличие от Павла III, пытавшегося примирить все католические силы в противостоянии Реформации, Карл V, понимая, что Франция будет препятствовать разгрому немецких протестантов как противовеса империи, стремился к превращению Тридентского собора в орудие политического давления на протестантских князей³².

Чем же тогда объяснить феномен папско-габсбургского союза 1546 г., когда Павел III и Карл V, не любившие друг друга, договорились подавить протестантизм в Германии военным путем? Скорее всего папская курия надеялась, что Карл V, получив от нее денежную помощь, ограничится просто подчинением протестантов католической церкви. Но действия императора в первой Шмалькальденской войне (1546—1547 гг.) показали Павлу III, что Карл остался верен своей идее универсальной католической империи, в которой папству отводилась второстепенная роль. И поэтому, не желая превращать собор в орудие универсальной политики Габсбургов, папа спешно перенес его заседания из Тридента в Болонью, где тот практически бездействовал до 1562 года.

Договор с папой был подписан 26 июня 1546 года. Кроме заключения этого союза, император совершил ловкий дипломатический шаг, последствия которого во многом сказались на результатах первой Шмалькальденской войны. Карл V заметил и оценил к своей выгоде честолюбие молодого герцога Морица Саксонского, родственника лидеров Шмалькальденского союза (Иоганну Фридриху I он приходился племянником, а Филиппу Гессенскому — зятем). Иоганн Фридрих и Филипп держали Морица на вторых ролях. Сам же Мориц, человек энергичный и честолюбивый, стремился к подчинению своей власти всех саксонских земель и обладанию титулом курфюрста. Воспользовавшись обострением отношений между Карлом V и протестантскими князьями, он начал территориальные споры с Иоганном Фридрихом I³³. Тогда-то и был совершен императором блестящий дипломатический ход: Морицу обещали дать часть владений Иоганна Фридриха I и даровать титул курфюрста. Переговоры в Праге завершились заключением 4 октября 1546 г. военно-политического союза между Морицем Саксонским и Фердинандом Австрийским, согласно которому Мориц обязывался вступить в войну на стороне Габсбургов через шесть дней после начала военных действий Фердинанда против Шмалькальденского союза³⁴.

В ходе начавшейся войны Фридрих и Филипп Гессенский потерпели поражение и капитулировали, но полного подчинения протестантов не произошло. Кроме того, Карл лишился крайне необходимой ему в тот момент поддержки папы. В августе император выразил папе протест против переноса Тридентского собора в Болонью, подчеркнув, что этого делать нельзя, когда опасность нависла над христианской религией и когда решено, что все немецкие князья и епископы придут на собор³⁵. Тем не менее Карл V, надеясь после победы в первой Шмалькальденской войне подчи-

нить князей имперской власти, стал проводить жесткую политику по отношению к протестантам, получившую по месту рейхстага, на котором она была провозглашена, название политики Аугсбургского интерима, то есть периода перехода к католицизму. Объективно политика интерима была направлена на ликвидацию княжеского сепаратизма. Карл V пытался провести также имперскую реформу, которая не удалась его деду Максимилиану I, включавшую в себя создание единого имперского суда и имперской армии. Но суть дела заключалась в том, что эта политика конечной целью ставила не объединение Германии, а была лишь ступенью, опираясь на которую император намеревался нанести решающий удар Франции. Поэтому он торопился с решением проблемы княжеского сепаратизма, хотел упредить вмешательство Франции в германские дела. Иначе он не мог осуществить свои имперские планы.

Подчинение князей Карлу V являлось реальной угрозой для Франции. Баланс сил явно мог нарушиться в пользу императора. И новый французский король Генрих II (1547—1559), преследовавший протестантов у себя в стране, стал выражать недовольство религиозной политикой Карла в Германии и в этом смысле старался найти общий язык с папской курией. Кардинал де Гиз вполне серьезно обсуждал в Риме планы наступательного союза против императора³⁶. Послы германских князей затеяли на Аугсбургском рейхстаге длительные споры по религиозным вопросам, без особого успеха для императора проходило обсуждение характера и функций имперского суда. Это были тревожные симптомы для Карла, но он упорно стремился проводить политику интерима. 13 августа 1548 г. самый продолжительный рейхстаг XVI в. был окончательно распущен.

Последующие события были логическим результатом Аугсбургского интерима. Политикой императора были недовольны как протестантские, так и католические князья, увидевшие в ней угрозу княжескому сепаратизму. Для обороны осажденного имперскими войсками Магдебурга и защиты протестантизма ряд князей составил заговор, к которому примкнул Мориц Саксонский, считавший себя обделенным в результате интерима — его претензии на роль единственного саксонского монарха так и не были осуществлены. 5 октября 1551 г. в Лохау князья во главе с Морицем решили начать войну против Карла V в союзе с французским королем. Согласно заключенному 15 января 1552 г. в Шамборе договору Генрих II обещал на все время ведения военных действий ежемесячно предоставлять князьям по 70 тыс. крон, а в первые два месяца — 80 тыс. крон. За это Генриху II были обещаны епископства Мец, Туль, Верден и Камбре. Договор не имел религиозных статей, что облегчало его проведение в жизнь³⁷.

20 марта 1552 г. последовал открытый разрыв между князьями и императором. Войска князей неожиданно совершили стремительный марш в Тироль. Карл V бежал из Инсбрука, а 15 августа Фердинанд подписал в Пассау договор, отменявший Аугсбургский интерим и предоставлявший свободу Иоганну Фридриху I и Филиппу Гессенскому. Однако император не признал этого договора, его отношения с Фердинандом ухудшились, к существовавшим ранее трениям добавились разногласия по вопросу о престолонаследии. Фердинанд, занятый своими австрийскими делами, не подходил для роли продолжателя универсалистской политики, но императором после смерти Карла V должен был стать именно он, и поэтому Карла заботило, чтобы наиболее богатые земли габсбургских владений, то есть Нидерланды, Испания и Италия, оказались под властью его сына Филиппа, чего не хотел Фердинанд, которому достались бы не очень богатая Австрия и раздробленная Германия.

Между тем французские послы в июне 1552 г. убеждали на рейхстаге в Вормсе германских князей, что Карл V не отказался еще от планов установления тирании в Германии³⁸. Франция по договору в Пассау получила Мец, Туль и Верден, важные крепости на границе с Германией. Но Карл V не сдавался, он пытался создать из числа своих сторонников в Германии новые политические союзы. В апреле 1553 г. он создал Меммингенский союз, в который вошли архиепископы Кельнский и Зальцбургский,

кардинал Аугсбургский, епископ Айхштедтский, города Аугсбург и Ульм. Князья не спешили вступить в него, ибо их интересы находились в явном противоречии с политикой императора. Карл V попытался сформировать еще один союз в Западной Германии, получивший название Гейдельбергского, в который вошли архиепископы Майнцский и Трирский, курфюрст Пфальцский, а также герцоги Юлих-Клеве и Вюртембергский. Но участники союза из числа князей рассматривали его как средство обороны на случай решительных действий императора.

На рейхстаге, начавшем работу 14 октября 1554 г. во Франкфурте, вновь зашла речь об установлении единого порядка в Германии. Но все эти меры оказались безуспешными³⁹. Сепаратизм князей после событий 1552 г. получил дополнительный импульс, планы князей и императора решительно не совпадали, опереться на города и бюргерство Карл даже не помышлял, а опора только на католических прелатов и немногочисленных сторонников из числа князей оказалась явно недостаточной.

Одновременно Карл V, пытаясь всеми средствами спасти идею универсальной монархии, предпринял попытку втянуть в орбиту своей политики Англию. Для этого он воспользовался сложившейся в этой стране в середине 1553 г. политической ситуацией в связи с восшествием на престол дочери Генриха VIII от брака с Екатериной Арагонской Марии Тюдор, воспитанной своей матерью в католическом духе. Активность Карла V вполне объяснима, ибо англо-габсбургский союз мог сыграть решающую роль в войне с Францией и германскими княжествами. Примечательно, что император советовал своему послу в Лондоне С. Ренару указывать Марии на необходимость проявления терпимости в вопросах веры⁴⁰. Главным для Карла V было не столько восстановление в Англии католицизма, сколько вступление ее в войну против Франции.

Энергичные меры королевы Марии, направленные на восстановление в Англии католической веры, встревожили императора, понимавшего, что религиозная нетерпимость Марии могла помешать вступлению Англии в войну против Франции. Парламент, отказавшийся отменить королевское верховенство над церковью, в еще меньшей степени готов был дать согласие на вступление Англии в военные действия. Такой поворот событий стал толчком к рождению у Карла V идеи женить своего сына Филиппа на незамужней Марии (английская королева была старше жениха на десять лет). Для Карла V брак Филиппа и Марии стал теперь, по сути дела, единственным способом втянуть Англию в войну с Францией и германскими княжествами.

14 января 1554 г. было официально объявлено о браке, но согласно брачному договору Филипп не имел права объявлять войну или заключать союзы без согласия Тайного совета. Отправляя своего сына в Лондон, Карл V дал ему следующие наставления: чтобы успокоить парламент и дворянство, следовало сделать денежные подарки наиболее влиятельным лицам в королевстве, а также дворянам королевской свиты. Император открывал свои истинные замыслы, написав, что Филипп должен повести дело так, чтобы дворяне держали оружие наготове для вступления в войну против Франции, а военные корабли находились в своих портах. О религиозных делах Карл V даже не упомянул, сделав вид, что ни он сам, ни Филипп не причастны к внутренней политике Марии⁴¹. Тем самым как бы делались два примирительных жеста: один — в сторону оппозиции, другой — в сторону королевы.

Однако внутренняя обстановка в Англии не благоприятствовала осуществлению планов императора. Недовольство политикой Марии в английском обществе было настолько сильным, что королева, еще в феврале 1554 г. отказавшаяся подтвердить договор 1546 г. между Англией и Францией, не рискнула поднять вопрос о вступлении Англии в войну против Франции. Габсбургская дипломатия в главном для себя вопросе английской политики потерпела неудачу. Правда, Англия вступила в войну с Францией, но много позже, в 1557 г., когда Карл V был уже не у дел. А в 1554 г. он оказался не в силах создать достаточно мощную коалицию против германских кня-

жеств и Франции. Тем самым было ускорено заключение с германскими княжествами Аугсбургского религиозного мира (сентябрь 1555 г.), нанесшего удар по попыткам Карла Габсбурга создать универсальную католическую монархию.

Оставалась еще надежда на религиозный раскол среди князей, но возглавивший протестантских князей младший брат Морица Саксонского Август (1553—1586) был весьма умеренным политиком, стремившимся сохранить довольно слабое единство протестантского лагеря. 12 марта 1555 г. протестантские князья заключили союз с целью отстаивать принципы «Аугсбургского вероисповедания». В кругах, близких к императору, высказывалось опасение, что число князей — противников империи может увеличиться, а Фердинанд не сумеет дать удовлетворяющий князей ответ, и поэтому могут повториться события 1552 года⁴². В итоге Фердинанд был вынужден на Аугсбургском рейхстаге 14 сентября 1555 г. объявить о согласии с принципами «Аугсбургского вероисповедания»⁴³. Так был заключен Аугсбургский религиозный мир, олицетворением которого стал знаменитый принцип «чья власть, того и вера». Религиозный раскол в Германии означал усиление ее политической раздробленности, но раздробленности, спасавшей отдельные княжества от поглощения наднациональной империей Карла V.

Имперская идея Карла V была в основе все же средневековой, феодальной, возникшей из типично средневековых представлений о династической природе государства, хотя внешне она и может показаться неким, но, конечно, чрезвычайно слабым подобием идеи современного федерализма. Поэтому она неизбежно пришла в противоречие с процессом формирования национальных государств, являвшимся не только следствием развития централизованных монархий предшествующей эпохи, но и подкрепленным генезисом капитализма и становлением национального самосознания. Вследствие действия этих факторов столкновение имперской идеи и идеи национального государства неизбежно приобретало характер не только политический, но и социальный, а также национальный. В то же самое время эта идея противоречила тенденции к укреплению региональной и территориальной государственности, пустившей уже достаточно глубокие корни в Италии и особенно в Германии, где она была естественным выходом в ситуации, когда условия для объединения «снизу» были недостаточными, а империя была явно «выше» национальных интересов.

Тенденции к национальной и территориальной государственности оказались сильнее имперской идеи, поскольку они больше соответствовали потребностям государственного и регионального развития различных земель Западной Европы XVI века. Окончательное крушение идеи Габсбургов в итоге Тридцатилетней войны 1618—1648 гг. было не только результатом военных и дипломатических усилий стран — участниц антигабсбургской коалиции, но и следствием утверждения национальной и территориальной государственности. В конечном итоге имперская политика Карла V вопреки своим целям и намерениям способствовала как консолидации национальных государств, в первую очередь Англии и Франции, так и укреплению территориальных государств типа германских княжеств.

Примечания

1. ERLANGER Ph. Charles Quint. P. 1980, p. 17.
2. БРАЙС Д. Священная римская империя. М. 1892, с. 198, 201, 204.
3. KOENIGSBERGER N., MOSSE E. Europe in the XVIth Century. Lnd. 1968, pp. 174 -175, 212—213.
4. ANATRA B. Carlo V. T. 1. Firenze. 1974, p. 11.
5. RASSOW P Die Kaiseridee Karls V dargestellt an der Politik der Jahre 1528—1540. Brl. 1932, S. 22, 364, 370; TRITSCH W. Karl V. Bd. 1. München. 1937, S. 260, 552.
6. KOENIGSBERGER H. The Habsburgs and Europe. 1515—1660. Ithaca — Lnd. 1971; NORDMANN C. La montée de la puissance européenne. P. 1976; FERDINANDY M. Karl V.

- München. 1978; LAHNSTEIN P. Auf die Spuren Karls V. München. 1979; Das römisch-deutsche Reich im politischen System Karls V. München — Wien. 1982; RODRIGEZ-SALGADO M. The Changing Face of Empire. Cambridge — N. Y. 1988.
7. РУТЕНБУРГ В. И. Италия и Европа накануне нового времени. Л. 1974, с. 110; ГОНЧАРОВА В. И. Проблемы имперской политики накануне Реформации (1493—1516 гг.). Автореф. канд. дисс. Л. 1990; ANGERMEIER H. Königtum und Landfriede im deutschen Spätmittelalter. München. 1966.
 8. WIESFLECKER H. Das Reich, Österreich und Europa an der Wende zur Neuzeit. Bd. V. München. 1986, S. 53, 447.
 9. PRESS V. Patronat und Klientel im Heiligen Römischen Reich. München. 1988, S. 23, 38—39, 46.
 10. *Negotiations diplomatiques entre la France et l'Autriche durant les trente premières années du XVIe siècle.* T. II. P. 1835, pp. 125—133.
 11. Цит. по: История дипломатии. Т. I. М. 1959, с. 252.
 12. BRADY T. Rites of Autonomy, Rites of Dependence: South German Civic Culture in the Age of Renaissance and Reformation. Ann Arbor. 1989, pp. 19, 21.
 13. BUSCH W. Cardinal Wolsey und die englisch-kaiserliche Allianz 1522—1525. Bonn. 1886, S. 3, 8.
 14. *The Letters of King Henri VIII.* Lnd. 1936, pp. 32, 33—35.
 15. *Papiers d'état du cardinal de Granvelle.* T. I. P. 1841, pp. 270—272.
 16. *Die Korrespondenz Ferdinands I.* Bd. I. Wien. 1912, S. 366.
 17. MEGLIO G. di. Carlo V e Clemente VII dal carteggio diplomatico. Milano. 1970, pp. 10, 20—21, 28.
 18. *Corps universelle diplomatique di droit des gens.* T. IV, Pt. II. Amsterdam. 1728, pp. 1—7.
 19. *Correspondenz des Kaisers Karl V.* Bd. I. Leipzig. 1844, S. 168—169, 294—295, 403—405.
 20. DRÜFFEL A. von. Kaiser Karl V und die Römische Kurie 1544—1546. Bd. 13. München. 1877, S. 251.
 21. *Correspondenz des Kaisers Karl V.* Bd. III, S. 435—438.
 22. PRESS V. Reformatorische Bewegung und Reichsverfassung. Stuttgart. 1987, S. 15, 21.
 23. *Ibid.*, S. 42.
 24. SCHULZE V. Concordia, Discordia, Tolerantia. Brl. 1987, S. 43—79.
 25. TETLEBEN V. von. Protokoll des Augsburger Reichstages 1530. Göttingen. 1958, S. 69, 76—77, 98, 121—122, 142—144, 180, 196.
 26. *Correspondenz des Kaisers Karl V.* Bd. I, S. 437.
 27. SALOMISS M. Die Pläne Kaiser Karl V für eine Reichsreform mit Hilfe eines allgemeinen Bundes. Helsinki. 1953, S. 83—84.
 28. *Papiers d'état du cardinal de Granvelle.* T. I, p. 582.
 29. *Ibid.* T. II, pp. 107, 239.
 30. SALOMIES M. *Op. cit.*, S. 86.
 31. CARDAUNS L. Von Nizza bis Crepy. Leipzig. 1923, S. 90.
 32. MÜLLER J. Die Politik Kaiser Karl V am trienter Konzil im Jahre 1545.— *Zeitschrift für Kirchengeschichte*, Bd. XLIV, Gotha. 1925.
 32. BLASCHKE K. Moritz von Sachsen. Göttingen. 1983; WARTENBERG G. Landesherrschaft und Reformation: Moritz von Sachsen und die albertinische Kirchenpolitik bis 1546. Weimar. 1988.
 34. *Politische Korrespondenz des Herzogs und Kurfürsten Moritz von Sachsen.* Bd. II. Leipzig. 1904, S. 872—877.
 35. ANATRA B. *Op. cit.* T. 1, p. 115.
 36. RABE H. Reichsbund und Interim. Köln — Wien. 1971, S. 240.
 37. LUTZ H. *Christianitas Afflicta.* Göttingen. 1964, S. 68; STEINMETZ M. Deutschland 1476—1648. Brl. 1978, S. 233.
 38. *Dokumente zur Geschichte Karl's V, Philipp's II und ihrer Zeit.* Regensburg. 1862, S. 197.
 39. SALOMIES M. *Op. cit.*, S. 166—167, 221—222.
 40. *Papiers d'état.* T. IV, p. 229.
 41. *Ibid.*, pp. 267, 268.
 42. *Ibid.*, pp. 451, 463—464.
 43. *Corps universelle diplomatique.* T. IV, Pt. III, p. 68.

Корифей отечественной адвокатуры (Жизнь и судьба Н. П. Карабчевского)

Н. А. Троицкий

Адвокатура считалась неперменным атрибутом правового государства с античных времен. Сильная, независимая, авторитетная адвокатура всегда была показателем силы и зрелости самого государства и даже цивилизации, а стало быть — фактором не только юридическим, но также социальным, политическим, культурным. Неслучайно многие премьер-министры и президенты западных стран вышли из адвокатов, а такие адвокаты, как Т. Джефферсон и А. Линкольн, М. Робеспьер и Ж. Дантон, И. Гете и В. Скотт, Д. Мадзини и Л. Кошут, М. Ганди и Б. Хуарес, оставили яркий след в мировой истории и культуре.

В России адвокатура конституировалась поздно (в 1866 г.) и с первого же дня была поставлена в жесткие условия, но сумела подняться — и юридически, и даже политически — на необычайную для самодержавной страны высоту. К 1914 г. в России было 16,5 тыс. адвокатов¹, а их самоуправляющаяся корпорация (присяжных поверенных) завоевала национальное и международное признание. Имена ее корифеев были известны всей стране и далеко за ее пределами, а длинный ряд выигранных ими политических процессов («50-ти», «193-х», морозовских ткачей, мултанских удмуртов, В. Засулич, Е. Созонова, М. Бейлиса и многих других) вызвал общероссийский и мировой резонанс.

В блистательном ряду таких адвокатов, как В. Д. Спасович и Д. В. Стасов, Ф. Н. Плевако и П. А. Александров, С. А. Андреевский и А. И. Урусов, В. Н. Герард и В. И. Танеев, Л. А. Куперник и П. А. Потехин, А. Н. Турчанинов и А. Я. Пассовер, О. О. Грузенберг и П. Н. Малянтович, А. С. Зарудный и Н. К. Муравьев, опыт которых мог бы служить образцом и ныне, одно из главных мест принадлежит Николаю Платоновичу Карабчевскому. Впервые он заявил о себе еще в 1877 г. на процессе «193-х», в 80-е годы XIX в. был уже знаменит, но и в начале XX в., когда выдающиеся адвокаты «первого призыва» большей частью отступили на второй план или ушли со сцены и вообще из жизни, Карабчевский оставался звездой первой величины, а последние 10 лет существования старой адвокатуры (после того как в 1907 г. устранился от ее дел и в 1908 г. умер Плевако) был самым авторитетным и популярным в стране адвокатом.

Имя Карабчевского, которое когда-то почти 40 лет кряду гремело, сегодня знакомо только специалистам — больше юристам, чем историкам.

Троицкий Николай Алексеевич — доктор исторических наук, профессор Саратовского университета.

Монографий о нем (как, впрочем, и о других знаменитых русских адвокатах, кроме Плевако, даже о «короле адвокатуры» Спасовиче) до сих пор нет, хотя он впечатляюще представлен во всех очерках по истории русского судебного красноречия², в словаре-альбоме П. К. Мартыанова и даже в учебном пособии лингвиста В. В. Виноградова³. Между тем, жизнь и судьба Карабчевского отражены в разнообразных источниках. Это, в первую очередь, речи, статьи, очерки, воспоминания⁴, мемуары его друзей, коллег, современников⁵, а также материалы его архивного фонда (1329 ед. хр.)⁶, включая написанную неизвестным автором и правленную им самим рукопись его биографии, доведенной до 1890-х годов.

Путь Карабчевского в адвокатуру от новичка до знаменитости был крут и прям, хотя он и стал адвокатом чуть ли не вынужденно, по стечению неблагоприятных для него обстоятельств. Родился он 30 ноября 1851 г. в Николаеве. Мать его, Любовь Петровна Богданович, была помещицей, а отец — Платон Михайлович, дворянин, полковник, командир уланского полка («образования домашнего», «арифметику знает», как засвидетельствовано в его формулярном списке) — имел экзотическое происхождение. «Во время завоевания Новороссийского края, — говорится в рукописной биографии Карабчевского, — каким-то русским полком был забран турецкий мальчик, определенный затем в корпус и дослужившийся в военных чинах до полковника. Фамилия ему была дана от слова «Кара» — «Черный»»⁷. Этот турчонок, Михаил Карапчи, который принял с крещением фамилию «Карабчевский» и стал, в чине полковника, крымским полицеймейстером⁸, — дед Н. П. Карабчевского.

Николаю было всего полтора года, когда умер его отец. До 12-летнего возраста он воспитывался дома гувернанткой-француженкой и бонной-англичанкой, что помогло ему уже в детстве овладеть французским и, несколько хуже, английским языком. В 1863 г. он был принят в Николаевскую гимназию особого типа, «реальную, но с латинским языком», окончил ее с серебряной медалью и в 1869 г. стал студентом Петербургского университета. Насколько далек был тогда Карабчевский от адвокатских и вообще юридических грез, видно из того, что он поступил на естественный факультет. Однако, будучи по характеру любознательным и активным, он ходил на лекции к профессорам разных факультетов, причем наибольшее впечатление произвели на него юристы — П. Г. Редкин, Н. С. Таганцев, А. Д. Градовский, И. Е. Андреевский. В результате Карабчевский, еще на первом курсе помышляя перейти в Медико-хирургическую академию, передумал, едва заглянув в анатомический театр, и со второго курса перешел на юридический факультет университета.

Впрочем, сделал он это уже после того, как на первом курсе принял участие в студенческих «беспорядках», отбыл трехнедельный арест и тем самым резко осложнил себе выбор профессии. Дело в том, что, блестяще окончив (весной 1874 г.) юридический факультет, Карабчевский узнал: чиновничья карьера юриста перед ним закрыта. «Незадолго перед тем, — вспоминал он, — в университете было вывешено объявление, что лица, желающие поступить на службу по Министерству юстиции, должны иметь от университета особое удостоверение о своей благонадежности». Правда, его неблагонадежность не мешала ему вступить в адвокатуру, как учреждение самоуправляющееся. Но к ней он относился тогда недоверчиво из-за ее «сустного сутяжничества» и считал ее «мало подходящей» для себя⁹.

Обдумав возможные варианты своей судьбы, Карабчевский решил стать... писателем. Он сочинил и отправил ни больше, ни меньше как в «Отечественные записки» пятиактную «весьма жестокую» драму «Жертва брака». «Больше месяца, стыдясь и волнуясь, — с юмором вспоминал он об этом, — я каждый понедельник вползал как-то боком, словно крадучись, в редакцию «высокоуважаемого журнала» за ответом. Иногда — о, счастье! — от «самого» Некрасова или же от «самого» Салтыкова я выслушивал отрывистые и даже как бы несколько грубоватые, похожие на окрики, ответы (наполнявшие, однако, мое сердце лучезарной надеждой), что, мол, рукопись еще не прочитана, и надо прийти еще через две недели».

Кончилось тем, что рукопись вернули автору за ненадобностью, и это так отрезвляюще подействовало на Карабчевского, что он «тут же порешил»: «Не остается ничего, кроме адвокатуры»¹⁰.

В декабре 1874 г. Карабчевский записался помощником присяжного поверенного к А. А. Ольхину, от него перешел к А. Л. Боровиковскому и затем к Е. И. Утину. Под патронатом этих трех популярных адвокатов он быстро показал себя их достойным партнером. Кстати, именно Утин — первоклассный юрист с демократическими убеждениями (брат основателя и руководителя Русской секции I Интернационала Н. И. Утина), первым оценил Карабчевского «как выдающегося из молодежи уголовного защитника и стал поручать ему некоторые дела»¹¹. На процессе «193-х», где был представлен цвет российской адвокатуры, 26-летний Карабчевский, пока еще помощник присяжного поверенного, выступал уже рука об руку с такими классиками судебного красноречия и политической защиты, как Спасович, Александров, Стасов, Герард, Потехин, Утин, Пассовер и др. К тому времени Карабчевский вполне освоился в адвокатуре, нашел в ней свое призвание и отныне превыше всего ставил долг и честь присяжного поверенного¹². Через много лет он отказался даже от кресла сенатора, которое в марте 1917 г. ему предложил А. Ф. Керенский: «Нет, Александр Федорович, разрешите мне остаться тем, кто я есть, — адвокатом»¹³.

Даже современным ценителям Карабчевский «кажется почти невероятно многогранным»¹⁴. В этом есть большая доля правды: его творческое наследие включает в себя стихи, художественную прозу и критику, переводы, судебные очерки и речи, публицистику, мемуары. Присущая ему с юных лет тяга к художественному творчеству находила выход в разных жанрах. Такой авторитет, как акад. В. В. Виноградов, признал в нем «писателя с несомненным литературным талантом»¹⁵. Это доказывают изданные в разное время с 1885 г. и собранные воедино в 1905 г.¹⁶ две его повести (лирическая — «Приподнятая завеса», и драматическая — «Гастроль»), на шумевший автобиографический роман «Господин Арсков», в котором на строгий суд читателя была «выставлена вся петербургская адвокатура»¹⁷; ряд поэтических опытов.

Среди писателей Карабчевский имел обширные знакомства — впрочем, не как литератор, а именно как адвокат. Он дружил с В. Г. Короленко, был близко знаком с А. П. Чеховым; в марте 1902 г. впервые побывал у Л. Н. Толстого в Ясной Поляне и подарил ему книгу своих только что изданных «Речей»¹⁸. Адвокатские дела связывали Карабчевского и с научным миром (так, в 1912 г. И. П. Павлов выбрал его своим представителем на суде чести¹⁹) и особенно с миром искусств. В нем Карабчевский пользовался известностью уже не столько как адвокат (хотя он и здесь иногда вел дела, например, в 1915 г. поддержал иск Собинова к дирекции императорских театров²⁰), сколько поклонника и покровителя талантов.

Художественное начало личности неудержимо влекло его ко всем музам сразу, а состояние позволяло ему меценатствовать с равным удовольствием и размахом. Молодым он сам участвовал в любительских спектаклях вместе с К. А. Варламовым и А. И. Южиным²¹, и, по-видимому, успешно, если учесть, что П. А. Стрепетовой для ее бенефиса в «Макбете» предложили взять на роль Макбета В. П. Далматова, одного из премьеров Александринского театра, или... Карабчевского²². В дружеских отношениях состоял он с Варламовым и Собиновым, В. Ф. Комиссаржевской и О. Л. Книппер-Чеховой²³. Величайший комедийный актер России, «царь русского смеха» Константин Александрович Варламов (сын композитора А. Е. Варламова) был очень привязан к Карабчевскому и мог прямо со сцены Александринки, во время спектакля, обратиться к нему, неизменно сидевшему в первом ряду партера: «А, Николай Платонович! Как вам понравилась наша пьеса? Не знаю, как вы, а я в ней чувствую себя как дома! Да, не забудьте, милый, ко мне на пирог во вторник»²⁴. В домашнем театре Карабчевского по субботам собирались для репетиций и благотворительных концертов все артистические знаменитости Петербурга²⁵, ставил новаторские спектакли В. Э. Мейерхольд²⁶. Здесь «собирались артисты всех

профессий,— вспоминала актриса и педагог Е. И. Тиме.— Приглашение в этот дом подчеркивало степень популярности молодого выдвигающегося артиста»²⁷.

Все это помогало и карьере, и репутации Карабчевского, почти идеально сочетавшего в себе самые выигрышные для адвоката качества. Высокий, статный, импозантный, «с внешностью римского патриция»²⁸, «Аполлон, предмет оваций», как шутливо рекомендовали его коллеги²⁹, Карабчевский отличался правовой эрудицией³⁰, даром слова и логического мышления, находчивостью, силой характера, темпераментом бойца. Специалисты особо выделяли его «стремительность, всепоглощающую энергию нападения, всегда открытого и прямого, убежденного в своей правоте»³¹. Подобно двум другим корифеям отечественной адвокатуры, Александрову и Урусову, Карабчевский держался правила: «вся деятельность судебного оратора — деятельность боевая». Он мог заявить прямо на суде, что в его лице защита «пришла бороться с обвинением»³². Главная его сила и заключалась в умении опровергнуть неоспоримую, казалось бы, аргументацию противника.

Карабчевский твердо знал, что нельзя полагаться только на эффект защитительной речи, ибо мнение суда, в особенности присяжных заседателей, слагается еще до начала прений сторон, а поэтому «выявлял свой взгляд на спорные пункты дела еще при допросе свидетелей»³³. Допрашивать свидетелей он умел, как никто. Вот характерный фрагмент из судебного отчета по делу Саввы Мамонтова. Идет допрос свидетелей. Только что задали свои вопросы Ф. Н. Плевако и В. А. Маклаков. «К свидетелю обращается Карабчевский. В зале водворяется тишина. Этот защитник, как видно из ряда громких процессов, где он участвовал, необыкновенно умело ставит вопросы свидетелям, причем ответ на них сам по себе уже не важен. Самый вопрос своей формой, постановкой оказывается всегда, как справедливо заметил один из корреспондентов, чем-то «вроде ярлыка, точно и ясно определяющего факт», которым заинтересована защита»³⁴.

Судьи и прокуроры, зная об этом умении Карабчевского, пытались заранее отвести или, по крайней мере, нейтрализовать его вопросы, но он отражал такие попытки. Один из клиентов Плевако рассказывал: «Карабчевскому один председатель сказал: «Господин защитник, потрудитесь не задавать таких вопросов!». А он встал и ответил: «Я, господин председатель, буду задавать всякие вопросы, которые, по моей совести и убеждению, служат к выяснению истины. Затем я и здесь, на суде». А то прокурор — они это любят, «чтобы произвести впечатление», — говорит присяжным: «Прошу вас, господа присяжные заседатели, обратить внимание на это обстоятельство!». А Карабчевский и встань: «А я, господа присяжные заседатели, прошу вас обращать внимание на все обстоятельства дела!»³⁵.

Ораторская манера Карабчевского была своеобразной и привлекательной. Глинский писал о нем, что, по сравнению с адвокатом-поэтом Андреевским, он «лишен беллетристической литературности, того поэтического колорита, которым блещет его коллега, но зато в его речах больше эрудиции, знакомства с правовыми нормами и широты социальной постановки вопросов»³⁶. Карабчевский говорил легко и эффектно, но «это не была только красивая форма, гладкая закругленная речь, струя быстро текущих слов»³⁷. В речи Карабчевского было творчество — не прежнее, вымученное в тиши кабинета, это было творчество непосредственной мысли. Когда Карабчевский говорил, вы чувствовали, что лаборатория его, духовная и душевная, работает перед вашими глазами, и вы увлекались не столько красотой результата работы, сколько мощью самой этой работы»³⁸. С. В. Карачевцев сказал о нем: «Он представлял собой красоту силы»³⁹.

Карабчевский никогда не принадлежал к «пишущим» ораторам, какими были, например, Спасович или Андреевский. Подобно Плевако, Александрову, Кони, он не писал заранее тексты своих речей. «Судебное следствие иногда переворачивает все вверх дном,— объяснял он это Льву Толстому.— Да и противно повторять заученное. По крайней мере, мне это

не дается»⁴⁰. В статье об одном из лучших судебных ораторов России Пассовере, который тоже не был «пишущим», Карабчевский так обрисовал его подготовку к защитительной речи, имея, очевидно, при этом в виду и себя. «Задолго до произнесения речи он всю ее подробно, до мельчайших деталей, не только обдумал, но и просмаковал в голове. Она не написана, т. е. ничто не записано на бумаге, однако ноты, партитура не только готовы, но и разыграны. Это гораздо лучший прием для упражнения ораторской памяти, нежели простое записывание речи и затем механическое воспроизведение ее наизусть. При таком способе помнишь не слова, которые могут только стеснять настроение и оказаться даже балластом, а путь своей мысли, помнишь этапы и трудности пути, инстинктивно нащупываешь привычной рукой заранее приготовленное оружие, которое должно послужить. При этом остается еще полная свобода, полная возможность отдаться минуте возбуждения, находчивости и вдохновения»⁴¹.

Критики Карабчевского находили, что в его красноречии «больше голоса, чем слов», «сила пафоса» вредит «ясности стиля», встречаются рассуждения «без всякой системы», поэтому на бумаге речи его «не звучат»⁴². Эти упреки не совсем справедливы. Речи Карабчевского хорошо «звучат» и на бумаге: в них есть и пластичность («Русло проложено — следствие течет и журчит, убаюкивая и усыпляя»), и образность («До первоисточника молвы труднее докопаться, нежели до центра Земли»), и экспрессия. Вот концовка речи 1901 г. за пересмотр дела Александра Тальма, осужденного в 1895 г. на 15 лет каторги по обвинению в убийстве: «Гг. сенаторы, из всех ужасов, доступных нашему воображению, самый большой ужас — быть заживо погребенным. Этот ужас здесь налицо... Тальма похоронен, но он жив. Он стучится в крышку своего гроба, ее надо открыть!»⁴³. Но, разумеется, *живая* речь Карабчевского, соединенная с обаянием его голоса, темперамента, внешности, звучала и воздействовала гораздо сильнее. «Чтение его «Речей», — свидетельствовал близкий к нему Карачевцев, — так же мало дает представления о его таланте, как партитура Мельника из «Русалки» или Мефистофеля из «Фауста» — о таланте Шляпина: кто слышал, тот никогда не забудет; кто не слышал — никогда себе не представит»⁴⁴.

Всероссийское признание Карабчевский завоевал не только талантом, но и подвижническим трудом. Мало кто из русских адвокатов мог сравниться с ним по числу судебных процессов (уголовных и политических), в которых он принял участие. Уже к 1897 г. он кроме трех губерний Петербургского судебного округа, к которому был приписан, побывал на защитах в Москве, Киеве, Казани, Нижнем Новгороде, Ростове, Таганроге, Одессе, Владикавказе, Симферополе, Каменец-Подольске, Вильне, Либаве, Гельсингфорсе. «Карабчевского, — сказал о нем Спасович на одном из адвокатских собраний 1898 г., — я не могу себе представить иначе, как в виде вагнеровского «Fliegender Holländer» (летучего голландца)»⁴⁵. Может быть, поэтому поздно (лишь в 1895 г.) был он избран членом Петербургского совета присяжных поверенных, войдя таким образом в круг, как тогда говорили, «советских генералов».

Едва ли кто-либо еще из адвокатов так влиял на судебные приговоры по уголовным и политическим делам, как это удавалось Карабчевскому. Он добился оправдания практически изблеченных в убийстве Ольги Палем в 1895 г. и братьев Скитских в 1900 г., предрешил оправдательные приговоры по Мултанскому делу 1896 г. и делу Бейлиса 1913 года. Осужденному в 1904 г. на смертную казнь Г. А. Гершуни царь заменил виселицу каторгой не без воздействия искусной защиты Карабчевского, а Созонов (убийца В. К. Плеве) в том же 1904 г. не был даже приговорен к смерти, «отделавшись» каторгой. Сам Карабчевский гордился тем, что ни один из его подзащитных не был казнен⁴⁶.

Недоброжелатели пытались объяснить его столь впечатляющие успехи беспринципностью, неразборчивостью в средствах защиты. Маклаков рассказывал, будто Карабчевский в Ясной Поляне у Толстого «целый вечер» хвастался тем, как он добился оправдания братьев Скитских, обвинявшихся

в убийстве секретаря консистории Комарова, а когда Толстой спросил: «Но кто же, по вашему мнению, Комарова убил?», без зазрения совести ответил: «Несомненно, убил Степан Скитский», чем, естественно, шокировал собеседника ⁴⁷. Именно таким, бессовестным ловкачом, представлен Карабчевский в словаре-альбоме катковца П. К. Мартьянова ⁴⁸. Очень громкое дело Ольги Палем, застрелившей в состоянии аффекта своего возлюбленного Александра Довнара, который, как выяснилось, садистски издевался над ней ⁴⁹, стало поводом для бойкой эпиграммы на Карабчевского ⁵⁰.

Думается, защита Карабчевского вопреки намекам и сплетням строилась на принципиальности его юридической и нравственной позиции. Он сам формулировал свое профессиональное кредо таким образом: «Несправедливый приговор — огромное общественное бедствие. Накопление подобных приговоров в общественной памяти и народной душе есть зло — такое же зло, как и накопление умственной лжи в сфере умственной жизни общества» ⁵¹. Следуя этому убеждению, Карабчевский всегда боролся против обвинения до тех пор, пока сохранялось хотя бы малейшее сомнение в его доказанности.

Как воинствующий гуманист, он нес в себе неиссякаемый источник «отвращения к смертной казни». Вслед за В. С. Соловьевым он считал, что смертная казнь вообще «претит русской натуре»: «Петр Великий тщетно собственноручно рубил головы стрельцам. Несмотря на этот царственный пример, и сейчас у нас палач — тот же «Каин», тот же «продавший душу», каким его считали и встарь». В страстных статьях против смертной казни («Смертная казнь», «О палачестве») Карабчевский доказывал ее несостоятельность и с юридической, и с нравственной точки зрения. Он считал: «Казнь всегда отвратительнее простого убийства и по массе в ней соучастников, и по безнаказанной торжественности, с которой убийство совершается. То, что делает, крадучись и под личной ответственностью, убийца, при казни делается открыто и безнаказанно. Здесь безнравственное явно пропагандируется, афишируется и санкционируется» ⁵².

Итак, именно принципиальность — юридическая и нравственная — определяла позицию Карабчевского. По свидетельству его помощника, позднее видного юриста Б. С. Утевского, он был «крайне осторожен в выборе клиентов» и отказывался от участия в делах, юридически или нравственно несостоятельных, даже если ему сулили при этом большие гонорары ⁵³. Впрочем, была в его защитительном искусстве и сугубо личная, совершенно уникальная особенность. Уже стареющий Карабчевский как-то, отвечая на вопрос Утевского, почему столь многоопытному адвокату «особенно удаются речи по делам об убийствах», рассказал то, о чем знали только его друзья (в частности, Андреевский). Оказывается, будучи студентом, Николай Платонович «в состоянии невменяемости» (как это признала экспертиза) убил любимую женщину, и потрясшие его тогда переживания так или иначе учитывал потом в защитительных речах. «Сколько я в своей душе покопался и до, и после убийства! — восклицал он. — Этого на сто защитительных речей хватит...» ⁵⁴.

Зато политических указателей Карабчевский как юрист не признавал. Он сторонился «политики» и даже бравировал своим аполитизмом. «Я, господа, — заявил он на процессе по делу Бейлиса, — не политик и сознаюсь, что ни в каких политических организациях и партиях вполне сознательно не принимаю участия. Я есть, был и умру судебным деятелем» ⁵⁵. Он сочинял иронические эпиграммы на все партии. Вот его эпиграмма на социал-демократов: «Жаждем мы мира//Для всего мира,//Счастья без меры//Ценой химеры» ⁵⁶. Не принадлежа ни к одной из политических партий и считая «неприемлемыми для адвоката замкнутость партийности и принесение в жертву какой-либо политической программе интересов общечеловеческой морали и справедливости» ⁵⁷, Карабчевский имел, конечно, вполне определенные политические взгляды, которые Утевский определял как праволиберальные («правее кадетов», «что-то между октябристом и кадетом»), а Смоллярчук считает леволиберальными ⁵⁸. Пожалуй, точнее, Карабчевский эволюционировал от левого либерализма (примерно до 1905 г.) к правому.

В революционном движении он вообще никогда не видел «никакой практической пользы», полагая, что и декабризм, и нигилизм 60-х годов XIX в., и терроризм 70-х имели более гуманную и плодотворную альтернативу, не реализованную отчасти по вине революционеров, а именно — «мирную просветительную работу»⁵⁹. Этому убеждению Карабчевский был верен всю жизнь, начиная с того памятного для него эпизода, когда революционеры попытались вовлечь его в свои ряды. Зимой 1877/78 г. в дни процесса «193-х» его подзащитная Е. К. Брешко-Брешковская («бабушка русской революции») внушала ему на свидании в тюремной камере, «как было бы хорошо, если бы он, оставаясь адвокатом, примкнул к их конспиративной работе». Карабчевский «шарахнулся от подобного предложения»: «Не кровью и насилием возродится мир. Низменное средство пятнает самую высокую цель. Для меня террорист и палач одинаково отвратительны!». Брешковская тогда «глубоко задумалась», но протянула ему руку: «Бог с вами, оставайтесь праведником... Предоставьте грешникам спасти мир». «Когда я в последний раз захлопнул за собою тюремную дверь,— вспоминал об этом свидании Карабчевский,— мне показалось, что я оставил живую в могиле. Может быть, про меня она, наоборот, подумала: «Ушел живой мертвец»»⁶⁰.

Отвергая в принципе революцию, Карабчевский был столь же нетерпим и к реакции. Он осуждал царизм за то, что тот избавляется от недовольных и протестующих «только виселицей, ссылками, каторгой и тюрьмами и официально диктуемым молчанием в печати. А следовало поступать как раз наоборот: из числа фрондирующих, либеральствующих, сколько-нибудь выдающихся общественных сил правительство должно было вбирать в себя систематически все самое энергичное, жизнеспособное»⁶¹. В еженедельнике «Юрист» под редакцией Карабчевского 16 января 1905 г. был напечатан фельетон А. Яблоновского «Под суд!», обличавший «величайшее бесправие русских граждан, издевательство над законом, поругание личности»⁶², а 10 июля там же Карабчевский выступил за «поголовную чистку и смену лиц, стоявших во главе современной бюрократии, вконец дискредитированной»⁶³. Можно представить себе, как воспринял он распутинщину. «Лично меня,— вспоминал он,— нередко умоляли написать «только два слова» Распутину относительно исходатайствования помилования то одному, то другому осужденному, уверяя, что именно авторитетная просьба, поддержанная им, будет иметь верный успех. Я не согрешил ни разу. Чувство нравственной брезгливости каждый раз заставляло меня наотрез, не входя ни в какие подробности, отказываться от подобных дел»⁶⁴.

С 1869 г., когда 18-летний Карабчевский был арестован за участие в студенческих волнениях, он по крайней мере до 1905 г. оставался под жандармским подозрением и надзором как «неблагонадежный». В 1878 г. жандармы инкриминировали ему участие в антиправительственной панихиде, в 1899 — сбор средств в пользу нелегального Красного Креста, в 1900 и 1903 гг. — «неуместные суждения о действиях администрации» на судебных процессах⁶⁵. В конце 1903 г. директор Департамента полиции А. А. Лопухин по поручению министра внутренних дел В. К. Плеве вызвал Карабчевского и потребовал от него под угрозой административной ссылки отказаться от публичных разоблачений жандармского беззакония⁶⁶. Добиться этого Лопухину не удалось, а в 1904 г. Карабчевский принял участие в трех коллективных акциях протеста против карательной политики царизма, включая декабрьское письмо 112 литераторов и ученых (В. Г. Короленко, В. И. Семевского, П. Ф. Якубовича и др.⁶⁷).

Антиправительственные настроения Карабчевского имели под собой не только юридическую и нравственную, но и семейную опору. Он был женат первым браком (1876—1902 гг.) на сестре народовольца С. А. Никонова Ольге Андреевне, революционно настроенной и неизменно помогавшей революционерам, «как только могла»⁶⁸. В 1887 г. перед отправкой Никонова в ссылку по делу о покушении на царсубийство Карабчевский вызвался быть шафером на его свадьбе с народоволкой Н. В. Москопуло в церкви Дома предварительного заключения, а в 1897 г. принял к себе помощником

только что отбившего административную ссылку другого брата своей жены, А. А. Никонова ⁶⁹.

Все это и ряд блистательных выступлений на политических процессах обеспечили Карабчевскому широкую популярность в радикальных кругах. Поэтому на его юбилей (25 лет работы в звании присяжного поверенного) 13 декабря 1904 г. съехались, наряду с умеренно либеральными корифеями адвокатуры «первого призыва» П. А. Потехиным, А. Н. Турчаниновым, А. Я. Пассовером, В. О. Люстигом ⁷⁰ — «ультра-левые», по выражению Карабчевского, лидеры «молодой адвокатуры»: Н. Д. Соколов, А. А. Демьянов, П. Н. Переверзев, Ф. А. Волькенштейн, Б. Г. Барт (Лопатин) и др. Здесь и случился инцидент, который вызвал отклики даже в прессе Германии и Англии.

После ряда застольных речей без всякой политики «левые» начали произносить речи «митингового характера. Меня,— вспоминал Карабчевский,— чуть не провозгласили анархистом и будущим главою революции. Жена моя, терпеливо до тех пор слушавшая, вдруг поднялась во весь рост и, чеканя каждое слово... сказала, что не может допустить, чтобы в ее присутствии и в ее доме позволяли себе вести революционную пропаганду». Все «левые» тут же «демонстративно шумно» встали и направились к выходу. «Мое положение было не из веселых,— как бы оправдывался Карабчевский много лет спустя.— Провожая их у дверей, я просил их остаться, но не находил возможным ни оправдывать их митинговых выступлений, ни извиняться за вполне естественный при ее стойких убеждениях протест жены» ⁷¹.

Незадолго до юбилея Карабчевский вступил во второй брак, с Ольгой Константиновной Варгуниной — дочерью бумажного фабриканта. В качестве приданого Николай Платонович получил роскошный особняк на Знаменской улице Петербурга (дом 45), построенный Б. Растрелли, и огромное состояние, что, может быть, и подвинуло его вправо — как бы навстречу убеждениям новой супруги. По свидетельству Утевского, «она была черносотенкой, ненавидела адвокатов. Как и все черносотенцы, она была скандалисткой» ⁷². Если в первый брак Карабчевский вступал по любви, то во второй — скорее по расчету, хотя к 1904 г. он, будучи в зените славы, «умел и любил получать огромные гонорары» и мог бы даже без варгунинских миллионов жить припеваючи. Но он «не ценил денег,— поясняет Утевский.— Огромные гонорары, которые он получал, быстро таяли в его руках. Он широко раздавал деньги, охотно давал «в долг без отдачи». Я точно знал (из его завещания, при составлении которого я был свидетелем), что у него почти не было накоплений» ⁷³.

На политических процессах Карабчевский выступал безвозмездно. По словам Утевского, «особенно удивительно, что Карабчевский при всей его романтической природе, при его весьма ограниченных политических взглядах был исключительно блестящ как политический защитник. В речах на политических процессах он настолько внутренне сживался с подсудимым, что начинал мыслить, как он, смотреть на все его глазами, иногда даже говорить его словами. Карабчевский в таких случаях был смелым и мужественным и возвышался до подлинного пафоса и художественности» ⁷⁴. Как политический защитник Карабчевский стоял выше всех отечественных адвокатов, поскольку Александров редко выступал и рано умер, не успев проявить своих дарований, а «король адвокатуры» Спасович, при всех его достоинствах, на политических процессах грешил принижением обвиняемых, чтобы таким образом облегчить их участь.

Процесс «193-х» (18 октября 1877 — 23 января 1878 гг.) — первый и самый крупный из политических процессов, на которых Карабчевскому довелось выступить как защитнику,— стал для него своего рода боевым крещением, навсегда определившим его сочувствие борцам за свободу, их политическим идеалам и нравственным качествам, исключая лишь их подпольные «крайности». Он и спустя полвека не мог забыть «революционное кредо» Ипполита Мышкина, ратовавшего со скамьи подсудимых за «наисправедливейшую форму будущего строя»: «оно потрясло и захватило всю аудиторию... Проповедь Мышкина, я убежден, запала глубоко не в одну

молодую душу». Она запала тогда и в душу Карабчевского. Он с волнением слушал трибуна революции, а когда жандармы схватили Мышкина, пытаясь зажать ему рот, Николай Платонович, «потеряв голову, угрожающе бросился на жандармского офицера с графином в руках» ⁷⁵.

На процессе «193-х» помощник присяжного поверенного Карабчевский только набирался опыта как политический защитник, хотя уже тогда блеснул искусством опровергать обвинение: из трех его подзащитных двое были оправданы. В дальнейшем, уже как присяжный поверенный, Карабчевский ни на одном политическом процессе никогда не отступал на второй план. С 1878 до 1917 г., как правило, он вел политические дела либо один, либо во главе группы адвокатов. На знаменитом разбирательстве Мултанского дела 1896 г. против удмуртских крестьян, провокационно обвиненных в «человеческом жертвоприношении», где среди четырех защитников выступил Короленко, Карабчевский был настоящим «бодзим-восясь» (верховным жрецом) защиты ⁷⁶. Именно он после шквального допроса свидетелей опроверг юридическую базу обвинения, установив, что «всё открытое оказалось подогнанным под ранее намеченное» ⁷⁷, после чего оправдательный приговор был предрешен. Карабчевский возглавлял защиту и на сходном по своей провокационной сущности всемирно известном процессе 1913 г. по делу Бейлиса — киевского конторщика, еврея, который тоже был обвинен в ритуальном убийстве. И здесь в блестящей защитительной речи он не оставил от обвинения камня на камне ⁷⁸, и Бейлис был оправдан.

Впрочем, Карабчевский блистал не только на крупных и громких процессах. Он мог привлечь общественное внимание и к делу скромному, как, например, первое в России дело кадетов (членов «Союза освобождения» — ядра будущей конституционно-демократической партии) Е. В. Аничкова и А. В. Борман-Тырковой весной 1904 года. По поводу записки антиправительственного содержания, извлеченной при обыске у Аничкова «из корзины для ненужных бумаг», Карабчевский на суде заявил: «Мы миримся с мыслью, что у нас нет свободы слова, но как отнять у себя уверенность, что у нас есть, по крайней мере, свобода мысли? Мало ли что я могу набросать у себя и для себя на бумаге!.. Этого у человека отнять никто не может, как нельзя отнять у него право дышать. Я могу быть убежденнейшим революционером в мысли, могу поверять свои заветные думы бумаге, завещать их далекому потомству, когда распространение их перестанет быть преступлением. Я не вправе лишь сочинить нечто предназначенное для распространения, чего распространять нельзя под страхом наказания» ⁷⁹.

На политических процессах Карабчевский сражался за своих подзащитных, рискуя перейти ту «демаркационную» линию, которая отделяла защитника от подсудимого. С наибольшей силой это сказалось на двух процессах 1904 г., которые и принесли ему самую большую славу. Это процессы по делам Григория Гершуни и, особенно, Егора Созонова.

Дело основателя и руководителя Боевой организации эсеров Г. А. Гершуни слушалось 18—25 февраля 1904 г. в Петербургском военно-окружном суде. Стараниями сыска и следствия, а также благодаря предательству боевика Е. К. Григорьева Гершуни необратимо был подведен под смертный приговор. Однако Карабчевский нашел пути к спасению его жизни. Во-первых, он юридически и нравственно акцентировал тот факт, что обвиняемый лично ни в одном из террористических актов не участвовал. Главное же, Карабчевский настойчиво изыскивал и фиксировал в конструкции обвинения малейшую неопределенность. В ответ на заключение одного из экспертов, что он «с почти полной несомненностью» удостоверяет подпись Гершуни на улике, Николай Платонович воскликнул: «Гг. судьи! Сказать «почти» в таком вопросе недостаточно, ибо не можете же вы подсудимого Гершуни «почти» повесить!» ⁸⁰.

Отчасти расшатав таким образом обвинение, Карабчевский «создал атмосферу, в которой можно было поднять вопрос о замене для Гершуни смертной казни пожизненной каторгой» ⁸¹.

Но Гершуни категорически отказался просить о помиловании: «У нас

это не принято»⁸². Тогда Карабчевский решил подать такую просьбу от своего имени, «что до сих пор не практиковалось»⁸³. На последнем свидании с Гершуни в камере смертников он заявил своему подзащитному: «Меня, соприкоснувшегося с вами и с вашим делом не в качестве вашего единомышленника, а только как защитника, вы не вправе лишать общих прав человека и гражданина — протестовать лично против смертной казни и действовать в данном случае сообразно моим собственным убеждениям. Я подам просьбу о помиловании от своего имени и под своей личной ответственностью. В ней не будет сказано, что просите о помиловании вы, просить, т. е., по-вашему, «унижаться» буду я».

«Заявление мое было категорично,— вспоминал Карабчевский.— Приберег я его к самому концу свидания и, не ожидая ответа, протянул руку для прощания»⁸⁴. В таком положении Гершуни не считал нужным возражать. По ходатайству Карабчевского царь заменил Гершуни смертную казнь пожизненным заключением. Гершуни был отправлен в Акатуйскую тюрьму, откуда уже через год бежал за границу.

На процессе Созонова в Петербургской судебной палате 30 ноября 1904 г. положение Карабчевского (как и его подзащитного) было еще труднее. Созонов, схваченный на месте преступления, после того как он взорвал своей бомбой бронированную карету, в которой ехал к царю министр внутренних дел и шеф жандармов Плеве, был обречен на смертную казнь. Единственный и притом микроскопический шанс спасения для него Карабчевский увидел в том, чтобы переключить хотя бы отчасти внимание суда и общества на ряд преступлений самого Плеве против человечности. В яркой, вдохновенной защитительной речи⁸⁵ он доказывал, что Созонов был движим не чувством мести лично Плеве, а идеей самопожертвования ради общего блага: «Отнимая у другого человека жизнь — жизнь, которую он считал опасною и губительною для родины...

Председатель. Прошу не употреблять таких выражений!

Карабчевский. Он охотно отдавал за нее и собственную, молодую, полную сил жизнь, как плату за свою отважную решимость. Какую еще более дорогую плату он мог бы предложить для засвидетельствования всей искренности и всего бескорыстия побудивших его мотивов?»

Главное же, Созонов решился на самопожертвование под воздействием «объективных условий»: «После убийства министра Сипягина вакантное место занял Плеве. Балмашев⁸⁶ был повешен. В обществе воцарилось гробовое молчание. Печать — единственная выразительница общественного настроения — или подневольно молчала, или заискивала у всемогущего министра, раболепствовала перед ним...

Председатель. Я лишу вас слова, если вы еще раз позволите себе подобные выражения!

Карабчевский. Печать, к сожалению, безмолвствовала.

Председатель. Я же остановил вас!

Карабчевский. Вы остановили меня, но не остановили моей мысли, и она продолжает работать. Я должен дать ей выход...»

Выдержав паузу, Карабчевский закончил речь впечатляющей атакой на карательную политику Плеве и всего царского режима. Плеве «настоял на повешении Балмашева, он заточил в тюрьму и послал в ссылку тысячи невинных людей, он сек и расстреливал крестьян и рабочих, он глумился над интеллигенцией, сооружал массовые избиения евреев в Кишиневе и Гомеле, он задушил Финляндию, теснил поляков, он влиял на то, чтобы разгорелась наша ужасная война с Японией, в которой уже столько пролито и еще столько прольется русской крови... Созонову казалось, что это — чудовище, которое может быть устранено только другим чудовищем — смертью. И принимая трепетными руками бомбу, предназначенную для Плеве, он верил, свято верил в то, что она начинена не столько динамитом, сколько слезами, горем и бедствиями народа. И когда рвались и разлетались в стороны ее осколки, ему чудилось, что это звенят и разбиваются цепи, которыми опутан русский народ...

Председатель. Я запрещаю вам! Вы не подчиняетесь! Я принужден буду удалить вас!

Карабчевский. Так думал Созонов... Вот почему, когда он очнулся, он крикнул: «Да здравствует свобода!»».

Эта речь стала событием не только в жизни Карабчевского, но и в истории русской адвокатуры. После речи Александрова в защиту Веры Засулич (1878 г.) ни одна из защитительных речей на политических процессах в России не производила столь сильного впечатления на современников. Хотя до 1916 г., когда текст ее появился в 3-м издании «Речей» Карабчевского, эта речь находилась под цензурным запретом, широкие общественные круги знакомы с нею по нелегальным и зарубежным изданиям, спискам и устным рассказам.

В 1911 г., к 60-летию Карабчевского, его помощники изготовили подарочное издание этой речи. «Единственный экземпляр, — вспоминал Утевский, — был издан с исключительной роскошью и художественным вкусом, благодаря взявшему на себя художественное оформление книги прекрасному графику Георгию Нарбуту. Книга печаталась в лучшей русской типографии Голике и Вильборга на пергаменте. Сафьяновый переплет был сделан по эскизу Нарбута. Все заглавные буквы, виньетки, форзац были от руки сделаны тушью самим Нарбутом. Цензура не разрешала печатать эту речь Карабчевского, но так как издавался один экземпляр, мы договорились с цензором. Карабчевский был рад этой книге. Он хранил ее в своем письменном столе»⁸⁷.

Блестящий юрист, а не политик, как он сам о себе говорил, и гуманист Карабчевский защищал не столько политические идеалы революционеров (их средства борьбы он вообще отвергал), сколько их право на свободу мнений и личности, право на жизнь. Во всяком случае, он имел больше, чем кто-либо, оснований заявить 16 мая 1917 г. от имени корифеев российской адвокатуры: «Мы были всюду, куда нас звал сословный долг к защите права и справедливости. С Брешковской, Перовской, Засулич, Гершуни, Созоновым и всеми передовыми борцами и мучениками за свободу... мы стояли бок о бок, защищая их своей грудью. Мы смело боролись за их участь, за их судьбу свободным словом»⁸⁸.

Русская присяжная адвокатура благодаря таким людям, как Карабчевский, за полвека существования добила многого. Она противостояла всякому беззаконию, в любых условиях отстаивала нормы права. В советское время, уже 22 ноября 1917 г., присяжная адвокатура была упразднена, а ее сохранившиеся кадры подверглись гонениям и уничтожению. Жертвами сталинского террора в числе других стали: защитник Вацлава Воровского и Петра Заломова П. Н. Малянтович, сын знаменитого Германа Лопатина Б. Г. Барт-Лопатин, защитник Ивана Каляева и Николая Баумана М. Л. Мандельштам, защитник Михаила Фрунзе Б. М. Овчинников, семья душеприказчика Льва Толстого, защитника большевиков — депутатов IV Думы Н. К. Муравьева.

В 1922 г. была создана советская адвокатура, но она так и не поднялась как правовой институт. По числу адвокатов на душу населения СССР уступал странам Восточной Европы в 2—4 раза, а США — более чем в 15 раз⁸⁹. О юридическом и тем более политическом весе советской адвокатуры говорить вообще трудно. В процессе формирования правового государства с достойной его адвокатурой, она обязана учесть и рационально использовать все лучшее из опыта русской присяжной адвокатуры.

Карабчевский не принял Октябрьской революции, эмигрировал и остаток своих лет провел не у дел на чужбине. Умер он 6 декабря 1925 г. в Риме и похоронен там, как свидетельствовал очевидец три года спустя, «на полузаброшенном кладбище»⁹⁰. Впрочем, свои последние восемь лет он прожил как бы сверх собственного предназначения. Он родился адвокатом, хотя сам не сразу осознал это, и как адвокат исчерпывающе проявил себя к 1917 году. В ряду звезд отечественной адвокатуры знатоки ставили его либо сразу после Спасовича и Плевако, либо вровень с ними, а иные (Слиозберг, Карачевцев⁹¹) — и выше всех. Популярный журнал «Нива» еще при жизни Спасовича и Плевако писал о Карабчевском: «В настоящее время невозможно указать другого такого же могучего словом и духом судебного деятеля и оратора»⁹².

По совокупности достоинств он, пожалуй, был в России ближе всех к тому идеалу адвоката, который один из грандов европейской адвокатуры француз М. Пайе определял следующим образом: «Дайте человеку все качества ума, дайте ему всю силу характера, заставьте его все видеть, все изучить, все запомнить; пусть он неумолимо работает в течение 30 лет своей жизни, пусть он сразу будет и литератором, и критиком, и моралистом, пусть у него будет опыт старца, пыл юноши, неизгладимая память дитяти; заставьте, наконец, всех фей по очереди приходить к его колыбели и одарять его всеми дарами, и тогда, может быть, вы сумеете образовать совершенного адвоката»⁹³. Карабчевский принадлежал старой русской присяжной адвокатуры. Ее конец стал, в сущности, и его концом. Верно сказал о нем его современник: «Есть что-то величественное и жуткое в том, что этот Самсон русской адвокатуры погиб вместе с адвокатурой, и что даже само здание петербургского суда сгорело, после того как Карабчевский оставил его навсегда: нет жреца — нет больше храма!»⁹⁴.

Примечания

1. Судебные уставы 20 ноября 1864 г. за 50 лет. Т. 2. Пг. 1914, с. 260.
2. ЛЯХОВЕЦКИЙ Л. Д. Характеристика известных русских судебных ораторов. СПб. 1897; ГЛИНСКИЙ Б. Б. Русское судебное красноречие. СПб. 1897; ТИМОФЕЕВ А. Г. Судебное красноречие в России. СПб. 1900; РУАДЗЕ В. А. Два судебных оратора. СПб. 1912; КАРАЧЕВЦЕВ С. В. Жизнь и суд. Рига. 1929; МИХАЙЛОВСКАЯ Н. Г., ОДИНЦОВ В. В. Искусство судебного оратора. М. 1981; СМОЛЯРЧУК В. И. Гиганты и чародеи слова. М. 1984.
3. ВИНОГРАДОВ В. В. О теории художественной речи. М. 1971, с. 144—147. Появившийся в 1983 г. первый специальный очерк о нем — квалифицированный, но очень краткий, основан на узком круге только опубликованных материалов (СМОЛЯРЧУК В. И. Н. П. Карабчевский — русский судебный оратор и писатель. — Советское государство и право, 1983, № 8).
4. КАРАБЧЕВСКИЙ Н. П. Около правосудия. СПб. 1908; е го же. Мирные пленники. Пг. 1915; е го же. Речи (1882—1914). 3-е изд. Пг. — М. 1916; е го же. Что глаза мои видели. Чч. 1—2. Берлин. 1921.
5. МАНДЕЛЬШТАМ М. Л. 1905 год в политических процессах. М. 1931; СЛИОЗБЕРГ Г. Б. Дела минувших дней. Тт. 1—3. Париж. 1933; ГРУЗЕНБЕРГ О. О. Вчера. Воспоминания. Париж. 1938; УТЕВСКИЙ Б. С. Воспоминания юриста. М. 1989.
6. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 827 (Н. П. Карабчевский).
7. Там же, оп. 1, д. 3, л. 1.
8. ГРУЗЕНБЕРГ О. О. Ук. соч., с. 47.
9. КАРАБЧЕВСКИЙ Н. П. Около правосудия, с. 1, 3.
10. Там же, с. 3, 8.
11. ЛЯХОВЕЦКИЙ Л. Д. Ук. соч., с. 129.
12. Звание присяжного поверенного Карабчевский получил 13 декабря 1879 года.
13. КАРАЧЕВЦЕВ С. В. Ук. соч., с. 9.
14. МИХАЙЛОВСКАЯ Н. Г., ОДИНЦОВ В. В. Ук. соч., с. 13.
15. ВИНОГРАДОВ В. В. Ук. соч., с. 145.
16. КАРАБЧЕВСКИЙ Н. П. Приподнятая завеса (Проза и стихи). СПб. 1905, 404 с.
17. Судебные драмы, 1902, № 2, с. 396.
18. ГАРФ, ф. 827, оп. 1, д. 3, л. 59.
19. УТЕВСКИЙ Б. С. Ук. соч., с. 109—112.
20. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ), ф. 864, оп. 1, д. 260, лл. 1—2.
21. ГНЕДИЧ П. П. Книга жизни. Л. 1929, с. 114.
22. П. А. Стрепетова. Воспоминания и письма. М.-Л. 1934, с. 468.
23. См.: О. Л. Книппер-Чехова. Воспоминания и статьи. Т. 1. М. 1972, с. 181, 250; В. Ф. Комиссаржевская. Письма актрисы. Воспоминания о ней. Материалы. Л. 1964, с. 109, 143, 311. Дружеские письма Карабчевского Собинову см.: РГАЛИ, ф. 864, оп. 1, д. 531.
24. ХОДОТОВ Н. Н. Близкое — далекое. Л.-М. 1962, с. 251.
25. Л. В. Собинов. Статьи, речи, письма. Т. 2. М. 1970, с. 174.

26. МЕЙЕРХОЛЬД В. Э. Переписка (1896—1939). М. 1976, с. 385, 388.
27. Л. В. Собинов. Т. 2, с. 174.
28. ЮРЬЕВ Ю. М. Записки. Т. 2. Л.-М. 1963, с. 32.
29. Известия и заметки.— Судебные драмы, 1902, № 2, с. 396.
30. Карабчевский был в числе учредителей авторитетного еженедельника «Право» (1898—1918 гг.), а с 1902 по 1905 г. вместе с Ляховецким издавал еженедельник «Юрист» и сам часто выступал на его страницах по различным вопросам права. Он писал статьи о французской адвокатуре и редактировал материалы английских судебных процессов.
31. Н. В. Рец.: Карабчевский Н. П. Речи (1882—1901).— Право, 1901, № 22, с. 1119.
32. КАРАБЧЕВСКИЙ Н. П. Речи. СПб. 1902, с. VI, 4.
33. ГРУЗЕНБЕРГ О. О. Ук. соч., с. 47.
34. Дело С. И. Мамонтова.— Судебные драмы, 1900, № 9, с. 49.
35. ДОРОШЕВИЧ В. М. Чествование Ф. Н. Плевако.— Русское слово, 8.XII.1902.
36. ГЛИНСКИЙ Б. Б. Ук. соч., с. 81.
37. «Речь его мчится быстро и лихо, словно русская тройка» (ЛЯХОВЕЦКИЙ Л. Д. Ук. соч., с. 131).
38. СЛИОЗБЕРГ Г. Б. Ук. соч. Т. 3, с. 72.
39. КАРАЧЕВЦЕВ С. В. Ук. соч., с. 10.
40. ГАРФ, ф. 827, оп. 1, д. 3, л. 60.
41. КАРАБЧЕВСКИЙ Н. П. Около правосудия, с. 144—145.
42. А. И. Урусов. Статьи. Письма. Воспоминания о нем. Т. 3. М. 1907, с. 280; ЛЯХОВЕЦКИЙ Л. Д. Ук. соч., с. 131.
43. КАРАБЧЕВСКИЙ Н. П. Речи (1882—1902), с. 528, 370, 560.
44. КАРАЧЕВЦЕВ С. В. Ук. соч., с. 10.
45. СПАСОВИЧ В. Д. Застольные речи (1873—1901). Лейпциг. 1903, с. 71.
46. КАРАБЧЕВСКИЙ Н. П. Маленькие речи.— Юрист, 1904, № 19, с. 714.
47. МАКЛАКОВ В. А. Из воспоминаний. Нью-Йорк. 1954, с. 176.
48. МАРТЪЯНОВ П. К. Цвет нашей интеллигенции. Словарь-альбом русских деятелей XIX в. СПб. 1893, с. 128.
49. В. Пикуль написал об этом деле роман «Ступай и не греш!» (М. 1990).
50. Судебные драмы, 1902, № 2, с. 396.
51. КАРАБЧЕВСКИЙ Н. П. Речи (1882—1902), с. 497.
52. КАРАБЧЕВСКИЙ Н. П. Около правосудия, с. 178, 185—186, 181.
53. УТЕВСКИЙ Б. С. Ук. соч., с. 71, 120, 124. Среди тех, кто обращался к Карабчевскому за юридической помощью и получил отказ, были продажный журналист В. П. Буренин и фаворитка Николая II М. Ф. Кшесинская. Прогнав Буренина, Карабчевский выругался: «Руки хочется помыть после таких субъектов. Экая мразь!» (там же, с. 98; КШЕСИНСКАЯ М. Ф. Воспоминания. Париж. 1953, с. 320).
54. УТЕВСКИЙ Б. С. Ук. соч., с. 150—151.
55. КАРАБЧЕВСКИЙ Н. П. Речи (1882—1914), с. 579.
56. ГАРФ, ф. 827, оп. 1, д. 27, л. 1.
57. КАРАЧЕВЦЕВ С. В. Ук. соч., с. 12.
58. УТЕВСКИЙ Б. С. Ук. соч., с. 145, 148; СМОЛЯРЧУК В. И. Н. П. Карабчевский — русский судебный оратор и писатель, с. 115.
59. КАРАБЧЕВСКИЙ Н. П. Что глаза мои видели. Ч. 2, с. 4—5.
60. Там же. с. 31, 32.
61. Там же, с. 166—167.
62. Юрист, 1905, № 2—3, с. 51—52.
63. Там же, № 28, с. 996.
64. КАРАБЧЕВСКИЙ Н. П. Что глаза мои видели. Ч. 2, с. 17.
65. ГАРФ, ф. 109, 3-я эксп., 1878 г., д. 68, ч. 1, л. 111; ф. 102, ОО, 1901 г., д. 938, л. 1; 1902 г., д. 1479, л. 10, 11 об.
66. КАРАБЧЕВСКИЙ Н. П. Что глаза мои видели. Ч. 2, с. 37—40.
67. Искра, 1901, № 4; Право, 1904, № 48, с. 3343—3345; Революционная Россия, 1904, № 57, с. 11—13.
68. РГАЛИ, ф. 1337, оп. 1, д. 160, л. 151 (воспоминания С. А. Никонова).
69. Там же, лл. 148, 317.
70. Короленко, Спасович, Кони прислали приветствия. Юбилей отмечался дома. От официального чествования Карабчевский и в 1904 и в 1914 гг. уклонялся (см. Право, 1914, № 52, с. 3593).

71. Подробно об этом см.: КАРАБЧЕВСКИЙ Н. П. Что глаза мои видели. Ч. 2, с. 48—49.
72. УТЕВСКИЙ Б. С. Ук. соч., с. 82. Карабчевский очень любил свою первую жену. Ее памяти он посвятил издание своих «Речей» 1902 г. и ряд стихотворений, а в декабре 1904 г., будучи уже в браке с Варгуниной, открыл в кассе пособий адвокатам благотворительный фонд «имени О. А. Карабчевской» (Отчет Совета присяжных поверенных при СПб. судебной палате с 1 марта 1904 г. по 5 февраля 1905 г. СПб. 1905, с. 44—45).
73. УТЕВСКИЙ Б. С. Ук. соч., с. 153.
74. Там же, с. 151—152.
75. КАРАБЧЕВСКИЙ Н. П. Что глаза мои видели. Ч. 2, с. 30.
76. КОРОЛЕНКО В. Г. Собр. соч. Т. 10. М. 1956, с. 254.
77. КАРАБЧЕВСКИЙ Н. П. Речи (1882—1902), с. 382.
78. КАРАБЧЕВСКИЙ Н. П. Речи (1882—1914), с. 570—590.
79. Судебные отчеты.— Право, 1904, № 27, с. 1443.
80. Революционная Россия, 1904, № 47, с. 23.
81. МАНДЕЛЬШТАМ М. Л. 1905 год в политических процессах. М. 1931, с. 235.
82. КАРАБЧЕВСКИЙ Н. П. Около правосудия, с. 198.
83. КАРАБЧЕВСКИЙ Н. П. Что глаза мои видели. Ч. 2, с. 43.
84. КАРАБЧЕВСКИЙ Н. П. Около правосудия, с. 199.
85. Полный текст ее см.: КАРАБЧЕВСКИЙ Н. П. Речи (1882—1914), с. 483—498.
86. Эсер С. В. Балмашев, застреливший министра внутренних дел Д. С. Сипягина, тоже выбрал своим защитником Карабчевского, но тот был тогда занят на другом процессе (КАРАБЧЕВСКИЙ Н. П. Что глаза мои видели. Ч. 2, с. 43), поэтому защищал Балмашева Люстиг.
87. УТЕВСКИЙ Б. С. Ук. соч., с. 154—155. В той части архива Карабчевского, которая хранится в ГАРФ, этого издания нет. В монографии П. А. Белецкого «Георгий Иванович Нарбут» (Л. 1985) оно даже не упомянуто.
88. Право, 1917, № 16, с. 900—902.
89. СТЕЦОВСКИЙ Ю. И. Советская адвокатура. М. 1989, с. 100.
90. КАРАЧЕВЦЕВ С. В. Ук. соч., с. 13.
91. Там же, с. 8; СЛИОЗБЕРГ Г. Б. Ук. соч. Т. 3, с. 72.
92. Нива, 1904, № 52, с. 1058.
93. АЛЛУ Р., ШЕНИ Ш. Великие адвокаты XIX в. М. 1898, с. 123.
94. КАРАЧЕВЦЕВ С. В. Ук. соч., с. 9.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

Петр I

Я. Е. Водарский

Однозначно оценивать Петра I как государственного деятеля и человека нельзя. Да и возможно ли? У современников и потомков его преобразования вызывали прямо противоположные мнения. Наиболее четко они были сформулированы в споре западников и славянофилов в середине XIX века. Западники утверждали, что всему лучшему в своей истории Россия обязана Петру; по мнению же славянофилов, он изменил национальному началу в истории России, исказил русскую культуру заимствованиями из западной и нанес вред естественному ходу развития страны. Как правильно отмечает современный исследователь, вокруг его имени сложилось немало легенд и стереотипов: «царь-плотник, работник на троне», «суровый, но справедливый и демократичный», «выражал интересы господствующего класса», «драл три шкуры» с крестьян и т. п.¹ Сами по себе это в общем-то правильные оценки, только носящие частный характер.

В целом русские историки положительно относятся к деятельности Петра: его реформы «вывели Россию на путь ускоренного экономического, политического и культурного развития»; «Петр резко интенсифицировал происходившие в стране процессы, заставил ее совершить гигантский прыжок, перенеся Россию сразу через несколько этапов»; «даже такое одиозное орудие абсолютистского государства, каким была деспотическая, самодержавная власть, превратилось благодаря исторически оправданным и в максимальной степени соответствующим интересам развития России действиям Петра Великого в фактор прогресса»². Однако когда вдумываешься в приводимые ими же факты и в их анализ, обнаруживается несоответствие выводов этим оценкам, которые тоже являются стереотипами.

Петр родился 30 мая 1672 г. от второго брака царя Алексея Михайловича с Натальей Кирилловной Нарышкиной. Здоровьем и живостью он резко отличался от своих старших братьев Федора и Ивана, рожденных от первого брака с Милославской (Федор, вступивший на престол в 1676 г. после смерти отца, умер, не дожив месяца до 22-х лет; Иван был от рождения болезненным и неспособным к правлению), и ходили слухи, что его отцом был не царь Алексей. Ничего определенного сказать по этому поводу нельзя, а довод о живости Петра неубедителен, потому что царевна Софья, рожденная от Милославской, была женщиной очень энергичной.

Федор Алексеевич умер 27 апреля 1682 г., и царем был провозглашен

Водарский Ярослав Евгеньевич — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН.

Петр, а 15 мая в Москве вспыхнуло давно назревавшее восстание стрельцов. Они были пехотой в составе русского войска. Положение их было своеобразным: основная их масса (20 полков) жила в Москве в своих дворах, и в мирное время, когда всю армию распускали по домам (кроме двух солдатских полков), они занимались ремеслом и торговлей. Восстание было вызвано злоупотреблениями полковников, временщиков и военачальников, которые притесняли стрельцов, вымогали деньги, заставляли работать на себя и т. п.

23 апреля, за четыре дня до смерти Федора, стрельцы подали ему челобитную, 29 апреля — вторую, а 15 мая с оружием ворвались в Кремль. Противники пришедших к власти Нарышкиных распустили слух об убийстве Ивана, и царица Наталья вынуждена была вывести на крыльцо царя Петра и царевича Ивана. Но успокоить стрельцов не удалось: они ворвались во дворец, были убиты два брата царицы и ряд ненавистных стрельцам сановников. Происходило это на глазах Петра, и, вероятно, испытанное им потрясение было причиной того, что в минуты нервного напряжения с ним случались припадки: непроизвольно кривился рот, дергались щека, шея и нога, появлялись конвульсии, и он терял самообладание.

Сторонники Нарышкиных были отстранены от власти, которая перешла к царевне Софье: царями были объявлены Иван и Петр, а она провозглашена правительницей, Петр и царица Наталья были удалены в подмосковное село Преображенское. Софья приблизила к себе князя В. В. Голицына, который стал главой правительства. Стрельцов усмирили, сделав им ряд уступок и созвав для острастки дворянское ополчение; расположения их этим Софья не приобрела. Еще более ослабили ее положение два неудачных военных похода Голицына против крымских татар. Их пришлось предпринять, вступив в коалицию Польши, Австрии (точнее, Священной Римской империи, императором которой был Леопольд Австрийский) и Венеции против Турции; за помощь со стороны России Польша отказалась от своих притязаний на Киев.

Мать Петра просила найти ему учителя кроткого и набожного; был выбран подьячий Никита Зотов. Обучение началось 12 марта 1677 г., когда Петру еще не было пяти лет. Как и полагалось, он наизусть затвердил азбуку, Часослов, Псалтырь, Евангелия и Деяния апостолов. Впоследствии он «свободно держался на клиросе, читал и пел своим негустым баритоном не хуже любого дьячка»³. Что же касается грамоты, то Петр всю жизнь писал с ужасающими орфографическими ошибками. Несомненной заслугой Зотова является изучение Петром истории России. И дело, видимо, не ограничивалось только рассказами учителя: по словам самого Петра, он читал и русские летописи. Можно предположить, что именно тогда было заложено основание любви к отечеству, которая была характерна для Петра I.

Поселившись в Преображенском, Петр оказался предоставленным самому себе. Как и все мальчишки, он любил играть в войну, а возможности были большими — у него имелись не оловянные, а живые солдатики: приставленные к нему по обычаю его сверстники. С годами игра усложнялась. В русской армии того времени были дворянская конница, стрельцы, полки «иноземного строя» (в советской историографии их стыдливо называли полками «нового строя»), а также артиллерия, служило много иноземцев. Постепенно Петр сформировал два батальона «потешных» войск, позднее развернутых в Преображенский и Семеновский полки, бомбардирскую роту, и под руководством иноземных офицеров (живших в соседней с Преображенским Немецкой слободе) стал всерьез проходить воинское обучение, начав «службу» с барабанщика.

Иноземные офицеры учили его арифметике, геометрии, фортификации, обращению с боевыми гранатами, он выучился пускать «потешные огни» — фейерверки, что стало одной из его любимых забав. Дело было поставлено широко: в 1686 г. на прудах возле Преображенского даже строились большие лодки. В 1688 г. в с. Измайлове Петр нашел старый бот и с удивлением узнал, что есть такие корабли, которые могут ходить против ветра. Ботик

и рассказы о больших морских кораблях настолько захватили его воображение, что он решил сам научиться строить большие корабли. Немедленно в Немецкой слободе нашли корабельного мастера, а когда позднее Петр побывал в Архангельске и своими глазами увидел море, заочная любовь к нему превратилась в настоящую страсть и сохранилась до конца его дней.

Третьим большим увлечением Петра (после моря и военного дела) было изучение ремесел: ему нравилось работать руками и все делать самому. По его признанию, уже в молодости он знал 14 ремесел; больше всего он любил работать на токарном станке, плотничать при постройке кораблей. Чем объяснить стремление Петра все испытать самому, не брезгуя даже черной работой? Как справедливо замечает один из исследователей, «невозможно себе представить, чтобы его богомольный отец, «тишайший» Алексей Михайлович, освободившись от пышного царского одеяния, орудовал мастерком каменщика или молотом кузнеца»⁴. Огромную, если не решающую роль здесь сыграло то, что Петр был окружен не спесивыми боярами, а специалистами своего дела. Товарищами его детских игр стали работники большого царского хозяйства и их дети: конюхи, сокольники и кречетники, стадные работники, ремесленники и т. п.

Между обычным царевичем и этими людьми стоял заслон воспитателей и ближних слуг, спальников, стольников и других придворных, его сверстников из знатнейших фамилий, которые блюли этикет и ограждали царевича от общения с простыми слугами. Между Петром и ими такого заслона не было, и любознательный мальчик видел перед собой людей, умеющих и обращаться с конями и починить какую-либо вещь. Естественно, что у него появлялось желание научиться самому делать все то, что умели делать товарищи его игр. Так было, прежде всего, с военной службой: раз уж играть в солдатики, то надо самому знать все, что должен уметь солдат. Стрелять из пушки интереснее, чем маршировать, и Петр стал бомбардиром. А разве не увлекательно самому построить корабль? И в 1691 г. Петр спускает на Язу построенную им самим яхту.

В 1689—1690 гг. сложилась компания близких друзей Петра. Скоро наибольшее значение в ней приобрели сын придворного конюха Александр Меншиков, иноземец капитан Франц Лефорт и стольник князь Ф. Ю. Ромодановский. Меншиков, годом моложе Петра, был беспредельно предан, исполнительен, понятлив и инициативен. Отдавая ему приказание, Петр был уверен, что оно будет выполнено, а если возникнут непредвиденные обстоятельства, то Меншиков будет действовать так, как действовал бы он сам. И когда они возникали, уверенность Петра оправдывалась. Швейцарский уроженец Лефорт был наемным офицером, вдвое старше Петра. Этот умный человек больше всего любил веселье, — «дебошан французский», как отозвался о нем один из современников (князь Б. И. Куракин). Лефорт сумел понять характер Петра и быстро завоевал доверие, став ему совершенно необходимым. Третьим человеком, которому Петр верил безгранично, так, что, уезжая в 1697 г. за границу, вверил ему политический сыск и фактическую власть в государстве, был Ромодановский — «собою видом, как монстра; нравом злой тиран; превеликой нежелатель добра никому; пьян по все дни» (по отзыву того же князя Куракина).

В компанию царевича входили представители старой знати (Ф. М. Апраксин и другие), наполовину или вполне обрусевшие иностранцы (генерал П. Гордон, проживший в России три десятка лет, Я. Брюс, родившийся в ней) и русские — сослуживцы Петра по потешному войску. В компании было принято товарищеское обращение, в том числе и к царю — «бомбардиру Петру Михайлову», на чем он настаивал и за несоблюдение чего строго выговаривал. Шуточным главой компании был князь Ромодановский, имевший титул «князь-кесарь»; его «указами» Петр получал очередные чины по службе.

Проходя службу в потешном войске, работая на верфях, веселясь в компании, Петр продолжал учиться осаде крепостей и постройке кораблей. Построив яхту на Язе, он в том же году заложил военный корабль на Плещеевом озере. Побывав в 1693 г. в Архангельске, заказал построить

большой корабль в Голландии и заложил корабль на архангельской верфи. В 1694 г. он снова поехал в Архангельск, где его ждал уже построенный корабль и куда прибыл корабль из Голландии. Осенью того же года Петр участвовал в большой военной игре в Кожухове, под Москвой. В течение трех недель происходил штурм крепости, было задействовано до 30 тыс. солдат и стрельцов, 24 человека убито и 50 ранено. Некоторые исследователи считают, что это были первые в Европе военные маневры; объективно это так, но сам Петр впоследствии писал, что он относился к этому, как к игре.

Кроме военного дела и судостроения, большое развитие получила еще одна игра — в «сумасброднейший, всешутейший и всепьянейший собор». В октябре 1691 г. Петр сочинил для него устав. Во главе его 1 января 1692 г. он поставил своего бывшего учителя Никиту Зотова с титулом «святейший кир Ианикита, архиепископ Пресбурхский и всея Яузы и всего Кукуя патриарх» и «князь-папа» (Пресбургом называлась крепость на Яузе, которую штурмовало потешное войско, Кукуй — ручей, протекавший по Немецкой слободе, которая по нему тоже называлась «Кукуй»), был и конклав «собора» из 12 кардиналов. Сам Петр исполнял обязанности дьякона. Первой заповедью членов «собора» было ежедневное пьянство. При приеме нового члена вместо «веруешь ли?» спрашивали: «пьешь ли?». Некоторые обряды нельзя описать, так они неприличны. «Собор» действовал от случая к случаю и непременно по праздникам, устраивая «Бахусовы пиры» и «побоища с Ивашкой Хмельницким».

В устройстве «собора» были использованы понятия не только православной церкви (патриарх и прочие), но и католической (папа, конклав, кардиналы). Н. Н. Молчанов справедливо оценивает «собор» как злейшую пародию на всю церковную иерархию и «святотатство необыкновенное»⁵. Но почему Петр, конечно, веривший в бога и даже принимавший участие в службах (пел на клиросе), учинил такую игру? Историки теряются в догадках. Разумеется, вполне справедливы их указания на чуть ли не поголовное пьянство не только высших иерархов, но и монахов, и рядовых священников. Известно, что в Западной Европе были организации, пародировавшие церковные учреждения⁶. Возможно, Петр об этом знал. Некоторые авторы видели в учреждении «собора» стремление развенчать тогдашнего патриарха. Действительно, по существовавшему обычаю, в Вербное воскресенье устраивалось торжественное шествие, в котором царь под уздцы вел ослицу, на которой восседал патриарх. Петр устраивал шествие своих «соборян», в котором «князь-папа», он же «всешутейный патриарх», ехал верхом на быке в сопровождении повозок, запряженных свиньями, медведями и козлами.

«Собор» имел, конечно, своей целью унижение церковных иерархов, и прежде всего патриарха, унижение церкви как организации, претендовавшей на разделение власти с царем. Кроме того, это было и способом унижения боярства, представители которого либо принимались в члены «собора», либо подвергались наездам «соборян» и унижениям в своих домах. Нуждаясь в разрядке после тяжелой физической работы, воинских экзерциций, умственного напряжения, Петр избирал иногда такой вид увеселения. Грубость же форм, в которые эти игры выливались, объясняется, как отметил Н. И. Павленко, недостатками воспитания Петра, его грубыми вкусами, бьющей через край энергией⁷. Не следует забывать, что Петр воспитывался отнюдь не в утонченной среде и имел возможность удовлетворять любые прихоти.

В играх, военной службе, физической работе на верфях, буйных и непристойных увеселениях шли годы его детства и юности. Что он вынес из этих лет? Он стал солдатом, барабанщиком, артиллеристом, даже пострадал в одной из военных игр (ему опалило лицо взрывом гранаты). Он стал корабельным плотником и овладел другими ремеслами, необходимыми для строительства небольших кораблей. Он стал патриотом, убежденным сторонником западной культуры и науки, противником дедовских обычаев, мешавших перенять эти культуры и науки. Он не получил того воспитания,

которое было обязательным для русских царевичей,— его воспитала среда дворовых людей, конюхов и других простолюдинов, иноземных искателей приключений, грубых наемных солдат и ремесленников, с которыми он, сам солдат, офицер, моряк и ремесленник, чувствовал себя свободно: курил табак, пил водку, так же, как они, нес солдатскую службу и так же тяжело физически работал,— словом, он был одним из них, и пользовался их уважением не только потому, что был царем, а еще и потому, что, как и они, был труженик. Так же, как они, он и развлекался: грубо, пьяно, с юношеским пылом переходя границы благоразумия и пристойности в насмешках над теми, в которых чувствовал своих недоброжелателей: над церковью, боярством, а также над обычаями, стеснявшими его.

В 1689 г. Петру исполнилось 17 лет, и он мог претендовать уже на реальную власть. Сторонники Софьи пытались заручиться поддержкой стрельцов, чтобы предотвратить переход власти к Петру, а может быть, и убить его. В ночь с 7 на 8 августа 1689 г., получив внезапно известие о сборе стрельцов в Кремле, Петр убежал из дворца в Преображенском в ближайшую рощу в одной рубашке; ему принесли туда одежду, и он с несколькими сопровождавшими ускакал в Троице-Сергиев монастырь — под защиту его стен. По его призыву туда пришли перешедшие на его сторону солдатский и несколько стрелецких полков; Софью не поддержал никто, и она была заточена в Новодевичий монастырь. Власть перешла к сторонникам Нарышкиных, но Петр сразу не взял ее в свои руки: у него были свои намерения.

В семейной жизни он был несчастлив. В 1689 г. мать женила его, надеясь, что он остепенится, на Евдокии Лопухиной, девушке из захудалого дворянского рода. Петр не встретил у нее понимания, не обрел в ней подругу жизни, а по молодости лет и занятости своими делами не уделил внимания ее перевоспитанию (неизвестно, удалось ли бы ему это). Он махнул рукой на жену и родившегося в 1690 г. сына Алексея и свободное время проводил в Немецкой слободе у своей любовницы Анны Монс (по некоторым данным, она была любовницей Лефорта, уступившего ее своему юному другу⁸; друзья Петра и в дальнейшем делились с ним своими подругами). Любовь Петра к Анне Монс, начавшаяся около 1692 г., продолжалась до начала 1703 года. Разбирая бумаги утонувшего под Шлиссельбургом саксонского посланника Кенигсека, Петр узнал об их связи и немедленно порвал с Анной.

В 1694 г. умерла царица Наталья, и Петр взял власть в свои руки. (Его соправитель царь Иван, умерший в 1696 г., участия в государственных делах не принимал.) Он хотел поехать в Западную Европу, но Россия была связана союзническими обязательствами с коалицией, которая воевала с Турцией. Конечно, явиться перед европейскими монархами хотелось победителем. Но куда направить удар? Опыт походов Голицына указывал на опасность удара со стороны Крыма, но татары, хоть и вассалы Турции, но все же не турки. Значит, надо брать Азов: там и турки, и выход в море, и возможность устроить базу для похода против крымцев.

В 1695 г. русская армия двинулась к Азову. Кожуховскую игру генерал Гордон насмешливо назвал «военным балетом», предостерегая против серьезного к ней отношения. Похоже, что и поход под Азов для Петра был продолжением игры. Никто не подумал о том, что турки беспрепятственно могут получать подкрепления и продовольствие морем; никто не разведал характера крепости, которую предстояло осаждать. Первый поход окончился отступлением от стен Азова. Вот это событие и следует считать концом военных игр Петра, завершившим его отрочество и юность. Он начинает мыслить и поступать как государственный деятель.

В Воронеже еще при царе Алексее появились верфи, на которых строили речные суда. Теперь на них были заложены и большие корабли. Петр лично принимал участие в их постройке. К весне следующего 1696 года была готова целая эскадра: 2 больших корабля, 23 галеры и 4 брандера. С их помощью Азов был взят. Так было положено начало славной 300-летней истории Российского флота.

Во время Азовских походов Петр как государственный деятель проявил себя хорошим организатором; как человек, он не падал духом при неудаче, не терял самообладания. Именно Азовские походы Петр считал началом своей военной службы.

Теперь можно было строить базу для флота на берегу Азовского моря (Таганрог) и снаряжать посольство в Западную Европу. Но прежде всего надо было отпраздновать победу. Для московских жителей, ужасавшихся пьяным потехам Петра и его компании, празднество стало еще одним потрясением. Триумфальная арка с изображениями неизвестных голых мужиков (греческих и римских богов), поверженных врагов и с библейскими изречениями, роскошная карета «патриарха всешутейного собора» Никиты Зотова, не менее роскошная карета адмирала Лефорта, — и царь, который, вместо того, чтобы появиться в роскошном наряде в окружении пышно и красочно одетых бояр, шел в простом камзоле, неся в руке копьё!

Не считаясь с чувствами простого народа и бояр, Петр пока еще был вынужден считаться с Боярской думой. Он созвал ее 20 октября, и она утвердила его решения: поместить гарнизон в Азове, послать 20 тыс. человек для строительства Таганрога и — историческое решение — «морским судам быть!» Но где взять деньги на их постройку? Где взять морских офицеров и кораблестроителей? 4 ноября Боярская дума утвердила еще одно решение Петра: владельцы 100 и более дворов крепостных крестьян объединяются в «кумпанства», и каждое из них (по 10 тыс. дворов светских владельцев и по 8 тыс. дворов церковных землевладельцев) дает деньги на постройку одного корабля. Посадские люди (то есть купцы и ремесленники в городах) все вместе оплачивают постройку 14 кораблей. Всего таким способом предстояло за два года построить 52 военных корабля. 22 ноября Петр уже единолично приказал послать за границу для обучения морской службе и вождению кораблей 61 человека из молодых представителей боярских и дворянских родов (в том числе 23 из княжеских).

Хотя большинство армии составляли полки «иноземного строя», стрельцы, поддержавшие в 1682 г. Софью, представляли большую силу. После взятия Азова Петр не распустил стрелецкие полки, а часть их направил на западную границу. Стрелецкий полковник Циклер вошел в сговор с окольным Соковниным и стольником Федором Пушкиным и целью поднять мятеж против Петра, опираясь на недовольных стрельцов. 23 февраля 1697 г. заговор был раскрыт, а в начале марта заговорщики подвергнуты жестокой казни.

Через несколько дней из Москвы в Западную Европу отправилось Великое посольство. В него входили три великих посла — Ф. Лефорт, Ф. А. Головин и П. Б. Возницын — и большая свита, около 250 человек, среди которых был «урядник Петр Михайлов» — царь. Вместе с ним ехали 35 молодых волонтеров. Официальной целью Великого посольства было укрепление союза против Турции и Крыма. Но все это было лишь прикрытием для путешествия Петра. Склонный еще к игре, он сделал себе печать с красноречивой надписью: «Аз бо есмь в чину учимых и учащих мя требую».

Петр учился в Бранденбурге артиллерийскому делу и получил аттестат, в котором он признавался «огнестрельным мастером». Затем он приехал в Саардам, о котором много слышал от мастеров, работавших в России. Но в Саардаме строились лишь купеческие суда, поэтому через неделю Петр перебрался в Амстердам и проработал на верфях более четырех месяцев; при нем там был заложен и при его участии построен военный корабль. Однако и Амстердам его не удовлетворил, потому что тамошние мастера не могли научить его теории кораблестроения. Он поехал (уже без посольства, только с волонтерами) в Англию и проработал там еще три месяца.

И в Голландии и в Англии он интересовался не только кораблестроением, но буквально всем, с чем встречался: осматривал фабрики, мастерские, китобойный флот, госпитали, воспитательные дома, ботанический сад, приборы Левенгука (изобретателя микроскопа), анатомические «театры» (в одном из них поцеловал в восхищении «отлично приготовленный» (по

словам С. М. Соловьева) труп ребенка, в другом, увидев на лицах спутников отвращение, заставил их кусать труп), занимался гравированием и т. п. Попутно Петр нанял на русскую службу более 900 специалистов, от вице-адмиралов до корабельного повара. Из Англии он вернулся в Амстердам и оттуда поехал с посольством в Вену, где встретился с цесарем. Там Петр получил известие о восстании стрельцов и, отменив поездку в Венецию, вернулся в Россию.

Какие впечатления вынес Петр из первого путешествия в Западную Европу? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо представить себе разницу в экономическом и культурном уровне России и передовых стран Западной Европы, в которых он побывал. Эта разница была очень значительна, и если с западноевропейской культурой Петр хотя бы отчасти был знаком по московской Немецкой слободе — отчасти потому, что в слободе жили все-таки иноземцы низших и средних слоев («отбросы» западного мира, по словам В. О. Ключевского), — то экономическое развитие Западной Европы было для него открытием. В Голландии строились одновременно сотни кораблей (только в Амстердаме имелось несколько десятков верфей), во многих городах работали парусные, канатные, бумажные, стекольные, текстильные, красильные, кирпичные, лесопильные мануфактуры, производились навигационные приборы, в стране имелись тысячи мастерских. В Англии уже в начале столетия в больших количествах добывали уголь и железную руду, более тысячи печей плавилы железо, много было текстильных, мыловаренных и других мануфактур, в том числе крупных, имевших по несколько тысяч рабочих.

Как писал с присущей ему образностью В. О. Ключевский, «возвращаясь в Россию, Петр должен был представлять себе Европу в виде шумной и дымной мастерской с машинами, кораблями, верфями, фабриками, заводами»⁹. Но, кроме того, в обеих странах широко было развито книгопечатание (в Англии в первой половине столетия вышло в свет около 40 агрономических трактатов), выходили труды по философии и политической экономии таких классиков, как Гоббс, Спиноза, Петти, таких писателей, как Мильтон. Выходили газеты, работали театры¹⁰. Несомненно, Петр был осведомлен и об экономическом развитии Франции, в частности, о результатах деятельности Кольбера, который поощрял торговлю, создание крупных мануфактур, снабжавших армию, при котором был создан большой флот.

А что было тогда в России? Несколько железоделательных заводов около Тулы, Каширы, близ Москвы и Воронежа; несколько соляных, кожевенных, стекольных, писчебумажных мануфактур, медеплавильный завод. Не тысячи и не сотни, а единицы мануфактур. Армии, по существу, не было: только несколько солдатских полков, стрельцы и дворянская конница с плохим вооружением; между войнами армию распускали по домам; флот отсутствовал. Школ мало, при церквях, учат только грамоте. Университетов нет. Ученых нет. Врачей нет. Одна аптека (царская) на всю страну. Газет нет. Одна типография, печатающая в основном церковные книги. Купцы и ремесленники в городах отданы во власть воевод, разоряющих их поборами. Западноевропейская культура проникает в высшие слои боярства и дворянства, но только понемногу, преодолевая сильное сопротивление. О культурном уровне Петра и его спутников свидетельствует такой факт: после их отъезда из Англии владелец дома, в котором они жили, составил опись повреждений, оставленных ими. Ключевский пишет: «Ужас охватывает, когда читаешь эту опись, едва ли преувеличенную. Полы и стены были заплеваны, запачканы следами веселья, мебель поломана, занавески оборваны, картины на стенах порваны, так как служили мишенью для стрельбы, газоны в саду так затоптаны, словно там маршировал целый полк в железных сапогах»¹¹.

В ходе поездки за границу Петр собственными глазами увидел, насколько Россия отстала в экономическом и культурном развитии от передовых стран Западной Европы. Он понял связь между развитием торговли, промышленности и культуры, между ними и международным положением

государства (его безопасностью), значение армии и флота, образования и науки, причем последнее — на личном примере: «Навсегда остался бы я только плотником, — говорил он, — если бы не поучился у англичан»¹². Но, видимо, главным было то, что он осознал грозящую России опасность попасть в экономическую зависимость от передовых стран, превратиться в колонию или даже быть завоеванной соседями, и свою личную ответственность за судьбу страны. И он не только осознал это, но и принял твердое решение действовать, и безотлагательно и решительно, не останавливаясь ни перед чем.

Вернулся он раньше времени из-за мятежа стрельцов на западной границе, куда из-под Азова были направлены четыре московских стрелецких полка. Ходоки из стрельцов предварительно побывали в столице. Этим воспользовались сторонники Софьи и стали призывать стрельцов к Москве. Те двинулись на столицу, но на р. Истре были разбиты солдатами Шеина и Гордона. Петр в это время уже мчался на родину. Шеин и Ромодановский поверхностно провели следствие, и по приезде Петр возобновил розыск, который вскрыл связи стрельцов с Софьей. Петр сам допрашивал их и присутствовал при невероятно жестоких пытках стрельцов, а когда основной розыск закончился, сам наравне с палачами рубил головы приговоренным и заставил это делать своих ближайших соратников. Всего было казнено свыше тысячи стрельцов; некоторые были повешены на стенах Новодевичьего монастыря перед окнами Софьи, постриженной в монахини. Полки московских стрельцов были расформированы, стрельцы с семьями разосланы по разным городам, где их приписали к посадам в качестве ремесленников и торговцев (но стрельцы в гарнизонах других городов существовали до 1713 г., когда были включены в солдатские полки).

Вернувшись из-за границы, Петр сразу же приступил к реформам, начав с преобразований в быту указами о бритье бород и ношении платья европейского образца (крестьяне и посадские люди, хотевшие сохранить бороды, должны были платить специальный налог). Было введено новое летосчисление и начало года с 1 января. Посадские люди вышли из ведения грабивших их воевод: в городах учреждались органы посадского самоуправления — земские избы, подчиненные московской Ратуше, им был передан сбор налогов.

Одновременно Петр заканчивал начатые за границей переговоры о союзе против Швеции. В 1697 г. после смерти польского короля Яна Собеского Россия и Австрия добились избрания на польский престол саксонского курфюрста Августа II. В 1699 г., в ожидании скорой смерти испанского короля и войны между Австрией и Францией (сыновья австрийского императора и французского короля были племянники испанского короля и оба претендовали на его престол) Австрия, Польша и Венеция, союзники России против Турции, заключили с нею мир. Петр оказался перед выбором: либо продолжать войну с Турцией один на один, либо, используя благоприятную ситуацию в Европе, когда Австрия и Франция, а также Англия и Голландия окажутся связанными борьбой за «испанское наследство», найти союзников и начать войну со Швецией за возвращение выхода к Балтийскому морю. Последнее было гораздо важнее для России: побережье Черного моря намного дальше от центральных областей России и сообщение с ним находилось под угрозой со стороны крымских татар; выход из Черного моря — через Босфор — был заперт Турцией; по этому морю пролегал более далекий и более опасный путь к передовым странам.

Взвесив все это, Петр решился на войну со Швецией. В том же, 1699 г. он заключил союзные договоры против Швеции с Саксонией и Данией, послал в Стамбул посольство на построенном в Воронеже 46-пушечном морском корабле «Крепость» (что произвело надлежащий эффект) и 8 августа 1700 г. заключил с Турцией мир, по которому она признала потерю Азова.

После расформирования стрелецких полков Петр фактически остался без войска: два полка бывших потешных, несколько полков «иноземного строя», давно распущенные по домам, дворянское ополчение — вот и все,

чем он располагал. В ноябре 1699 г. Петр объявил набор «вольных людей» в солдаты и сбор «даточных людей» с определенного количества крестьянских дворов. К весне 1700 г. было сформировано 9 полков — около 32 тыс. человек. Их наскоро обучили нанятые Петром иноземные офицеры. Было собрано также дворянское ополчение и 3,5 тыс. казаков. 9 августа армия выступила под Нарву, куда пришла 23 сентября. Началась осада.

16 ноября Петр получил сообщение о подходе Карла XII, на рассвете 19-го уехал в Новгород, а 20-го в середине дня шведы атаковали русские позиции. К вечеру дворянская конница бежала на другой берег Нарвы, командовавший армией наемник герцог де Круа, почти все иноземные офицеры и часть русских сдались в плен, и только Преображенский и Семеновский полки и дивизия Головина еще были в состоянии защищаться. Их командиры вступили в переговоры с Карлом XII. В результате эти части ушли от Нарвы с личным оружием и знаменами; почти треть армии, около 80 офицеров, среди них 10 генералов, 135 пушек были потеряны¹³. Вероятно, поражение не явилось для Петра неожиданностью. Впоследствии он признал, что «все то дело яко младенческое игранье было»¹⁴. Но, как и после первого азовского похода, снова ярко проявилась одна из черт его характера — не падать духом при неудачах.

Почему же Петр накануне сражения уехал из армии? Впоследствии в отредактированной им «Истории Свейской войны» он объяснил это необходимостью поторопить идущие к Нарве остальные полки русской армии и «особливо, чтоб иметь свидание с королем польским». Однако это объяснение звучит неубедительно. В то же время Петра нельзя упрекнуть в личной трусости: он доказал это в последующих сражениях, например, участием в Полтавской битве, где лично вел солдат в атаку и чуть не погиб (пуля пробила его шляпу). Можно предположить, что решающей причиной отъезда Петра было сознание своей полной бесполезности в сражении из-за отсутствия у него опыта руководства боем. В то же время его присутствие могло бы стеснить приглашенного командовать герцога де Круа, на опыт которого, казалось, можно было положиться (в дальнейшем Петр никогда полностью на иностранцев-командующих не надеялся). Но признаться в этом он, учивший в своих указах подданных, как поступать во всех случаях жизни, конечно, ни тогда, ни позднее не мог.

После Нарвы Карл XII оказался перед выбором: либо идти в глубь России, имея за спиной саксонскую армию, гораздо более боеспособную, чем русская, либо идти против Августа II. Шведский король выбрал второе и «увяз» в Польше. Только в 1706 г. он смог принудить Августа II к миру и выходу из союза с Россией. А Петр в это время действовал с удивительной энергией. Он полностью использовал передышку, предоставленную ему шведами. Как пишет Ключевский, «предоставляя действовать во фронте своим генералам и адмиралам, Петр... набирал рекрутов, составлял планы военных движений, строил корабли и военные заводы, заготавливал амуницию, провиант и боевые снаряды, все запасал, всех ободрял, понукал, бранился, дрался, вешал, скакал с одного конца государства в другой, был чем-то вроде генерал-фельдцейхмейстера, генерал-провиантмейстера и корабельного обер-мастера»¹⁵. При этом он еще находил время проводить реформы.

Результаты этой деятельности сказались очень быстро: с конца 1701 г. русская армия стала по частям бить шведскую. В 1702 г. Петр штурмом овладел Орешком (переименовав его в Шлиссельбург); в 1703 г. в устье Невы заложил Санкт-Петербург; были также взяты Ям, Копорье и Мариенбург; в 1704 г. штурмом была взята Нарва; в 1705 г. жестоко подавлено восстание в Астрахани, а в 1707—1708 гг. — восстание К. И. Булавина; в 1708 г. Петр разбил шведов у с. Доброго, затем корпус Левенгаупта у дер. Лесной, а 27 июня 1709 г. — армию Карла XII у Полтавы.

Полтавская победа стала поворотным пунктом в истории России. По справедливой оценке В. Г. Белинского, «это была битва за существование целого народа, за будущность целого государства»¹⁶. После Полтавской победы международное значение России резко повысилось. Саксония и Да-

ния возобновили с ней союз. К нему примкнула и Пруссия, обязавшаяся не пропускать через свою территорию шведские войска, а в 1714 г. вступившая в войну с Швецией (но военных действий она почти не вела). В 1710 г. с Россией заключил союз Ганновер, курфюрст которого в скором времени стал английским королем. Женой сына Петра Алексея стала принцесса Вольфенбюттельская, сестра жены императора Леопольда.

В 1710 г. русские войска заняли Выборг, Кексгольм (древний русский город Корелу), Ригу и Ревель. Петр сохранил прибалтийско-немецкому дворянству его привилегии, а оно признало присоединение Эстляндии и Лифляндии к России. Этому способствовало и то, что местные дворянство и буржуазия получили крупные выгоды от транзитной торговли России с Западной Европой. Кроме того, помещики заняли выгодные должности, которые раньше занимали шведы.

Турецкое правительство, опасаясь дальнейшего усиления России, осенью 1710 г. объявило ей войну. Расчеты Петра на помощь угнетенных Турцией княжеств Молдавии и Валахии не оправдались, на берегу Прута русская армия была окружена. Хотя атаки турок были отбиты, Петр решил не рисковать армией и вступил в переговоры. По мирному договору России пришлось вернуть Турции Азов и срыть укрепления Таганрога, то есть потерять выход в Азовское море. Петр трезво оценил ситуацию: «Сие дело

есть хотя и не без печали, что лишиться тех мест, где столько труда и убытков положено, однакож чаю сим лишением другой стороне великое укрепление, которая несравнительно прибылью нам есть»¹⁷. Мир развязал руки для войны со Швецией.

Карл XII, несмотря на свое тяжелое положение, на мирные переговоры не соглашался. В 1712—1714 гг. русские войска воевали в Финляндии и северной Германии. Вступил в действие и построенный Петром Балтийский флот: 27 июля 1714 г. были захвачены 10 шведских кораблей у мыса Гангут. К 1716 г. соединенными усилиями русских, саксонцев и датчан северная Германия была очищена от шведских войск, а русская армия и флот изгнали их из Финляндии. В 1718 г. начались переговоры с Швецией о мире. Однако в конце 1718 г. Карл XII был убит при осаде крепости в Норвегии (принадлежавшей Дании), и переговоры были прерваны. В 1719 г. русский флот одержал новые победы над шведским у островов Эзель и Гренгам. Русские корабли действовали уже у берегов Швеции, высаживая там десанты.

Ведение войны требовало солдат, вооружения, амуниции, денег. Поэтому одновременно с военными действиями Петр вводил новые налоги и проводил реформы. Всего в 1700—1720 гг. им самим и учрежденным в 1711 г. высшим правительственным органом, Сенатом, было издано более 1700 законодательных актов; большинство их относилось к наиболее важным сторонам жизни страны. Строились фабрики и заводы, верфи и корабли, каналы и города. Столицей был объявлен построенный в устье Невы Санкт-Петербург, куда принудительно переселили знать и купцов. На все эти стройки были мобилизованы десятки тысяч людей, многие из них там погибли. Тысячи людей бежали от налогов, из армии, со строек, их ловили и жестоко наказывали.

Были казнены оппозиционеры, группировавшиеся вокруг сына Петра, Алексея; самого Алексея, бежавшего за границу, по приказу царя уговорили вернуться, после чего Петр нарушил свое обещание простить его, велел жестоко пытать в своем присутствии и утвердил смертный приговор, вынесенный судилищем, составленным из высших чиновников; царевич скончался от пыток (по другой версии — был убит) в каземате Петропавловской крепости.

В 1703 г. Петр сошелся с взятой в плен после штурма Мариенбурга лифляндкой Мартой, любовницей фельдмаршала Б. П. Шереметева, который уступил ее Меншикову, а последний — Петру. Марта, получившая при крещении имя Екатерины Алексеевны, завладела сердцем Петра и стала ему необходимой. У них родилось 11 детей, но выжили только дочери Анна (была выдана замуж за герцога Голштинского; ее сын, внук Петра, стал императором Петром III) и Елизавета, в 1741 г. захватившая при помощи гвардии престол. В 1711 г. перед Прутским походом, Петр объявил Екатерину своей женой, а в 1712 г. обвенчался с нею.

30 августа 1721 г. с Швецией был заключен Ништадтский мирный договор, по которому Россия получила побережье Балтийского моря от Выборга до Риги: часть Карелии, Ингрию, Эстляндию и Лифляндию с островами Эзель, Даго и Мен, но возвращала Швеции Финляндию, уплачивала около 1,5 млн. руб. и разрешала шведам закупать и беспошлинно вывозить на 50 тыс. руб. хлеба из Прибалтики. Петр считал Северную войну затянувшейся тяжелой школой. «Все ученики науки в семь лет оканчивают обыкновенно, — писал он, — но наша школа троекратное время была (21 год), однакож, слава богу, так хорошо окончилась, как лучше быть невозможно»¹⁸. Победа в Северной войне, создание регулярной русской армии и флота, их боевой опыт сделали Россию одной из сильнейших держав в Европе. Как писал А. С. Пушкин, «Россия вошла в Европу, как спущенный корабль, при стуке топора и громе пушек»¹⁹. Сенат поднес Петру титулы Великого, Отца Отечества и императора всероссийского.

Московия, которая в глазах Западной Европы была варварской державой на уровне крымской и ногайской «Татарии», превратилась в Российскую империю, став в международных отношениях на уровень Священной

Римской империи (глава которой считался выше королей), Англии, Франции, Голландии и Испании. Характерно, что в 1670 г. один из самых передовых ученых Европы, Г. В. Лейбниц, полагал, что будущее России — это превращение ее в колонию Швеции²⁰. А чем она стала в результате деятельности Петра, прекрасно выразил французский представитель в России Кампредон, писавший после окончания Северной войны: «При малейшей демонстрации его флота, при первом движении его войск ни шведская, ни датская, ни прусская, ни польская корона не осмелятся ни сделать враждебного ему движения, ни шевельнуть с места свои войска, как о том бывала речь при прежних обстоятельствах»²¹.

После Полтавской победы Петр смог перейти к имперской политике, цель которой была расширить и упрочить влияние России в соседних и отдаленных землях. Продолжением этой политики являлся Персидский поход 1722—1723 гг., когда русская армия заняла Дербент, Баку, Решт и Иран согласился на их передачу России за помощь шаху против афганских повстанцев. В 1724 г. Петр договорился с Турцией о взаимном признании завоеванных иранских владений и предписал произвести разведку путей в Закавказье, которые удобны «для действий воинских». Он искал также пути в Среднюю Азию, думал об Индии, готовил экспедицию на Мадагаскар²².

С новой силой Петр взялся за продолжение реформ: в 1720—1725 гг. было издано около 1200 законодательных актов, почти столько же, сколько за предыдущее десятилетие. Был создан новый государственный аппарат, закрепощены новые группы населения, введен новый налог — подушная подать. Петр указал готовить геодезистов и начал картографировать территорию страны, послать экспедицию В. Беринга для проверки, соединена ли Азия с Америкой (открытие в 1648 г. С. Дежневом пролива между ними к тому времени было забыто); основал Академию наук, пригласил в нее выдающихся иностранных ученых; открыл для посещения Кунсткамеру и библиотеку при ней.

После смерти последнего сына от брака с Екатериной Петр в 1722 г. специальным указом установил, что император сам назначает себе преемника. Видимо, он не хотел, чтобы престол перешел к его внуку Петру, сыну Алексея. В 1723 г. он провозгласил Екатерину императрицей, а в следующем, 1724 г. торжественно короновал ее. Это был последний год его жизни, и он оказался очень тяжелым. Меншиков, ближайший друг и помощник царя, «брат», «дитя сердца», как Петр часто называл его, опять проворовался и на этот раз очень крупно; проворовался и ряд других ближайших сотрудников царя.

Екатерина, которую он, видимо, прочил в преемницы (иначе зачем было ее короновать?), оказалась замешанной в любовной интриге с камергером ее двора Вилимом Монсом, младшим братом Анны Монс. Для Петра это было, конечно, сильным потрясением: сам не хранивший верности в браке, он не мог допустить и мысли о неверности жены, да еще только что коронованной. Монс был казнен якобы за взяточничество в ноябре 1724 г.; имя Екатерины при этом не упоминалось. В это время Петр был уже тяжело болен, и 28 января 1725 г. скончался в тяжких мучениях от уремии, не успев назначить своего преемника (или преемницу)²³. Появившиеся в печати позднее его «завещания» — фальшивки²⁴.

Петр был, конечно, незаурядный человек. Как правильно указывает один из его новейших биографов, «в одно и то же время он был вспыльчивым и хладнокровным, расточительным и бережливым до скупости, жестоким и милосердным, требовательным и снисходительным, грубым и нежным, расчетливым и опрометчивым», но «при всей пестроте черт характера Петра он был удивительно цельной натурой. Идея служения государству, в которую глубоко уверовал царь и которой он подчинил свою деятельность, была сутью его жизни»²⁵. Эта идея служения государству в сочетании с темпераментом и воспитанием Петра многое объясняет в его поведении.

Современники оставили ряд портретов Петра в разные годы его жизни. Вот одно из, пожалуй, наиболее полных описаний его внешности: «Царь

Петр Алексеевич был высокого роста, скорее худощавый, чем полный; волосы у него были густые, короткие, темно-каштанового цвета; глаза большие, черные, с длинными ресницами; рот хорошей формы, но нижняя губа немного испорченная; выражение лица прекрасное, с первого взгляда внушающее уважение. При его большом росте ноги показались мне очень тонкими; голова у него часто конвульсивно дергалась вправо»²⁶. Петр был на голову выше окружавших его (2 м 4 см.— *Я. В.*), обладал огромной физической силой. Здоровье у него от природы было отменное, но неумеренное пьянство и беспорядочный образ жизни подорвали его, и в разгар Северной войны он начал часто болеть, лечился на водах, возил с собой аптечку²⁷.

Отличительными чертами его характера были трудолюбие, удивительная работоспособность, любознательность, целеустремленность, абсолютная неприхотливость в личной жизни. Петр вел жизнь солдата и рабочего: служил в армии, постепенно, по мере приобретения опыта повышаясь в сухопутных и морских офицерских чинах, работал как корабельный мастер и получал соответствующее жалованье, которое и тратил на свои личные нужды. Жил он в простых домах, не любил парадных помещений, в предоставлявшихся ему в иностранных столицах резиденциях выбирал самые скромные комнаты, предназначавшиеся для слуг. Приемы обычно проводил во дворцах своих ближайших помощников (Меншикова и других), от которых требовал, чтобы они жили на широкую ногу. Меню Петра было сытным, но простым. Спал он мало, вставал рано, в пятом часу утра, в шесть часов отправлялся по делам — на стройки, верфи, в Сенат, Адмиралтейство. Он любил физическую работу и гордился мозолями на руках. В час дня обедал (иногда и раньше), ел щи, каши, жаренное мясо с соусом и пряностями, солеными огурцами, солонину, ветчину. Не любил рыбу и сладкие блюда. Перед обедом пил водку, во второй половине дня мог выпить пива и вина. Любил фрукты и черный хлеб.

После обеда отдыхал часа два, затем работал в своем кабинете: читал донесения, писал и редактировал указы и инструкции. Вечера проводил либо в гостях, либо в своей токарной мастерской — вытачивал что-нибудь из дерева или кости: Это было его любимым занятием, за которым он отдыхал. Определенные дни и часы отводились для заседаний в Сенате, редактирования «История Северной войны», составлявшейся по его указанию, дипломатических дел. Уходил к себе он обычно около 9 часов вечера. Петр обладал удивительной способностью одновременно заниматься совершенно разными делами, мысль его продолжала работать и во время пирушек и забав²⁸.

Прохождение службы, начиная с нижних чинов, пренебрежение личными удобствами, высокую ответственность за порученное дело Петр требовал от всех служивших, кто бы они ни были и где бы ни служили, и своим отношением к службе показывал личный пример. Вероятно, в детстве он научился подчиняться старшим по чину в игре, потом стал сознательно продолжать эту линию поведения уже для того, чтобы подавать личный пример. Очередные военные чины он требовал присваивать себе за заслуги, получая их от «князя-кесаря» Ромодановского. Это, конечно, тоже была игра, но велась она вполне серьезно.

По воспитанию Петр был солдат, матрос и корабельный плотник, но уж никак не утонченный аристократ. «Наряду со всеми выдающимися качествами, которыми его одарила природа,— писала встретившаяся с 25-летним Петром во время его первой заграничной поездки мать жены курфюрста Бранденбургского,— следовало бы пожелать, чтобы его вкусы были менее грубы»²⁹. Грубость нравов эпохи и лично Петра сказывалась в том, что любой праздник сопровождался диким пьянством. Современники с содроганием пишут о том, что у дверей пиршественной залы ставился караул, солдаты-преображенцы разносили ушаты с водкой и по настоянию царя гости упивались до потери сознания. Сам Петр тоже пил много, но у него был мощный организм, и наутро, когда гости не в силах были подняться, царь как ни в чем не бывало отправлялся на работу.

Петр был жесток от природы. Конечно, в то время жестокость была узаконенной: следствие проводилось обязательно с пытками, пытали даже и того, кто сразу признавался, чтобы установить, не скрыл ли чего-нибудь. Петр был беспощаден к тем, кто сопротивлялся преобразованиям. Он приказал пытать своего сына Алексея, лично при этом присутствовал и на следующий день после его смерти от пыток праздновал годовщину одной из своих побед! И после этого некоторые историки считают, что Петр был добрым человеком... Любовника своей первой жены, давно постриженной в монахини, после жестоких пыток Петр велел посадить на кол, а чтобы он подольше мучился, одеть его в шубу (казнь совершалась зимой). Когда во время одного из наводнений в Петербурге несчастные жители спасались от воды, залезая на деревья, у Петра это зрелище вызвало смех. Его указы переполнены угрозами жестоких наказаний, а то и смерти за их невыполнение. В числе наказаний было и такое, как запрещение дворянским недорослям жениться, пока не выучатся арифметике и геометрии³⁰.

Петр не привык считаться ни с кем. Будучи второй раз в Голландии и приехав в 1717 г. во Францию, он обратил на себя внимание своим бесцеремонным поведением, например, отправляясь по делам, он не ждал своего экипажа, а останавливал первую же карету, высаживал седоков и садился сам.

Помощников Петр выбирал из своего окружения и из тех, кто отличался сообразительностью, расторопностью и исполнительностью. Из представителей знатных родов ближайшими были, кроме Ромодановского, Ф. А. Головин, Ф. М. и П. М. Апраксины, Н. И. Репнин, П. А. Толстой, из незнатных П. П. Шафиров, П. И. Ягужинский и др. Первое место среди них занимал Меншиков, которому Петр верил больше всех и которого ценил выше всех за инициативу, энергию и стремление брать на себя ответственность. Но казнокрадство Меншикова порой выходило из ряда вон даже в то время, когда казнокрадами и взяточниками были практически все, и к концу жизни царь охладел к нему.

Обладая великолепной памятью и удивительной работоспособностью, Петр вникал во все мелочи. Отношение к военному делу, где непредусмотренное, на первый взгляд незначительное, обстоятельство могло иметь роковые последствия, он перенес и на гражданские дела. Каждый шаг жителя регламентировался. Наряду с важными, издавались указы о том, чтобы потолки были оштукатурены, о порядке установки надгробных камней и т. п. Это стремление царя лично решать все вопросы нередко сковывало инициативу подчиненных. За промахи и упущения по службе Петр «учил» их своей дубинкой, за чрезмерное же казнокрадство и взяточничество сурово наказывал (вплоть до смертной казни) даже ближайших помощников. Но исправить их в этом отношении он так и не смог. Предписывая какое-либо нововведение, Петр в указах давал объяснения, зачем оно нужно, какая от него будет польза. Иногда он не стеснялся в выражениях. Так, он потребовал подписывать решения «конзилии министров» (заменившей Боярскую думу), «ибо сим всякого дурость явлена будет»³¹.

Отношение Петра к женщинам очень точно выразил один из современников, который сообщил, что «любил его величество женский пол», и привел высказывание царя, что «забывать службу ради женщины непростительно»³². Вступив в брак с Екатериной, Петр вовсе не считал себя обязанным хранить супружескую верность и имел многочисленных любовниц. Екатерина не только не протестовала, но даже сама поставляла ему «метресишек» (очевидно, тех, в которых не видела соперниц). Однако когда она сама изменила мужу, ее спасло только то, что в своем неведении Петр только что короновал ее: предать огласке это обстоятельство значило стать посмешищем Европы.

Характерно, что себе в жены он выбрал именно Екатерину — бывшую «портомою», женщину низкого социального происхождения. В его глазах «порода» ничего не значила. Екатерина, с необычайной проницательностью понявшая его сложный, противоречивый характер и владевшую им идею служения государству, сумела приноровиться к нему. Он поверил в ее преданность ему и его делу, — и тяжело пережил ее неверность.

При всех недостатках, у Петра было (по справедливому высказыванию одной современницы) «много достоинств и бесконечно много природного ума»³³. Главным же для него была служба своей стране, «общему благу», как он его понимал, т. е. сохранению государственного строя и его усовершенствованию. Во имя этого он не жалел своей жизни. Ради этого он и осуществлял свои преобразования. Какое же влияние оказали они на Россию?

Преобразования в области военного дела и обороны страны. Петр превратил отдельные наборы «даточных людей» в ежегодные рекрутские наборы и создал постоянную обученную армию, в которой солдаты служили пожизненно. Был создан флот, специальные школы для подготовки офицеров и унтер-офицеров, типографии для печатания переводов специальной литературы. Из потешных были сформированы гвардейские полки. Петр разработал Воинский и Морской уставы, ввел ордена и медали. Созданные им армия и флот разбили шведскую армию, одну из лучших в Европе.

При Петре Россия вошла в ряд сильнейших держав Европы. Его стараниями русская дипломатия поднялась до уровня западноевропейской, в европейских столицах появились российские посольства. При нем Россия начала вести имперскую политику. Петр был талантливым полководцем и флотоводцем, одним из основоположников русского военного искусства³⁴. Он был также выдающимся дипломатом, правильно определившим главное направление российской внешней политики и успешно его реализовавшим. В дипломатической деятельности Петр проявил способности к бесконечному терпению, гибкости, уступкам, компромиссам. В 1648 г. в Вестфальском мирном договоре в списке европейских монархов «великий князь Московский» занимал предпоследнее место, перед князем Трансильвании. К концу царствования Петра Россия стала одной из великих держав Европы³⁵.

Преобразования в области промышленности. Будучи в Европе, а может быть, и раньше, Петр осознал необходимость развития промышленности, в первую очередь для вооружения и снабжения армии и флота. Вернувшись из-за границы, он немедленно начал действовать. Характерной особенностью России стала решающая роль государства. Мануфактуры, казенные и частные, имелись в стране и до Петра, но его вмешательство резко ускорило процесс их создания. За первые пять лет было построено 11 металлургических заводов, обеспечивших потребности в железе, а постройка и расширение существовавших оружейных заводов к 1712 г. обеспечили армию оружием. Были построены и расширены текстильные, полотняные, канатные, кожевенные, бумажные, суконные, пуговичные, шляпные, стекольные и другие мануфактуры, заведены овчарные и конские заводы и т. п. К концу царствования Петра в России было около 200 мануфактур (из них половина частных), т. е. раз в десять больше, чем было до него. Именно при нем возник промышленный район на Урале.

Петр направил развитие промышленности по тому же пути, по которому она развивалась до него, т. е. по пути сохранения и расширения крепостнической мануфактуры. Поскольку его социальная политика преследовала цель закрепить ранее свободные группы населения («гулящих людей», «разных чинов людей» и других), и это сузило резерв наемного труда, он вынужден был разрешить покупку крестьян для работы на мануфактурах, что привело к образованию новой группы крепостных крестьян, получивших название «посессионных». Кроме того, крепостной характер мануфактурного производства сочетался с государственным регулированием всего процесса развития промышленности, начиная от размещения предприятий до определения номенклатуры изделий³⁶.

Преобразования в области торговли. Как и в промышленности, главное внимание было уделено Петром развитию государственной торговли: были введены государственные монополии на продажу соли и табака, на продажу на внешнем рынке кож, пеньки, льна, хлеба, поташа, икры и многих других товаров. Часть товаров купцы были обязаны продавать государству. Были сохранены внутренние таможи. Купцы, правда, были выведены из-под

власти воевод: были учреждены органы их самоуправления и суда — магистраты, подчиненные Главному магистрату, но члены его назначались царем, и это был один из государственных органов центрального управления.

Купцов и ремесленников принуждали нести службу по сбору налогов, образовывать торговые и промышленные компании, их насильственно переселяли из одних городов в другие, указывали, в какие порты, какие товары им везти для продажи, по каким ценам продавать государству. Ремесленное производство в городах было стеснено введением цехов. В 1721 г. в регламенте Главного магистрата отмечалось, что «купецкие и ремесленные тяглые люди во всех городах... едва не все разорены». Как считают современные исследователи, результатом преобразований в области торговли были «обеднение и упадок некогда богатейших купеческих фирм, разорение городов, бегство их жителей»³⁷.

Преобразования в области податного обложения. Война требовала денег, и почти весь период, пока она продолжалась, Петр искал способы увеличить поступления в казну. Он стал чеканить медные деньги вместо серебряных; вводит новые налоги; снова произвел подворную перепись (в 1710 г.), которая показала уменьшение числа податных дворов; попытался расширить состав податного населения за счет «разных чинов людей»; начал проводить новую подворную перепись (в 1715 г.), но она также показала уменьшение числа дворов; наконец, после обсуждения ряда проектов Петр указал провести подушную перепись всего мужского населения и ввести подушную подать, которая заменила большую часть налогов.

При проведении подушной переписи и ее I ревизии многочисленные группы крепостных, лично свободных и даже неподатные помещики-однодворцы, не имевшие крепостных, были включены либо в состав крепостных, либо в новое сословие государственных крестьян. Расширение состава крепостного и вообще податного населения значительно увеличило численность плательщиков подушной подати. Величина ее была определена путем деления суммы, необходимой для содержания армии и флота, и других расходов на число плательщиков.

За время царствования Петра (точнее, за 1680—1724 гг.) сумма налогов выросла в 2,7 раза, при этом сумма прямых налогов — в 3,7 раза. Подушная подать в 1727 г. оказалась больше, чем подворная в 1724 г., на 28,6%, а вместе с экстраординарными налогами — на 64,3%. С введением подушной подати налоги на душу населения возросли в среднем в 3 раза³⁸. Непрерывный рост налогов и повинностей, жестокое подавление волнений, массовое бегство крестьян — все это привело к их разорению.

Преобразования в области государственного управления. Вначале они вызывались необходимостью упорядочить и усовершенствовать аппарат взимания налогов, затем добавилась и вторая причина — обеспечение выполнения подданными своих обязанностей, как их понимал Петр. Историки высказывают предположение, что на его понимание сущности государства оказали влияние западноевропейские мыслители, а также традиционное отношение царей к стране как к своей вотчине³⁹. Петр отступил от этой традиции в том, что считал себя обязанным служить государству наравне с другими подданными. В то же время подданные, служа государству, служили самодержцу: военную и гражданскую присяги они приносили царю, а не отечеству.

Петр преобразовал, а точнее, создал заново, весь государственный аппарат, используя в качестве образца шведские учреждения, но приспособив их к особенностям России. В основе лежала мысль, что каждое из четырех главных сословий должно выполнять свои обязанности: крестьяне — возделывать землю, торговцы и ремесленники — производить товары и торговать, духовенство — наставлять население хранить верность монарху, дворяне — нести военную и гражданскую службу. Военная служба была отделена от гражданской, а так как дворяне были обязаны, все без исключения, проходить военную службу и затем уже посылаться на гражданскую, то созданный Петром аппарат был прежде всего военно-бюрократическим.

Высшим органом управления стал Сенат, заменявший царя в его отлучках из столицы. Отраслями управления ведали коллегии, в которых дела решались голосованием. Военные дела находились в компетенции Военной и Адмиралтейской коллегий, иностранные — Коллегии иностранных дел; промышленность — Берг-коллегии и Мануфактур-коллегии; торговля — Коммерц-коллегии; финансы — Камер-коллегии, Штатс-коллегии и Ревизион-коллегии; судебные чиновники — Юстиц-коллегии; помещичье землевладение — Вотчинной коллегии. Для управления и суда купцов и ремесленников был учрежден Главный магистрат; для управления церковными делами — Синод (патриаршество было упразднено). Вскоре была создана еще Малороссийская коллегия, управлявшая Украиной. Обязанности чиновников и военных были определены регламентами.

Страна была разделена на губернии, провинции и дистрикты (после Петра последние были упразднены и восстановлено деление на уезды) с соответствующими местными учреждениями. В 1724 г. страна была разделена еще на военные дистрикты, в каждом из которых размещался на постоянной основе полк, собиравший подати на свое содержание (после Петра это также было отменено). Для надзора за работой учреждений были введены прокуратура и фискалы; доносы были вменены в обязанность, за недонесение строго карали. Передвижение крестьян было ограничено паспортным режимом (он был и до Петра, но при нем расширен и ужесточен). В гражданской службе, как и в армии, была установлена четкая иерархия чинов (рангов), открывающая офицерам и чиновникам-недворянам путь в дворянское сословие. В городах была заведена полиция, которая характеризовалась в регламенте Главного магистрата как «душа гражданства и всех добрых порядков»⁴⁰.

Таким образом, созданное Петром государство было не только бюрократическим, но и полицейским. Его учреждения существовали долго: губернское деление — до 1924—1929 гг., Синод — до 1918 г., Сенат и Табель о рангах — до 1917 г., подушная подать — до 1887 г., коллегии — до 1802 года.

Преобразования социального строя. Петр не только оставил в неприкосновенности социальный строй, но существенно укрепил его. Основные классы общества были консолидированы путем слияния отдельных мелких сословных групп, переход из одной группы в другую был стеснен подушным учетом и жестокими правилами.

Крестьянство было разделено на две группы: крепостных и государственных. К крепостным были причислены холопы; крепостное право было ужесточено, крепостные фактически превратились в рабов.

Посадские люди были разделены на купцов и ремесленников. Купцы были распределены по гильдиям, ремесленники объединены в цехи, хотя в Западной Европе они уже исчезали. Дарованное купцам и ремесленникам самоуправление путем учреждения Главного и городских магистратов имело целью подчинение их государственному аппарату: магистраты, по сути, стали государственными учреждениями.

Духовенство, претендовавшее в лице патриарха на определенное разделение власти с царем, было превращено в отрасль управления; во главе церкви поставлена Духовная коллегия — Синод, работа которого проходила под руководством представителя царя — обер-прокурора; священники обязаны были доносить светской власти об умонастроениях паствы, нарушая тайну исповеди, и всячески укреплять самодержавие.

Дворянство претерпело, пожалуй, больше всего изменений: все мелкие и крупные группы служилых людей «по отечеству» (бояре, окольные, думные дворяне, думные дьяки, стольники, стряпчие, жильцы, дворяне московские, дворяне «выборные», дворяне и «дети боярские» городские) были объединены в «шляхетство» (название не прижилось, употребительным стало «дворянство»); поместья были уравнены с вотчинами; как и раньше, дворяне обязаны были смолоду поступать на военную службу, но теперь они должны были служить пожизненно, а не только во время войн; они обязаны были бриться, носить платье иноземного покроя (мундир).

учиться и служить ревностно, беря пример с царя и живя под страхом сурового наказания. Зато в награду они получали земли с крестьянами, новые титулы (баронов и графов), ордена и медали, власть как офицеры и государственные чиновники. Продвижение их по службе было регламентировано Табелью о рангах.

Дворянство пополнялось наиболее преданными слугами самодержавия из купцов, государственных крестьян и солдат, которые, выслужив соответствующий чин (ранг), получали сначала личное, а затем и потомственное дворянство. Поскольку именно в руках дворянства было основное средство производства — земля, крепостные крестьяне, государственный аппарат и армия, оно являлось господствующим классом; обязанность служить пожизненно была отменена в 1762 году ⁴¹.

Эти мероприятия Петра способствовали окончательному превращению царя в абсолютного монарха, укреплению самодержавного государства и власти дворянства.

Преобразования в области просвещения, науки и культуры: введение западноевропейского летоисчисления и перенос начала года на 1 января; устройство начальных и гарнизонных школ; устройство высших специальных школ — артиллерийских, инженерных, морских, медицинской; устройство типографий, печатание переводных специальных книг и карт, букварей и наставлений; учреждение газеты; введение арабских цифр и нового гражданского шрифта; переход к тетрадной форме делопроизводства и табличной форме отчетности; организация научных экспедиций; подготовка геодезистов и начало картографирования страны; учреждение музея (Кунсткамеры) и библиотеки; учреждение аптек в крупных городах и при армии; учреждение Академии наук; организация театра в Москве; введение ассамблей (балов); обязательное бритье бород и ношение платья по иноземным образцам; разрешение и поощрение выездов за границу для обучения, и многое другое. Не все привилось сразу: в немногочисленные школы учеников набирали и насильно, учились под страхом наказания; в Академии наук членами были иностранцы; купцы и крестьяне от бритья бород и иноземного платья откупались, просвещение и культура охватили лишь около 0,5% населения, — но начало было положено.

У Петра не было систематического плана проведения преобразований, их последовательность диктовалась военными нуждами и необходимостью иметь деньги на военные расходы («деньги суть артериею войны», писал Петр); административные реформы проводились «наспех» и не были согласованы ни между собой, ни с податной реформой ⁴².

Серьезной оппозиции в правящем классе преобразования Петра не вызвали: «три-четыре заговора», вот и все, что насчитал Ключевский ⁴³. Даже у царевича Алексея и его многочисленных сторонников не нашлось опоры, и это доказывает, что дворянство приняло преобразования Петра. Другое дело — крестьяне и горожане, на которых легли непомерная тяжесть «службы» на «общее благо» и главная цена преобразований: грандиозное казацко-крестьянское восстание Булавина и восстание в Астрахани были потоплены в крови, а число беглых крестьян к концу царствования Петра достигло 200 тыс. человек.

Подведем итоги. Петр обеспечил независимость России и сделал ее одной из сильнейших стран Европы. Он создал крупную промышленность, но она была крепостнической и «была поставлена в такие условия, при которых она фактически не могла развиваться по иному, чем крепостнический, пути... условий для развития капитализма (и, следовательно, для оформления класса буржуазии) не было». Его политика в отношении города и торговли «затормозила» «процесс оформления капиталистических отношений» ⁴⁴. Города были разорены. Крестьянство также было разорено: «Разорение... явилось следствием хронического перенапряжения народного хозяйства» ⁴⁵, податная реформа «закрепила и усилила крепостное право... капитализм не получил благоприятных условий для развития» ⁴⁶. Петр создал государственный аппарат и бюрократию, которые укрепили самодержавие и крепостнический строй и успешно препятствовали развитию

капитализма и «оформлению» класса буржуазии. В области культуры были созданы условия для развития культуры лишь привилегированных сословий, но «были заложены основания новой инфраструктуры, на которых и смогла развиться новая культура»⁴⁷.

Какова же степень влияния деятельности Петра на развитие России? Приходится признать, что он не вывел ее на путь ускоренного экономического, политического и социального развития, не заставил ее «совершить прыжок» через несколько этапов, вообще не интенсифицировал происходившие в стране процессы (разве кроме развития армии, флота, промышленности и культуры). Его действия не были исторически оправданными и в максимальной степени соответствующими интересам развития России (опять-таки за исключением указанных областей). Напротив, эти действия в максимально возможной степени затормозили прогрессивное развитие России и создали условия для его торможения еще в течение полутора столетий!

По словам Ключевского, Петр «хотел, чтобы раб, оставаясь рабом, действовал сознательно и свободно. Совместное действие деспотизма и свободы, просвещения и рабства — это... загадка ...доселе неразрешимая»⁴⁸. Мог ли Петр действовать иначе, мог ли он повернуть Россию на путь капиталистического развития? В новейшей литературе на этот вопрос дан отрицательный ответ: «Для Петра не существовало никакой альтернативы»⁴⁹.

Думается все же, что такая альтернатива существовала: элементы капиталистического способа производства в России развивались; капитализм уже господствовал (или почти господствовал) в Англии и Голландии — примеры имелись. Но Петр мог только продолжить преобразования, которые робко и непоследовательно начинались при его отце и были направлены на укрепление крепостничества, придав им совершенно исключительный размах. Ни его воспитание, ни образование не позволили ему оторваться от породившего его класса владельцев крепостных крестьян.

Интересно, что народ отделил оценку личности Петра от оценки его преобразований: с одной стороны, «вот царь, так царь! Даром хлеба не ел, пуще мужика работал», а с другой — «фантазия народного множества, которому кнут и монах очертили дозволенные пределы мышления, нарядила Петра в самые постылые образы, какие нашлись в хламе ее представлений... О великих трудах и замыслах Петра на пользу народа в ходячих народных толках не было и помину»⁵⁰.

И тем не менее, обеспечение политического и экономического суверенитета страны, возвращение ей выхода к морю (действительно необходимого для такой богатой ресурсами державы), создание промышленности (пусть и крепостнической, но представлявшей собой базу для развития капитализма), мощное ускорение в развитии культуры и создание возможностей для ее дальнейшего роста, — все это дает полное основание считать Петра I великим государственным деятелем.

Примечания

1. АНИСИМОВ Е. В. Время петровских реформ. Л. 1989, с. 9.
2. ПАВЛЕНКО Н. И. Петр Первый. М. 1976, с. 6; АНИСИМОВ Е. В. Ук. соч., с. 13, МОЛЧАНОВ Н. Н. Дипломатия Петра Первого. М. 1986, с. 10.
3. КЛЮЧЕВСКИЙ В. О. Соч. Т. 4. М. 1958, с. 8. По другим сведениям, обучение Петра началось в 1683 г., и его первыми учителями были Н. Зотов и А. Нестеров (ПАВЛЕНКО Н. И. Ук. соч., с. 14).
4. ПАВЛЕНКО Н. И. Ук. соч., с. 15.
5. МОЛЧАНОВ Н. Н. Ук. соч., с. 50.
6. Там же, с. 52.
7. ПАВЛЕНКО Н. И. Ук. соч., с. 78.
8. УСТРЯЛОВ Н. Г. История царствования Петра Великого. Т. 3. СПб. 1858, с. 621.

9. КЛЮЧЕВСКИЙ В. О. Соч. Т. 4, с. 27.
10. Всемирная история. Т. V. М. 1958, с. 25, 81—86.
11. КЛЮЧЕВСКИЙ В. О. Соч. Т. 4, с. 26.
12. МОЛЧАНОВ Н. Н. Ук. соч., с. 100.
13. КЛЮЧЕВСКИЙ В. О. Соч. Т. 4, с. 54; ПАВЛЕНКО Н. И. Ук. соч., с. 87.
14. История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. 3. М. 1967, с. 308.
15. КЛЮЧЕВСКИЙ В. О. Соч. Т. 4, с. 28.
16. Цит. по: История СССР с древнейших времен, т. 3, с. 325.
17. Там же, с. 331.
18. Там же, с. 337.
19. ПУШКИН А. С. Полн. собр. соч. В 16-ти тт. Т. XI. М. 1949, с. 269.
20. МОЛЧАНОВ Н. Н. Ук. соч., с. 428.
21. Сборник Русского исторического общества. Т. 52, с. 146.
22. АНИСИМОВ Е. В. Ук. соч., с. 396—432.
23. Версии о смерти Петра от других болезней, в частности от сифилиса, видимо, несостоятельны (см. подробнее: АНИСИМОВ Е. В. Ук. соч., с. 435).
24. ПАВЛЕНКО Н. И. Ук. соч., с. 347—375.
25. Там же, с. 246.
26. Там же, с. 58.
27. Там же, с. 111.
28. Там же, с. 230, 223—224, 281—282.
29. Там же, с. 52.
30. АНИСИМОВ Е. В. Ук. соч., с. 304.
31. ПАВЛЕНКО Н. И. Ук. соч., с. 133.
32. Там же, с. 193.
33. Там же, с. 52.
34. История Северной войны. 1700—1721 гг. М. 1987, с. 187.
35. МОЛЧАНОВ Н. Н. Ук. соч., с. 14, 15, 18, 19.
36. АНИСИМОВ Е. В. Ук. соч., с. 121—123.
37. Там же, с. 127—133.
38. АНИСИМОВ Е. В. Податная реформа Петра I. Введение подушной подати в России. 1719—1728 гг. Л. 1982, с. 287—282.
39. См., напр., ПАВЛЕНКО Н. И. Петр I (к изучению социально-политических взглядов). В кн.: Россия в период реформ Петра I. М. 1973, с. 40—102; его же. Петр Великий. М. 1990, с. 497; АНИСИМОВ Е. В. Петр Великий: рождение империи. В кн.: История отечества: люди, идеи, решения. М. 1991, с. 186—220.
40. Цит. по: АНИСИМОВ Е. В. Время петровских реформ, с. 352—353.
41. О сомнении в том, что дворянство было господствующим классом, см.: АНИСИМОВ Е. В. Время петровских реформ, с. 313.
42. ПАВЛЕНКО Н. И. Петр Первый, с. 224; его же. Петр Великий, с. 442; МИЛЮКОВ П. Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб. 1892, с. 729. Приходится признать, что П. Н. Милюков был прав, указывая, что это была «реформа без реформатора», т. е. без предварительного плана.
43. КЛЮЧЕВСКИЙ В. О. Соч. Т. 4, с. 217.
44. АНИСИМОВ Е. В. Время петровских реформ, с. 295, 298, 326.
45. АНИСИМОВ Е. В. Податная реформа, с. 286; МИЛЮКОВ П. Н. Ук. соч., с. 735.
46. МОЛЧАНОВ Н. Н. Ук. соч., с. 403.
47. АНИСИМОВ Е. В. Время петровских реформ, с. 361.
48. КЛЮЧЕВСКИЙ В. О. Соч. Т. 4, с. 221.
49. АНИСИМОВ Е. В. Петр Первый, с. 197—198.
50. КЛЮЧЕВСКИЙ В. О. Соч. Т. 4, с. 234.

ВОСПОМИНАНИЯ

Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева

Вашингтон и Кэмп-Дэвид

Неподалеку от Вашингтона находится какой-то институт, не то опытная станция по птицеводству. Мне предложили туда съездить, и я воспользовался приглашением. Там мне показывали кур, гусей, уток и главным образом индеек. Индюшачье мясо пользуется особым уважением в США. Там в праздник каждый американец считает обязательным иметь к столу жареную индейку. И я с интересом разглядывал их птицеводческое хозяйство.

А теперь хочу произвести запись насчет беседы с президентом Эйзенхауэром по политическим и другим вопросам, интересовавшим наши страны. Они и сейчас являются злободневными. Начну с беседы в Белом Доме. Тогда государственным секретарем был Гертер. Даллес уже умер. У меня в памяти сохранился также Ачесон. Оба они ассоциируются для меня со злым гением, охваченным ненавистью к СССР и скованным негибкостью. Так и хочется сказать, политической тупостью. Право, не знаю, допустимо ли такое выражение. Однако у меня осталось именно такое впечатление от Ачесона. О Гертере моя память сохранила меньше. Что касается Даллеса, то его я выделяю особо как идеолога ненависти к социалистическому мироощущению. Он прожил всю свою жизнь в этой ненависти. Однако отказать ему в понимании международной обстановки как раз нельзя. Он точно знал, в какое время живет, и отлично понимал своего противника — социалистические страны, будучи умным врагом, с которым нам нужно было считаться. Он формулировал и способы борьбы с нами. Делал все, что было в его силах: сам боролся и организовывал борьбу против социалистических стран.

Даллес заслуживает двойственного к себе отношения. Я считал его идеологическим противником номер один, которого надо если и не уважать, то все время иметь в виду. В одном я ему не отказывал и не отказываю сейчас: в свое время он вел борьбу с нами на грани войны, но его ум умел определить грань, переходить которую опасно. А войны он не хотел. Не раз возникали ситуации, насыщенные взрывом. Еще шаг, и взрыв произойдет. Этот шаг зависел часто от Даллеса, и взрыва не случилось. Вот за что я его ценил. Уважать не мог, однако ценил. То был и противник, и партнер крайне интересный, который требовал от тебя большой трени-

Продолжение. См. Вопросы истории, 1990, №№ 2—12; 1991, №№ 1—12; 1992, №№ 1—3, 6—9, 11—12; 1993, №№ 2—5.

ровки мозгов: тут нужно было или сдаваться, или находить аргументы для контрборьбы.

Итак, Эйзенхауэр пригласил нас на беседу в Белый Дом. Мы прибыли, кажется, вдвоем: я и Громыко. Состоялся обмен мнениями на предмет наших торгово-экономических отношений. Эйзенхауэр поставил вопрос о выплате нами долга по ленд-лизу. Я уже говорил об этом и еще раз напомним: ленд-лиз — это экономическая помощь, кредит натурой, который мы получали во время войны от США и Англии. Экономическая помощь была очень большая. Сталин неоднократно говорил, что без ленд-лиза мы не смогли бы выиграть войну, и я с ним согласен. СССР не выплатил долг за ленд-лиз: какой-то процент от стоимости поставок. Считаю, что Сталин правильно сделал, отказавшись платить. Он поставил тогда условие: мы выплачиваем сумму, которая причитается, но если получим кредит в три миллиарда долларов. Не помню, на сколько лет. Это даст нам возможность быстрее восстановить промышленность, а потом и выплатить долг за ленд-лиз, и вернуть новый кредит. Кажется, в первые дни после войны США нам его обещали. Говорю со слов Сталина.

Никаких официальных докладов или обсуждений в Политбюро и в Совете Министров на эту тему не было. Совет Министров вообще был тогда только списочный, и в нем вообще ничего проблемного не обсуждали, а только принимали. Так принимались и планы — годовой и пятилетний. Это проходило очень оригинально. Помню, например, доклад-информацию о последнем, пятом пятилетнем плане при жизни Сталина, который занял, наверное, две-три минуты. Сталин кинул тексты на стол и сказал: «Читали вы или не читали?» Все смотрели на него и молчали. «Предлагаю принять». И план был принят без доклада и без обсуждения. Это похоже на анекдот, который я в детстве слышал от шахтеров: поп выходил из алтаря на амвон и показывал толстую Библию: «Читали эту книгу?» Верующие молчат. «Раз так, то и я читать вам не буду». Что-то в этом роде.

А насчет ленд-лиза наша позиция была известна Соединенным Штатам: мы хотели получить кредит, после чего смогли бы выплатить долг. Американцы домогались, чтобы мы уплатили сразу, без кредита. Они после смерти Сталина заявляли, что если мы уплатим им по ленд-лизу то, что за нами числится, тогда они смогут начать предварительные разговоры о торговле с нами.

Когда мы прибыли в Белый дом, в кабинете президента уже были расставлены стулья. Не состоялось какое-то официальное заседание, когда две делегации занимают противоположные стороны стола. Нет, пошла обычная беседа. Эйзенхауэр поставил вопрос о выплате нами задолженности, а сообщение о сумме, которая за нами числится, сделал Диллон, министр финансов США. Относился он к нам очень враждебно, просто не терпел нас. Это был типичный ставленник крупного монополистического капитала, который ключи к экономическим связям с СССР держал в своих руках и диктовал свои условия, что делать ему было нетрудно, потому что другие члены правительства в то время занимали не менее агрессивную позицию, чем Диллон. Мы выслушали его и сказали: «Господин президент, мы согласны выплачивать задолженность по ленд-лизу при условии, как ранее неоднократно говорилось, если вы дадите нам кредит в размере трех миллиардов долларов (не помню, на какой срок и с какими процентами). Если вы не дадите кредит, то и платить не станем».

Аргументировали мы, и я много раз повторял эти аргументы на пресс-конференциях, тем, что не только выплатили, а даже перевыплатили стоимость ленд-лиза. Приводили и тот довод, что от США по ленд-лизу получали не только мы, но также Англия и другие страны. Однако США с них ничего не взыскивают. Если взять любую страну, воевавшую с Гитлером, то разве может сравниться ее вклад с тем, который внес Советский Союз? Сколько жизней потеряли мы и сколько другие страны? Несравнимо! Не говоря уже о страшных материальных убытках, которые понес Советский Союз в войне. Были разрушены вся Украина, Северный Кавказ, Белоруссия, ряд областей Российской Федерации, понесли ужасные потери

Ленинград и прочие места. Это все — колоссальные суммы, если переводить (что достаточно аморально) кровь и лишения на деньги. Какое тут сопоставление с ленд-лизом?

«Господин президент, — сказал я, — прошу правильно понять нас, ведь мы заплатили кровью. Вы нам поставляли материалы. Мы за это выражали свою благодарность и признательность и сейчас повторяем их. Но что может быть дороже человеческой жизни? Мы заплатили ею во много раз больше того, что отдали все другие участники войны против гитлеровской Германии. Так что мы с вами квиты, мы уже расплатились за долги. А если говорить честно, то и долгов мы не имели, потому что вы нам сами давали: поставляли материалы, оборудование, военные агрегаты, артиллерию, самолеты и т. д., но мы потом воевали всем этим, а не наживали капиталы на ленд-лизе. Наша кровь есть плата за полученные материалы, которые облегчали нам возможность воевать. Если бы мы их не получили, то, видимо, не смогли бы оказать должного сопротивления. Тогда Соединенным Штатам пришлось бы своей кровью платить в войне. А так вы, пролив гораздо меньше крови, отделались поставками дюралюминия, тушенки, самолетов, танков и прочего.

Мы не отрицаем важности вашей помощи и считаем, что она сыграла для нашей обороны и наступления решающую роль после того, как мы временно лишились густонаселенных промышленных районов в результате агрессии. То есть мы делали общее дело. Между тем вы до предела затянули высадку десанта. Вы с англичанами высадили его в то время, когда главная угроза отпала и стало ясно, что СССР и один справится с Гитлером. Я не отрицаю вклада США и Англии в Победу, как поступают сейчас некоторые, ставя тем самым нас в глупое положение. Мы признаем ваши заслуги. Но они не идут ни в какое сравнение с затратами советских человеческих жизней. Вы сами выбирали время для высадки десанта и создания второго фронта в Европе. Второй фронт был организован тогда, когда мы продвинули свои войска далеко за пределы нашей территории, чего не хотели ни США, ни Англия. Черчилль, диктуя условия капиталистической стороны в войне против Германии, хотел нашими руками сломать ей хребет, и мы это сделали при вашей помощи, но помощи-то в основном материалами. Господин президент, мы просили бы Вас, чтобы Вы правильно нас поняли. А это доступно каждому здравомыслящему человеку, если он не будет ослеплен классовой ненавистью к Советскому Союзу».

Конечно, тут был вопрос не арифметики с подсчетом затрат, а политики. Я уверен, что Эйзенхауэр все понимал, но не мог признать нашу правоту, и Диллон был выпущен в качестве цепного пса. Он не скрывал своей неприязни и сверкал недружелюбием, если не открытой враждебностью, хотя и вынужден был сдерживаться, потому что мы были гостями президента. Правда, это ему не всегда удавалось. Мы чувствовали своих партнеров, и это нас не удивляло. Я тотчас отвечал на их реплики и ставил свои вопросы. В какой-то степени даже радовался. Вот вы беситесь против стран социализма, в первую голову против Советского Союза, а мы вам кукиш показываем: накося, выкуси! И вы ничего не можете теперь сделать, потому что мы тоже сильны. Мы хотим, чтобы они понимали наше новое значение, и они вынуждены были признавать его. Те, кто скрежетал зубами, должны были напрямую не показывать этого. Вот в такой атмосфере проходила наша беседа. Оказалось, что налицо вопрос не о ленд-лизе, а о возможности мирного сосуществования.

И вновь я изложил нашу позицию, те соображения, которые были не новы для ушей президента и правительства США, потому что мы их уже излагали публично в Женеве, при встрече лидеров четырех держав. Так что тут было повторение пройденного. Когда я говорил о мирном сосуществовании, то подчеркнул, что в основе должно лежать улучшение отношений между СССР и США. О других странах социализма я специально не упоминал, это имелось в виду само собой, поскольку я представлял именно Советский Союз, а с мощью других социалистических стран США и тогда не считались, и сейчас не принимают ее во внимание. Главная для них сила,

которая противостоит их политике, это Советский Союз. Диллон, как только услышал о мирном сосуществовании, сверкнул в мою сторону глазами и задал как бы наивный вопрос: «А что такое мирное сосуществование?» Я сдержал свое возмущение и ответил: «Вы, господин Диллон, просите разъяснения насчет мирного сосуществования. Если Вы этого еще не поняли, хотя мы сегодня много раз о нем говорили, то это вызывает лишь сожаление. Зам. госсекретаря не понимает, что такое мирное сосуществование социалистической и капиталистической систем. Время само научит Вас правильному пониманию значения этих слов. А я полагаю, что сейчас было бы излишним разъяснять смысл мирного сосуществования».

Вот какой шел диалог. Человек, который принимает прямое участие в политической жизни, конкретно представит себе ту ситуацию. Эйзенхауэр же не играл активной роли в споре, а подавал реплики. Главным оппонентом был Диллон. Гертер тоже вставлял какие-то слова, но основным оппонентом был министр финансов. Сейчас я не помню последовательности событий: состоялась ли встреча в Белом Доме до нашей поездки по стране или после нее. Но, видимо, Эйзенхауэр заранее знал, что беседа может сложиться по-всякому. И когда мы приступили к конкретным вопросам взаимоотношений, то, чтобы не омрачать настроения, обе стороны договорились, что обмен мнениями по этим вопросам отложим на завершающую стадию моего пребывания в США. Добавлю лишь, что получение долга от нас США понимали своеобразно. Например, мы вернули им транспортные корабли «Либерти», как они требовали, после чего получатели вывели эти корабли в открытое море и затопили. Вот вам вчерашний союзник!

Значит, спор шел не о задолженности. У них не повернулся бы язык требовать платы, если бы мы были не социалистической страной. А мы продемонстрировали, что не только выжили и победили самую сильную армию в мире, но и восстановились, а потом ушли вперед. Это их пугало, они искали возможность затормозить наше развитие. Навязать нам войну не могли, правительство США не сумело бы поднять американцев на войну против нас после того вклада, который внес советский народ в Победу над гитлеровской Германией. Поэтому наши недруги стремились притормозить развитие Советского Союза, задушить нас если не военными средствами, то экономически. Шел спор капитализма с социализмом. И опять возник старый вопрос, который ставил еще Ленин: кто кого? Эта дискуссия продолжается и сейчас, и будет длиться, пока социализм не завоюет признания на всей планете. Значит, пока живет капитализм, будет существовать и наша борьба, то затухая, то опять разгораясь, когда задуют сквозняки по земному шару.

В программе пребывания значилось, что на завершающем этапе я и президент США уединимся в Кэмп-Дэвиде для новой беседы. Настал этот день. Президент пригласил меня в Белый Дом. Со мной приехал Громыко. Он везде и всюду неотступно сопровождал меня, а с президентом рядом был Гертер. Он прилетел в Кэмп-Дэвид самостоятельно, а мы с президентом разместились вдвоем в его личном вертолете. Эйзенхауэр спросил меня: «Как Вы отнесетесь к тому, если в Кэмп-Дэвид мы полетим на вертолете? Дороги забиты машинами, мы потеряем много времени. А на вертолете поднимаемся в воздух у Белого Дома, тут есть подходящая площадка, и спустя всего несколько минут окажемся на месте. Заодно Вы посмотрите с птичьего полета на Вашингтон». Я согласился. Мне хотелось осмотреть сверху город и его окрестности. Получается вроде того, как рассматриваешь макет. Когда едешь на машине, такого удовольствия не испытываешь.

Так мы и сделали. Разместились в вертолете, с нами несколько человек охраны. Поднялись в воздух. Аппарат хороший, кажется, конструкции Сикорского, русского самолетчика, оказавшегося в Америке. Для американской авиации он сделал очень многое. Большая часть кабины была застеклена. Стекло — зеркальное, прочное. Мы находились как бы в открытом аппарате с прекрасным обзором. Правда, обзор — только в одну

сторону, но и этого было достаточно. Пока мы, сравнительно недолго, летели над Вашингтоном, Эйзенхауэр рассказывал мне о его кварталах. Видимо, он хорошо знал местность, летал не единожды. Когда мы пролетали над зеленым полем, сказал: «Вот здесь, господин Хрущев, я играю в гольф. Очень люблю эту игру. А Вы как к ней относитесь?» Я ему: «Понятия не имею об этой игре. У нас ее нет». «О, это очень интересная игра и полезная здоровью людей».

Опускаясь, вертолет приземлился в лесу. Президент мне: «Это уже район Кэмп-Дэвида». Далее мы ехали машинами, добрались до каких-то построек вроде дощатых бараков. У нас такие возводят, когда ведут большие стройки: в первую очередь из досок сооружают для рабочих общежития барачного типа. Лишь недавно отбросили эту традицию. Я поставил вопрос о том, и все меня поддержали, чтобы не плодить бараки, зря тратя рабочую силу и материалы. Ведь по окончании стройки эти «памятники», в которых жили люди и где их пожирали клопы, сжигали. А мы теперь сразу стали строить капитальные четырех- и пятиэтажные дома.

Такой же примерно внешний вид имели строения в Кэмп-Дэвиде. Зато внутренняя отделка оказалась совершенно иной: прекрасной, хотя и без роскоши, помещения оборудованы с американской деловитостью и добротой, хорошо спланированы, создан соответствующий уют, комнаты довольно вместительные. Мне отвели отдельное помещение, Громыко и нашим переводчикам — тоже. Всех отлично разместили и с полными удобствами. Затем Эйзенхауэр предложил нам ознакомиться с окрестностями. Несколько позже, когда в СССР приехал бизнесмен Джонстон, который был близок к Франклину Рузвельту, я узнал об истории создания этих домов. Менялись американские правительства, а Джонстон оставался приближенным к президентам независимо от того, демократы они или республиканцы. Он выполнял функции негласного дипломата и приезжал несколько раз в Советский Союз. Я лично встречался с ним раза два. Этот человек в американском понимании занимал либеральные позиции, стоял за мирное сосуществование, понимая необходимость того, чего не хотели понимать Диллон и другие. Именно Джонстон рассказал мне историю построек в Кэмп-Дэвиде.

«Во время второй мировой войны как-то зашел я к Рузвельту, — говорил он. — Президент сидел очень изнуренный. Меня это обеспокоило, и я ему сказал: «Господин президент, Вы переутомляете себя, надо как-то организовать отдых, чтобы Вы себя не изнурили». Рузвельт ответил: «Что же мне делать? Я не могу покинуть Вашингтон, постоянно может потребоваться какая-то моя консультация, мне нужно будет дать какие-то указания». Тут я ему и посоветовал: «Сделайте так, чтобы оставаться в Вашингтоне, но иметь возможность временно оторваться от дел и подышать свежим воздухом». Тогда-то по распоряжению Рузвельта и были построены эти помещения. Рузвельт тут отдыхал».

И тогда же Джонстон пересказал мне анекдот, услышанный им от Рузвельта. Фермеру понадобился рабочий, и он опубликовал заявку на рабочего и условия труда. Пришел человек, предложил свои услуги. Фермер решил его испытать, дал ему лопату и велел выкопать траншею. Вскоре рабочий сказал: «Дело сделал, давай другое». Фермер велел наколоть дров. И вскоре рабочий повторил: «Дело сделал, давай другое». Фермер велел перебрать груды картофеля, отложив мелочь в одну сторону, крупный — в другую. Прошло много времени, фермер считал, что работа уже сделана, но рабочий все не появлялся. Тогда он пошел посмотреть, как идут дела, и увидел, что рабочий лежит без сознания. Фермер окатил его водой, тот встряхнулся и обратился к хозяину: «Не могу я выполнять такую работу. Вы мне давайте такую, чтобы не думать. Когда я дрова колот и траншею копал, тут думать не надо. А чтобы перебирать картошку, надо думать, какой клубень крупный, какой — мелкий. Такая работа довела меня до потери сознания». И Рузвельт сказал: «Вот видите, каждому — свое!» Джонстон привел этот анекдот в качестве иллюстрации к характеристике типично американского образа мыслей рядового человека.

А после Рузвельта все следующие президенты стали пользоваться этой загородной дачей. Совсем недавно я прочитал, что какой-то иностранец был в гостях у Никсона в Кэмп-Дэвиде. Никсону Кэмп-Дэвид — особенно близкое название, потому что оно было дано в честь того внука Эйзенхауэра, который стал зятем Никсона, женившись на одной из его дочерей. Когда мы с Громыко прибыли туда, то сразу увидели, что в этом месте можно без всяких помех встречаться и вести беседы. Эйзенхауэр тотчас высказал мне свои соображения насчет того, как он считал бы удобнее организовать там наше пребывание, и спросил: «Вы любите смотреть кинофильмы?» Я ему: «Конечно, если хорошие». «А какие именно Вы любите? — спрашивает, а сам улыбается. Когда он улыбался, его лицо становилось очень приятным.— Я лично люблю ковбойские, хоть и пустые по содержанию, но в них много трюков, участвуют лошади. Как Вы относитесь к таким фильмам?» «Когда еще жил Сталин, нам часто демонстрировали трофейные кинофильмы, среди них было много ковбойских. Хотя после просмотров Сталин всегда ругался из-за их тематики, но на следующий день, когда мы приходили в кинозал, опять заказывал ковбойские». Эйзенхауэр обрадовался: «Я тоже питаю страсть к такому жанру. Ладно, будем смотреть и ковбойские, и другие, какие нам предложат. А потом побеседуем. Я пригласил сюда оркестр военно-морского флота». «Что ж, будет очень приятно послушать и заодно посмотреть на молодых людей». «Да, когда мы будем обедать, то станем слушать музыку флотского оркестра».

Прием был достаточно упрощенным. Если на официальных обедах и приемах требовалась какая-то форма одежды, то здесь этого не было, мы ходили в обычных костюмах. Вообще никаких условностей. По утрам мы вставали раньше президента. Может быть, он и поднимался раньше нас, но просто не выходил. Мы же с Андреем Андреевичем встречались, ибо нам нужно было обменяться мнениями о вопросах, которые затрагивались вчера и которые, возможно, возникнут сегодня, какие проблемы следовало бы поднять и в какой форме. Мы прогуливались по дорожке одни, больше никого там не было. Охрана, видимо, имелась, но хорошо проинструктированная. Она занимала свои места и не мозолила глаза, так что мы ее не видели.

Могут спросить, а зачем Хрущеву с Громыко выходить по утрам? Разве нельзя поговорить в тех комнатах, которые были им отведены? Ха, наши соображения хорошо известны всем государственным деятелям! Мы были убеждены, что там поставлены подслушивающие устройства. Поэтому обмениваться мнением в помещениях — значит информировать тех, кто их поставил. А выдавать свои мысли и соображения, которые у нас имелись по тому или другому поводу, мы не хотели, поэтому считали, что лучше переговорить на открытом воздухе. Да и там мы тоже прикидывали, где могут находиться подслушивающие устройства и где, по нашему мнению, быть их не должно. Американская разведка хорошо вооружена техническими средствами, мы это имели в виду и принимали меры предосторожности.

В какой-то день пребывания в Кэмп-Дэвиде президент предложил: «Как вы отнесетесь к приглашению на мою ферму? Это недалеко отсюда, и туда можно слетать на вертолете». Я ответил: «С удовольствием. Ферма — Ваша собственная?» «Да, моя собственная». И мы полетели. Находились в пути какое-то время и приземлились. Там, по-моему, жила тогда семья его старшего сына. Президент представил мне управляющего: «Это генерал, воевавший вместе со мной, после войны я предложил ему должность управляющего на моей ферме». То был человек средних лет. Больше ничего сказать о нем не могу, знакомство было беглым. Управляющий показывал имение, а хозяин знакомил меня с домом и со своей семьей, а утром поделился мыслью, почему не всю семью взял в Белый Дом: «Пребывание президента на его посту — временное, и я не хотел приучать всю семью к удобствам, которыми пользуется президент, чтобы не возникло дискомфорта, когда закончится мой срок президентства и я вернусь

в собственное жилье. Там-то, конечно, роскоши побольше». И я согласился: «Да, это разумно».

Действительно, его дом был хоть и богатый, но без роскоши и небольшой. Правда, его удобства свидетельствовали о приличном заработке богатого человека, но все же не миллионера. Потом мы познакомились с хозяйством фермы. Тут в свои права опять вступил управляющий. Пошли на животноводческий участок, поглядели на скот. Не помню, сколько там было голов, однако не в масштабе наших колхозов или совхозов и своей численностью не производили особого впечатления. Скот мясной, очень плотный, на коротких ногах, упитанный. Я потом познакомился с этой породой крупного рогатого скота, не молочного, а именно мясного направления. Согласно данной мне справке, выход говядины был около 60 или 65%, почти как у свиней. Свинина, кажется, имеет выход 70%, насколько я помню справочники, которыми пользовался в свое время. Эйзенхауэр, улыбаясь, предложил мне в подарок телку со своей фермы, и я поблагодарил его. Потом он повел меня на поля. Целиком мы их не обходили: он обвел рукой, указывая, где проходят границы его владений. Главным образом мы смотрели на посевы. Я не знал ранее такой зерновой культуры: низкорослая, похожая на пшеницу, но какая-то другая. Президент рассказал: «Я произвожу посев. Потом колосья не убираю, а только скашиваю уже перед самой зимой. Посев делаю для привлечения птиц. Сюда прилетают куропатки, перепела, еще какие-то птицы. Когда у соседей все поля убраны, мое поле остается необранным и возникают хорошие условия для охоты. Поле размечено для удобства охотников, оставлены дорожки. Так что я здесь охочусь, не выезжая».

Такая охота, я бы сказал, больше, чем барская. Если вы хотите познакомиться со способом охоты наших дореволюционных помещиков и знати, прочтите «Войну и мир» Льва Толстого. Соответствующие главы я читал несколько раз, и всякий раз после чтения у меня поднималась температура, так красочно и рельефно была показана охота, так она зажигала, особенно когда человек имеет к ней страсть. А охотничье хозяйство президента не обеспечивало такой градус азарта: нечто вроде тира, где стреляют по тарелочкам. А тут вместо тарелочек — по дичи, привлеченной урожаем, причем заранее известно, на каком расстоянии от охотника она пролетит и где. Одним словом, налицо все удобства без какой-либо затраты сил и с гарантией удачи.

Я решил отблагодарить президента за подаренную телку. Когда он похвалил березовое дерево, я предложил: «Если не возражаете, мы пришлем для вас посадочный материал. Я попрошу специалистов-лесников подобрать материал получше, они приедут и произведут по Вашим указаниям посадки на ферме. Пусть это будет моей благодарностью Вам и в знак памяти о нашей встрече на ферме». Он в свою очередь поблагодарил, и я заметил, что ему было приятно. Так мы потом и сделали, прислав посадочный материал. А пока, попив чаю, улетели в Кэмп-Дэвид и продолжили беседы. Теперь изложу в общей форме их содержание.

Прежде всего мы говорили о ленд-лизе, и оба мы высказались исчерпывающе. Каждая сторона охарактеризовала свою точку зрения, но сближения не произошло. Хотя Диллон, как я уже говорил, высказывался неприязненно, ибо понимал, что, если мы получим кредиты, это укрепит нашу экономику и будет способствовать ее дальнейшему развитию, что не входило в планы американских монополий. Он излагал и идентичное мнение президента. И Эйзенхауэр подавал реплики, из которых было ясно, что у них единая позиция правительства США. Но не этот вопрос оставался главным.

Главная проблема — договоренность о разоружении. Я видел, что Эйзенхауэра это серьезно беспокоит, и чувствовал, что он не рисовался, а действительно хотел договориться, чтобы не возникло войны. В первую голову договориться надо двум великим державам. И он высказывался так: «Я военный человек, всю свою жизнь нахожусь на военной службе, участвовал в войне, но очень боюсь ее и хотел бы сделать все, чтобы избежать

ее. Прежде всего, нужно договориться с вами, это главное. Если хочешь, чтобы не было войны, договорись с Советским Союзом!» Я ответил: «Господин президент, не было бы для меня большего счастья, чем договоренность с вами, чтобы исключить войну между нашими странами и, следовательно, мировую войну». Но как конкретно договориться? Этот вопрос нас очень занимал. Прочие вопросы оставались производными: как улучшить наши отношения, развивать торговлю, экономические, научные, культурные и прочие связи.

Мы знали их позицию, они знали нашу. И я не видел, чтобы что-то изменилось, произошли какие-то сдвиги. Поэтому и не надеялся, что можно будет договориться по главной проблеме, хотя обе стороны понимали, что надо исключить войну, а конкретнее — запретить термоядерное оружие. Американская сторона отстаивала установление международного контроля. Но в ту пору на международный контроль мы никак не могли согласиться. Я подчеркиваю: «тогда не могли». Поэтому хотели договориться о прекращении испытаний ядерного оружия, что считали возможным и без международного контроля. Ведь любой взрыв сейчас фиксируется техническими средствами. Обеспечить контроль можно, и не устанавливая такой техники на территории другой страны и контролируя с собственной территории или с территории союзников.

Американцы окружили нас военными базами, все просматривали и прослушивали, так что такой контроль они уже давно установили. И все же добивались посылки контролеров, хотя и не обязательно контролеров от США. Но мы не могли принять и международного контроля. Вот теперь, когда я нахожусь на пенсии, я вновь обдумывал этот вопрос и считаю, что теперь такой контроль возможен и без ущерба для нашей обороны, так как оказался бы взаимным. А тогда мы значительно отставали в процессе накопления ядерного оружия и не имели нужного количества его носителей типа ракет. Самолетами же мы не доставали до территории США и поэтому оставались слабее. Конечно, мы могли в пух и прах разнести союзников США в Европе и Азии, где находились их базы, но экономический потенциал самих США находился на недосягаемом расстоянии для нашего оружия. Естественно, контроль на месте оказался бы не в нашу пользу: США получили бы возможность чисто арифметически все подсчитать и определить, что мы слабее. И возникло бы для них наиболее выгодное время покончить с ними путем войны. Завтра им будет уже поздно. Мы это понимали.

Американцы настаивали также на широком обмене туристами и предлагали обмен научными силами, чтобы их ученые приезжали к нам, работали в наших научных учреждениях, а советские ученые — в научных учреждениях США. Они предлагали и широкий обмен студентами, а также присылку к ним наших управляющих предприятиями на переподготовку. Это как раз довольно полезное дело, нам можно было бы извлечь большой прок из этого, чтобы позаимствовать их опыт управления и организации производства. Далее их предложения были направлены на открытие границ, чтобы расширить обмен людьми, открытие организаций или обществ, в которых продавалась бы американская литература у нас и наша — в США, все на основе взаимности. В принципе, любые их предложения, кроме контроля, нам можно было бы принять, но мы внутренне не были готовы к этому, еще не отделились от наследия сталинских времен, когда в каждом иностранце видели неразоблаченного врага, приезжающего к нам только с целью вербовки советских людей или шпионажа.

Так мы были воспитаны и не освободились еще от сталинского груза. Сталин считал, что это классовая борьба другими средствами, без войны, и она — самая острая. Сталин страдал недоверием к своему народу, недооценивал внутреннюю сопротивляемость советского человека, полагал, что при первой же встрече с иностранцем наш человек капитулирует и будет подкуплен материальными либо другими средствами воздействия. Это удивительно, но, к сожалению, так было. Это психологическая болезнь Сталина. Недаром он говорил нам, что мы не сможем противостоять

противнику: «Вот умру, и погибнете, враги передышат вас, как куропа-ток».

А мы со своей стороны внесли Эйзенхауэру свои новые конкретные предложения: выделить какие-то пограничные районы в СССР и странах НАТО, где можно будет проводить взаимную разведку, вести наблюдение и с воздуха, и наземную. Мы предложили такие довольно обширные территории у наших западных границ, в первую очередь на собственной земле и в ГДР, где стояли наши войска, и требовали взаимности от западных стран. Имелись и другие наши инициативы, по которым тоже не сумели договориться. Были сформулированы конкретные предложения, мы послали их президенту США. Сейчас я не помню, какие конкретно вопросы стали камнем преткновения. Мы попытались вернуться к ним, но ничего не получилось, наши позиции в то время никак не согласовывались.

Скажу о мире на Земле: вот вопрос вопросов. Он был и остается. Мы закончили войну разгромом гитлеровской Германии, но мирного договора с нею не заключили, остался статус ее оккупации как нами, так и западными странами. Они потом дали возможность западным немцам создать свое государство — Федеративную Республику. Войска оккупантов остались на обеих территориях, получив иной статус: не оккупационных, а дружественных. Возникли военные блоки: на Западе — НАТО, в социалистических странах — Варшавский договор. Но мирного договора с Германией по-прежнему нет, поэтому войска стояли тогда и стоят сейчас друг против друга.

О Западном Берлине у нас тоже существовали разные толкования. Мы считали, что он, находясь на территории ГДР, должен оставаться отдельным от ФРГ политическим телом. Западные страны твердили, что Западный Берлин относится к ФРГ (тогда ее называли ГФР). Получалось нарушение суверенитета ГДР — явочным порядком предоставляется ФРГ возможность проводить в Западном Берлине правительственные заседания. Фактически он включался тем самым в Западную Германию. Вот горючее, которое всегда может привести к взрыву. И мы предлагали: «Давайте подпишем мирный договор, сделаем Западный Берлин «вольным городом». Одним словом, вносили различные предложения, но при том условии, что реально должны существовать два германских государства, которые оба получат международное признание, будут приняты в ООН и установят между собой дипломатические отношения.

США не согласились, не соглашаются и сейчас. А мы тоже не соглашались с другой стороной. Они хотят, чтобы произошло воссоединение, но не в виде воссоединения, а как поглощение ГДР Западной Германией. Хотят создать единую Германию на капиталистической основе, и чтобы эта Германия, безусловно, стала союзником западных стран. Это для нас совершенно неприемлемая позиция. Мы считаем, что это неправильный подход. Пойти на такое мы могли, только если бы нас вынудили к этому. Мы же, считая себя достаточно сильными, не желали добровольно идти на самоубийство, согласившись с позицией, которую нам навязывал Запад. Поэтому реальной возможности договориться по данному вопросу во время моего пребывания в США не возникло.

Затем американцы настаивали на том, чтобы обе стороны могли вести воздушную разведку над всей территорией и СССР, и США. Мы с этим тоже не могли согласиться по причинам, о которых я уже говорил: США в ту пору были сильнее нас по ядерному оружию. У нас имелись ракеты, но пока еще в небольшом количестве. С самолетов мы могли вести разведку только в Западной Европе, среди союзников США, но не могли со своей территории осуществлять полеты над США. У нас не было таких средств. Получались неравные возможности, с чем мы согласиться не могли.

СССР был заинтересован в торговле. В США существует решение их конгресса (оно и сейчас не отменено), запрещающее вести торговлю или устанавливать какие-то деловые экономические связи с Советским Союзом. Там перечислено, на какие предметы и продукты налагается запрет. Фактически под запрет попадают все главные товары кроме тушенки или тому

подобного, что они охотно сбывают кому угодно, чтобы выкачивать валюту. Я уже рассказывал, как рассматривался этот вопрос у президента в Белом Доме, когда присутствовал Диллон, мой главный оппонент по вопросу торговли. Ничего не получилось и при нашей встрече у господина Гарримана, хотя мы ценили его усилия и считали, что он там реалистичнее остальных. Гарриман — крупный капиталист, хорошо знающий нашу систему и стоящий на позиции мирного сосуществования. Он хотел содействовать развитию торговых контактов, экономических и научных связей наших двух стран, но общение с капиталистами, собравшимися у него дома, показало, что пока это нереально, они еще не готовы. Недаром его гости иронически спрашивали: «Что вы можете продавать, господин Хрущев, какие товары? У нас-то вы можете покупать достаточное количество товаров, которые вас интересуют, а вот что вы нам продадите?»

Естественно, этот вопрос был для нас тяжелым. Раньше мы продавали им марганец. Но потом они стали покупать марганец в Турции. Турция при помощи американского капитала развила большую его добычу. В других странах тоже были открыты залежи марганца, и промышленность США полностью покрывала свои потребности без нас. Наш марганец потерял то экспортное значение, которое имел раньше. Кто-то из гостей Гарримана спросил: «А ваши крабы пользуются спросом?» Издевательский вопрос, потому что было принято специальное решение, запрещающее ввоз крабов в США, поскольку сей продукт добыт «рабским трудом» в СССР, за что они его и бойкотируют. Вот и доказывай! У нас, дескать, рабский труд, а у капиталистов все ценности создаются иным путем. Там — другое дело... Мы даже крабов и водку не могли им продавать. К тому же, продавая данные товары, много не закупишь, хотя можно было бы постепенно начинать торговать при желании у американцев. А возможности имелись. СССР нуждался в приобретении различного оборудования, которое нас интересовало для успешного развития нашей промышленности. И мы, добывая золото, могли бы приобрести оборудование за золото, но они нам даже за золото отказывались продавать.

Таким образом, когда мы стали конкретно перебирать вопросы, интересующие обе стороны и требующие решения, то натолкнулись на рогатки. Они мешали нашему сближению, но убрать их мы не могли. Я сразу почувствовал, что Эйзенхауэр обмяк. У него был вид человека, который побывал в проруби: он вымок, и с него стекает вода. У меня, видимо, тоже вид был не лучше. Впрочем, может быть и лучше, потому что мы заранее не питали иллюзий, не надеялись в первой же поездке снести все преграды на пути экономического сближения и торговли с капиталистическими странами. Хотели себя показать и посмотреть на США, продемонстрировать свою непреклонную волю: не пойдем ни на какие односторонние уступки, которых домогалась Америка! Конечно, сложившаяся обстановка нас огорчила: хотели уладить спорные вопросы, но увидели, что условия для того не созрели.

Мы поднимали и вопрос (а мы всегда его поднимали) о выводе войск с чужих территорий, ликвидации военных баз. Предлагали ликвидировать военные союзы, распустив НАТО и союз по Варшавскому договору. Американцы опять не были готовы. Предлагая это, мы тоже считали, что реальные условия к тому еще не созрели: это был с нашей стороны пропагандистский прием. Такое предложение мы делали и раньше, еще до моей поездки в Америку. У нас в то время имелись хорошие отношения с Китаем. Я встречался с Мао Цзэдуном, мы обменивались мнениями, и он уже знал из печати и по нашей информации о данном предложении и высказал сомнение. «Вряд ли стоит сейчас идти на это. Если они примут такое предложение, вам придется вывести свои войска из ГДР; тогда она не сможет обеспечить свою независимость и развалится. Мы ее потеряем». В ту пору он говорил «МЫ». То есть, заинтересованность всех социалистических стран, и Советского Союза, и Китая, была одинаковой, и их взгляды тоже.

Я разъяснил ему, что появилась бы взаимная договоренность:

американцы, французы и англичане тоже выведут свои войска из Западной Германии. Но Мао считал, что это будет неравноценно. Может быть, в ту пору какая-то здравая мысль в его соображениях и имелась. Однако я возражал: «Мы это делаем в пропагандистских целях, так как уверены, что сейчас это не будет принято США. А к тому времени, когда созреет их понимание, будет уже другая ГДР, с другими возможностями, и она внутренними силами сможет обеспечить безопасность социалистического строя. Если же развернется вторжение со стороны Запада, мы придем на помощь. Тем более, что в будущем возможностей и средств у нас окажется больше. Так что это предложение не ослабляет нас, а наоборот, усиливает с точки зрения пропагандистского наступления на капиталистический мир, поддерживая обеспечение мирного сосуществования, при широкой мобилизации общественного мнения — очень большой опоры нашей пропаганды».

Постепенно наши беседы в Кэмп-Дэвиде исчерпывались и подходили к концу, а чего-либо реального мы не достигли. Какое же коммюнике может получиться в завершение? Я чувствовал, что это угнетало Эйзенхауэра, но я ничем не мог ему помочь. Пришло время обеда, а после обеда мы решили возвращаться в Вашингтон. Эйзенхауэр предложил: «Давайте из Кэмп-Дэвида в Вашингтон поедем на машинах, а вы посмотрите на тот же отрезок пути из машины». Я согласился, мне тоже было интересно посмотреть насыщенность дорог автомобильным транспортом. Я много читал об этом, но хотел увидеть сам. Обед проходил торжественно, но атмосфера за столом была такой, как будто в доме лежал тяжелобольной. Такое чувство господствовало и с нашей стороны, и в еще большей мере у президента. Видимо, он заавансировался перед своими, когда решал вопрос о моем приглашении, и сейчас чувствовал, что его надежды не оправдались, никакой договоренности не будет достигнуто. Повторяю, что договоренность могла возникнуть, но надо было пойти для этого на реальные и разумные шаги. Если договориться, самому ничего не уступая, значит принудить к капитуляции другую сторону. Пригласив нас, США проявили инициативу после долголетней идеологической войны, которую мы вели. Приглашение не давало им надежды принудить нас к капитуляции. Наоборот, мы укрепились в своих позициях, были неприступны, стояли, как гранит.

Пообедали мы. Обед был похоронный, не свадебный. Просто контакты. Сели в машину, ехали вместе с Эйзенхауэром. Не помню, каким количеством фраз мы обменялись на всем пути, но очень малым, говорили скупо, разговор не вязался. Задавали вопросы о природе, беседовали о впечатлениях, которые возникали по пути следования. Как хозяин Эйзенхауэр разъяснял мне все, но это было лишь проявление необходимой вежливости, выдавливание из себя каких-то фраз, без которых в другое время можно было бы и обойтись. Приехали мы в Вашингтон. Эйзенхауэр отвез меня в резиденцию, где я жил, а потом отправился в Белый Дом. Значит, все?

К концу моего пребывания в США мне доложили, что группа американских капиталистов желает организовать ужин в мою честь и просит моего согласия. После прежней встречи в Нью-Йорке у меня особого энтузиазма не возникало, потому что там организовали широкую встречу, присутствовало большое количество людей, но какого-либо обмена мнениями так и не было. Здесь же предстоял официальный прием деловых людей узкого круга. Но мне сказали, что стоит пойти, так как собираются влиятельные люди. В приглашении обозначалось 15 или 20 человек. Я дал согласие, был назначен ужин неподалеку от нашего посольства. Обставлен он был, как принято у них: в вечернее время, свечи, мягкий свет, полумрак. Сели за стол. Еда и питье — в умеренных количествах. Но ведь не это главное, деловые люди умеют много пить, однако не напиваться, умеют держать себя в обществе.

Мне стали задавать всевозможные вопросы. На те, которые заслуживали внимания, я отвечал по делу, а на анекдотические отвечал в таком же духе. Какой-то старый человек, очень дряхлый, но, как мне сказали, очень богатый и влиятельный, все допытывался, сколько мы добываем золота

и почему не ведем торговлю с Америкой на золото: они могли бы продавать нам товары за золото. Конечно, мы его добывали, но берегли про «черный день», который может всегда настать. Золото оставалось соблазном для капиталистического мира. И не так уж много золота мы добывали, чтобы удовлетворить все свои потребности, расплачиваясь именно золотом. Наши потребности были выше. Поэтому требовалась торговля на основе взаимности. Только она могла создать возможности широкого обмена товарами, идеями и культурными ценностями. Я так и ответил.

Мой ответ вызвал удовлетворение. Они посчитали, что это остроумно, поэтому не просто смеялись, а от души хохотали. Что же я сказал? «Господин такой-то (фамилию не помню), отвечаю на ваш вопрос о золоте. Знакомы ли вы с тем высказыванием, которое сделал в свое время наш вождь Владимир Ильич Ленин, что пока нам золото нужно беречь? На каком-то этапе развития человеческого общества золото утратит свою ценность, поэтому золотом будут отделять общественные туалеты. Вот мы и бережем золото, а когда настанет такое время и будет создан коммунизм, золото потеряет обменную ценность, и, чтобы выполнить завет Ленина, мы отделаем общественные туалеты в коммунистическом обществе золотом. Для того мы его и сберегаем».

Капиталисты дали волю своим легким, реагировали бурным весельем. Не помню, как отреагировал человек, который задавал вопрос. Тогда он стал задавать новые вопросы: о нашей стране, ее политическом устройстве, нес какую-то несуразность. Я отвечал соответственно, подпуская иронию. Публика понимала это и хорошо все воспринимала. Один из буржуев подошел и прошептал на ухо: «Господин Хрущев, Вы не беспокойтесь, мы сами несколько смущены его глупыми вопросами, он очень стар, но мы все понимаем верно и одобряем Ваши ответы». Мне было приятно услышать это. Увы, каких-то особых вопросов, которые дали бы надежду на развитие с нами деловых контактов, не припоминаю. И все же это была полезная встреча, хотя бы потому, что я непосредственно слушал их, а они напрямую слушали меня и конкретнее представляли себе нашу политику. Личные контакты, личное знакомство тоже всегда имеют полезные последствия.

Мне запомнились слова американца Макдаффи насчет личных контактов. Он побывал в Киеве сразу же после окончания войны, представляя организацию, которая оказывала помощь странам, пострадавшим от гитлеровского нашествия. Возглавлял организацию Ла Гардиа, мэр Нью-Йорка и друг Франклина Рузвельта, выходец из Италии. Макдаффи хорошо относился к нам и там, где было в его силах, шел нам навстречу. Наши желания не совпадали с инструкциями, которые он имел относительно ассортимента поставок. США предлагали нам остатки ресурсов войны: тушенку, другие предметы потребительского характера. Мы же старались приобрести машины, трубы диаметром 500 мм для первого в СССР мощного газопровода из Западной Украины в Киев, просили и получали современные машины для прокладки траншей. Особую ценность представляли машины, которые покрывали трубы изоляцией. Наши специалисты впервые увидели их и вообще узнали о существовании таких машин. Эти машины были положены потом в основу наших разработок.

Когда ликвидировали названную организацию, Макдаффи приезжал в Советский Союз, и я его принимал. Он говорил: «Господин Хрущев, если бы Вы могли приехать к нам и показать всем, что вы такой же человек, как мы... Американцы думают, что советские — какие-то особые люди или что они вообще не люди. Прямое общение имело бы большое значение для нашего сближения. То, что вы вместе с американцами дрались против Гитлера и что вы были главной силой, которая сокрушила гитлеровскую машину, и заплатили своей кровью за всех воевавших против Гитлера, забыто. Медовый месяц, как говорится, уже прошел».

Да, уже бушевала холодная война, которую развязал Черчилль. Машина монополистического капитала, которая владеет средствами воздействия на умы, довела до того, что нас и за людей не считали. И об этом Макдаффи высказал свои соображения. Если принять во внимание то, что

он говорил о своих соотечественниках, то имелась теперь несомненная польза от встречи с группой деловых людей в Вашингтоне. И их вопросы, и мои ответы, и характер встречи были описаны журналистами. Потом в СССР издали коллективный труд, в котором рассказывалось о моей поездке по США. Считаю, что книга эта достаточно объективна и полезна. Сейчас я иногда встречаюсь с людьми, которые познакомились с книгой, и они говорят, что с большим удовольствием прочли ее и хранят как память о том времени.

Я позволил себе также предпринять поездку по Вашингтону, чтобы познакомиться с городом. Делал даже пешие прогулки, уходя недалеко от своей резиденции. Город этот богатый, чистый, зеленый и красивый. Он вроде нашего провинциального городка, но более богат. Это не Нью-Йорк, нет такого городского шума. Мне Вашингтон очень понравился и планировкой, и архитектурой. Там меньше небоскребов, стоят хорошие, добротные дома. Однажды во время моей прогулки (а журналисты всегда дежурили и потому сопровождали меня, фиксируя каждый шаг) я направился к памятнику президенту Линкольну. Вошел в помещение, снял шляпу и отвесил поклон, засвидетельствовав уважение тому, кто поднял оружие против рабовладельцев. Мне хотелось воздать должное уважение бывшему лесорубу от бывшего шахтера бывшей России. Это все потом обыгрывалось американскими журналистами в хорошем тоне.

В соответствии с протоколом Эйзенхауэр дал прием в мою честь. Прием или обед? Нет, все же обед. Мы сидели за столами с блюдами. А когда из приемного зала входили в столовый зал, чтобы занять свои места, мне шепнули на ухо, что я должен взять под руку жену президента и проследовать с ней. Президент США сделал то же в отношении Нины Петровны. Блюда, которыми нас угощали, были обильны и очень питательны. Американцы вкусно готовят. Когда принесли отбивные, они оказались размерами с тарелку. Я как глянул на них, так и обратился к президенту: «Господин президент, столько же невозможно съесть!» Он расплылся в улыбке: «Господин Хрущев, я Вас уверяю, что Вы еще добавку попросите». И оказался прав. Приготовлено было очень вкусно. Я с удовольствием съел отбивную и, чтобы доставить удовольствие президенту, попросил добавку. Он захохотал: «Вот видите!»

За столом не бывает переговоров, ведутся только беседы. Люди едят, провозглашают тосты, так проходит время. А потом, когда нас позвали в отдельный зал, где подавали кофе, то мы разбились на группы. Я сидел за одним столиком с президентом и неким адмиралом. Эйзенхауэр отрекомендовал его как своего друга. Нас за столиком было человек пять, кто остальные — не знаю. Мы обменивались мнениями на случайные темы. Адмирал, который проявлял постоянно любезность, сказал: «Я хотел бы Вас попросить принять от меня подарок с моей фермы». Кажется, то были две телки и бычок. Они оказались той же породы, что и телка, которую я получил в подарок от президента. Я тут же сказал: «Охотно принимаю Ваш ценный подарок, а главное — ценю Ваше внимание ко мне». Вот, собственно, что осталось у меня в памяти от обеда. Более ничего примечательного не произошло. По всем важным вопросам мы обменялись мнениями в другом месте и в ином составе.

Время моего пребывания в США истекало, мы готовились к отбытию и в назначенный час выехали на аэродром. Состоялась та же церемония: нас провожал президент, обходили почетный караул, говорились прощальные речи. Одним словом, протокольная процедура, стандартная для всех стран. Но все это проводилось на высоком уровне и очень торжественно. У солдат — нарядная форма, художественно оформлен аэродром, а для выступающих готовы трибуны, все в цветах и блескело, бросалась в глаза красная дорожка-ковер, церемония была пышно обставлена. Мы поднялись по трапу таким же способом, каким выходили из самолета, с помощью дополнительных приспособлений.

Я уже упоминал, что при поездке по США мне был предоставлен «боинг», личный самолет президента, очень хороший и мощный, с замеча-

тельными удобствами и отдельным салоном, изолированным от других помещений. Но наш Ту-114 был оборудован не хуже, однако имел турбовинтовой двигатель, а тот — турбореактивный. Шума в салоне, где я размещался, было поменьше. Наш самолет был рассчитан на дальние полеты, предусмотрено «спальное» место, так что ночью я мог поспать. Ту-114 осматривали в Вашингтоне, и мы смогли блеснуть перед американцами: сумели создать самолет, который отвечал всем потребностям для дальних перелетов и создавал неплохой комфорт. Он произвел большое впечатление на американцев.

Посол Меньшиков, хорошо зная страну, помогал мне советами и справками, информировал меня, если предстояла какая-нибудь встреча. Он знал тамошних людей лучше других, да и обязан был знать, для чего имел нужные кадры и вполне отвечал своему назначению, был полезен мне. По его просьбе я встретился специально с работниками нашего посольства, передал им приветы с Родины и добрые пожелания. Единственное, что хочу добавить здесь, — о вице-президенте Никсоне, но относительно нашей более ранней встречи с ним.

Она состоялась на американской выставке товаров, предметов быта и культуры в московском парке Сокольники. Открывать выставку приехал Никсон. Выставка не имела успеха, потому что отношение к ней со стороны организаторов оказалось несерьезным: она носила сугубо пропагандистский характер, содержа главным образом фотографии или экспонаты художников и скульпторов. Большинство экспонатов — в стиле модернистов. Мне показалось, что выставка произвела на большинство посетителей не хорошее впечатление, а отталкивающее. Безусловно, имелись и поклонники. В каждом обществе и на каждом этапе его развития рождаются всякие идеи: и прогрессивные, и иные, с извращениями. Возможно, именно последнее нравилось отдельным посетителям. Я много слышал прежде о модернистском искусстве (меня информировали наши официальные лица, ездившие за рубеж) и решил посмотреть сам, в чем выражаются новые веяния культуры.

Еще до открытия выставки, когда американцы только строили свой павильон, я съездил туда. Меня заинтересовала его конструкция из нескольких элементов, которые готовились в США, завозились в Москву и здесь собирались. Мне это понравилось: задачу решили рационально. Открывал выставку Никсон. Не помню, кто еще из нашего руководства посещал ее. Осмотрел павильон. Все тонуло в диаграммах и фотографиях, а сделано было красочно, чтобы произвести впечатление. Выставка носила сугубо агитационный характер и не удовлетворяла запросов наших руководящих хозяйственных, технических и партийных кадров. Мы отнеслись к ней придирчиво. На первый план выдвигали полезное, а уж потом предметы, удовлетворяющие потребности эстетики.

Я осмотрел раздел художников. На меня он не только не произвел доброго впечатления, а скорее оттолкнул. В разделе скульптуры то, что я увидел, меня просто потрясло. Скульптура женщины... Я не обладаю должной красочностью языка, чтобы обрисовать, что там было выставлено: какая-то женщина-урод, без всех верных пропорций, просто невозможное зрелище. Американские журналисты меня расспрашивали (а они знали мое отношение к такому жанру в искусстве) и поэтому как бы подзадоривали. Ну, я и отвечал: «Как посмотрела бы мать на сына-скульптора, который изобразил женщину в таком виде? Этот человек, наверное, извращенец. Думаю, что он, видимо, ненормальный, потому что человек, нормально видящий природу, никак не может изобразить женщину в таком виде». Другие экспонаты тоже не произвели на меня хорошего впечатления. С моей точки зрения, там не было ничего, что нам можно было бы практически использовать. Не было новой техники. А мы буквально гонялись за всякими новинками и ожидали, что американцы что-то покажут. Ведь они могли показать много интересного.

На выставке организовали и американскую кухню. По ходу осмотра я зашел и туда. Потом наш разговор долго служил темой публикаций журналистов. Когда освещались отношения США и СССР, то постоянно

вспоминали разговор «на кухне» Хрущева с Никсоном. Этот разговор затянулся. Когда я стал знакомиться с выставочными материалами на кухне и ее оборудованием, то увидел немало интересного, но было там и явно надуманное. Вот, например, за что я зацепился, и мы с Никсоном приостановились: автомат для выжимания лимонного сока. Я задал вопрос, и с этого все началось: «Господин Никсон, думаю, что организаторы выставки несерьезно отнеслись к СССР и показывают нам не главные вещи. Вот автомат, который выжимает сок. Его требуется для чая несколько капель. Облегчает или не облегчает труд хозяйки такой автомат? По-моему, не облегчает: потребуются меньше времени и труда, чтобы разрезать лимон ножом».

Хотя я рос среди шахтеров, но лимоны были им доступны, и мы покупали их. Часто пили чай с лимоном, стоил он гривенник за штуку. Завозили лимоны, видимо, из Турции. Пили чай и с молоком. Видимо, заимствовали это от англичан, владельцев рудников. Наши рабочие общались с низшим британским персоналом. Зная лимоны, я продолжал: «Ту же работу можно вручную сделать быстрее, чем сложным аппаратом, который вы выставили. Для чего вы нам это показываете? Хотите ввести нас в заблуждение и продемонстрировать нереальные вещи?» Он доказывал обратное и очень горячо. Я отвечал тем же, ибо во время спора тоже захожу в азарт. Наш спор разгорелся и затянулся. Его наблюдали журналисты, которые нас сопровождали. Они были с магнитофонами и все записывали. Потом долгое время эта беседа обыгрывалась журналистами в буржуазной печати.

В конце концов я задал такой вопрос: «Господин Никсон, оборудование американской кухни, которое вы нам демонстрируете, у вас уже внедряется? Хозяйки пользуются таким?» Нужно отдать ему должное, он ответил правду: «Нет, это первый экземпляр». Раздался общий хохот. И я сказал: «Тогда все понятно. Вы демонстрируете нам новинки, но сами их в свой быт не внедряете. Что же, вы считаете, что мы не сможем разобраться и будем восхищаться всякой чепухой?» То был обостренный диспут, вроде бы о кухне, а на деле — о двух системах, социалистической и капиталистической. Американцы хотели показать, как организован быт в Америке, стремились поразить воображение русских. Отчасти им это удалось. Там очень много новинок, и хороших, таких, которые заслуживают того, чтобы перенести их на социалистическую почву. Но были и такие, которые явно имели нереальную основу, таким оборудованием они и сами не пользовались. Вообще же Никсон вел себя как представитель крупнейшей капиталистической страны. Техническая выдумка, изобретательство, научные открытия, все новое, что двигает культуру, было показано, но только на фотографиях. Единственные экземпляры в натуре — эта кухня и кое-что еще. А в разделе скульптуры наши люди хохотали и плевались.

Потом Никсон пошел на рынок. Держал себя высокомерно. Увидел какого-то рабочего и предложил ему денег. Рабочий демонстративно отказался от денег и наговорил Никсону неприятностей. То было мое первое личное знакомство с ним. У нас он оценивался как человек реакционных и враждебных к Советскому Союзу взглядов. Он был идейным воспитанником реакционера Маккарти. Когда же я находился уже в положении пенсионера, Никсон туристом как частное лицо вновь приезжал со своей супругой в Советский Союз. Они путешествовали по стране и на обратном пути прибыли в Москву. Никсон отыскал мою квартиру и хотел нанести мне визит. Пришел, рассчитывая, что я живу в городе, но ему сказали, что меня тут нет. Я узнал об этом, когда он улетел, и сожалел, что мы не встретились. Теперь я был тронут его вниманием, особенно в связи с тем, что у нас раньше сложились натянутые отношения. При встречах мы чаще обменивались колкостями. А здесь он проявил человеческое внимание, и я жалел, что не имел возможности пожать ему руку.

Когда в том же 1959 г. я приехал из Китая во Владивосток и осматривал бухту Золотой Рог, там возник стихийный митинг. Меня попросили, чтобы я рассказал о поездке в США. В бухте Золотой Рог американцы

высаживали прежде свои войска, и старики хорошо это помнили, а некоторые из них сражались в рядах партизан против интервентов. Я рассказал о своей поездке. Народ реагировал очень бурно. Раздался гром аплодисментов, кричали «ура», и я правильно все понимал, относя это не на свой счет. Каждый из нас как-то представляет свою страну на том или другом жизненном посту. Труд советского народа поднял нищенскую Россию на такие высоты, что заставил признать наше величие и вынудил правительство США пригласить нашу делегацию. Америка стала искать возможностей улучшения отношений с Советским Союзом. Вот чему аплодировали.

Скажут: не получилось! Не совсем так. Не сразу все получается. Но мы взломали лед, который сковывал наши отношения. Теперь требуется дальнейшая работа, и народа, и дипломатическая, чтобы убирать осколки взломанного льда, расчистить дорожки и найти пути улучшить наши отношения. Такой процесс пошел и продолжается сейчас. Его надо уметь оценивать очень тонко, чтобы не ухудшить положение дел и не уступить. Потому что если отношения будут строиться на основе уступок и подчинения чужим своей политики, то противник быстро разгадает нас. Такая позорная политика приведет к краху. Мы же с гордостью представляли свой народ, были абсолютно убеждены в правильности нашей политики и достойно ее защищали. И сейчас, когда я вспоминаю прошедшее, то горжусь тем временем и политикой, которая проводилась, теми успехами, которые мы одержали на дипломатическом фронте.

(Продолжение следует)

Гибель Фрунзе

В. Д. Тополянский

Бытует легенда, что некие наборщики вынесли из типографии в середине 20-х годов то ли гранки «Повести непогашенной луны» Б. А. Пильняка, то ли часть конфискованного властями тиража «Нового мира» (1926, № 5), и с тех пор этот криминальный текст хранился на чердаках. Порою в СССР ходила по рукам «тамиздатовская» книга, повествующая о загадочной смерти командарма Гаврилова. Большинство читателей не сомневалось, что поводом к ее написанию послужила, вопреки публичным заверениям автора, гибель наркомвоенмора М. В. Фрунзе в больнице. Многие были готовы поверить также в подлинность легенды, утверждавшей, будто репрессированный в 1937 г. и измученный ночными допросами сын немецкого колониста, ветеринарного врача Вогау, Пильняк признался перед расстрелом в тайных контрреволюционных связях с дочерью Фудзиямы (гора в Японии). Гаврилов же умер на операционном столе; это был сердечный шок; организм, не принимавший хлороформа, был хлороформом отравлен. Р. А. Медведев выдвинул иную версию: Фрунзе умер в конце 1925 г. во время неумело и халатно проведенной медицинской операции. Что же произошло на самом деле?

По сообщениям газет, Фрунзе испытывал болезненные ощущения в животе на протяжении почти 10 лет. После хирургического вмешательства по поводу острого аппендицита в 1916 г. у него отмечались временами признаки кишечного кровотечения, возникавшего трижды, а последний раз — в начале сентября 1925 г. после автомобильной аварии. Постельный режим и охранительное лечение способствовали улучшению самочувствия Михаила Васильевича. Но повторявшиеся приступы боли, которые приковывали Фрунзе к постели иногда на многие недели, обсуждались на врачебных консилиумах. Участники первого из них под председательством наркома здравоохранения РСФСР Н. А. Семашко 8 октября 1925 г. рекомендовали хирургическое вмешательство. Второй консилиум 24 октября предупредил, что операция не избавляет больного от необходимости продолжать лечение.

27 октября третий консилиум постановил перевести Фрунзе из Кремлевской больницы в Боткинскую. Здесь 29 октября доктор В. Н. Розанов приступил к операции. Ему ассистировали врачи И. И. Греков и А. В. Мартынов, наркоз проводил А. Д. Очкин. На операции присут-

Тополянский Виктор Давидович — кандидат медицинских наук, старший научный сотрудник Московской медицинской академии им. И. М. Сеченова.

ствовали сотрудники Лечебно-санитарного управления Кремля П. Н. Обросов, А. М. Касаткин, А. Ю. Канель и Л. Г. Левин. При вскрытии брюшной полости были обнаружены различные сращения тканей, уплотнения и рубцы. После разделения спаек брюшную полость закрыли трехэтажным швом. Больной трудно засыпал и плохо переносил наркоз. Длительность операции — 35 мин., наркоза — 65 минут. В связи с падением пульса при наркозе прибегали к впрыскиваниям, возбуждающим сердечную деятельность, а после операции боролись с сердечной недостаточностью, в чем участвовали хирург из отделения Розанова Б. И. Нейман и проф. Д. Д. Плетнев. Однако лечебные воздействия оказались безуспешными. Через 39 часов Фрунзе скончался «при явлениях паралича сердца».

Спустя 10 минут после его смерти в ночь на 31 октября в больницу прибыли И. В. Сталин, А. И. Рыков, А. С. Бубнов, И. С. Уншлихт, А. С. Енукидзе и А. И. Микоян. Вторично они собрались у тела покойного в то же утро перед вскрытием тела в анатомическом театре Боткинской больницы, куда приехали, кроме того, остальные члены Политбюро, ряд членов ЦИК, Совнаркома, Реввоенсовета СССР и делегация иваново-вознесенских рабочих. Патологоанатомическое исследование проводил А. И. Абрикосов в присутствии врачей, принимавших участие в операции и реанимации, шефа Главного военно-санитарного управления РККА З. П. Соловьева, других лиц, включая новых наблюдателей от Лечебно-санитарного управления Кремля. Таким образом, все происходило под неусыпным контролем. В подробном протоколе вскрытия были зафиксированы обширные спайки, рубцы от зажившей язвы желудка, хроническая язва 12-перстной кишки, эрозии слизистых оболочек и начинавшийся острый перитонит. Прозектор записал: обнаруженные при вскрытии недоразвития аорты и артерий, а также сохранившаяся зубная железа являются основой для предположения о нестойкости организма по отношению к наркозу и плохой сопротивляемости его по отношению к инфекции.

Основной вопрос — почему возникла сердечная недостаточность, приведшая к смерти, — остался без ответа. Недоумение по этому поводу просочилось в прессу. Увидела свет заметка «Товарищ Фрунзе выздоравливает», напечатанная «Рабочей газетой» как раз в день его смерти. На рабочих собраниях спрашивали: зачем делалась операция; почему Фрунзе согласился на нее, если с язвой можно прожить и так; какова причина смерти; почему опубликована дезинформация в популярной газете? В связи с этим Греков дал интервью, помещенное с вариациями в разных изданиях. По его словам, операция была необходимой, так как больной находился под угрозой внезапной смерти; Фрунзе сам попросил оперировать его по возможности скорее; операция относилась к разряду сравнительно легких и была выполнена по всем правилам хирургического искусства, но наркоз протекал тяжело; печальный исход объясняется также обнаруженными при вскрытии непредвиденностями. Неожиданным было заключение интервью: к больному после операции никого не допускали, но, когда Фрунзе сообщили, что ему прислал записку Сталин, он попросил записку эту прочесть и радостно улыбнулся. Выступление Грекова еще более запутало дело.

Внезапная смерть наркома вызвала сильный общественный резонанс. Различные сведения о последних днях жизни Фрунзе хлынули в печать, и этот поток не иссякал затем долгие годы. Официальную точку зрения высказал Енукидзе: нажитая в каторге болезнь скосила его. На деле же брат Михаила Васильевича, работавший земским врачом, нашел у него желудочное заболевание еще летом 1906 года. Из Владимирского централа (1907—1909 гг.), где он был в заключении, Фрунзе писал родным, что у него опять начал болеть желудок. Приступы усилились после перенесенной им в 1916 г. операции по поводу аппендицита. Всерьез он не лечился, лекарствами пользовался редко. Весной 1922 г. его самочувствие настолько ухудшилось, что было решено отправить его на лечение в Карлсбад. Вот телеграмма, полученная из Москвы наркомом по военным делам Грузии Ш. З. Элиавой 23 июня 1922 г.: «Согласно постановления консилиума врачей при ЦК РКП тов. Фрунзе еще в мае должен был выехать за границу для лечения.

Несмотря на это, он под всякими предлогами до сих пор оттягивал свой отъезд, продолжая работать. Вчера уже после получения всех документов совершенно отказался от заграничной поездки и двадцать девятого июня выезжает к Вам в Боржом. Положение здоровья серьезнее, чем он, видимо, думает. Если курс лечения в Боржоме будет неудачен, придется прибегнуть к хирургии. Крайне необходимо создать в Боржоме условия, сколько-нибудь заменяющие Карлсбад. Не откажите в соответствующих распоряжениях. Необходимы три-четыре комнаты, возможно изолированные»¹. В октябре 1924 г. Фрунзе провел на охоте в Азербайджане месяц; там думать о диете или сколько-нибудь регулярном питании было совершенно невозможно, и все же он поправился, окреп и чувствовал себя превосходно.

В июле 1925 г. Фрунзе дважды терпел аварию на автомобиле. 1 августа, спустя неделю после второй из них, он отправился на охоту в Подмосковье, а вернувшись через сутки домой, снова стал бодрым и жизнерадостным, но в первых числах сентября опять получил множественные ушибы при очередном падении из автомобиля. «Не так давно его выбросило из автомобиля на полном ходу», — подтверждал Н. И. Бухарин. На этот раз Фрунзе взял отпуск и 7 сентября уехал в Крым. Там, в Мухолатке, отдыхали И. В. Сталин, М. Ф. Шкирятов и К. Е. Ворошилов. В ответ на их расспросы сопровождавший Фрунзе врач П. В. Мандрыка рассказал о кишечном кровотечении у своего подопечного. Но Фрунзе рвался на охоту и несколько часов бродил по камням Ай-Петри, после чего вновь почувствовал себя сносно. В Мухолатке появились вызванные из Москвы Розанов и Касаткин с обслуживающим персоналом. Мандрыку отстранили от лечения, а больного уложили на две недели в постель. «Приезд московских врачей подействовал на Михаила Васильевича скверно, — писал Ворошилов. — Он неоднократно твердил мне, что чувствует себя хорошо, что все недомогания скоро пройдут и т. п. И только когда анализ подтвердил наличие не прекратившегося кровоизлияния, Михаил Васильевич стал серьезнее относиться к состоянию своего здоровья и склоняться к мысли об операции». В Москву отдыхающие уехали 29 сентября, и Фрунзе лег в Кремлевскую больницу.

Семашко на заседании правления Общества старых большевиков в середине ноября 1925 г., отвечая на вопросы по поводу смерти Фрунзе, сообщил, что состав консилиума определяла лечебная комиссия ЦК РКП(б). Перед консилиумом Розанова вызывали к себе Сталин и Г. Е. Зиновьев. Эта встреча могла произойти лишь перед вторым консилиумом, на который были приглашены дополнительно заместитель начальника Лечебно-санитарного управления Кремля М. С. Металликов, его рентгенолог С. Р. Френкель, консультанты того же управления В. А. Александров и Касаткин, главврач Московского военного госпиталя Мандрыка. По утверждению Ворошилова, 17 лучших врачей страны единогласно пришли к выводу о необходимости хирургического вмешательства; Розанов был уверенно за операцию. По словам Ворошилова, этот консилиум проходил между 7 и 10 октября, что противоречит публикации в «Правде». Его оценка позиции Розанова позволяет говорить о вольном обращении с фактами. Подчеркивание же единодушия членов консилиума, участие в нем медицинских администраторов, подчинявшихся партийной дисциплине, и радикальное изменение взгляда Розанова после беседы со Сталиным и Зиновьевым свидетельствуют, что было принято решение об обязательности операции.

Фрунзе действительно нуждался в оперативном лечении. Имелись прямые показания к хирургическому вмешательству, причем в те годы всегда выделяли еще и социальное показание — восстановление трудоспособности больного в кратчайшие сроки². Это учитывали профессора, обладавшие большим практическим опытом. Греков, конечно, был прав, настаивая на операции. Важно другое: прийти к единогласному решению врачи могли и без дополнительного давления, от консилиума требовалось только установить характер и объем хирургического вмешательства и получить согласие больного на операцию. Но именно после разговора с Грековым

Фрунзе проявил нерешительность. С официальными лицами он держался с присущим ему хладнокровием, казался полным энергии и планов на будущее, принимал у начальника Штаба РККА С. С. Каменева служебные доклады, просил замнаркомвоенмора Уншлихта подобрать материалы о маневрах.

Предсовмина СССР Рыков констатировал: «Незадолго до операции Фрунзе мне сказал, что болезнь не представляет непосредственной угрозы для его жизни, но мешает ему отдаться работе... с таким напряжением сил, которого требуют его честь, его любовь к рабочему классу, его преданность революции». А редактора «Правды» Бухарина весть о смерти Фрунзе поразила, «точно гром с ясного неба»: ведь всего несколько дней назад, «посматривая на нас своими чистыми, светлыми, почти детскими глазами, с веселой улыбкой на лице, такой мягкий, такой хороший, стоял Фрунзе и говорил о своем решении покончить с язвой желудка при помощи хирургического ножа»³. «С какой уверенностью, что выйдет победителем, он шел на эту операцию! — воскликнул член Реввоенсовета СССР Г. К. Орджоникидзе на траурном заседании в Тифлисе и цитировал телеграмму от Фрунзе: «Прекрасно, в четверг оперируюсь, привет. 28 октября. Михаил».

Сохранилось последнее письмо Фрунзе к лечившейся в Ялте его жене: «Ну, вот, наконец, подошел и конец моим испытаниям. Завтра утром я переезжаю в Солдатенковскую больницу, а послезавтра (в четверг) будет и операция. Когда ты получишь это письмо, вероятно, в твоих руках уже будет телеграмма, извещающая о ее результатах. Я сейчас чувствую себя абсолютно здоровым и даже как-то смешно не только идти, а даже думать об операции. Тем не менее оба консилиума постановили ее делать. Лично этим решением удовлетворен. Пусть же раз навсегда разглядят хорошенько, что там есть, и попытаются наметить настоящее лечение. У меня лично все чаще и чаще мелькает мысль, что ничего серьезного нет, ибо, в противном случае, как-то трудно объяснить факт моей быстрой поправки после отдыха и лечения»⁴. Телеграмма о смерти мужа опередила это письмо. Не прочитанное адресатом, оно вернулось в Москву и было сдано в архив.

Однако от наблюдательных людей не ускользнула эмоциональная напряженность Фрунзе. Если в конце сентября он шутливо относился к состоянию своего здоровья и возможным перспективам лечения, то 27 октября прибывший на родину советский военный атташе в Китае А. И. Егоров отметил некоторую нервозность. «Он, не знающий колебаний в бою, на коне, с винтовкой и с маузером в руках, испытывал некоторые сомнения перед операцией», — вспоминал редактор журнала «Красная новь» А. К. Воронский⁵. Перед переводом в Боткинскую (бывшую Солдатенковскую) больницу он, по словам его соседа по палате И. М. Гронского, говорил без своей обычной приветливой улыбки, у него стало сосредоточенно серьезное лицо. Под внешне бодрым цветущим видом он скрывал расшатанную нервную систему, заключил находившийся в Москве советский полпред во Франции Х. Г. Раковский, психиатр по профессии. Лишь с несколькими друзьями Фрунзе делился сведавшей его тревогой. Навестившую его жену М. П. Томского он встретил словами: «Вот побрился и новую рубашку одел. Чувствую, Мария Ивановна, что на смерть иду, а умирать-то не хочется»⁶. Своему другу И. К. Гамбургу он передал свою последнюю волю: «Ты знаешь, что я могу умереть под ножом. Это не обязательно, но может случиться. Никто не может быть гарантирован от случайностей... Если что произойдет со мною, я прошу тебя пойти в ЦК и сказать о моем желании быть похороненным в Шуе». Ту же просьбу он повторял другим лицам. Это его завещание, впрочем, не было принято во внимание: Фрунзе похоронили у Кремлевской стены.

Чем острее опасения больного, тем выше вероятность осложнений во время наркоза и операции. Эту истину узнают студенты еще на лекциях по способам предоперационной подготовки. Друзья Фрунзе настойчиво советовали ему уклониться от операции. И все же утром 28 октября он был выписан из Кремлевской больницы и поступил в Боткинскую, где Розанов

не придавал значения эмоциональному состоянию больного. В этом заключалась первая ошибка из случившихся в тот роковой четверг. Но можно ли говорить о неумело и халатно проведенной операции? Спустя год, на 1-м Всеукраинском съезде хирургов Розанов, Греков и Мартынов были названы в числе лучших отечественных хирургов с собственными крупными клиническими школами ⁷.

Розанов, выросший в семье врача, к 1925 г. накопил огромный практический опыт за 14 лет работы в Старо-Екатерининской больнице для чернорабочих (с двухлетним перерывом для службы военным хирургом на Дальнем Востоке в период русско-японской войны) и за 15 лет — в Солдатенковской больнице. Блестящий и решительный хирург, одинаково легко оперирующий на головном мозге, органах шеи и брюшной полости, он отличался неизменным спокойствием и способностью найти оптимальный выход при любой неожиданности. Однако он никогда не стремился к радикальным операциям и даже при несомненном язвенном кровотечении полагал, что лечение должно быть выжидательным, если нет нарастания грозных симптомов. По ночам он регулярно появлялся возле больных. Не было случайностью и то, что с августа 1918 г. он стал лечащим врачом Ленина, а в его отделении оперировали видных членов Коммунистической партии и Советского правительства ⁸.

Донской казак Греков, прирожденный лидер и одаренный хирург импульсивного типа, обладавший особым искусством тампонады, тоже никогда не терялся в затруднительных положениях и оперировал виртуозно (в том числе собственных сотрудников, друзей и знакомых), но ассистировал неважно: ему не хватало выдержки. Человек страстный и с жаром отстаивавший свои убеждения, он отличался безграничной преданностью хирургии. Вспыльчивый в клинике, становился гибким и находчивым в обществе и на трибуне. Очень добрый, не терпел обмана, но извинял погрешности подчиненных и спасал их от судебных притеснений еще и в 1931 г., когда однажды им угрожало уголовное расследование в связи с оставшимся в брюшной полости больного инородным телом. Греков выступил тогда в хирургическом обществе с докладом о ненароком оставляемых в брюшной полости инструментах и тампонах. Услышав все это, представители прокуратуры, приглашенные на заседание, не стали возбуждать дело.

Третий участник операции — методичный Мартынов, сын врача, выделялся среди хирургов того времени совершенно исключительным осознанием своей ответственности за судьбу больного. Атмосфера в его операционной была необыкновенно спокойной, в ней отсутствовала та нервующая присутствующих напряженность, которая характерна для некоторых больших хирургов и далеко не всегда служит к их украшению. Современники единодушно называли его «хирургической совестью» и в 1925 г. избрали председателем Общества российских хирургов ⁹. Одна его подпись в официальном сообщении о выполненной операции уже служила гарантией достоверности изложенного. Каждый из троих возглавлял собственную клиническую школу, но они нередко оперировали совместно. У Фрунзе же хирургическое вмешательство ограничилось ревизией органов брюшной полости и рассечением части спаек. Говорить здесь о неумело и халатно проведенной операции не приходится. Речь может идти только об очень веской причине, помешавшей хирургам произвести намеченную операцию.

Согласно официальному сообщению, больной трудно засыпал и плохо переносил наркоз. Приступить к операции смогли только через 30 мин. от начала наркоза. Столь значительная задержка возможна лишь в случае, если больного не удастся перевести в хирургическую стадию наркоза в связи с растянутой во времени стадией психического и двигательного возбуждения. Стадия возбуждения при наркозе хлороформом короче и менее выражена, чем при наркозе эфиром. Больной засыпал через 11—12 мин. при вдыхании хлороформа и через 17—18 мин. при использовании эфира. Для общего обезболивания у Фрунзе применили первоначально эфир, но затем из-за резкого и длительного возбуждения перешли на анестезию хлороформом. В течение первых примерно 20 мин. было истрачено 140 г эфира,

в последующие 45 мин.— 60 г хлороформа, то есть расход эфира составил 7 г/мин, хлороформа — 1,33 г/мин.

Тогда уже знали, что хлороформ представляет собой токсичное наркотическое средство. Разница между наркотической и смертельной дозой хлороформа была столь мала, а угроза передозировки столь велика, что применение его каждый раз напоминало игру с огнем, и благополучный исход операции зависел прежде всего от опытности наркотизатора. Скорость поступления хлороформа в организм не должна превышать в среднем 0,66 мл/мин (1 г/мин), а эфира — 2,5 мл/мин (1,75 г/мин). Совместное же использование эфира и хлороформа резко усиливает токсическое действие. Поэтому при комбинации данных препаратов их дозы всегда уменьшали. Расход эфира и хлороформа в единицу времени превосходил у Фрунзе максимальные пределы, не говоря уже о комбинации наркотических средств ¹⁰.

Тем не менее трагический исход операции оставался Грекову непонятным, пока Абрикосов не нашел при вскрытии ненормальную узость сосудов и сохранившуюся зубную железу. Это позволило перенести акцент неудачи с хирургического вмешательства и наркоза на так называемый лимфатический статус (гормональные изменения). Но, поскольку зубная железа у Фрунзе оказалась полностью замененной жировой тканью и не функционировала, а прочие патологические изменения, свойственные лимфатическому статусу, отсутствовали, диагноз насчет врожденных нарушений как причина катастрофы не имел оснований. И, выступая перед журналистами, Греков лукавил по своей укоренившейся привычке защищать попавшего в беду врача. Однако секрет полишинеля тут же выдал публицист М. Е. Кольцов: «Можем ли мы упрекнуть бедное сердце за сдачу перед шестьюдесятью граммами хлороформа после того, как оно выдержало два года смертничества, веревку палача на шее, владимирскую каторгу, верхоленскую ссылку, три года гражданской войны?».

Розанов предпочитал, чтобы общим обезболиванием занимался опытный наркотизатор, изучивший все нюансы хлороформирования. Выступление в этой роли его любимого ученика Очкина вполне естественно. Последнего не смутило выраженное эмоциональное напряжение больного, и операцию не отменили. Вскоре после начала наркоза у Фрунзе возникло психическое и двигательное возбуждение. Эта стадия затягивалась, соответственно возрастало беспокойство наркотизатора, и Очкин перешел на анестезию хлороформом, передозировав наркотический препарат. В этой ситуации приступить к операции не следовало, но хирурги начали ее, совершив вторую ошибку в течение получаса. Наркоз протекал по-прежнему тяжело; ввиду падения пульса приходилось прибегать к впрыскиваниям, возбуждающим сердечную деятельность.

Насколько же компетентным лицом был анестезиолог Очкин? По окончании медицинского факультета Московского университета в 1911 г. и трехлетней стажировки в отделении Розанова он работал хирургом в Солдатенковской больнице и к 1916 г. вырос до старшего ординатора, с 1919 по 1921 г. служил в 1-й Конной армии главным врачом хирургического госпиталя ¹¹. В 1922 г. его пригласили в Лечебно-санитарное управление Кремля. Но сомнительно, чтобы за все эти годы у него накопился практический опыт по общей анестезии. Следовательно, он не имел морального права брать на себя роль наркотизатора. Вот тут-то и возникает вопрос: почему был привлечен к анестезии именно Очкин. Нет ли тут политической подоплеки? Кому могла быть выгодна смерть Фрунзе?

Явных врагов у Фрунзе среди руководящих деятелей СССР как будто бы не было. Его соратников поражали необычайная для тех лет и того общества мягкость в общении, скромность, напоминавшая порой застенчивость, врожденная корректность, сдержанность по отношению к подчиненным ¹². Эстонского военного атташе покоряли простота и искренняя любезность покойного. Писательница Г. И. Серебрякова навсегда запомнила его «неповторимую приветливость, благодущие и доброту» ¹³. Друзей пленяли в нем внутренняя правдивость и гармоничность, прямодушие

и открытость, простота, доходящая почти «до детской непосредственности», и легкость, с которой он шел навстречу опасности¹⁴. Практически все, не стовариваясь, определяли основную особенность его личности словом «обаяние». В то же время выделяли его самообладание, непреклонность при выполнении принятого решения, талант полководца, преданность военному делу, твердую волю.

Михаил Васильевич лично никогда никого не убивал. Даже в дни октябрьских боев 1917 г. в Москве он, участвуя в атаке на «Метрополь», не стрелял. Во время мятежа левых эсеров летом 1918 г. в Москве ездил с членом Бюро по руководству повстанческой борьбой Бубновым к захваченному эсерами телеграфу и в район Покровских казарм, ходил за «языком» и тоже не стрелял. Поднимая в 1919 г. в контратаку полки Чапаевской дивизии на р. Белой, винтовку держал в руке лишь как символ боя. На Туркестанском фронте при аресте командира отряда, перешедшего на сторону басмачей, не вынимал из кобуры своего оружия и только отчеканил под направленным на него пистолетом: «Ошибку простить можно, предательство — никогда». Кинематографическую легенду (неустрасимый командарм, преследуемый махновцами, бьет их на выбор из маузера, словно куропаток) разрушил начдив И. С. Кутяков: Фрунзе тогда, в конце 1920 г., никого не застрелил.

Английская пресса той поры считала «его карьеру достойной наблюдений», называла Фрунзе «весьма компетентной боевой личностью», обладающей значительной «организационной мощью», и предлагала «усердно изучать операции этого нового русского вождя» и собирать о нем всевозможную информацию¹⁵. Верность партийным постулатам сочеталась у него с понятием офицерской чести. Когда Красная Армия ворвалась осенью 1920 г. в Крым, он отдал приказ по Южному фронту, требуя сдаться и пленных: «Красноармеец страшен только для врага, он рыцарь по отношению к побежденным». Одновременно он направил радиogramму Врангелю, гарантируя сдающимся, включительно до лиц высшего комсостава, полное прощение в отношении всех проступков, связанных с гражданской борьбой, а всем желающим эмигрировать — возможность беспрепятственного выезда за границу при условии отказа под честное слово от дальнейшей борьбы против рабоче-крестьянской России и Советской власти. По радио передали его обращение к солдатам и офицерам белой армии: «Мы не стремимся к мести. Всякому, кто положит оружие, будет дана возможность искупить свою вину перед народом честным трудом».

Реакцию на это обращение описал В. В. Вересаев: «Мне редко приходилось видеть такое чувство всеобщего облегчения, как после этого объявления: молодое белое офицерство, состоящее преимущественно из студенчества, отнюдь не черносотенное, логикой вещей загнанное в борьбу с большевиками,.. чувствовало, что пошло по ложной дороге, но что выхода на другую дорогу ему нет. И вот вдруг этот выход открывался». На следующий день Фрунзе получил нагоняй от председателя Совета рабочей и крестьянской обороны В. И. Ленина: «Только что узнал о Вашем предложении Врангелю сдаться. Крайне удивлен непомерной уступчивостью условий. Если противник примет их, то надо реально обеспечить взятие флота и невыпуск ни одного судна; если же противник не примет этих условий, то, по-моему, нельзя больше повторять их и нужно расправиться беспощадно»¹⁶. И в Крыму развернула свою карательную деятельность тройка (Г. Л. Пятаков, Р. С. Землячка, Б. Кун), наделенная исключительными полномочиями: предложено было всем офицерам явиться на регистрацию и объявлялось, что те, кто на регистрацию не явятся, будут находиться вне закона и могут быть убиты на месте. Офицеры явились на перерегистрацию. И началась бессмысленнейшая кровавая бойня. Всех являвшихся арестовывали, по ночам выводили за город и там расстреливали из пулеметов. Так были уничтожены тысячи людей.

В этой акции Фрунзе никакого участия не принимал, находясь в боях на Юге Украины против отрядов Махно, а карательные операции восприни-

мал вообще отрицательно. Показательны и его взаимоотношения со старыми военными специалистами. Царский генерал Ф. Ф. Новицкий был его заместителем на Восточном и Туркестанском фронтах. Командуя войсками Украины и Крыма, Фрунзе назначил начальником своего штаба графа Н. В. Соллогуба, начальником оперативного управления — генерала Н. С. Махрова, хотя их братья служили в ту пору в белой армии. Бывшего полковника Генерального штаба А. И. Готовцева вызволил из ЧК и тут же предложил ему работу в Харькове. После амнистии бывшего деникинского генерала Я. А. Слащёва, ставшего преподавателем тактики в Высшей тактико-стрелковой школе комсостава РККА, Фрунзе, выступая на партийном собрании, разъяснял, что советская власть не должна мстить раскаявшемуся противнику, а крупного военного специалиста целесообразнее использовать по профессии, нежели расстрелять. «Нам необходимо с особой чуткостью и предупредительностью относиться к тем очень немногочисленным представителям старых специалистов военного дела, которые крепчайшими узами связаны с Красной Армией и с нашим делом», — говорил он¹⁷.

Во многом под его влиянием белые офицеры, находившиеся в крайне сгущенной атмосфере постоянных подозрений, шли служить советской власти. Такая позиция наркомвоенмора не вызывала одобрения у тех, кто всех кадровых офицеров старой армии считал потенциальными изменниками и предпочитал утопить большинство военспецов в барже, как поступил под Царицыном Сталин в 1918 году. Особые основания для неприятия позиции наркомвоенмора СССР имелись у Ворошилова и С. М. Буденного. Корни конфликта Фрунзе с ними уходили в осенние дни 1920 года. Переброшенная с польского фронта на врангелевский 1-я Конная армия разложилась в пути настолько, что бойцов 6-й кавдивизии И. Р. Апанасенко военный трибунал судил в октябре за бандитизм и погромы. Буденный в своих мемуарах мельком рассказал о разоружении и расформировании опозоривших себя частей.

Моральное состояние их секрета для Фрунзе не составляло, и его опасения отразились в переговорах с главкомом 19 октября 1920 г.: «Ожидаю больших осложнений с 1-й Конной, особенно в части организации тыла». В телеграмме Ленину от 6 ноября 1920 г. Фрунзе сообщал, что многие части Врангеля успели уйти в Крым через Чонгарский полуостров и Арабатскую стрелку, где по непростительной небрежности конницы Буденного не был взорван мост через Генический пролив. Таких щелчков по своему самолюбию ни первый член Военного совета этой армии Ворошилов, ни ее командующий Буденный не прощали. В 1937 г. они расправились с М. Н. Тухачевским тоже за «обиды» 1920 г.: докладывая Сталину о ходе «суда» над лидерами Красной Армии, наркомвнудел Н. И. Ежов отмечал, что члены Военного присутствия на суде в основном молчали, а «активно вел себя лишь Буденный»¹⁸. Затем они прикончили В. И. Шорина, уволенного в отставку еще в 1925 г. и «виновного» в трезвой оценке действий 1-й Конной армии зимой 1920 г. на Северном Кавказе¹⁹.

Судьбой Фрунзе хотели распорядиться те, кто видел в нем препятствие в борьбе за власть. В этом аспекте имели значение и результаты военной реформы 1922—1924 гг., и товарищеские взаимосвязи Фрунзе с участниками партийной оппозиции.

В 1924 г. комиссия Реввоенсовета Республики (РВСР) под председательством Фрунзе заново разработала принципы военной реформы: ликвидация пережитков военного коммунизма в армии, дальнейшее развитие территориально-милиционной системы, децентрализация хозяйственного механизма армии, отказ от лозунга «раскрестьянить» молодых красноармейцев (81,6% их происходили из крестьян), сосредоточение строевых, административных и хозяйственных функций в руках командира, хотя бы и беспартийного. Учитывая необходимость всемерно облегчить налоговое бремя, Фрунзе считал кардинальной задачей снижение расходов на армию. К февралю 1925 г. Красную Армию сократили до 562 тыс. человек, что было втрое меньше штатной численности царской армии. Более половины дивизий строилось на территориально-милиционной основе, а это открывало

возможность дополнительной экономии средств и «несения военной службы без длительного отрыва от хозяйства»²⁰. Фрунзе продолжал создавать национальные формирования, требовал технического перевооружения войск и качественно обновлял командный состав (за несколько месяцев он сменил почти половину членов РВСР).

К сентябрю 1925 г. основной акцент реформы сместился в сторону введения жесткого единоначалия. «Прежняя система двоевластия, вызванная политическими соображениями», мешает поставить «во главе наших частей людей, обладающих достаточной самостоятельностью, твердостью, инициативностью и ответственностью». Надо «иметь единый, вполне равноправный командный состав, не разделяя его в служебном отношении на партийцев и беспартийных», ибо «стремление провести всеохватывающую коммунизацию в рядах Красной Армии является ненужной и вредной утопией»²¹.

Нестандартно мысливший нарком, окруженный одаренными военачальниками, пользовавшийся авторитетом и в армии, и в партии, да еще замахнувшийся на некоторые «незыблемые догмы», представлял опасность для тогдашней партийной верхушки. Определенно высказывался он (4 февраля 1925 г.) и по поводу оппозиции: «Мне известно, что очень многие товарищи сейчас будут искать и ищут путей сближения с основным партийным костяком, и наша задача — облегчить им это сближение, так как это необходимо для дальнейшего укрепления нашей партии, для дальнейшего укрепления всего нашего положения. Мне кажется, что с точки зрения общих перспектив дальнейшего внутривнутрипартийного развития у нас сейчас нет оснований ожидать каких-либо глубоких принципиальных разногласий внутривнутрипартийного характера. Конечно, оттенки должны быть и будут. У нас ведь 700.000 членов партии, руководящих колоссальнейшей страной, и нельзя требовать, чтобы эти 700.000 человек по каждому вопросу мыслили одинаково»²².

Летом 1923 г. Фрунзе участвовал в «пещерном совещании» партийных деятелей на Кавказе, платформу которого Сталин спустя полтора года назвал «беспринципной». А теперь Фрунзе выступил в поддержку тех, кого Сталин намеревался уничтожить. Более того, Фрунзе вполне допускал, что каждый член партии может иметь собственное мнение. В январе 1925 г. Фрунзе, по свидетельству секретаря Сталина Б. В. Бажанова, уже не устраивал Сталина, но Зиновьев и Каменев были за Фрунзе. В результате «предварительных торгов на тройке» Сталин согласился передать Фрунзе высшие военные посты; и Президиум ЦИК СССР издал постановление от 26 января: удовлетворить просьбу Л. Д. Троцкого об освобождении его от обязанностей наркома по военным и морским делам и председателя РВСР и назначить на эти должности Фрунзе.

Хроника внутривнутриполитических событий последующих девяти месяцев оказалась не совсем обычной даже для того бурного времени. Вначале серия трагических инцидентов распространилась на ответственных работников Закавказья: 19 марта в Москве внезапно умер «от разрыва сердца» председатель союзного совета ЗСФСР и один из председателей ЦИК СССР Н. Н. Нариманов. 22 марта в авиационной катастрофе погибли 1-й секретарь Заккрайкома РКП(б) А. Ф. Мясников, председатель Закчека С. Г. Могилевский и летевший с ними уполномоченный Наркомата почт и телеграфов Г. А. Атарбеков. С Могилевским Фрунзе был дружен еще по октябрьским дням в Москве, Мясников являлся членом РВСР и Реввоенсовета Кавказской армии. Причина возгорания и падения самолета разумно никем не объяснялась. В июле Фрунзе дважды терпит «крушение на автомобиле», о чем проговорился впоследствии Ворошилов; причины аварий остались неизвестными.

6 августа на даче под Одессой выстрелом в упор был убит командир 2-го кавкорпуса Г. И. Котовский. Донесение о его смерти поразило Фрунзе своей неожиданностью и бессмысленностью. В телеграммах командующему войсками Украинского военного округа и 2-му кавкорпусу наркомвоенмор отметил, что выбыл лучший боевой командир всей Красной Армии;

в приказе по РВСР Фрунзе писал: «Случай беспрецедентный. Тот, у кого поднялась рука на такого человека, или безумец, или предатель, какого еще не знала страна. Революционный суд воздаст должное преступнику». Судебный процесс начался только через год; убийцу приговорили к 10-летнему тюремному заключению, но через два года выпустили на свободу. Котовский был убит перед отъездом в Москву, где Фрунзе предложил ему должность своего заместителя. В связи с затянувшимся расследованием убийства у Фрунзе возникли подозрения, и он затребовал себе все документы по данному делу, но ничего не сумел выяснить.

«Случайности» между тем продолжались: 27 августа под Нью-Йорком при невыясненных обстоятельствах погибли бессменный заместитель Троцкого в период гражданской войны, отстраненный от военной деятельности весной 1924 г. и назначенный председателем правления треста «Моссукуно» Э. М. Склянский и председатель правления акционерного общества «Амторг» И. Я. Хургин. Троцкий и Фрунзе опубликовали сочувственные некрологи. Бажанов и помощник Сталина Л. З. Мехлис были тогда уверены, что Склянского по приказу Сталина утопили в озере, где он с Хургиным катался на лодке, а «несчастный случай» организовали ответственные сотрудники ОГПУ при Совнаркоме СССР Г. Каннер и Г. Г. Ягода²³. 28 августа на подмосковной станции Перово погиб под поездом давний знакомый Фрунзе, член Иваново-Вознесенского губкома партии и редактор губернской газеты с 1922 г., председатель Авиагостреста с 1924 г. В. Н. Павлов. Теперь уже не выдержала столичная пресса, выступившая с недоуменно-ехидным вопросом: «Не слишком ли много для нашей старой гвардии случайностей?». Официальных разъяснений не последовало.

Между 1 и 3 сентября Фрунзе выпал из автомобиля «на полном ходу» (по выражению Бухарина). Недели раньше в автоаварии погиб близкий к наркомвоенмору начальник Мосгубмилиции Ф. Я. Цируль. В те же дни постановлением ВЦИК и Совнаркома РСФСР уполномоченному Народного комиссариата по военным и морским делам СССР Ворошилову было предоставлено право решающего голоса на заседаниях Совнаркома РСФСР. Между тем в английском ежемесячнике «The Aeroplane» появилась о Фрунзе статья «Новый русский вождь»²⁴ с характеристикой такого типа: «В этом человеке объединились все составные элементы русского Наполеона!». Статья стала известна партруководству. По свидетельству Бажанова, Сталин увидел во Фрунзе будущего Бонапарта и высказал резкое недовольство этим «внутри тройки» (Сталин — Каменев — Зиновьев). Затем Сталин вдруг проявил трогательную заботу о здоровье Фрунзе, сказав: «Мы совершенно не следим за драгоценным здоровьем наших лучших работников», после чего Политбюро чуть ли не силой заставило Фрунзе согласиться на операцию. На самом деле среди членов Политбюро не было единого мнения по этому вопросу. Председатель ВЦСПС М. П. Томский, например, выступил против хирургического вмешательства. Сталин же говорил С. М. Кирову и А. И. Микояну, что Фрунзе сам настаивал на операции, а врач Розанов считал ее необходимой.

Никто не обратил тогда внимания на абсурдность такого положения, когда государственно-партийные деятели высшего ранга, не имеющие представления о медицине, считают допустимым обсуждать чисто врачебные вопросы и требовать от хирургов проведения операции. Зато была подмечена причастность Каннера (один из секретарей Сталина) и врача ЦК РКП(б) Э. Д. Погосьянца к ее организации. А утром, буквально перед самой операцией, Фрунзе навестил Буденный. Подтвердив, что наркомвоенмор оказался в больнице «по решению ЦК», и застав его в хорошем настроении, Буденный так передавал в своих воспоминаниях разговор с Фрунзе: «Прямо не верится, что сегодня операция,— сказал Фрунзе.— Тогда зачем Вам оперироваться, если все хорошо? Кончайте с этим делом, и едем домой. Моя машину у подъезда.— Я бросился к шифоньеру, подал Фрунзе обмундирование и сапоги. Михаил Васильевич, казалось, согласился. Он надел брюки и уже накинул на голову гимнастерку, но на мгновение задержался и снял.— Да что я делаю? — недоуменно проговорил он.— Собираюсь

уходить, даже не спросив разрешения врачей.— Я не отступал: Михаил Васильевич, одевайтесь, а я мигом договорюсь с докторами.— Но Фрунзе отказался от этой услуги. Он решительно разделся и снова лег в постель.— Есть решение ЦК, и я обязан его выполнять.— Как ни упрашивал его, он остался непреклонным»²⁵. Прочитав это, можно лишь напомнить, что наркоз готовился проводить хороший знакомый Буденного и его бывший подчиненный Очкин.

У Серебряковой сохранилась запись монолога, произнесенного Фрунзе накануне операции: «От страха ведь седеют. А пользы от него никакой. Не верьте тем, кто заявляет, что никогда не струхнул. Однако тут уж кто кого, страх меня или я его — в клочки. С этого начинается человек»²⁶. Как рассказывал Бажанов, во время операции хитроумно была применена как раз та анестезия, которой Фрунзе не мог вынести. Через год жена Фрунзе, убежденная в том, что его зарезали, покончила с собой.

В интервью газетчикам доктор Греков говорил о радостной улыбке умиравшего Фрунзе, получившего записку Сталина. Вот ее текст: «Дружок! Был сегодня в 5 ч. вечера у т. Розанова (я и Микоян). Хотели к тебе зайти,— не пустил, язва. Мы вынуждены были покориться силе. Не скучай, голубчик мой. Привет. Мы еще придем, мы еще придем... Коба». Близкая к Зиновьеву медицинская сестра рассказывала, что в последнюю ночь своего пребывания в Кремлевской больнице Фрунзе был не в силах расстаться с работами Зиновьева и не скрывал этого от дежурного врача: «Сейчас дочитаю книгу «Ленинизм» Зиновьева, которая, по моему мнению, является одним из лучших его произведений. Советую Вам обязательно прочесть». В действительности же в Кремлевской больнице Фрунзе перечитывал работу немецкого военного теоретика К. Клаузевица и штудировал книгу французского маршала Ф. Фоша²⁷.

Вскоре наркомом по военным и морским делам и председателем РВС стал Ворошилов. Сталин уступил тогда еще раз Зиновьеву и согласился с назначением близкого последнему по Петрограду председателя Сибревкома М. М. Лашевича первым заместителем наркомвоенмора, но настоял на ликвидации должности второго заместителя, которую занимал член РВС при Троцком Уншлихт. А 23 декабря 1925 г. в заключительном слове по Политическому отчету ЦК ВКП(б) Сталин припомнил, что Лашевич находился «в числе комбинаторов» во время совещания «пещерных людей» под Кисловодском; спустя три года первый заместитель наркомвоенмора вообще сошел со сцены. Наконец, в середине 30-х годов печально завершилась судьба большинства лечивших Фрунзе врачей.

В начале 30-х годов Розанов заведовал хирургическими отделениями Боткинской и Кремлевской больниц, консультировал в Лечебно-санитарном управлении Кремля и больнице ОГПУ, руководил кафедрой хирургии Центрального института усовершенствования врачей и участвовал в заседаниях Моссовета, куда его избрали в год «великого перелома». Очкин унаследовал потом должности своего патрона, ему присвоили ученую степень доктора медицинских наук без защиты диссертации, а через три года — звание профессора. В ранге профессора оказался тогда и Касаткин. Хирурги же, оперировавшие Фрунзе, все вдруг скончались в течение 1934 года. Первым погиб «от сепсиса» Мартынов²⁸. Незадолго до смерти он спокойно председательствовал на областной клинической конференции врачей Москвы и Московской области. За ним последовал Греков, 11 февраля внезапно умерший «вследствие ослабления сердечной деятельности» во время заседания в Ленинградском институте усовершенствования врачей. На панихиде Розанов не скрывал горя: «На нас, хирургов, налетел какой-то ужасный циклон, мы подряд теряем близких, дорогих товарищей; при всей нашей хирургической выдержке трудно справиться с собой и удерживать никому не нужные слезы»²⁹. В мае 1934 г. Розанов перенес отек легких, а в октябре умер вследствие сердечной недостаточности.

Когда 9 ноября 1932 г. врачи ЦК ВКП(б) Погосянц и Обросов появились в Кремлевской больнице с уже готовым заключением о скоростигшной смерти Н. С. Аллилуевой от острого аппендицита, Канель, Левин

и Плетнев отказались подписать этот фальсифицированный документ. Отстраненная от должности главного врача Кремлевской больницы в 1935 г., Канель умерла в феврале 1936 г., Левина и Плетнева арестовали в 1937 г. и в марте 1938 г. осудили по делу «антисоветского правотроцкистского блока». Дочерей и зятя Канель репрессировали в 1939 году. В августе 1937 г. арестовали Обросова. Согласно свидетельству о смерти, выданному его родным в 1951 г., он умер в марте 1943 г. от «упадка сердечной деятельности». В сентябре 1989 г. его сын получил такой ответ на повторный запрос в Военную коллегия Верховного суда СССР: «На Ваше заявление сообщая, что Обросов Павел Николаевич, 1880 года рождения, 15 марта 1938 года Военной коллегией Верховного Суда СССР был осужден по ст. ст. 58-8, 58-11 и 58-13 УК РСФСР к расстрелу... Проведенной в 1955 году дополнительной проверкой установлено, что Обросов П. Н. осужден необоснованно. 10 декабря 1955 года Военная коллегия реабилитировала Обросова П. Н. посмертно».

Очкин и Касаткин дослужились до юбилейных эпитетов «замечательный» врач и «выдающийся» врач. В течение трех суток Очкин наблюдал в 1939 г. мучения вдовы Ленина, погибавшей от перитонита, но не пришел ей на помощь, мотивируя отказ от операции тяжестью состояния больной. А через неделю Очкин был награжден орденом Ленина.

Примечания

1. Российский государственный военный архив (РГВА), ф. 32392, оп. 1, д. 162, д. 46.
2. Русская клиника, 1926, т. 6, № 28, с. 271.
3. Большевик-воин Михаил Васильевич Фрунзе. М.-Л. 1926, с. 26.
4. РГВА, ф. 32392, оп. 1, д. 129, л. 6.
5. Красная новь, 1925, № 9, с. 277.
6. Возвращенные имена. Кн. 2. М. 1989, с. 267.
7. Журнал современной хирургии, 1926, т. I, вып. 3-4, с. 401.
8. Вестник хирургии, 1925, т. 5, кн. 14, с. 182—183; Московский медицинский журнал, 1927, № 3, с. 133—134; Советская клиника, 1934, т. 20, № 117—118, с. 791—795.
9. Советская клиника, 1934, т. 20, № 113, с. 158—168; ШАБАНОВ А. Н., БОГОРАД И. В. А. В. Мартынов (1868—1934). М. 1971.
10. Ср.: МЫКЕРТЧЬЯНЦ А. М. Об общей анестезии. М. 1905; Московский медицинский журнал, 1925, № 12, с. 28—34; Русская клиника, 1927, т. 7, № 37, с. 766—774; ГОЛЯНИЦКИЙ И. А. Современный наркоз. Астрахань. 1922, с. 23; Журнал для усовершенствования врачей, 1926, № 1, с. 43—47.
11. Хирургия, 1967, № 1, с. 144—146.
12. Красная рота, 1925, № 20—21, с. 7—8; Воспоминания о Фрунзе. Иваново. 1959, с. 260, 294—302.
13. СЕРЕБРЯКОВА Г. И. Странствия по минувшим годам. М. 1965, с. 38—39.
14. Большевик-воин Михаил Васильевич Фрунзе, с. 42.
15. СИРОТИНСКИЙ С. А. Михаил Васильевич Фрунзе. М. 1928, с. 10—11.
16. ЛЕНИН В. И. Полн. собр. соч. Т. 52, с. 6.
17. ФРУНЗЕ М. В. Собр. соч. Т. 3. М.-Л. 1927, с. 34.
18. ВОЛКОГОНОВ Д. Триумф и трагедия. Кн. I, ч. 2. М. 1989, с. 266.
19. См. об этом: ГЕНИС В. Л. «Батайская пробка». — Вопросы истории, 1993, № 1.
20. ФРУНЗЕ М. В. Собр. соч. Т. 3, с. 5, 277.
21. Там же, с. 34, 316.
22. Там же, с. 63.
23. БАЖАНОВ Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. М. 1990, с. 91.
24. РГВА, ф. 32392, оп. 1, д. 122, лл. 146—147.
25. БУДЕННЫЙ С. М. Пройденный путь. Кн. 3. М. 1973, с. 330.
26. Российский государственный архив литературы и искусства, ф. 2594, оп. 1, д. 68, л. 113.
27. БУБНОВ А. С. Михаил Васильевич Фрунзе. М.-Л. 1931, с. 57.
28. Советская хирургия, 1934, т. 6, № 2, с. 249.
29. Вестник хирургии, 1934, т. 33, кн. 97—99, с. 32.

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

Очерки русской смуты

Генерал А. И. Деникин

Том третий. Белое движение и борьба Добровольческой армии.
Май — октябрь 1918 года

Глава XXXIV. События на Дону осенью 1918 года: положение на фронте; взаимоотношения с Добровольческой армией; проект Дано-Кавказского союза; Донской Круг

Продолжалась борьба с большевиками и на Дону. В начале августа против 54 тысяч Донцов¹ советская власть имела вначале 40, потом 66¹/₂ тысяч штыков и сабель. Донская армия достигла почти всех рубежей войска на севере, западе и юге; только на востоке в Сальских степях большевики владели еще небольшой частью донской территории. Но административные рубежи области не имели никакого стратегического значения и не были обороноспособны. Необходимо было поэтому продвинуться к рубежам стратегическим, заняв важнейшие узлы дорог. Между тем казаки не желали продвигаться дальше границ своей области («нам чужого не надо»), рассчитывая, что большевики удовлетворятся такой их «лояльностью». Заблуждение, невзирая на неоднократные кровавые уроки, прочно владевшее казачеством и поддерживаемое большевистской пропагандой: «Долой войну, мы вас не тронем»... Пришлось в стратегию вмешаться Кругу², который в особом указе от 18 августа повелел Донскому войску «для наилучшего обеспечения наших границ... выдвинуться за пределы области, заняв города Царицын, Камышин, Балашов, Новохоперск и Калач в районах Саратовской и Воронежской губерний».

Но под влиянием настроений фронта уже через месяц поколебалась и твердость Круга, найдя отражение в закрытом заседании 18 сентября. Одно из окружных совещаний внесло заявление: «Казаки на фронте ждут мира или поддержки. Всякое замедление поведет к гибели казачества, а потому совещание задает вопрос: 1) на какую и когда поддержку можно рассчитывать и 2) возможно ли добиться путем переговоров прекращения гражданской войны»... Атаман ответил, что дипломатические переговоры с советской властью ведутся через дружественную Украину, и обещано содействие германского командования... Что помогут Добровольцы после освобождения Кубани... Что «ни о какой гибели речи быть не может, казачество накануне победы»... Но, «считаясь с усталостью казаков на фронте»..., на севере приказано прекратить наступление... Войска отойдут за укрепленную линию («с проволочными заграждениями») Богучар — Калач — Кантемировка, которую займет («русская») «Южная армия»... Так же будет устроено на северо-востоке... Словом, «мы переходим к обороне, и она будет вестись главным образом артиллерией, пулеметами и ружейными батареями. Войска перейдут почти к караульной службе»³...

Таковыми иллюзиями, стоявшими в полном противоречии со стратегией, психологией и практикой гражданской войны и передающими всю инициативу

Продолжение. См. Вопросы истории, 1990, №№ 3—12; 1991, №№ 1—12; 1992, №№ 1—9, 11—12; 1993, №№ 2, 4, 5.

в руки противника, приходилось донским генералам успокаивать утомленные нервы представителей на Круге и воинов на фронте. В этом отношении положение мое было неизмеримо легче, чем атамана: Добровольческая армия, по крайней мере основные ее части, шла беспрекословно туда, куда я ее вел.

Всю осень, тем не менее, на Донском фронте продолжались бои, временами с большим напряжением. На севере Донцы овладели городами Калачом и Павловском. В половине сентября большевики крупными силами перешли там в контрнаступление от ст. Таловой, но были разбиты ген. Гусельщиковым. Серьезные недоразумения между «главкомом» Подвойским и одним из видных красных начальников — Сиверсом подорвали положение Подвойского и повели к прекращению задуманной здесь наступательной операции. В начале августа большевики повели наступление и от Царицына и оттеснили ген. Мамонтова¹ за Дон. Но подкрепленный крепкими частями — Пластунской бригадой и конной дивизией из состава молодой [Донской] армии, в сентябре Мамонтов вновь подошел к самому Царицыну; в начале октября царицынская «тройка» (Сталин — Минин^{II} — Ворошилов) посылала в центр отчаянные телеграммы, считая положение города безнадежным... Их выручило, однако, прибытие из Ставропольского района «стальной дивизии» Жлобы.

Жлоба, много раз терпевший неудачи в боях с Добровольцами и не ладивший с Северо-Кавказским командованием, бросил тайно фронт и пошел к Царицыну. «Ревоенсовет» «за преступное, самочинное, губительное для дела революции оголение фронта» объявил Жлобу «вне закона», причем «каждый честный гражданин советской республики обязан (был) его расстрелять без промедления»⁴... Но роль, сыгранная Жлобой под Царицыном, очевидно, примирила с ним советскую власть, так как имя его еще не раз потом встречалось в оперативных сводках. Под угрозой охвата своего правого фланга дивизией Жлобы Донцы вновь принуждены были отойти к Дону.

В то время как на фронте Дона шла борьба с перемежающимися приступами то высокого подъема, то ослабления воли к сопротивлению, на Южном фронте Красной армии положение было многим хуже. Целый ряд военных мятежей, отказов от исполнения боевых приказаний, крупных ссор между красными начальниками знаменуют этот период операций советских войск, не блещущий боевым вдохновением. С огромным упорством большевистское командование стягивало, однако, на Дон новые войска за счет Украинского, «внутреннего»^{III} и даже Восточного фронтов. В конце октября, ко времени падения Германии, в районе Поворино — Балашов сосредоточился сильный кулак из войск 9-й армии Егорова^{IV}, побудивший донское командование ослабить напряжение в Царицынском и Воронежском направлениях и стягивать силы к северо-востоку области.

Поздняя осень и зима 1918—1919 г. принесут с собою новые кровопролитные сражения, потребуют от Донского войска громадного напряжения сил и новых жертв...

Отношения между добровольческим и донским командованиями оставались по-прежнему весьма тягостными. Они проявлялись в повседневной жизни на каждом шагу и вносили нервную элемент в текущую работу. Точек же соприкосновения в этой, по существу общей, работе было слишком много.

Продолжалось и расхождение политическое. В последних числах июля Кубанский атаман прислал мне поступившую к нему от ген. Краснова для подписания декларацию Доно-Кавказского союза. Текст ее гласил: «Под тяжестью ударов судьбы, обрушившихся на нашу Родину, в видах сохранения своей независимости, благополучия и достоинства и общности интересов близких по духу народов, населяющих Юго-Восток, в октябре 1917 года мы провозгласили себя Юго-Восточным Союзом, пребывая в уверенности, что общими усилиями Союз этот сумеет противостоять наступающим темным силам, поправшим все Божеские и человеческие законы.

Начавшаяся борьба с большевиками дала временный успех последним. Ныне Господь благословляет успехом наше оружие: край наш ожил. Однако, имея в виду, что для похода в наши степи и горы готовятся новые полчища и в видах государственной необходимости, Атаманы: Всевеликого Войска Донского, Войска Кубанского, Войска Астраханского, Войска Терского и Председатель Союза Горцев Северного Кавказа, беря на себя всю полноту Верховной Государственной Власти,

настоящим провозглашают суверенным Государством Доно-Кавказский Союз. Объявляя об этом, просим Вас, Милостивый Государь, передать Вашему Правительству нижеследующее:

1. Доно-Кавказский Союз состоит из самостоятельно управляемых государств: Всевеликого Войска Донского, Кубанского Войска, Астраханского Войска и Союза Горцев Северного Кавказа и Дагестана, соединенных в одно государство на началах федерации.

2. Каждое из государств, составляющих Доно-Кавказский Союз, управляется во внутренних делах своих согласно с местными законами на началах полной автономии.

3. Законы Доно-Кавказского Союза разделяются на общие для всего Союза и местные, каковые каждое государство имеет свои.

4. Доно-Кавказский Союз имеет свой флаг, свою печать и свой гимн.

5. Во главе Доно-Кавказского Союза стоит Верховный Совет: из Атаманов (или их заместителей) Донского, Кубанского, Терского, Астраханского и главы Союза Горцев Северного Кавказа и Дагестана, избирающих из своей среды Председателя, который и приводит в исполнение постановления Верховного Совета.

6. При Верховном Совете периодически собирается не менее раза в год Сейм представителей от населения государств, входящих в Доно-Кавказский Союз.

7. Сейм собирается распоряжением Верховного Совета, объявленным через его Председателя, и вырабатывает общегосударственные законы, утверждаемые Верховным Советом.

8. Доно-Кавказский Союз имеет общую армию и флот. Командующий всеми вооруженными силами Союза назначается Верховным Советом.

9. Доно-Кавказский Союз имеет следующих общих министров, назначаемых Верховным Советом: Иностранных дел, Военного и Морского, Финансов, Торговли и Промышленности, Путей Сообщения, Почт и Телеграфа, Государственного Контролера и Государственного Секретаря.

10. Временной резиденцией Правительства Доно-Кавказского Союза объявляется город Новочеркасск.

11. Доно-Кавказский Союз имеет общие: монетную систему, кредитные билеты, почтовые и гербовые марки; общие тарифы: железнодорожные, таможенные и портовые, а также почтовые и телеграфные.

12. Доно-Кавказский Союз, провозглашая себя самостоятельной Державой, объявляет вместе с тем, что он находится в состоянии нейтралитета и, не будучи в состоянии войны с какой-либо Державой мира, борется лишь с большевистскими войсками, находящимися на его территории.

13. Доно-Кавказский Союз намеревается и впредь поддерживать мирное отношение со всеми Державами и не допускать вторжения на свою территорию никаких войск, хотя бы для этого пришлось отстаивать интересы свои и своих граждан вооруженной силой.

14. Доно-Кавказский Союз настоящим изъявляет свое намерение вступить в торговые и иные сношения с Державами, которые признают его державные права.

15. Границы Доно-Кавказского Союза очерчиваются на особой карте, причем в состав территории Союза входят Ставропольская и Черноморская губернии, Сухумский и Закатальский округа и, по стратегическим соображениям, южная часть Воронежской губернии со станцией Лиски и городом Воронежем, а также часть Саратовской губернии с городами Камышином и Царицыном и колония Сарепта.

16. Доно-Кавказский Союз выражает уверенность, что народное рождение его будет благоприятно принято всеми Державами, заинтересованными в его существовании, и что они не замедлят прислать своих представителей, равно как и Союз не замедлит послать свои дипломатические Миссии к признавшим его Державам».

Некоторые положения этого акта являлись совершенно несовместимыми с идеологией Добровольческой армии. Создание «суверенного государства» в корне противоречило идее Единой России... Создание вооруженных сил «Союза», имеющих задачей «борьбу с большевистскими войсками» лишь «на его территории», лишало всякого смысла жертвы Добровольцев, приносимые во имя спасения России. Ген. Алексеев, я, тысячи, тысячи офицеров, поступавших сознательно в армию, не могли относиться к подобным актам только как к «политическим трюкам» или «клочкам бумаги»: практика новообразований с явным превалированием чисто

областных интересов, до стремления к примирению с большевиками включительно, не вызывала в этом отношении сомнений. Добровольческой армии предстояло или стать орудием сомнительной областной политики, творимой Радой, Кругом и прежде всего изменчивым настроением казачества, или оставить территорию «Союза», распростившись с надеждами на прочную политическую и военную базу, создание которой потребовало стольких усилий и жертв. Вернее — второе. Ибо первое было психологически невозможно ни для руководителей, ни для массы «русских» Добровольцев.

Исходя из этих положений, я обратился с письмом к председателю Донского Правительства, ген. Богаевскому. Привожу текст письма со сделанными на нем сбоку пометками атамана Краснова (пометки атамана Краснова набраны курсивом и взяты в скобки.— *Ред.*).

«Милостивый Государь Африкан Петрович. Образование в октябре 1917 года Юго-Восточного Союза в действительности осталось только на бумаге. Успехи большевиков, развал казачества на Дону и Кубани, а также возникшая борьба на Тереке не дали возможности провести в жизнь образование Юго-Восточного Союза. Ныне обстоятельства вновь позволяют вернуться к мысли создать прочный и сильный Союз, могущий предотвратить новые испытания.

Изменению обстановки Дон и Кубань в значительной степени обязаны Добровольческой армии, при помощи которой изгоняются большевики и уничтожается власть черни. Добровольческая армия, имеющая задачей возрождение единой великой России, кровью своей сроднилась с Доном и Кубанью, и далее, перед выполнением своей основной, исторической задачи, она поможет и Тереку освободиться от большевиков. (*«Армия вне политики».*)

При образовании Юго-Восточного Союза в октябре 1917 года никто не имел никаких сепаратных стремлений, и авторы идеи Союза считали, что образование Союза необходимо лишь временно, до восстановления единой России. Составленная же ныне правительственная декларация Доно-Кавказского Союза вызывает самые серьезные возражения:

1. Прежде всего создается впечатление, что идет речь о создании постоянной федеративной Державы, вполне самостоятельной, наподобие «самостийной» Украины. (*«Это не верно».*) Авторы этой декларации как бы думали об узаконении расчленения России, а не об ее объединении.

2. Совершенно игнорируется Добровольческая армия, которая помогла Дону и Кубани в борьбе с большевиками. (*«Причем тут Добровольческая армия».*) Даже больше: пункт XIII дает право думать, что и Добровольческая армия, находящаяся на территории Союза, может быть признана враждебной.

3. Включение в состав Доно-Кавказского Союза Ставропольской губернии, в которой уже введено управление распоряжением командующего Добровольческой армией, без особого представителя от губернии является недопустимым. Эта губерния может быть включена в Союз лишь как полноправный член Союза, так как и по размерам, и по значению она является значительной, и интересы ее и Добровольческой армии должны быть вполне обеспечены особым представителем ее в Верховном Совете.

4. Пункт IV устанавливает особый флаг Державы, в то время когда вряд ли допустимо иметь какой-либо другой флаг, помимо родного русского. (*«Согласен».*)

5. Декларация не может включать в себя такие пункты, как XII, XIII и XIV, которые связывают дальнейшую политику Державы, ведение каковой возлагается на Верховный Совет.

6. Пункт XV особенно подчеркивает стремление к «самостийности» и к дальнейшему расчленению России. (*«Ничего подобного».*)

Вследствие всего изложенного, не возражая против пользы образования Доно-Кавказского Союза, считаю необходимым: 1. Определенно указать, что Союз образуется временно — впредь до воссоздания России. (*«Само собой разумеется».*)

2. Включить в состав проектируемого Верховного Совета представителя Добровольческой армии и военного генерал-губернатора Ставропольской губернии. (*«Можно».*)

3. Командующим всеми вооруженными силами Союза назначить командующего Добровольческой армией. (*«Никогда».*)

4. Окончательная редакция декларации должна быть выработана после созыва

Большого круга на Дону и Рады на Кубани, при участии представителя Добровольческой армии, игнорировать которую недопустимо. (*«Совершенно верно, но причем тут Добровольческая армия.»*)

Примите уверение в совершенном уважении и преданности. Деникин».

Мои положения имели целью: вхождением в «Верховный Совет» представителя Добровольческой армии, которым мыслилось такое авторитетное лицо, как ген. Алексеев, создать гарантии общерусского направления политики «Союза»; путем объединения вооруженных сил в лице командующего Добровольческой армией направить вооруженную борьбу в русло общегосударственных задач. В ответ мы получили игнорирование участия армии как государственно-правового фактора в создании «конституции» Союза и полный отказ от объединения командования. Так как Кубанское правительство, в свою очередь, не сочувствовало проекту по другим мотивам — для него опасным и неприемлемым было принятие на себя «всей полноты верховной власти» атаманами, — то и на этот раз «Союз» остался только одним из многих бумажных проектов.

Тем не менее необходимость объединения сказывалась во всех областях жизни все с большею настойчивостью. Финансовый вопрос, например, запутывался до чрезвычайности. Донская область имела свою экспедицию заготовления денежных знаков, которыми пользовались в незначительной мере Кубань и Добровольческая армия. Необходимо было или объединить эмиссию или выпускать каждому свои знаки, к чему стремилась Кубань и что, обесценив и донские, и наши знаки, создало бы полный хаос в денежном обороте небольшой освобожденной территории.

Ген. Алексеев обратился к Донскому и Кубанскому атаманам с приглашением прислать своих представителей в комиссию ген. Лукомского для разрешения при участии известных русских финансовых деятелей финансовой проблемы вообще, и в частности вопроса об единой монетной системе. К нашему удивлению, ген. Краснов ответил не только согласием, но и более широким контрпредложением: «Я бы пошел дальше, — писал он. — Полное объединение Дона и Кубани, связанных общими интересами, послужило бы к началу воссоздания единой, неделимой России... Настало время создавать общих министров финансов, путей сообщения, продовольствия, юстиции; а впоследствии, когда яснее станет общая политика и менее разбросан фронт, — то и министра иностранных дел, военного, морского... (и т. д.) полагал бы иметь общих по соглашению между Вашим Высокопревосходительством, Атаманом Кубанского войска и мною»⁵...

Это письмо произвело на ген. Алексеева впечатление полной перемены курса донской политики; он приказал размножить и спешно разослать его мне, Лукомскому, в комиссию. Опять — «клочок бумаги», может быть, предвыборный прием — через неделю предстояли перевыборы Донского атамана... Оказалось, что донские представители, собравшиеся через несколько дней в финансовой комиссии, вовсе не желали отказываться от исключительного эмиссионного права Дона и не приняли никакого, даже принципиального решения под предлогом, что этот вопрос подлежит компетенции Круга и Рады... На собиравшийся Донской Круг вообще возлагалось много надежд и ожиданий не одним только Доном. Круг должен был указать общее направление политики для старшего и наиболее сильного численно казачьего войска, дававшего тон другим.

Немалый интерес представлял поэтому и атаманский вопрос. Оппозиция атаману была сильна интеллектуально и работала нередко приемами, подрывавшими идею донской власти. Тем более, что политическая борьба переносилась на фронт: в силу почти поголовного участия мужского населения в войне, закон предоставлял выборные права частям. Начались митинги, агитация, разгорелись политические страсти, в особенности на окружных совещаниях, отражаясь затем брожением в войсках на фронте.

Атаман энергично расправлялся с оппозицией. Более видные представители ее тем или другим путем были обезврежены. Так, бывший походный атаман ген. Попов устранен от деятельности; генералы Семилетов, Сидорин, полк. Гуцин обесцелены атаманским приказом и оставили службу; к.-д. Н. Е. Парамонов арестован немцами и выслан на Украину. Выслан был также Красновым с Дона представитель «российской оппозиции» М. В. Родзянко в качестве... «гражданина Демократической советской республики»... Любили на Дону красные словца. Сам кандидат оппозиции на пост донского атамана, пользовавшийся репутацией

человека либеральных взглядов, противника немцев и друга Добровольческой армии, ген. А. Богаевский состоял председателем правительства, и его безупречная лояльность гарантировала атаману, что в этой должности он будет безопаснее, чем на стороне.

Круг собрался 15 августа, и уже самым фактом избрания своим председателем В. А. Харламова — лидера оппозиции — показал, что доверие к атаману не безусловно... Борьба продолжалась и на Круге всевозможными приемами, не раз чисто демагогическими. Атаманские выборы затягивались оппозицией; судьба их долго колебалась и в середине сентября была окончательно разрешена при взаимодействии трех разнородных факторов: давления германцев, лояльности Добровольческого командования и отказа от баллотировки ген. Богаевского.

Еще 4 сентября майор фон Кофенгаузен писал ген. Краснову о враждебности к немцам ген. Богаевского и об его якобы интригах против атамана: «...Высшее германское командование просит Вас потребовать немедленного выбора атамана, которым, несомненно, будете Вы, Ваше Превосходительство (судя по всему тому, что нам известно)... Отсрочка выборов атамана дает возможность агитировать враждебным немцам элементам, и я боюсь, что высшее командование сделает свои выводы и прекратит снабжение оружием»... В день избрания атамана на совещание президиума и старейшин явился командующий армией ген. Денисов и принес телеграмму, адресованную на его имя майором фон Кофенгаузеном:

«По поручению высшего германского командования имею честь сообщить Вам следующее: происшедшее за последние дни показывает, что на Круге имеется стремление ограничить власть Атамана. Ввиду чего предвидится опасность, что будет образовано правительство со слабою властью, которая не сможет в достаточной мере противостоять многочисленным внутренним и внешним врагам Донского Государства.

Так как, с другой стороны, высшее командование может находиться в хороших отношениях только с таким Государством, которое по конструкции своего правительства даст уверенность быть сильным и защитить свою свободу, оно (высшее германское командование) видит себя вынужденным, до тех пор, пока это обстоятельство является сомнительным, временно воздержаться от всякой поддержки оружием и снарядами. Применение этого решения продолжится до тех пор, пока не будет выбран Атаман, в котором высшее германское командование будет уверено, что он поведет политику Донского Государства в направлении, дружественном Германии, и который будет облечен Кругом полнотою власти, необходимой для настоящего серьезного момента.

Я прошу Ваше Превосходительство сообщить об этом еще сегодня же Его Высокопревосходительству Донскому Атаману, к которому высшее германское командование питает самое полное доверие, а также сообщить г. Председателю Совета Министров ген.-лейт. Богаевскому. Подписал: фон Кофенгаузен, Генерального штаба майор».

Денисов, говорится в отчете, прибавил, что «придется совершенно прервать всякие сношения с Добрармией», но «это предложение не встретило сочувствия»⁶...

Добровольческое командование, которое ген. Краснов считал злейшим своим врагом и опорой оппозиции, активного участия в борьбе Донцов за атаманский пернач не принимало. В приветственной речи, произнесенной на Круге ген. Лукомским, не было сказано ни слова о наших трениях с атаманом. Лукомский выразил «глубокую уверенность армии в том, что все слухи о каких-то антирусских и сепаратных стремлениях отдельных лиц и групп на Дону являются злостной клеветой»... Он говорил еще об «объединении в общей работе по воссозданию единой Великой России и единой могучей русской армии»... Секретный наказ, данный мною ген. Лукомскому⁷, «в вопросе о конструкции власти на Дону при тех исключительных условиях, в коих находится ныне область», требовал придерживаться следующих положений:

«1. Единая твердая власть, не связанная никакими коллегиями, необходима.

2. Круг должен обязать будущего атамана к прямому, честному и вполне доброжелательному отношению к Добровольческой армии.

3. Раскол среди политических партий на Дону, новые потрясения, подрыв и умаление атаманской власти совершенно нежелательны. Поэтому, если оппозиция не имеет прочной почвы под ногами и сильных кандидатов и считает нужным

поддержать кандидатуру ген. Краснова, возражений со стороны Добровольческой армии не будет, при соблюдении пункта 2-го.

4. Так как личная политика генерала Краснова совершенно не соответствует позиции, занятой Добровольческой армией, то активной поддержки (например, публичное выступление с соответствующей речью, официозный разговор и т. под.) оказывать отнюдь не следует. Изложенное в пункте 3-м надлежит сообщить доверительно отдельным видным представителям оппозиции.

5. Выделение отдельных частей Добровольческой армии на Царицынский фронт пользы не принесет, а среди разнородных элементов донских ополчений, астраханских организаций — могло бы вызвать чреватые последствия. На Дону остались неиспользованными части новой Донской армии; длительность их подготовки значительно больше, чем мобилизованных Добровольческой армии. Во всяком случае Добровольческая армия, как только справится со своей задачей на Кубани, будет двинута безотлагательно на Царицын и поможет в полной мере Дону. При этом обязательно подчинение действующих на этом фронте донских частей командованию Добровольческой армии.

Незаконченность работы здесь ⁸ подорвала бы в корне моральное значение Добровольческой армии и привела бы опять к «исходному положению», т. е. окружению всех границ Дона большевиками».

Генерал Алексеев по поводу производства Кругом атамана Краснова в генералы от кавалерии послал ему телеграмму, поздравив в сердечных выражениях с производством, «являющимся достойной оценкой (его) самоотверженных, неусыпных трудов по созданию молодой Донской армии»...

На Круге, между тем, все более нарастало напряженное настроение... «Генерал Богаевский,— докладывал наш представитель в Новочеркасске, допущенный к присутствию во всех заседаниях Круга, даже закрытых,— несомненно, пользовался большими симпатиями Круга и, если бы баллотировался, то прошел бы лучше Краснова. Но было ли бы это лучше для Дона, сказать не могу: он слишком мягкий человек и вряд ли ему удалось бы справиться»... Наконец, на заседании 11 сентября вопрос разрешился: ген. Богаевский потребовал слова и заявил о своем категорическом отказе баллотироваться в атаманы. Он говорил искренно и задушевно о серьезности момента, о недопустимости ломки в направлении государственных дел, неизбежной при избрании нового лица на пост атамана, о внешней политике, которой «Дон прижат к стене»... «Я не хочу мешать счастью Дона, служить препятствием к скорейшему освобождению его., не хочу быть виновником пролития хотя бы одной лишней капли крови казака»... Атаманом был переизбран ген. Краснов.

В числе вопросов, разрешенных Кругом, было два особой важности. «В тяжкое время напряженной войны казачества за свое существование, за свои права и вольности» Круг, утвердив основные законы, предоставил Донскому атаману «в полном объеме власть управления военного и гражданского и власть законодательства во время отсутствия Круга» ⁹... Это была большая победа ген. Краснова. Круг принял также закон «об отчуждении в войсковой земельный фонд всех частновладельческих земель с их недрами и лесами... для удовлетворения малоземельных казаков и коренных крестьян» ¹⁰. Это была победа оппозиции.

Свое отношение к внешней политике атамана Круг высказал в словах сдержанных и осторожных: «Одобрить общее в отношении центральных держав направление политики правительства, основанной на принципе взаимного и равноправного удовлетворения обеих сторон в практических вопросах, выдвигаемых жизнью, без вовлечения Дона в борьбу ни за, ни против Германии»... К вопросу об «Юго-Восточном Союзе» Круг отнесся довольно равнодушно, но признал все же принципиально необходимость его восстановления и пересмотр союзного договора. Вместе с тем Круг высказал Добровольческой армии «горячую любовь и искреннее желание не словами, а делом служить (ей) в (ее) тяжелой святой работе» ¹¹...

Хотя, таким образом, конкретно взаимоотношения между Донским атаманом и Добровольческим командованием установлены не были, но «общее отношение Круга к Добровольческой армии,— как доносил наш представитель,— было в высшей степени благожелательное. Это много раз высказывалось... А в частных беседах многие и до сего времени продолжают смотреть на армию как на спасителей Дона, а потом и России... В составе правительства (также) очень много

сторонников армии». «Теперь,— резюмировал докладчик свои впечатления,— с громадными изменениями внешней обстановки, и атаман Краснов должен изменить свой курс в отношении Добровольческой армии».

Глава XXXV. *Вопрос о всероссийской власти. Отношение к нему русской общественности и политических групп. Позиция великого князя Николая Николаевича. Уфимская Директория. Взаимоотношения командования Добровольческой армии с Директорией*

Вопрос о всероссийской власти занимал все политические группировки. Как существо, так и пути пришествия власти представлялись в крайне разнообразных формах. Правый Центр, как мы знаем, ставил своей задачей восстановление монархии и династии, не останавливаясь, однако, окончательно на личности венценосца. Путь к разрешению этой задачи Центр видел в следующем ¹²:

В результате вооруженной борьбы с большевиками и местных восстаний, во главе войск и гражданского управления силою вещей станут военачальники в ранге «главноначальствующих». Эти лица «не должны задаваться целями государственного строительства»... Единственная их задача — «это очищение подчиненной им местности от остатков советской власти, прекращение гражданской войны и классовой борьбы, недопущение к власти или участию в управлении социалистических элементов, хотя бы самого правого толка, водворение порядка и восстановление деятельности железных дорог, телефонов и телеграфов». Вначале «главноначальствующие», естественно, будут самостоятельными, засим их деятельность должна быть объединена: «В местностях, находящихся на пути следования с юга Добровольческих армий, объединяющим лицом явится Главнокомандующий этими армиями... Северные же области, по мере восстановления связи, должны быть подчинены главноначальствующему г. Москвы и Московской губернии»... После этого появляется «Правитель Государства и Совет Министров», задача которых в первое «переходное время» сводится «главным образом» к расчистке пути для проведения в будущем органических реформ»...

Правый Центр понемногу распадался и терял всякое политическое значение. Значительная часть его членов оставила советскую Россию и переехала в Киев, где вошла в состав местных организаций и в большом числе в образовавшееся там «Совещание членов Государственной Думы и Государственного Совета». Эта новая организация явилась, таким образом, духовной преемницей Правого Центра, воспринявшей и его германофильство, и политическую идеологию, умерявшуюся, впрочем, до октября (переизбрание президиума) участием Милюкова и его единомышленников. К осени, сообразно с новыми факторами — надвигавшимся кризисом Германии и создавшейся в процессе борьбы с большевизмом новой «политической картой России», пути к созданию конституционной монархии, которая признавалась Совещанием наилучшей формой правления, наметились уже иные ¹³:

1) «Объединение под одним знаменем как Добровольческой армии, так и всех отдельных... правительств в целях создания одной общей мощной военной силы, имеющей целью свержение большевиков и образование взамен их русской государственной власти (при условии предоставления отдельным областям широкой автономии); и 2) создание объединенного органа сильных общественных групп, состоящего как из представителей учреждений, отражающих зрелую политическую мысль страны, каковыми являются бывшие законодательные палаты, земские и городские самоуправления дореволюционного избрания, так и представителей важнейших отраслей народного труда, как-то: землевладения и земледелия, промышленности, торговли, финансов»...

Партия соц.-рев., как мы видели, верховной властью считала Комитет членов Учредительного собрания, самарский эмбрион которого посылал своих «наместников» — комиссаров на места.

Пути «Национального Центра» и «Союза Возрождения» поначалу сошлись. Обе организации считали необходимым за пределами Восточного фронта впредь до созыва нового Учредительного собрания организовать всероссийское правительство — по существу диктатуру, по форме трехчленную Директорию. В отношении

персональных назначений стороны до конца не договорились: Национальный Центр настаивал на «возглавлении» Директории верховным руководителем Добровольческой армии ген. Алексеевым; Союз Возрождения обходил этот вопрос уклончиво... Для переговоров с новообразованиями и окончательного решения вопроса обе стороны избрали из своей среды по три члена и командировали их на Север, Юг, за Волгу и в Сибирь.

В переходный период борьбы за воссоздание государства Директория, по мысли Союза Возрождения, «должна была опираться на восстанавливаемые ею в районе ее действий демократические органы местного самоуправления».

Все правые группировки, выдвигая идею о временном «Правителе Государства», диктаторе, Верховном главнокомандующем, с этими понятиями связывали имя великого князя Николая Николаевича. Великий князь жил тогда в имении своего брата вел. кн. Петра Николаевича — «Дюльбере». Жил крайне замкнуто, не принимая многочисленных представителей политических партий, искавших свидания с ним. Вместе с тем он резко отклонил всякое общение с немецкими властями оккупированного Крыма.

В Добровольческой армии идея привлечения великого князя к активной деятельности впервые проявилась реально в конце мая 1918 года. В Мечетинскую станицу, где стояла тогда армия, приехали два офицера и от имени якобы некоей тайной организации, не имевшей, конечно, никакой связи с великим князем, начали вербовать в нее офицеров. От поступающего требовалось только признание верховного главенства Николая Николаевича и выступление, когда им будет указано. Новому члену организации выдавался картонный знак с номером и инициалами великого князя. Узнав об этом, я приказал отыскать этих офицеров и представить их мне. Оказалось, что они выехали в Егорлыкскую, в дивизию Дроздовского. Запросил Дроздовского, который ответил, что офицеры уехали в Ростов. Тем дело и кончилось.

Тогда же, в конце июня, на Дону появился кн. П. М. Волконский. После беседы с ним ген. Алексеев писал мне из Новочеркасска¹⁴: «На днях я беседовал с кн. Волконским, человеком, видимо, близким и приближенным вел. князю. По его словам, Николай Николаевич никакого желания идти на арену политической жизни не имеет, но его угнетает мысль, что он посылкой своей телеграммы о необходимости отречения способствовал гибели монархии, разрушению России, и хотел бы, чтобы заглазить свой шаг, принять участие в боевой работе. Это может привести к присоединению к нам вел. князя, если не отклонить приезда. Время на все имеется»...

В августе кн. Волконский был в Екатеринодаре и виделся вновь с ген. Алексеевым и со мною. Ген. Алексеев со слов кн. Волконского передавал мне, что великий князь Николай Николаевич выражает неудовольствие, что до сих пор не получает приглашения от командования Добровольческой армии стать во главе движения, тогда как это является желанием всей армии... М. В. был весьма озабочен такой постановкой вопроса, ввиду тех настроений, которые существовали в занятом крае, в казачестве и в особенности на Кубани. Со мною кн. Волконский беседовал об опасности пребывания вел. князя в Крыму и о возможности для него избавиться от немецкой опеки путем тайного переезда на территорию Добровольческой армии; я ответил, что в случае нужды будет оказано всемерное содействие. Происходило какое-то большое недоразумение.

Я не знаю, что говорил кн. Волконскому ген. Алексеев, но впоследствии, к моему удивлению, оказалось, что того, кого мы считали «послом Дюльбера», в Дюльбере сочли послом... ген. Алексева. Кн. Волконский в качестве такового просил приема, но «вел. кн., решивший лично не принимать никого, кто являлся к нему с каким-либо политическим предложением, не сделал исключения и в этом случае». Осведомление произошло через третьих лиц и заключалось в следующем: кн. Волконский от имени ген. Алексева довел до сведения вел. князя, что «Добровольческая армия мечтает, чтобы в известную минуту он стал во главе ее и что ген. Алексеев запрашивает его принципиального согласия, с тем чтобы оповестить (вел. князя), когда такая минута настанет». Мы получили из авторитетного источника сообщение¹⁵, не заставшее уже в живых М. В. и устанавливавшее, что инициатива переговоров не исходила вовсе от вел. князя, а являлась лишь ответом на предложение, сформулированное кн. Волконским; сообщение, свидетельствовавшее

о личной незаинтересованности великого князя и о большом политическом такте его.

«Великий князь полагает,— писали нам,— что ему можно будет принять в свое время приглашение Добровольческой армии при условиях, которые аннулировали бы претенциозные заявления кн. Львова о «воле народа»¹⁶. Для спокойствия его совести нужно было бы, кроме обращения Добровольческой армии, которую он ценит по заслугам, чтобы оно было подкреплено соответствующим, возможно более веским обращением общественности. Великий князь стоит в стороне (от всех политических групп). Если обстоятельства сложатся так, что его личность может послужить делу объединения, он пойдет на это... Он совершенно одинаково, как и Добровольческая армия, оценивает первоочередную задачу, которая состоит не в решении коренных вопросов государственного устройства, а в объединении России и водворении в ней того элементарного порядка и мира, когда народ в состоянии будет сам решать свое устройство. Он говорил, что если бы ему пришлось активно выступить в той или другой форме, то он именно так и понимал бы свою задачу, выполнив которую, отошел бы»...

Еще до получения этого ответа, в начале сентября, в Екатеринодаре распространялись упорные слухи, что, уступив многократным просьбам руководителей правых партий, встречавших до той поры категорический отказ, великий князь согласился стать во главе Южной и Астраханской армий. Это сведение, исходившее главным образом из кругов, возглавлявших Южную армию, встревожило ген. Алексеева и екатеринодарских общественных деятелей. За подписью М. Родзянко, В. Шульгина и Н. Львова было послано великому князю письмо, предостерегающее его от этого шага. Одновременно ген. Алексеев, присоединяясь к их освещению политических сторон вопроса, счел нужным «осветить военно-политическую и военную сторону дела»¹⁷.

Он писал великому князю: «Десять месяцев существует Добровольческая армия в исключительно тяжелых условиях обстановки. На ее глазах развивались Донское и Кубанское казачьи войска, охваченные большевизмом. Мы видели постепенное оздоровление, особенно кубанцев, хотя нельзя сказать, что и в настоящую минуту казачье население стало вполне прочным и надежным орудием борьбы с большевизмом. Мы пережили тяжелую минуту опыта, приобрели его дорогой ценою и не имеем права закрывать глаза на этот опыт и его показания.

Мы пережили несколько минут, когда полное иссякновение средств, казалось, ставило предел нашему дальнейшему существованию и деятельности, но Бог и добрые люди шли к нам на помощь, и армия, нищая, ничего не имевшая, выросла с 400 человек в несколько десятков тысяч, в прочный корпус. Мы являемся учреждением Русско-Государственным, существующим на русские деньги. Помощь, полученная нами от союзников, настолько пока ничтожна, что не может изменить этого основного положения.

Но поставленные в сильную зависимость от казачьих территорий, на которых мы работаем, мы не можем проявлять торопливости в заявлении политических лозунгов, ибо это послужило бы во вред делу. Местное население далеко не готово к восприятию идеи монархии. Болезненный микроб федерации еще бродит среди населения. Вот почему с бесконечной осторожностью и умением нужно подходить к постановке каждого нового вопроса.

Между тем, Добровольческая армия является для немецкого командования совершенно нежелательным явлением. Оно три раза пыталось заставить меня войти с ним в непосредственные переговоры. Ни я, ни генерал Деникин не пошли на это в глубоком убеждении, что это внесло бы известный духовный развал в среду наших войск.

Тогда немцы повели работу по другой системе: с одной стороны, в особенности в Киеве, ведется злостная агитация против Добровольческой армии и ее вождей, преимущественно русскими генеральскими руками; с другой стороны, лихорадочно приступают к формированию особых, так называемых монархических, армий на немецкие деньги и по немецкой программе. Так нарождалась Астраханская армия; но перехваченная немцами телеграмма князя Тундутова ко мне указала, по-видимому, немцам, что Астраханская армия особого доверия к себе не заслуживает¹⁸; интерес к этой армии у немцев сразу охладел и, вероятно, новые ассигновки, денежные и материальные, более не последуют.

Но немцы с увлечением ухватились за создание так называемой Южной Добровольческой армии, руководимой нашими аристократическими головами, и так называемой Народной армии в Воронежской губернии, где во главе формирования поставлен полковник Манакин, социал-революционер¹⁹. На эти формирования не будут жалеть ни денег, ни материальных средств. Во главе Южной армии, а быть может, и всех формирований, предположено поставить графа Келлера. При всех высоких качествах этого генерала за ним не хватает выдержки, спокойствия и правильной оценки общей обстановки. В конце августа он был в Екатеринодаре. Двухдневная беседа со мной и ген. Деникиным привела, по-видимому, графа Келлера к некоторым выводам и заключениям, что вопрос не так прост и не допускает скоропалительных решений.

Меня более всего страшит постановка вопроса о денежных средствах. Полагаю, что деньги эти взяты всецело у немцев, но прикрыты фиговым листом, что деньги эти берутся только заимообразно, составляя долг Государства, как будто от этого изменятся взаимоотношения между заимодавцем и принявшим отпущенную сумму. Будет ли это Государственный долг, будет ли это субсидия со стороны Германии, наши деятели немецкой ориентации окончательно закабалят Россию на несколько поколений немцам.

Но еще более тревожит постановка военных и военно-политических задач новыми формированиями. Да, они должны будут вести якобы борьбу с большевиками, но наносить удары и чехо-словакам, а следовательно, и нашей Добровольческой армии, когда та выйдет на Волгу.

Какое торжество немецкой политики, когда она незаметно направит друг на друга лучшие и наиболее честные элементы Русского народа, когда мы собственными руками будем истреблять друг друга, тогда как немцы в тиши будут помогать большевикам. Деятели Киева и Южной Армии мечтают просить Ваше Императорское Высочество стать во главе этих новых формирований. Я доложил Вам с полной откровенностью возможную обстановку братоубийственной войны, в которой Вы не можете принять участия.

Мы должны для предстоящей борьбы сплотить все разнородные элементы, а не создавать искусственных преград на пути к возрождению России».

Тревога оказалась напрасной. Николай Николаевич оставался твердым в своей «союзнической ориентации» и в своем решении выступить только во имя общенародных интересов и не принимать участия в политической игре партий, строивших свои планы и осуществление своих целей на авторитете его имени. В Екатеринодар он ответил: «Будьте покойны».

Между тем, Сибирь ранее всех перешла от слов к делу и создала государственную власть, которая наименовала себя Всероссийской.

Государственное совещание, собравшееся в сентябре в Уфе, ни в коем случае не могло претендовать на демократичность способа своего образования. Это было представительство политическое — партий (с.-р., с.-д., н.-с., к.-д., «Единства»), территориальное — новообразований фактических (правительства «Комуча», Сибирского, Уральского, шести сибирских казачьих войск) и несуществующих (правительств Астраханского казачьего войска, Башкирии, Алаш-Орды, Туркестана), «национального правительства тюрко-татар внутри России»; организаций: Съезда членов Всероссийского Учредительного собрания, представителей Съезда городов и земств и Союза Возрождения России...

Число членов Государственного совещания было 129. Из них членов б. Учредительного собрания 77 — почти все эсеры. Члены этой партии входили в состав совещания еще и как представители центрального комитета ее и в замаскированном виде — в качестве представителей экзотических правительств, «Земгора» и — в лице председателя совещания Авксентьева и Аргунова — в качестве делегатов Союза Возрождения.

Совещание резко разделилось на две неравных численно и непримиримых идейно части. Одна группировалась возле Сибирского правительства (казачьи делегаты, несоциалистические представители других организаций, н.-с.-ы); другая — возле Самарского «Комуча». Совещанию предстояло решить три основных вопроса: о форме верховной власти, о порядке ее ответственности и о личном составе правительства.

Верховной властью левая часть считала Учредительное собрание 18-го года,

а до открытия его — Съезд членов Учредительного собрания, перед которым должно быть ответственно Всероссийское правительство. Последнее мыслилось во образе Директории, коалиционной по своему составу. Сибирское правительство снабдило своих послов инструкцией, гласившей: «Всероссийская власть должна быть организована по типу директории, в составе не более 5 лиц; политическая ответственность власти возможна только перед будущим полномочным органом правильного волеизъявления народа, и до создания такого органа Всероссийская власть является несменяемой». Казачество шло дальше, требуя единоличной и безответственной диктаторской власти.

Вокруг этих точек зрения шла сильнейшая борьба, грозившая полным разрывом между борющимися сторонами. А военно-политическая обстановка в эти дни становилась, между тем, все более угрожающей. Советские армии овладели Казанью, Симбирском и приближались к Самаре... Началось новое наступление большевиков на фронте Оренбургского и Уральского казачества... Главнокомандующий Сыровой^V и председатель Национального комитета Павлу требовали скорейшего создания всероссийской власти, угрожая оставлением фронта чехами... В Омске назревал глубокий кризис на почве столкновения и борьбы за власть между Сибирским правительством и эсеровской Сибирской областной думой...

Эти обстоятельства заставили обе стороны пойти на взаимные уступки, с обеих сторон неискренние. И 23 (н. ст.) сентября 18-го года был обнародован «акт об образовании верховной власти», носящий явные следы сильного давления эсеровской партии.

«Единственным носителем Верховной Власти на всем пространстве Государства Российского» объявлялось «Временное Всероссийское правительство» в составе пяти лиц: Н. Д. Авксентьева, Н. И. Астрова, ген.-лейт. Болдырева, П. В. Вологодского^{VI} и Н. В. Чайковского. Заместителями их были избраны А. А. Аргунов, В. А. Виноградов, ген. от инфантерии Алексеев, В. П. Сапожников и В. М. Зензинов. Из пяти членов Директории только двое были налицо, а трое, согласия которых не спрашивали, отсутствовали. Поэтому Директория приступила к деятельности в составе Авксентьева (с.-р.), ген. Болдырева (беспарт., член Союза Возрождения), Виноградова (к.-д.), Сапожникова (беспарт.), Зензинова (с.-р.).

Директория признавалась ответственной перед Учредительным собранием 1918 года, которое должно было открыться 1 января 1919 г. при наличности не менее 250 человек или 1 февраля при наличности 170 членов. Директория обязалась «неуклонно руководствоваться в своей деятельности непрерываемыми верховными правами Учредительного собрания». «Съезд членов Учредительного собрания» продолжал существовать параллельно с правительством как «государственно-правовое учреждение», пользуясь независимостью, неприкосновенностью, средствами из государственного казначейства и охраной «предоставляемой правительством особой воинской команды». Его задача была номинально ограничена «обеспечением деятельности Всероссийского Учредительного собрания».

Не касаясь личности правителей, в самой идее построения власти мы видим крупные дефекты. По происхождению своему она вряд ли могла претендовать на значение всероссийской. Фразы — «вступив по воле народов в управление государством»²⁰., «объединение (в лице правительства) всех областей, народностей и партий освобожденной части России»²¹... — звучали бессильно и неубедительно при наличии самостоятельных новообразований Украины, Дона, Кубани, Грузии... и при неопределенности и остроте взаимоотношений даже с сибирскими областными правительствами, «установление пределов компетенции» которых «предоставлялось мудрости Временного Всероссийского правительства»²²...

Ответственность коалиционного правительства перед партийным эсеровским собранием являлась актом, политически несообразным и психологически чреватым опасностями. Установление ее вызвало глубокое неудовольствие во всех несоциалистических кругах, перенесенное с места на личный состав правительства. Даже умереннейший Союз Возрождения устами Мякотина говорил: «Это решение совещания окончательно установило партийный характер созданной им власти и отталкивало от нее всех, кто неспособен был связывать надежды на возрождение России с эсеровским Учредительным собранием»²³...

Совещание не учло еще одного важного обстоятельства — психологии единственной к тому времени реальной русской силы на территории, подвластной новому

правительству — Сибирской армии. Психологии, глубоко враждебной всему комплексу явлений, связанных с «черновским учредительным собранием».

Члены Союза Возрождения, игравшие на совещании примирительную роль и вошедшие в состав Директории, нарушили полномочия, данные им Союзом. Аргунов (заместитель) — по убеждению, считая, что «только... Учредительное собрание данного состава... являлось юридически тем полномочным органом, пред которым могло и должно было предстать временное всероссийское правительство»²⁴... Ген. Болдырев (верховный главнокомандующий) — по мотивам практическим. «Союзом Возрождения,— писал он ген. Алексееву 30 сентября 1918 г.,— была предложена компромиссная формула безответственной власти на определенный срок... Мы исходили из того убеждения: если новая власть укрепитя за период безответственной работы, едва ли тогда явится у кого-либо желание идти против такой власти. И тогда будущее покажет дальнейший ход государственной жизни России. Если же этой власти не удастся справиться с теми исключительными по трудности условиями работы, тогда становится безразличным — будет ли она безответственной или нет». Жизнь дала ответ ранее срока — переворотом 18 ноября.

Тотчас после своего избрания, Директория обратилась с посланием к ген. Алексееву и ко мне²⁵. Объявляя о принятии на себя «всей полноты Верховной Государственной власти на всем пространстве Государства Российского», Директория, «восхищаясь» одиннадцатимесячной борьбой Добровольческой армии, послала ей свой привет и выражала надежду «в скором времени принять на территории освобожденной России усталых бойцов, которые найдут здесь и отдых, и справедливую оценку своих трудов»... Высказывала убеждение, что «государственная мудрость и высокие гражданские качества руководителей и горячая любовь офицеров и солдат к Родине укажут Добровольческой армии единый с Правительством путь»... Одновременно официальным письмом на имя ген. Алексеева Авксентьев приносил ему «искреннее поздравление с назначением». М. В. тогда не было уже в живых, и это поздравление с «должностью», которой он никогда бы не принял, казалось нам несколько нескромным и обидным в отношении его памяти.

Ген. Болдырев, в свою очередь, в официальном письме приглашал ген. Алексеева «принять все меры к развитию и упрочению идеи возрождения России под знаменем Всероссийского правительства» и указывал стратегическую задачу Добровольческой армии: «Было бы крайне желательным и необходимым, чтобы Ваша армия и примыкающие к ней силы овладели бы нижним течением Волги, примерно на плесе Царицын — Астрахань. В дальнейшем имело бы огромное значение овладение Саратовом». В частном письме²⁶ он говорил еще о недостатке людей в Сибири и желательности приезда туда генералов Драгомирова, Лукомского, Головина... О необходимости, чтобы «здесь новая Россия (была бы) надлежаше представлена», и в связи с этим о желательности «служения вашего (т. е. ген. Алексеева) и ген. Деникина на постах Всероссийского масштаба».

Ни одно из новообразований Юга не признало власти Директории. Я также отказался признать Уфимскую директорию Всероссийской властью как «ответственную и направляемую Учредительным собранием первого созыва, возникшим в дни народного помещательства... и не пользующимся в стране ни малейшим нравственным авторитетом». Вместе с тем я признавал «исключительно важное значение Сибирского объединения и находил необходимым — путем взаимных соглашений направить русские силы Востока и Юга к одной общей цели — возрождению великодержавной России»²⁷...

Инструкции в этом духе были посланы в Сибирь курьером, который должен был разыскать там командированных ген. Алексеевым еще в начале 18-го года ген. Флуга и полк. Лебедева. О них в штабе армии не было никаких сведений. Оказалось впоследствии, что ген. Флуг в Харбине стал военным министром «Всероссийского правительства» Хорвата, а Лебедев оказался в Омске, принял видное участие в ноябрьском перевороте и непостижимым образом, не имея никакого командного стажа, стал вскоре начальником штаба Верховного главнокомандующего, адмирала Колчака. Добровольческая армия в эти дни истекала кровью на полях Ставрополя и не могла принять немедленного участия в выполнении стратегической задачи, данной Уфой.

Глава XXXVI. «Военно-походное» управление. Добровольческая политика. Образование «Особого совещания»

В непосредственном управлении командования Добровольческой армии находилось несколько уездов Ставропольской губернии и Черноморская губерния без Сочинского округа. Это положение определялось словами приказа: «Впредь до воссоединения и создания верховной власти Русского Государства... губерния в порядке верховного управления подчиняется командованию Добровольческой армии»²⁸.

В Ставрополе был поставлен военным губернатором командир бригады полковник Глазенап, помощником его Ген. штаба ген. Уваров. В Новороссийске — командир бригады полковник Кутепов, помощником его — Сенько-Поповский. Военные губернаторы подчинялись командиру армией и были ответственны только перед ним. Это упрощенное «военно-походное» управление, основанное на «Положении о полевом управлении войск», до крайности затрудняло меня, отвлекая от ведения операций и вызывая на местах чрезмерную инициативу, не раз граничившую с произволом.

Постановка во главе гражданской администрации лиц военных, командовавших одновременно вооруженной силой -- в крае, где шла непрерывная война не только на фронте, но и внутри, вызывалась обстановкой и казалась наиболее целесообразной, подчиняя весь ход народной жизни интересам борьбы. К тому же было необыкновенно трудно создать и поддерживать авторитет гражданского начальника в глазах военной массы, наполнившей край — театр войны. Но отсутствие административного опыта и сложившаяся в процессе революции психология военных начальников в значительной мере уничтожала выгоды военного управления.

Представлялось наиболее естественным привлечь к совместной работе местную организованную общественность, но в этом заключался наибольший камень преткновения... Революция изменила облик русской общественности, сметая или преобразив в корне старые ее организации. Когда кровью Добровольческой армии освободились Ставрополь и Черноморье, из-под обломков советского здания быстро встали и возродились только органы революционной (социалистической) демократии в образе земских, городских, кооперативных, профессиональных и других. Той самой революционной демократии, в отношении которой в военной среде сложилось непримиримо враждебное отношение, с именем которой неразрывно были связаны самые тяжелые переживания развала армии, страны, внешнего разгрома ее, воспоминания о Советах, комитетах, о корниловской трагедии, о Голгофе офицерства, об явном противодействии первым шагам нарождающейся армии... Той революционной демократии, которая и теперь отнеслась к армии-освободительнице, если не враждебно, то, во всяком случае, подозрительно и недоброжелательно.

Попытки с той стороны были... 20 июля в Москве члены главных комитетов Всероссийского земского и городского союзов, состав которых за время революции сильно пополнился левыми элементами²⁹, объединились лично, организовали общий «Главный комитет» и постановили «выступить на широкую арену общего государственного строительства». В числе основных своих задач Главный комитет поставил «восстановление демократических органов местного самоуправления на территории всей России».

Но так как арены для подобной деятельности в Центральной России и на Украине не оказалось, то Главный комитет перенес свою деятельность в Екатеринодар. Я до сих пор не уверен, действовали ли приехавшие к нам лица — В. Н. Малянтович, Луганский, Кириллов — по поручению З. Г. О. или на свой страх³⁰... Они образовали Юго-Восточный комитет З. Г. О., включенный мною по традициям военного времени в состав Добровольческой армии для оказания ей «всемерной помощи по санитарной части и снабжению». Стараниями Е. А. Елачича были привезены на Кубань небольшие суммы и имущество Юго-Западного и Румынского фронтов, и комитет поступил на полное иждивение армии, приобретя вместе с тем все льготы, установленные для военнослужащих.

Через некоторое время в комитете произошел раскол, повлекший временный выход из него всей земской группы во главе с Елачичем. Произведенный разбор дела выяснил интересные детали. Члены Главного комитета поставили в подчиненное к себе отношение Юго-Восточный комитет, который оказался лишь «прикрыти-

ем» их политической деятельности. «Главная задача З. Г. О., — говорил Малянтович ³¹, — это участие в общественно-политической работе, остальное должно быть отодвинуто на задний план. Практическая помощь Добровольческой армии является только подсобной работой, дающей возможность утилизировать персонал и материальные средства союзов. Рассматривать Юго-Восточный комитет как армейский неправильно, ибо в приказ Добровольческой армии мы включились с болью в сердце, тем более что политическая физиономия Добровольческой армии до сих пор нам не ясна». Малянтович установил «общность кассы» Юго-Восточного комитета с Главным, единоличное хранение и распоряжение сумм комитета Кирилловым и, таким образом, за счет бедной армейской казны — потому что иных источников не предвиделось — начиналась политическая работа в духе общесоциалистических тенденций того времени... против Добровольческой армии.

Я был крайне удивлен необыкновенной развязностью членов Главного комитета и в особенности Малянтовича, который явился ко мне и, любезно оставив за мной командование армией, заявил о своем намерении «руководить политической жизнью городов и земств»... «Сотрудничество» в такой форме было неприемлемым, удельный вес группы Малянтовича слишком незначительным. Мною были приняты поэтому меры, чтобы вернуть Юго-Восточному комитету облик армейского общественно-служебного органа, а Малянтовичу и его сподвижникам предоставлено вести политическую работу за свой счет вне комитета и вне армии в рамках закона и «положения о полевом управлении войск». Так неудачно окончилось первое общение наше с «демократической общественностью».

Психология военной среды, имевшая много оснований в прошлом, в известной части ее принимала характер нетерпимости не только в отношении социалистических, но и либеральных местных деятелей. Либеральная общественность, к тому же разгромленная ходом революции, не имела на местах ни организаций, ни силы, ни влияния, ни даже особенного желанья работать в обстановке, угрожающей ежечасно самому физическому существованию должностных лиц.

И военные губернаторства обрастали мало-помалу махровым цветом старого чиновничества — нередко добросовестного, но потерявшегося в угаре революции, отставшего от быстро мчавшейся колесницы жизни. Обрастали и элементами авантюристическими, взращенными условиями революции и гражданской войны.

В центре не было пока компетентных направляющих органов. Военные губернаторы терялись в обстановке до крайности запутанной, на почве безвременья и удручающего безлюдья. И я, и они делали немало ошибок. Бывали и такие эпизоды, которые весьма тягостно отражались на положении Добровольческой армии, возбуждая против нее население. Так, ген. Уваров, заменяя временно Ставропольского губернатора, в его отсутствие успел отдать ряд оглушительных приказов об аннулировании всех законов Временного правительства, о вознаграждении проторей и убытков помещиков, об уничтожении преступников на месте преступления... Приказы были отменены, Уваров «по прошению» уволен от должности, но настроение создалось весьма неблагоприятное для армии...

В уездах было хуже. Впоследствии, в одну из своих поездок в Ставрополь я очертил откровенно собравшимся общественным деятелям создавшееся положение следующим образом: «Нам не удастся наладить гражданское управление; в уезды идут люди отпетые; уездные административные должности стали этапом в арестантские роты. Между тем, местная интеллигенция предпочитает заниматься политикой и будированием; не отказывается, впрочем, от «постов» и «портфелей». Добровольцы приносят несчетные жертвы своими жизнями. Принесите жертву и вы: умерьте ваши масштабы, дайте мне несколько честных и умных начальников уездов; я окажу им полную поддержку и обеспечу возможность работать. Создать условия нормальной жизни, внести успокоение, насадить право и законность в одном русском уезде — работа гораздо более значительная, чем все упражнения в партийных программах и резолюциях». И было слово мое подобно гласу вопиющего в пустыне.

Программы положительного государственного строительства у нас поначалу не было. До некоторой степени общие основания Добровольческой политики определялись в сказанной мною при первом посещении Ставрополя речи, имевшей декларативный характер ³²: «...Добровольческая армия поставила себе задачей воссоздание Единой Великодержавной России. Отсюда — ропот центробежных сил

и местных больных честолюбий. Добровольческая армия не может, хотя бы и временно, идти в кабалу к иноземцам и тем более набрасывать цепи на будущий вольный ход русского государственного корабля. Отсюда — ропот и угрозы извне.

Добровольческая армия, свершая свой крестный путь, желает опираться на все государственно мыслящие круги населения. Она не может стать орудием какой-либо политической партии или общественной организации. Тогда она не была бы Русской Государственной Армией. Отсюда — неудовольствие нетерпимых и политическая борьба вокруг имени армии. Но если в рядах армии и живут определенные традиции, она не станет никогда палачом чужой мысли и совести. Она прямо и честно говорит: будьте вы правыми, будьте вы левыми,— но любите нашу истерзанную Родину и помогите нам спасти ее.

Точно так же, обрушиваясь всей силой своей против растлителей народной души и расхитителей народного достояния, Добровольческая армия чужда социальной и классовой борьбы. В той тяжелой болезненной обстановке, в которой мы живем, когда от России остались лишь лоскутья, не время решать социальные проблемы. И не могут части русской державы строить русскую жизнь каждая по-своему. Поэтому те чины Добровольческой армии, на которых судьба возложила тяжелое бремя управления, отнюдь не будут ломать основное законодательство. Их роль — создать лишь такую обстановку, в которой можно бы сносно, терпимо жить и дышать до тех пор, пока Всероссийские законодательные учреждения, представляющие разум и совесть народа русского, не направят жизнь его по новому руслу — к свету и правде».

Необходимо остановиться на двух положениях, вытекающих из этой программы. Первое — отражала ли она действительно идеологию Добровольчества? Далеко не всего. Во всяком случае, я убежденно и искренно выразил в ней свои взгляды, стараясь внушить их борющимся и правящим. Второе — уклонение от радикальной ломки государственного и социального строя, с предоставлением этой работы будущим правомочным органам народной воли...

Историк отметит, что эта идея являлась господствующей в течение 1917—1920 годов среди российских политических группировок, составляя наиболее слабое и уязвимое место всех правительств и правителей, ставя их в неизмеримо более трудное положение, чем то, в котором была советская власть, объявив себя хозяином русской жизни и ломая ее беспощадно и безоглядно. С различными оттенками, но одинаково по существу эта идея нашла отражение в актах Временного правительства³³, в «Корниловской программе», в программах «центров», в «Грамоте ко всем народам России» Уфимской директории, в декларациях адмирала Колчака. Обоснование этой идеи было до крайности простым и ясным и казалось неопровержимым. Еще до большевистского переворота, в сентябре 1917 г. оно нашло, между прочим, такое согласное определение в двух органах — радикальной и либеральной мысли:

Газета «День»^{VII} писала: «Спор программ сейчас напоминает о метафизической сущности... Перед всей страной ныне стоит одна платформа — национального бедствия... Пусть завтра у власти станет любой герой большевистского райка, он должен будет, как и его «империалистический» предшественник, озаботиться ликвидацией ташкентского мятежа, выкачиванием хлеба из деревни, изобретением нового способа печатания денег. Прекрасные слова, широковещательные лозунги, святость канона — все это блекнет перед неумолимой прозой — такой простой и такой зловещей. И в этой прозе — ключи, размыкающие конфликт программ, в ней, и только в ней одной — отправной пункт соглашения тех общественных групп, которые должны образовать коалиционную власть».

Перепечатывая эти строки, «Речь»^{VIII} говорила³⁴: «Поистине, золотые слова... Справиться с национальными бедствиями, сохранить единство России — вот вся программа. Если бы ее удалось осуществить — это была бы величайшая заслуга перед родиной и перед революцией, которая только этим путем и может быть спасена».

Теория разошлась с практикой. Мы не учли элемента времени и степени напора народной стихии. Правители стремились к «неумолимой прозе», народ хотел еще «поэзии» демагогических лозунгов. Правители желали приостановить временно течение жизни в создавшихся берегах, покуда некая высшая власть не расчистит новое русло, а жизнь бурно рвалась из берегов, разрушая плотины и сметая гребцов и кормчих.

В августе, т. е. после месячного опыта «военно-походного» управления, окончательно назрела необходимость создания органа, который мог бы всесторонне заняться устройством освобожденной армией территории. Эта территория была еще очень незначительна, но расширению ее победами Добровольческой армии должно было предшествовать создание правительственного аппарата и установление деловой программы его работ.

Идея эта появилась у многих лиц, прикосновенных к армии. В. Шульгин составил перечень тех отделов, из которых должен был состоять новый орган. Название его (Особое совещание) принадлежит также ему. Ген. Лукомский, состоявший с 5 августа моим помощником по гражданской части, в развитие идеи Шульгина представил мне доклад о необходимости образования при мне Особого совещания по разрешению вопросов, связанных с восстановлением нормальной жизни на территории, освобождаемой от власти большевиков. По его мысли, совещанию предоставлялась роль, исключительно отвечающая его названию, именно — «давать заключения по делам, вносимым на его рассмотрение» главным командованием.

Я считал функции гражданского управления, выходящие за пределы «Положения о полевом управлении войск», принадлежащими ген. Алексееву и поэтому вторично просил его взять на себя это бремя. Одновременно вопросом этим занимался и ген. Драгомиров, состоявший с 10 августа «помощником Верховного Руководителя». Ему принадлежит окончательная разработка и редакция того «Положения об Особом совещании», которое было утверждено ген. Алексеевым 18 августа без изменений. Акт этот не опубликовывался, очевидно, чтобы не вызвать до времени возбуждения в Кубанском правительстве, относившемся крайне подозрительно ко всем государственным начинаниям командования.

«Положение» так определяло цель создания Особого совещания: «а) Разработка всех вопросов, связанных с восстановлением органов государственного управления и самоуправления в местностях, на которые распространяется власть и влияние Добровольческой армии. б) Обсуждение и подготовка временных законов по всем отраслям государственного устройства, как местного значения по управлению областями, вошедшими в сферу влияния Добровольческой армии, так и в широком государственном масштабе по воссозданию великодержавной России в прежних ее пределах. в) Организация сношений со всеми областями бывшей Российской Империи для выяснения истинного положения дел в них и для связи с их правительствами и политическими партиями для совместной работы по воссозданию великодержавной России. г) Организация сношений с представителями держав Согласия, бывших в союзе с нами, и выработка планов совместных действий в борьбе против коалиции центральных держав. д) Выяснение местонахождения и установление тесной связи со всеми выдающимися деятелями по всем отраслям государственного управления, а также с наиболее видными представителями общественного и земского самоуправления, торговли, промышленности и финансов для привлечения их в нужную минуту к самому широкому государственному строительству. е) Привлечение лиц, упомянутых в § д, к разрешению текущих вопросов, выдвигаемых жизнью».

Особое совещание заключало следующие отделы: государственного устройства, внутренних дел, дипломатическо-агитационного, финансового, торговли и промышленности, продовольствия и снабжения, земледелия, путей сообщения, юстиции, народного просвещения и контроля. Председателем Особого совещания являлся ген. Алексеев, а заместителями его в порядке последовательности — я, генералы Драгомиров и Лукомский.

В «Положении» отразилась в значительной мере существовавшая практика дуализма власти, которую не желал нарушать составитель его, создавая один общий орган для двух соправителей. На «больших заседаниях», под председательством ген. Алексева, должны были разрешаться «наиболее серьезные вопросы общегосударственного значения и рассмотрение сложных законопроектов, затрагивающих интересы нескольких ведомств». На «малых заседаниях»³⁵, под моим председательством, предполагалось разрешать «в спешном порядке не терпящие отлагательства вопросы текущей жизни, связанные с установлением гражданского правопорядка в местностях, занятых Добровольческой армией». Отзвуком того же дуализма явилось отсутствие в «Совещании» военно-морского отдела, учрежденного лишь

впоследствии и возглавленного ген. Лукомским, к которому перешли обязанности военного и морского министра и кроме того все органы снабжения армии.

Генералы Алексеев и Драгомиров принимали все меры к розыску и привлечению в Екатеринодар известных им государственных и общественных деятелей, что представляло серьезнейшие затруднения, ввиду разобщенности русских областей и того беспокойного и потому мало привлекательного положения, в котором находился Северный Кавказ — театр военных действий. По ходу событий русской революции главное ядро русской общественности переселялось по историческим этапам: весной 18-го года — Москва; летом — Киев; осенью — Одесса; весной 19-го года — Екатеринодар. Эта концентрация сил в определенных пунктах сопровождалась всегда и необыкновенным сгущением там политической атмосферы на почве обостренной розни и борьбы. Безлюдие было так велико, что отделы подолгу оставались в управлении временных заместителей во время поисков по свету и в ожидании прибытия неизвестно где находившихся кандидатов. Морской отдел, например, ждал намеченного возглавления весь период борьбы Юга — полтора года...

Образование Особого совещания — этого зачаточного органа управления — подвигалось медленно. Первыми участниками его были Г. А. Гейман (финансы), Э. П. Шуберский (пути сообщений), ген. А. С. Макаренко (юстиция), А. А. Нератов (диплом.), В. А. Лебедев (торг. и пром.)... По мере формирования отделов туда переходили и текущие дела по управлению территорией, занятой армией. Общих заседаний — ни больших, ни малых — до смерти ген. Алексеева не состоялось.

Глава XXXVII. Приступ к государственному строительству на Юге. *Смерть генерала Алексеева*

Ген. Драгомиров был приглашен ген. Алексеевым для совместной работы и «дальнейшего путешествия с ним в Уфу». В начале августа М. В. подтвердил свое намерение «выехать в Уфу, как только явится возможность сколько-нибудь верного способа сообщения и когда состояние его здоровья позволит ему совершить путешествие». Он предполагал выждать продвижения армии по Северному Кавказу и пробраться в Сибирь через Петровск и Уральскую область.

М. В. не поделился ни со мною, ни с Драгомировым своими дальнейшими планами, но, по-видимому, к этому времени он сошел уже со своей категорической точки зрения на диктатуру как на единственно приемлемую форму власти и соглашался возглавить Директорию по проекту Национального Центра. Но состояние здоровья М. В. стало уже совсем плохо; все близкие понимали, что ни о каком переезде не может быть речи... Последние 2—3 недели М. В. почти не вставал с постели, никого не принимал и выслушивал лишь изредка важнейшие доклады ген. Драгомирова, предоставив ему разрешение всех остальных дел.

Между тем время шло, жизнь кипела и предъявляла свои неумолимые требования... Стратегическая обстановка указывала, что армия надолго еще задержится на Северном Кавказе... Вопрос о Восточном фронте и формировании там Всероссийской власти принимал все менее определенные формы... Совещательный характер Особого совещания явно не мог устранить затруднений, вытекавших из отсутствия на территории правительственного аппарата... Наконец, обостренные отношения с Кубанью требовали полного и ясного юридического обоснования.

Ген. Драгомиров приводил еще один мотив о необходимости «взять представительство общерусских интересов» — мотив, выдвинутый жизнью даже ранее, чем выступили на сцену все остальные вопросы политические и гражданского управления — экономический хаос: «Разделение юга России на самостоятельные области, ведущие сепаратную финансовую и таможенную политику, создали невыносимые условия, затруднившие и ограничившие обмен произведений земли и промышленности, затруднившие даже почтовые и телеграфные сношения между отдельными областями и совершенно убившие общую и всем доступную систему кредита». Эти обстоятельства оказали решающее влияние на дальнейшую судьбу образования власти.

Ген. Драгомиров поручил в частном порядке проф. К. Н. Соколову^{ix} и В. А. Степанову составить проект государственного устройства, в результате чего

появилось несколько вариантов «конституции». Эти варианты подвергались составителями многократным обсуждениям в среде местных представителей кадетской партии и после окончательного рассмотрения их в более тесной коллегии под руководством ген. Драгомирова и при участии, кроме составителей, В. Шульгина и ген. Лукомского, в конце концов вылились в два проекта: 1) «Временное положение об управлении областями, занимаемыми Добровольческой армией» и 2) «Положение о Северо-Кавказском Союзе». Первое устанавливало всю полноту власти Верх. Руков. Добровольческой армии в освобождаемых ею областях и особым «разделом» — пределы автономии Кубани. Полный текст его следующий:

«Впредь до воссоединения разрозненных частей Российского Государства и создания законной общерусской власти высшее Управление Областями, занимаемыми Добровольческой армией, осуществляется на основании нижеследующего Временного положения:

Временное положение об управлении областями, занимаемыми Добровольческой армией.

Раздел первый

1. Вся полнота государственной власти в областях, занимаемых Д. А., принадлежит В. Р. Д. А. ³⁶ (Главнокомандующему Д. А.).

2. В областях, занимаемых Д. А., сохраняют силу законы, действовавшие на территории Российского Государства до 25 октября 1917 года, с изменениями, вытекающими из настоящего Положения, а равно из имеющих быть изданными на основании его законов.

3. Все граждане Российского Государства, без различия национальности,словия и вероисповедания, пользуются в сих областях равными правами гражданства. Особые права и преимущества, издавна принадлежащие казачеству, сохраняются в неприкосновенности.

4. Первенствующая Церковь в сих областях есть Церковь Русская, Православная, возглавляемая Святейшим Патриархом Московским и Всея России. Прочие признанные Церкви и религиозные общества пользуются полной свободой и находятся под покровительством закона.

5. Государственным языком является язык русский. Употребление местных языков и наречий в государственных и общественных установлениях допускается в пределах, указанных законом.

6. Государственным флагом служит национальный русский трехцветный (бело-сине-красный) флаг.

Раздел второй

7. Российские граждане пользуются в областях, занимаемых Д. А., неприкосновенностью личности, жилища и частной переписки. Никто не может быть подвергнут ограничению или лишению свободы иначе, как в порядке, законом установленном. Обыски и выемки могут быть производимы лишь в случаях, в законе указанных, и в порядке, законом определенном.

8. Печать свободна. Порядок осуществления надзора за печатью и ответственности за преступления и проступки, совершаемые путем печати, определяется законом.

9. Российские граждане могут собираться мирно и без оружия, а равно образовывать общества и союзы в целях, не противных закону. Порядок пользования этими правами гражданской свободы определяется законом.

10. Собственность неприкосновенна. Принудительное отчуждение недвижимых имуществ, когда таковое необходимо в государственных или общественных интересах, совершается не иначе, как в законодательном порядке и за справедливое вознаграждение.

Раздел третий

11. В. Р. Д. А. стоит во главе всех сухопутных и морских вооруженных сил в областях, занимаемых Д. А. Он определяет устройство армии и флота и руководит всем делом государственной обороны.

12. В. Р. Д. А. представляет области, занимаемые Д. А., в их сношениях с иностранными державами, заключает международные договоры, объявляет войну

и заключает мир. В. Р. Д. А. сносятся с временными государственными образованиями, возникшими на пространстве Российского Государства.

13. В. Р. Д. А. издает законы и указы по всем отраслям государственной жизни в порядке, установленном настоящим Положением.

14. В. Р. Д. А. устанавливает для областей, занимаемых Д. А., единую систему денежного обращения и определяет внешний вид денежных знаков.

15. В. Р. Д. А. назначает на все высшие должности военной и гражданской службы. Он жалует ордена³⁷ и другие служебные отличия.

16. В. Р. Д. А. осуществляет право помилования и смягчения наказаний по судебным приговорам, а также право общего прощения совершивших преступные деяния с прекращением судебного против них преследования и освобождением их от суда и наказания.

17. В. Р. Д. А. объявляет местности, занимаемые Д. А., на военном или исключительном положении.

Раздел четвертый

18. Для содействия В. Р. Д. А. в делах законодательства и управления, при нем состоит Особое совещание, в составе которого образуются отделы: 1. Внутренних дел; 2. Дипломатический; 3. Финансовый; 4. Военно-морской; 5. Торговли и промышленности; 6. Продовольствия и снабжения; 7. Земледелия; 8. Путей сообщения; 9. Юстиции; 10. Народного просвещения; 11. Государственного контроля.

Члены Особого совещания назначаются В. Р. Д. А., управляющие отделами состоят членами О. С. по должности.

Председатель Особого совещания назначается В. Р. Д. А. В тех случаях, когда В. Р. Д. А. найдет нужным лично председательствовать в Особом совещании, Председатель О. С. участвует в заседании на правах члена. При Особом совещании состоит Управляющий делами, коему подчинена Канцелярия Особого совещания. Управляющий делами входит в состав Особого совещания на равных с управляющими отделами правах.

19. На обсуждение Особого совещания поступают: 1. Все законодательные предположения; 2. Все правительственные мероприятия общегосударственного значения; 3. Все предположения о замещении главных должностей высшего местного управления.

Дела, подлежащие рассмотрению Особого совещания, вносятся в оное В. Р. Д. А. или управляющими отделами. На внесение в Особое совещание дел законодательного характера управляющие отделами испрашивают предварительно разрешения В. Р. Д. А.

20. Законы издаются В. Р. Д. А. за скрепою Председателя и всех наличных членов Особого совещания. Указы общегосударственного значения скрепляются Председателем Особого совещания и управляющими теми отделами, к предметам ведения коих данное дело относится. Указы и распоряжения по отдельным ведомствам скрепляются управляющими отделами по принадлежности.

21. В области законодательства и верховного управления Особое совещание в полном его составе, а равно управляющие отделами являются совещательными органами при В. Р. Д. А. В области управления подчиненного управляющие отделами пользуются правами министров применительно к учреждению министерств.

22. За общий ход государственного управления управляющие отделами отвечают единственно перед В. Р. Д. А.

Раздел пятый

23. Судебные установления действуют в областях, занимаемых Д. А., на основаниях, в законе определенных. Судебные решения и приговоры выносятся «именем закона».

Раздел шестой

24. Кубанская Область пользуется правами автономии, во внутренних своих делах управляется особыми установлениями на основании особого законодательства.

25. К предметам ведения Кубанской областной власти, в порядке местного законодательства и управления, принадлежат: 1. местная полиция; 2. надзор за

печатью, собраниями, обществами и союзами в пределах общегосударственных законов; 3. санитарное и медицинское дело; 4. дела местного самоуправления; 5. тюремное дело; 6. установление и взимание местных налогов; 7. пути сообщения местного значения; 8. заботы о развитии местной торговли и промышленности; 9. продовольствование населения; 10. земледелие и землеустройство; 11. народное просвещение при соблюдении прав государственного языка; 12. контроль местных правительственных и общественных учреждений.

26. Для заведования указанными делами в порядке управления в составе возглавляемого атаманом Кубанского областного правительства могут быть образованы ведомства: 1. внутренних дел; 2. финансов; 3. путей сообщения; 4. торговли и промышленности; 5. Кубанских войсковых дел; 6. продовольствия; 7. земледелия и землеустройства; 8. народного просвещения; 9. контроля.

27. К предметам ведения Кубанской областной власти не принадлежат: 1. внешние сношения; 2. командование вооруженными силами; 3. уголовное и гражданское законодательства, судоустройство и судопроизводство; 4. почта и телеграф; 5. пути сообщения государственного и стратегического значения; 6. вопросы денежного обращения, государственного кредита, таможенной политики и товарообмена; 7. прямое и косвенное обложение на общегосударственные нужды, государственные монополии; 8. торговое мореплавание и порты; 9. акционерное законодательство и торговые уставы.

28. Основной закон об управлении Кубанскою областью вырабатывается в пределах настоящего Положения Кубанскою краевою радой и утверждается и обнародывается В. Р. Д. А. В этом же порядке производится, в случае нужды, пересмотр означенного основного закона».

По другому варианту приведенное Положение ограничивалось первыми пятью разделами, а вместо шестого (о Кубани) предполагалось было издать особый акт по договору с суверенной Кубанью, ограничивавший некоторые государственные функции ее. Этот акт, наименованный «Положением о Северо-Кавказском Союзе», гласил: «В видах наиболее успешного осуществления некоторых важнейших задач государственного управления в пределах Северного Кавказа В. Р. Д. А., от имени занимаемых Д. А. губерний... и Кубанское краевое правительство от имени Кубанского края, согласились о нижеследующем:

1. Губернии... и Кубанский край образуют государственное объединение под наименованием Северо-Кавказский Союз.

2. В пределах С.-К. Союза объединяется заведование: А. международными сношениями Союза; Б. делами армии и флота, за исключением... дел Кубанского казачьего войска, остающихся в ведении Кубанской краевой власти; В. почтой и телеграфом; Г. путями сообщения общегосударственного и стратегического значения; Д. прямым и косвенным обложением на общие нужды С.-К. Союза; Е. снабжением и продовольствием армии.

3. В отношении перечисленных выше дел В. Р. Д. А. присваивается вся полнота власти законодательства и управления в пределах всего С.-К. Союза, применительно к Вр. Положению об управлении областями, занимаемыми Д. А.

4. Разработка и осуществление общих для С.-К. союза мероприятий возлагается на О. С. при В. Р. Д. А. и его отделы по принадлежности (Вр. Положение [об.] управлении областями, занимаемыми Д. А. — ст. 17—20). Контроль правительственной деятельности С.-К. Союза возлагается на отдел Государственного контроля О. С. при В. Р. Д. А.

5. Для суждений общих по делам С.-К. Союза при В. Р. Д. А. учреждается Совет С.-К. Союза из... членов по... человек от губерний Ставропольской и Черноморской и от Кубанского края. Члены Совета от губерний Ставропольской и Черноморской назначаются из местных людей В. Р. Д. А. Члены Совета от Кубанского края избираются Кубанским краевым представительным собранием. В Совете председательствует В. Р. Д. А. или Заместитель по его указанию.

6. Совет С.-К. Союза созывается на сессии В. Р. Д. А. и рассматривает дела, передаваемые на его заключение В. Р. Д. А., а также вносимые отдельными его членами.

7. Совету С.-К. Союза представляется высказывать свои заключения и пожелания по всем делам Союза.

8. К С.-К. Союзу могут присоединяться и другие губернии и области России. Губернии и области, управляемые властью В. Р. Д. А., присоединяются к Союзу распоряжением В. Р. Д. А., издаваемым в законодательном порядке. Самоуправляющиеся области присоединяются к Союзу на основании особых каждый раз соглашений с В. Р. Д. А.

9. Настоящее соглашение подлежит утверждению В. Р. Д. А. и Кубанского краевого представительного собрания».

Это «Положение» казалось слишком искусственно построенным; оно недостаточно обеспечивало полноту власти, необходимую для борьбы, не устраняло существовавших трений, в особенности материального порядка, и не отвечало тому положению, которое должна будет занять Кубанская область в строе Российской державы.

Во второй половине сентября состояние здоровья М. В. было настолько тяжелым, что принимать участия в работе он уже не мог. Поэтому ген. Драгомиров совместно с лицами, принимавшими участие в последнем редактировании проектов конституции, обратились за санкцией ко мне. В проектах вслед за титулом «Верховный Руководитель» появилось в скобках слово «Главкомандующий»... «Или, или»... Многозначительное и жуткое напоминание о предстоящем событии — горестном и неизбежном.

Никто не возбуждал вопроса о преемственности, ибо неписанная конституция Добровольческой армии не знала иной власти, кроме командующего. Я принял первое «Положение»³⁸ с незначительными поправками. В основу построения власти я считал необходимым положить следующие мысли:

1. Временная власть командования Добровольческой армии, преследуя общерусские интересы, не претендует, однако, на значение Всероссийской. Она распространяется лишь на освобождаемые армией территории.

2. Временная власть должна быть неограниченной, в виде единоличной диктатуры.

3. Кубань надлежит привлечь к объединению с Добровольческой армией на началах автономии не иначе, как путем соглашения.

4. Желательно привлечение к единению с Добровольческой армией на началах автономии и других сложившихся уже новообразований Юга.

5. Окончательная победа над большевиками немыслима без объединения всех армий Юга.

Насколько первое Положение открывало возможность дальнейшего сложения противобольшевистских образований, настолько второе, составляя, бесспорно, нашу внутреннюю силу, вместе с тем, до крайности затруднило или сделало невозможным осуществление широкого и прочного внешнего объединения.

Для ген. Алексева (вначале), для меня и старших военных начальников вопрос о форме власти имел далеко не академическое значение. Мы все считали единоличную власть единственно возможной в условиях борьбы с многоликостью по форме, но сконцентрированной диктаторской властью Совета. Но, если бы мы и держались иного взгляда, то провести его в жизнь не смогли бы...

Единоличной диктатуре противопоставлялась трех- или многочленная директория. Конечно, коалиционная, ибо однородная — тем более военная — была бы нелепейшим разбродом сил. Мы пережили уже в малом масштабе подобие такой директории зимою 1917—1918 годов³⁹.

Ко мне неоднократно обращались впоследствии представители левой общественности с предложениями «укрепить» мою власть пристройкой к ней двух лиц — «кадета и самого мирного социалиста». Это была идея, быть может, не лишенная известного теоретического обоснования, но тем не менее совершенно праздная, не считавшаяся вовсе с тогдашней психологией армии. Армия, которая тогда беспрекословно исполняла веления главнокомандующего, — в кратчайший срок и, во всяком случае, при первой же неудаче вышла бы из подчинения и свергла бы директорию.

21 сентября проект конституции был готов окончательно. А 25-го окончил жизнь Верховный руководитель Добровольческой армии генерал Алексеев... Я принял звание «Главкомандующего», объединив власть командования и управления.

Передо мной открывался новый путь, на котором судьба приуготовила много радостных событий, возбуждавших надежду на близкое спасение страны, но еще более — тяжких сокрушительных ударов.

Смерть Михаила Васильевича не была неожиданной. Тяжкая болезнь, тяготы Первого похода и огромная, непосильная работа, которую он вел последние годы, день за днем подтачивали его силы. На наших глазах догорал светильник его многотрудной жизни. Еще в середине сентября он в кругу близких говорил о предстоящем своем переезде за Волгу, а 20-го, почувствовав приближение конца, он призвал ген. Драгомирова и передал ему хранившиеся при нем лично армейские суммы. «Этим актом,— говорил Драгомиров,— не сопровождавшимся никакими объяснениями, М. В. прощался навсегда не только с мыслью о поездке на Волгу, но и с жизнью... Остальные дни до 25-го были медленной агонией».

Когда умер М. В., несчетные толпы народа пришли поклониться его праху, отдавая должную дань признания человеку, так много потрудившемуся для своей Родины. Глубокою скорбью отозвалась весть о смерти ген. Алексева и в Добровольческой армии... В годы великой смуты, когда люди меняли с непостижимою легкостью свой нравственный облик, взгляды, «ориентации», когда заблудившиеся или не в меру «скользкие» люди шли окольными, темными путями, он шагал твердой старческой поступью по прямой кремнистой дороге. Его имя было тем знаменем, которое привлекало людей самых разнообразных политических взглядов обаянием разума, честности и патриотизма.

Добровольческая армия 25 сентября отдала последний раз честь своему старому знамени⁴⁰: «Сегодня окончил свою — полную подвига, самоотвержения и страдания жизнь Генерал Михаил Васильевич Алексеев. Семейные радости, душевный покой, все стороны личной жизни он принес в жертву служения Отчизне.

Тяжелая лямка строевого офицера, тяжелые труд и боевая деятельность офицера Генерального штаба, огромная по нравственной ответственности работа фактического руководителя всеми вооруженными силами русского государства в Отечественную войну — вот его крестный путь. Путь, озаренный кристаллической честностью и горячей любовью к Родине — и великой, и растоптанной.

Когда не стало армии и гибла Русь, он первый поднял голос, кликнул клич русскому офицерству и русским людям. Он отдал последние силы своей созданной его руками Добровольческой армии. Переноса и травлю, и непонимание, и тяжелые невзгоды страшного похода, сломившего его физические силы, он с верою в сердце и с любовью к своему детищу — шел с ним по тернистому пути к заветной цели спасения Родины.

Бог не судил ему увидеть рассвет. Но он близок. И решимость Добровольческой армии продолжать его жертвенный подвиг до конца — пусть будет дорогим венком на свежую могилу собирателя Русской Земли.

27 сентября тело почившего Верховного Руководителя армии было погребено в Екатеринодаре в усыпальнице Екатерининского собора среди могил младших его сподвижников, положивших свою жизнь за освобождение Родины.

Balaton-Lelle

(Венгрия)

1923 г.

Окончание третьего тома

(Продолжение следует)

Примечания автора

1. В том числе 15 тысяч «молодой армии».
2. Собрался в августе. См. ниже.
3. Из отчета о заседании 18 сентября.
4. Приказ от 19 сентября № 6.
5. Письмо ген. Краснова ген. Алексееву 3 сентября 1918 г. № 679.
6. Отчет от 15 сентября № 16.
7. От 22 августа.
8. На Кубани.
9. Указ 15 сентября 1918 года.
10. Вознаграждение было установлено только за земли.
11. См. гл. XVI.
12. Записка от 1 июля 1918 года.
13. Наказ «уполномоченным Совещания», отправлявшимся в Добровольческую армию.
14. 30 июня № 65.
15. От 27 сентября.
16. В письме председателя Временного Правительства кн. Львова вел. кн. Николаю Николаевичу о необходимости оставить пост Верховного главнокомандующего говорилось: «Народное мнение решительно и настойчиво высказывается против занятия членами дома Романовых каких-либо государственных должностей».
17. Письмо ген. Алексеева к в. к. Н. Н., отправленное 15 сентября.
18. Телеграмма от 4 августа говорила о стремлении астраханцев к единению с Добровольческой армией, «исторический путь которой является единственным для истинных преданных сынов Единой, Великой России».
19. Саратовский корпус («Народная армия») формировался ген. Красновым. Это — ошибка.
20. Из «Грамоты ко всем народам России».
21. Из «Грамоты», адресованной генералу Алексееву и мне.
22. Из «Акта об образовании Верховной Всероссийской власти».
23. Брошюра «Союз Возрождения России».
24. «Между двумя большевиками».
25. 2-го октября № 69.
26. От 30 сентября.
27. Из речи на открытии Кубанской Рады.
28. Приказ о Черноморской губ. 14 августа № 7.
29. В состав «Союза Возрождения» и З. Г. О. входили зачастую одни и те же лица.
30. Именовались они «зарубежной делегацией Главного комитета».
31. Журнал заседания № 9 от 19 сентября 1918 года.
32. 26-го августа.
33. Невзирая на объявление России республикой и согласие на автономию Украины.
34. Передовая 23 сентября 1917 года.
35. С участием заинтересованных представителей ведомств.
36. Верховный руководитель Добровольческой армии (ген. Алексеев).
37. Пожалование орденов установлено не было. Давались только иностранцам.
38. «Временное положение об управлении областями, занимаемыми Добровольческой армией». Поправки вошли в приведенный выше текст.
39. «Триумвират Алексеев — Корнилов — Каледин». См. т. II, гл. XVI.
40. Приказ [по] армии № 1.

Примечания редакции

- I. *Мамонтов* (настоящая фамилия *Мамантов*) *Константин Константинович* (1869—1920) — казачий генерал-лейтенант (1919 г.). Участник первой мировой войны, полковник. Во время гражданской войны командовал группой войск в армии Краснова, 4-м Донским конным корпусом в Добровольческой армии. В августе — сентябре 1919 г. руководил рейдом корпуса по тылам Южного фронта с целью сорвать готовившееся контрнаступление советских войск. Сначала рейд был успешным, но затем части Мамонтова оказались в окружении и понесли большой урон. 18—19 сентября остатки его корпуса соединились с 3-м Кубанским корпусом Шкуро, направленным Деникиным на выручку Мамонтову.

В октябре — декабре его корпус был разбит корпусом Буденного в Воронежско-Касторненской и Харьковской операциях. После этого Мамонтов был отстранен от командования (декабрь). 14 февраля 1920 г. умер от тифа в Екатеринодаре.

- II. *Мишин Сергей Константинович* (1882—1962) — большевик с 1905 г., военный и партийный деятель. Из семьи священника. Учился в университете в Вене. В 1917—1918 гг. председатель Царицынского комитета РСДРП(б), Совета. В сентябре 1917 — июне 1918 г. городской голова. Член ВЦИК второго созыва, участник Октябрьского переворота в Петрограде. В декабре 1917 — июне 1918 г. председатель штаба обороны Царицынского совета, в апреле — июле 1918 г. царицынский военком. В июле — сентябре 1918 г. член Военного совета Северо-Кавказского военного округа, в сентябре — октябре член РВС Южного фронта, в октябре — ноябре член РВС 10-й армии; одновременно в октябре — ноябре председатель Царицынского совета. В ноябре 1918 — июле 1919 г. член коллегии НКВД, выполнял особые задания ЦК РКП(б) и Ленина в Туле, на Западном фронте. Делегат VIII съезда РКП(б), примыкал к «военной оппозиции». В июле — сентябре 1919 г. член РВС 10-й армии. С ноября председатель Екатеринославского ревкома, член губкома КП(б)У. В мае 1920 — мае 1921 г. член РВС 1-й Конной армии. Делегат IX—X съездов РКП(б). С 1921 г. на военно-политической и административно-хозяйственной работе. Член ВЦИК и ЦИК СССР.
- III. После прорыва корпусом Мамонтова 10 августа 1919 г. фронта обороны советских войск на стыке 8-й и 9-й армий в районе Новохоперска и быстрого его продвижения в тыл советских войск (18 августа захвачен Тамбов, 22 августа — Козлов) Совет обороны объявил Рязанскую, Тульскую, Орловскую, Воронежскую, Тамбовскую, Пензенскую губернии на военном положении. 25 августа командование Южного фронта образовало *внутренний фронт* по борьбе с конницей Мамонтова (командующий М. М. Лашевич). Командованию его были также подчинены местные добровольческие отряды и части особого назначения. Для более гибкого руководства войсками внутреннего фронта были созданы временные сводные группы: отряд № 1 (ком. Я. Ф. Фабрициус), № 2 (ком. А. С. Спильченко), № 3 (ком. Ж. Я. Скудре).
- IV. *Егоров Александр Ильич* (1883—1939) — советский военачальник. Член большевистской партии с 1918 года. Из мещан. Участник первой мировой войны, полковник. С 1917 г. примыкал к левым эсерам, с которыми порвал летом 1918 года. После Октябрьского переворота перешел на сторону советской власти, член комиссии по демобилизации армии. С января 1918 г. в Военном отделе ВЦИК, участвовал в разработке декрета о создании Красной Армии. С мая 1918 г. комиссар Всероглавштаба и председатель Высшей аттестационной комиссии по отбору офицеров в Красную Армию. С августа командовал войсками на участке Балашов — Камышин и развернутой на их базе 9-й армией (сентябрь — ноябрь). С декабря 1918 г. по май 1919 г. командовал 10-й армией, оборонявшей Царицын, в июле — октябре 1919 г. 14-й армией, с октября — войсками Южного фронта, в январе — декабре 1920 г. — войсками Юго-Западного фронта. В дальнейшем на командных должностях, затем начальник Генштаба, заместитель наркома обороны, Маршал Советского Союза. Кандидат в члены ЦК ВКП(б). Член ВЦИК и ЦИК СССР. Депутат Верховного Совета СССР.
- V. *Сыровой* — *Сыровы Ян* (1888—1971) — чехо-словацкий военный и государственный деятель. В сентябре 1914 г. вступил в добровольческую Чешскую дружину (в составе русской армии на Юго-Западном фронте). С весны 1918 г. командир 2-го полка Чехо-словацкого армейского корпуса. Во время антисоветского мятежа командовал группой чехо-словацких и эсеровско-белогвардейских войск. С конца августа генерал-майор и командующий Чехо-словацким армейским корпусом — до его эвакуации в сентябре 1920 г., одновременно до ноября 1918 г. — командующий «союзническими» вооруженными силами в Сибири; в июне 1919 г. разоружил все части корпуса, участвовавшие в «Иркутском бунте» — выступлении солдат, направленном против распоряжения генерала М. Жаннена приступить к охране Сибирской железнодорожной магистрали, то есть фактически к исполнению полицейских функций в тылу войск Колчака. Впоследствии на военной работе в Чехо-Словакии.
- VI. *Вологодский Петр Васильевич* (1863—1928) — один из лидеров контрреволюции в Сибири в 1917—1919 годах. Юрист по образованию, присяжный поверенный в Иркутске и Томске. Представитель правого (кадетско-монархического) крыла сибирских областников. После Октябрьского переворота участвовал в подготовке юнкерского мятежа в Омске. С января 1918 г. министр иностранных дел во Временном сибирском правительстве, возглавлявшемся П. Я. Дербером; председатель Совета министров и министр иностранных дел Времен-

ного сибирского правительства, созданного 23 июня в Томске. Стронник установления личной диктатуры и интервенции. В сентябре вошел в Уфимскую директорию, возглавлял ее «деловой» («всероссийский») Совет министров. В октябре примкнул к Восточному бюро ЦК КДП, способствовал перевороту А. В. Колчака (18 ноября) и свержению Директории. До 23 ноября 1919 г. возглавлял «Омское правительство», входил в Совет «верховного правителя» («Звездную палату»). С конца 1919 г. в эмиграции.

- VII. *«День»* — ежедневная лево-либеральная газета, с июня 1917 г. — меньшевистская. Выходила в Петербурге — Петрограде в 1912—1918 годах. Закрыта за антисоветскую агитацию.
- VIII. *«Речь»* — ежедневная газета, центральный орган КДП. Издавалась в Петербурге — Петрограде с 23 февраля (8 марта) 1906 г. под редакцией П. Н. Милюкова и И. В. Гессена. Закрыта Петроградским ВРК 26 октября (8 ноября) 1917 года. Через три недели возобновила издание и до августа 1918 г. выходила под названиями «Наша речь», «Свободная речь», «Век», «Новая речь», «Наш век».
- IX. *Соколов Константин Николаевич* (1882—1927) — юрист, профессор Петроградского университета, деятель КДП. Главный автор «Положения об Особом совещании при Главнокомандующем Вооруженными Силами Юга России» от 2 февраля 1919 г.; управляющий Отделом законов, затем Отделом пропаганды при Особом совещании. Среди кадетов, находившихся в то время на Юге, был одним из самых правых.

Предыстория заключения пакта Молотова — Мацуока (1941 г.)

А. А. Кошкин

После установления в 1925 г. советско-японских дипломатических отношений правительство СССР предпринимало активные шаги для подписания между двумя государствами договора о ненападении, что должно было способствовать стабилизации обстановки на Дальнем Востоке, усилению безопасности восточных районов Советского Союза. В августе 1926 г. и в мае 1927 г. советское правительство обращалось к правительству Японии с предложением заключить пакт о ненападении, аналогичный советско-германскому, подписанному в Берлине 24 апреля 1926 года. Однако в обоих случаях японская сторона ответила отказом. 16 июня 1927 г. премьер-министр Японии Г. Танака заявил полномочному представителю СССР в Японии В. С. Довгалевскому, что ввиду напряженности международного положения он считает заключение пакта несвоевременным и полагает возможным вернуться к этому вопросу по мере укрепления экономических связей между СССР и Японией¹.

Полная нормализация советско-японских отношений не входила в планы японского руководства. Оно исходило из того, что Япония должна «в отношении пакта о ненападении, выдвигаемого СССР, занять такую позицию, которая обеспечила бы империи полную свободу действий»². Генеральным штабом японской армии еще в 1923 г. был разработан план войны против СССР, которым предусматривалось «разгромить противника на Дальнем Востоке и оккупировать важные районы к востоку от оз. Байкал. Основной удар нанести по Северной Маньчжурии. Наступать на Приморскую область, Северный Сахалин и побережье континента. В зависимости от обстановки оккупировать и Петропавловск-Камчатский». По мобилизационному плану 1926 г. намечалось использовать против СССР 18 дивизий³.

В середине 1927 г. в Японии уже было принято принципиальное решение о включении в сферу японского влияния Маньчжурии и Монголии. Заключение в этих условиях советско-японского пакта о ненападении могло посеять у западных держав серьезные подозрения относительно стратегии Японии на континенте, побудить их оказать сопротивление ее экспансии в Маньчжурии. Поэтому, когда 8 марта 1928 г. полномочный представитель СССР в Японии А. А. Трояновский вновь поставил перед премьер-министром Танака вопрос о заключении пакта о ненападении, тот заявил, что «для этого не пришло еще время»⁴.

Оккупация японской армией осенью 1931 г. Маньчжурии оказала важное влияние на последующее развитие советско-японских отношений. Советское

Кошкин Анатолий Аркадьевич — доктор исторических наук.

руководство понимало, что выход японских вооруженных сил на границу СССР увеличит опасность военного столкновения с Японией. Поэтому оно активизировало свои предложения заключить пакт о ненападении, указывая, что отсутствие его не свидетельствует о намерении Японии проводить миролюбивую политику. Народный комиссар иностранных дел СССР М. М. Литвинов в состоявшейся в Москве 31 декабря 1931 г. беседе с министром иностранных дел Японии К. Ёсидзава отметил, что СССР уже имеет пакты о ненападении или нейтралитете с Германией, Литвой, Турцией, Персией, Афганистаном, ведет соответствующие переговоры с Финляндией, Эстонией, Латвией и Румынией, и подчеркнул, что «сохранение мирных и дружественных отношений со всеми нашими соседями, в том числе и с Японией, является основой нашей внешней политики»⁵.

В Токио не сомневались в стремлении Советского Союза заключить пакт о ненападении с Японией. В секретном меморандуме, составленном заведующим европейско-американским департаментом МИД Японии С. Того, говорилось: «Желание Советского Союза заключить с Японией пакт о ненападении вызвано его стремлением обеспечить безопасность своих дальневосточных территорий от все возрастающей угрозы, которую он испытывает со времени японского продвижения в Маньчжурии»⁶. Однако пакт о ненападении с Советским Союзом мог потребоваться Японии при резком обострении ее отношений с США, Великобританией и Францией в борьбе за влияние в Китае. Отказ от его заключения последовал лишь спустя год, когда стало ясно, что западные державы не только не окажут в Китае сопротивления Японии, но и будут продолжать снабжать ее стратегическим сырьем и военными материалами. 13 декабря 1932 г. японское правительство в официальной ноте вновь заявило, что «еще не созрел момент для заключения пакта о ненападении». В ответной ноте советского правительства указывалось, что его предложение «не было вызвано соображениями момента, а вытекает из всей его мирной политики и потому остается в силе и в дальнейшем»⁷.

В конце 1932 г. император Японии Хирохито одобрил разработанный Генштабом армии план войны против СССР на 1933 г., который учитывал изменившееся после захвата Маньчжурии стратегическое положение: японской оккупации подлежала обширная часть советской территории к востоку от оз. Байкал⁸. Для ускорения реализации этого плана японские военные власти нагнетали напряженность на советско-маньчжурской границе, организовывали частые «пограничные инциденты» и провокации на КВЖД.

Вопрос о войне против СССР детально обсуждался на проходившем в июне 1933 г. очередном совещании руководящего состава японских сухопутных сил. Военный министр С. Араки настаивал на том, чтобы готовиться к войне прежде всего против СССР и осуществить нападение на него в 1936 г., когда «будут и поводы для войны, и международная поддержка, и основания для успеха»⁹. Генералы Т. Нагата и Х. Годзио, напротив, считали, что для ведения большой войны против СССР «Япония должна собрать воедино все ресурсы желтой расы и подготовиться для тотальной войны». Годзио говорил также о рискованности преждевременного выступления. Поддерживая эту точку зрения, начальник второго управления Генштаба армии Нагата указывал, что для войны против СССР «необходимо иметь в тылу 500-миллионный Китай, который должен стоять за японскими самураями как громадный рабочий батальон, и значительно повысить производительные мощности Японии и Маньчжурии»¹⁰. Поскольку такую программу выполнить к 1936 г. было трудно, предусматривалось возобновление переговоров о заключении пакта о ненападении.

Главный смысл предложений сторонников подготовки к войне с Советским Союзом состоял в том, чтобы прежде создать в Маньчжурии мощную военно-экономическую базу и покорить Китай. Однако большинство присутствовавших на совещании не приняло этой точки зрения и проголосовало за обращение к императору с рекомендацией сосредоточить усилия на подготовке к выступлению против СССР, который определился как «противник номер один»¹¹. Тем самым вопрос о заключении пакта о ненападении был снят с повестки дня. 25 ноября 1936 г. в Берлине правительствами Японии и Германии был подписан «Антикоминтерновский пакт», вторая статья секретного приложения к которому гласила: «Договаривающиеся стороны на период действия настоящего соглашения обязуются без взаимного согласия не заключать с Союзом Советских Социалистических Республик

каких-либо политических договоров, которые противоречили бы духу настоящего соглашения»¹².

Обретение мощных союзников на Западе (вскоре к «Антикоминтерновскому пакту» присоединились Италия и ряд других входивших в орбиту Германии европейских государств) поощрило Японию к расширению экспансии в Китае, обострению советско-японских отношений, результатом чего и явилось столкновение в районе оз. Хасан (1938 г.) и военные операции у р. Халхин-Гол в Монголии (1939 г.). Разгром там японских войск и начало второй мировой войны в Европе заставили руководство Японии пересмотреть свою стратегию в отношении СССР. В немалой степени этому способствовало заключение между СССР и Германией пакта о ненападении.

В Токио пришли к выводу, что осуществление замыслов совместного с Германией выступления против СССР придется отложить. 13 сентября 1939 г. был опубликован официальный документ «Основы политики государства», в котором указывалось: «Основу политики составляет урегулирование китайского инцидента (т. е. развязанной в 1937 г. войны в Китае,— А. К.). Во внешней политике необходимо, твердо занимая самостоятельную позицию, действовать в соответствии со сложной международной обстановкой... Внутри страны сосредоточить внимание на завершении военных приготовлений и мобилизации для войны всей мощи государства»¹³.

Вскоре японскому руководству стало известно о согласии советского правительства нормализовать двусторонние отношения. Эта информация исходила из Берлина. В ходе советско-германских переговоров о заключении пакта о ненападении В. М. Молотов поставил вопрос, готова ли Германия оказать воздействие на Японию ради улучшения советско-японских отношений и разрешения пограничных конфликтов. На встрече с И. В. Сталиным И. Риббентроп заверил его, что германо-японские связи «не имеют антирусской основы, и Германия, конечно же, внесет ценный вклад в разрешение дальневосточных проблем». Сталин предупредил собеседника: «Мы желаем улучшения отношений с Японией. Однако есть предел нашему терпению в отношении японских провокаций. Если Япония хочет войны, она ее получит. Советский Союз этого не боится. Он к такой войне готов. Но, если Япония хочет мира, это было бы хорошо. Мы подумаем, как Германия могла бы помочь нормализации советско-японских отношений. Однако мы не хотели бы, чтобы у Японии сложилось впечатление, что это инициатива советской стороны»¹⁴.

Нормализация советско-японских отношений на период войны с западными державами была выгодна Германии. В этом случае Японию было легче побудить на действия против Великобритании на Тихом океане. По расчетам Гитлера, нападение японцев на дальневосточные владения Англии могло бы «нейтрализовать» ее. «Оказавшись в сложной обстановке в Западной Европе, в Средиземноморье и на Дальнем Востоке Великобритания не будет воевать»¹⁵,— заявил он. На встречах с японским послом в Берлине Х. Осима Риббентроп говорил: «Я думаю, лучшей политикой для нас было бы заключить японо-германо-советский пакт о ненападении и затем выступить против Великобритании. Если это удастся, Япония сможет беспрепятственно распространить свою мощь и влияние в Восточной Азии, двигаться в южном направлении, где находятся ее жизненные интересы»¹⁶.

В Токио понимали значение посредничества Германии в урегулировании японо-советских отношений. Японская газета писала: «Если будет необходимо, то Япония заключит с СССР договор о ненападении и будет иметь возможность двигаться на юг, не чувствуя стеснений со стороны других государств»¹⁷. Пакт давал также Японии выигрыш во времени для тщательной подготовки войны против СССР. В сентябре 1939 г. принц Ф. Коноэ сообщил германскому послу в Токио Э. Отту: «Японии потребуется еще два года, чтобы достигнуть уровня техники, вооружения и механизации, который показала Красная Армия в боях в районе Халхин-Гола»¹⁸.

Надеясь, что Советский Союз рано или поздно будет вовлечен в начавшуюся мировую войну, японское руководство приняло решение «максимально ограничить военные действия в Китае, сократить число (с 850 тыс. до 500 тыс.) находящихся там войск, мобилизовать бюджетные и материальные ресурсы и расширить подготовку к войне против СССР». Нормализация советско-японских отношений отвечала задаче завершения Японией войны в Китае, которую она хотела закончить до своего вступления в мировую войну. В связи с этим в Токио активно обсуждался вопрос

о том, как добиться прекращения советской помощи Китаю, что, по расчетам японского правительства, должно было привести к усилению внутри Гоминьдана влияния сторонников капитуляции перед Японией. Ее правительство стало склоняться к тому, чтобы добиться прекращения советской помощи Китаю в обмен на заключение пакта о ненападении. Эта идея нашла отражение в разработанных 28 декабря 1939 г. МИД совместно с военным и военно-морским министерством Японии «Основных принципах политического курса в отношении иностранных государств», где говорилось: «Необходимым предварительным условием заключения пакта о ненападении должно быть официальное признание прекращения советской помощи Китаю»¹⁹.

Перспектива советско-японского урегулирования уменьшила надежды западных держав на столкновение Японии с Советским Союзом. Правительство США, стремясь не допустить урегулирования советско-японских отношений, в декабре 1939 г. попыталось получить от МИД Японии официальное подтверждение того, что пакт о ненападении не входит в японскую программу переговоров с Советским Союзом. Чтобы успокоить западные державы и побудить их к уступкам Японии в Китае, ее правительство включилось в кампанию, поднятую в США, Великобритании и Франции в связи с советско-финляндским конфликтом.

В Японии активизировались сторонники непримиримой политики в отношении СССР, в первую очередь военные круги, которые выступили против идеи пакта о ненападении, заявляя, что она «подрывает идеологические основы Японии»²⁰. 16 января 1940 г. министр иностранных дел Японии Х. Арита заявил: «Полное урегулирование пограничных проблем будет равнозначно пакту о ненападении. Заключение же такого пакта — дело отдаленного будущего и не очень полезное»²¹. Заверения о стремительности урегулировать отношения с СССР лишь прикрывали истинную позицию японских правящих кругов. Поэтому на сессии Верховного Совета СССР (март-апрель 1940 г.) прозвучало предупреждение: «В Японии должны наконец понять, что Советский Союз ни в коем случае не допустит нарушения его интересов. Только при таком понимании советско-японских отношений они могут развиваться удовлетворительно»²².

Позиция Японии в отношении СССР меняется только после поражения Франции в мае-июне 1940 г. и разгрома английской армии под Дюнкерком. Японские правящие круги боялись упустить момент, благоприятный для захвата азиатских колоний западных держав, или, как говорили в Токио, «не опоздать на автобус». Ради этого Японии надо было обезопасить свой тыл, приняв меры по урегулированию советско-японских отношений.

9 июня 1940 г. японское правительство подписывает соглашение о пограничной линии в районе Халхин-Гола. 2 июля посол Японии в Москве С. Того в беседе с Молотовым изложил проект желательного для Токио советско-японского соглашения: 1. Подтверждение, что договор 1925 г. (речь идет о Пекинской конвенции, согласно которой между СССР и Японией были установлены дипломатические отношения.— А. К.) будет лежать в основе взаимоотношений между обеими странами. Поддержание мирных и дружественных отношений и уважение территориальной целостности друг друга. 2. В случае, если одна из сторон подвергнется нападению со стороны третьей державы или держав, то в течение всего конфликта другая сторона будет сохранять нейтралитет. 3. Срок действия соглашения — пять лет²³.

Однако в сложившейся международной обстановке советскому правительству было непросто начать переговоры с Японией. В Кремле помнили возмущение Запада подписанием советско-германского пакта, расцененным как предательство идеи антигитлеровской коалиции. Заключение аналогичного соглашения еще с одним государством-агрессором западные державы могли расценить как подстрекательство Японии к расширению экспансии в Азии и на Тихом океане. Кроме того, подписание пакта с Японией могло ухудшить отношения СССР с Китаем.

Лишь 14 августа 1940 г. Того был дан ответ: «Настоящим Советское правительство подтверждает свое положительное отношение к идее заключения предложенного японским правительством соглашения о нейтралитете между СССР и Японией, если при этом будут учтены интересы не только Японии, но также и СССР... Советское правительство понимает настоящее предложение японского правительства в том смысле, что предложенное соглашение, как это видно из его содержания, будет не только договором о нейтралитете, но, по сути дела, это будет договор о ненападении и о невступлении во враждебные коалиции».

Вместе с тем советское правительство заявило, что интересы СССР и Японии требуют еще до подписания договора «урегулировать некоторые существенные вопросы советско-японских отношений, наличие которых в неразрешенном состоянии является и будет являться серьезным препятствием на пути к желательному улучшению взаимоотношений между обеими странами»²⁴. Соглашаясь с статьями 2 и 3 японского проекта, советское правительство выступило против того, чтобы соглашение основывалось на Пекинской конвенции 1925 г., оставившей в силе Портсмутский договор 1905 г., по которому Россия вследствие поражения в русско-японской войне вынуждена была уступить Японии Южный Сахалин. К тому же Портсмутский договор был нарушен Японией, захватившей вопреки его положениям Северо-Восточный Китай. Наконец, советское правительство предложило решить вопрос о ликвидации японских угольных и нефтяных концессий на Северном Сахалине.

14 августа Молотов сообщил Того, что СССР согласен принять предложение Японии при условии, что из него будет исключено положение о договоре 1925 года. Когда в Токио поступил ответ советского правительства, кабинет министров во главе с Коноэ, пришедший к власти в июле 1940 г., уже одобрил «Программу мероприятий, соответствующих изменениям в международном положении». В этом документе, принятом 27 июля, в качестве важнейшей задачи определялось «установление нового порядка в Великой Восточной Азии», для чего предусматривалось «применение в удобный момент военной силы». Программой намечалось: 1. Укрепить союз Японии, Германии, Италии; 2. Заключить с СССР соглашение о ненападении с тем, чтобы провести подготовку вооруженных сил к войне, которая исключала бы их поражение; 3. Осуществить активные меры по включению колоний Англии, Франции, Голландии и Португалии в сферу японского «нового порядка» в Восточной Азии; 4. Иметь твердую решимость устранить вооруженное вмешательство США в процесс создания «нового порядка» в Восточной Азии²⁵.

Японское правительство и командование вооруженными силами разрабатывали возможные варианты вступления Японии во вторую мировую войну: «южный» — против США и западноевропейских государств и «северный» — против СССР. Предпочтение было отдано «южному». Решение же «северной проблемы» откладывалось до начала советско-германской войны. Так как в «Программе мероприятий» выдвигалось требование «избежать войны на два фронта», заключение с СССР пакта о нейтралитете становилось одной из приоритетных задач японской дипломатии. «Отношения с СССР должны быть урегулированы на базе советско-германского пакта о ненападении,— писала японская газета.— Таким путем Япония может достичь безопасности своей северной границы, что дает ей возможность осуществить ее политику экспансии на юг. Это также позволит ей подготовиться к войне против США»²⁶.

В Токио считали, что началу официальных переговоров с СССР должно предшествовать подписание соглашения о военно-политическом сотрудничестве Японии, Германии и Италии в войне (Тройственный пакт): Этот союз, одной из целей которого было «зажать Советский Союз с востока и запада»²⁷, планировалось использовать для давления на советское правительство. 19 сентября 1940 г. на императорском совещании министр иностранных дел Японии Ё. Мацуока заявил, что после заключения Тройственного пакта советское правительство будет «весьма заинтересовано в улучшении отношений между двумя сторонами»²⁸.

В конце сентября 1940 г. Япония, Германия и Италия подписали Тройственный пакт о политическом и военно-экономическом союзе на десять лет. Вслед за этим Министерство иностранных дел Японии разработало предложения об условиях заключения соглашения с СССР. Чтобы облегчить переговоры с ним, предлагалось подписать пакт, аналогичный советско-германскому, а урегулирование спорных вопросов провести после его заключения. Смысл этого маневра состоял в том, чтобы добиться от Советского Союза заключения на выгодных Японии условиях рыболовного соглашения, прекращения оказания помощи Китаю, а также вынудить СССР на серьезные территориальные уступки.

Восьмой пункт предложений японского МИД гласил: «Впоследствии в подходящий период мирным путем включить в сферу влияния Японии (в результате покупки или обмена территориями) Северный Сахалин и Приморье». В случае, если советское правительство не пойдет на это, предусматривалось добиться

демилитаризации этих территорий. Чтобы побудить СССР пересмотреть свою позицию в отношении японо-китайской войны, планировалось вовлечь его в стовор о разделе сфер влияния в Китае. В программе японского МИД было даже записано: «СССР признает традиционные интересы Японии во Внутренней Монголии и в трех провинциях Северного Китая. Япония признает традиционные интересы Советского Союза во Внешней Монголии и Синьцзяне. СССР соглашается с продвижением Японии в направлении Французского Индокитая и Голландской Индии. Япония соглашается с будущим продвижением Советского Союза в направлении Афганистана, Персии (впоследствии сюда включается и Индия)»²⁹.

Участие СССР в подобном разделе Азии, по расчетам Японии, помогло бы вовлечь его в четырехстороннюю коалицию (Япония, Германия, Италия, СССР), что облегчило бы вооруженную борьбу с западными державами. Политика «превращения врага на севере в друга» должна была исключить весьма беспокоившую Японию и Германию перспективу образования в ходе войны союза СССР, США и Великобритании. Накануне подписания Тройственного пакта Мацуока объяснил Тайному совету: «Пока мы строим новый порядок, мы не можем позволить себе, чтобы Советский Союз видел в нас своих врагов». В то же время участники Тройственного пакта подчеркивали, что избранный в отношении СССР курс имеет временный характер. 7 сентября 1940 г. Мацуока говорил германскому представителю Г. Штамеру: «Нам необходимо сознавать, что после окончания войны в Европе Россия останется великой державой. Это будет создавать угрозу новому порядку в Восточной Азии. Япония и Германия должны быть рядом и должны выработать общую политику против России»³⁰. Германский посол в Японии Э. Отт телеграфировал 4 октября 1940 г. в Берлин: «Внутренняя цель пакта трех держав заключается в том, чтобы через уничтожение мирового владычества Великобритании вызвать новое распределение сил в Европе и на Дальнем Востоке. Средством достижения этой цели могут служить отпор США и вывод из строя Советского Союза»³¹.

Назначенный в сентябре 1940 г. послом в СССР Ё. Татэкава 30 октября в беседе с Молотовым заявил, что его правительство прекращает переговоры с СССР о заключении соглашения о нейтралитете и выдвигает предложение о подписании пакта о ненападении, аналогичного советско-германскому. Одновременно советскому правительству был передан японский проект пакта, который гласил: Обе договаривающиеся стороны обязуются взаимно уважать их территориальные права и не предпринимать никакого агрессивного действия в отношении другой стороны ни отдельно, ни совместно с одной или несколькими третьими державами. В случае, если одна из договаривающихся сторон окажется объектом военных действий со стороны одной или нескольких третьих держав, другая сторона не будет поддерживать ни в какой форме эти третьи державы. Ни одна из договаривающихся сторон не будет участвовать в какой-либо группировке держав, которая прямо или косвенно направлена против другой стороны. Срок действия пакта определялся в десять лет³².

Советское правительство 18 ноября 1940 г. указало, что общественное мнение в СССР вопрос о заключении пакта о ненападении с Японией будет связывать с вопросом о возвращении утраченных ранее территорий — Южного Сахалина и Курильских островов. Если Япония не готова к постановке этих вопросов, то было бы целесообразно говорить о заключении пакта не о ненападении, а о нейтралитете, не предусматривающего разрешения территориальных проблем. Советское правительство настаивало также на подписании протокола о ликвидации японских концессий на Северном Сахалине.

Японской стороне был предложен советский проект соглашения о нейтралитете, который предусматривал поддержание мирных и дружественных отношений и взаимное уважение территориальной целостности (ст. 1); в случае, если одна из сторон окажется объектом военных действий со стороны одной или нескольких третьих держав, другая сторона будет соблюдать нейтралитет на протяжении всего конфликта (ст. 2). Срок действия соглашения определялся в пять лет с автоматическим продлением на следующие пять лет, если за год до истечения срока его действия не последует денонсация³³.

Осенью 1940 г. Япония приступила к осуществлению южного варианта экспансии: 22 сентября ею был оккупирован Северный Индокитай. Дальнейшее продвижение на юг могло вызвать обострение ее отношений с США и Великобританией.

В этой обстановке затягивание переговоров с СССР было Японии невыгодно. Поэтому ее правительство уже 20 ноября сообщило, что оно считает советский проект пакта о нейтралитете заслуживающим изучения. По вопросу о японских концессиях Мацуока предписал Татэкава: «Рассмотрение вопроса о ликвидации концессии затруднительно. Вместо этого предложите продать Северный Сахалин»³⁴.

Это предложение было отвергнуто советской стороной. В ответ японское правительство инспирировало антисоветскую кампанию в печати, стало изыскивать предлоги для различных претензий и протестов по вопросам рыболовства и японских концессий на Северном Сахалине. Одновременно оно обратилось к Германии с просьбой убедить советское руководство пойти на уступки Японии и продать ей Северный Сахалин. 10 ноября 1940 г., накануне визита Молотова в Берлин, Мацуока дал указание своему послу в Германии С. Курусу просить руководителей рейха поставить перед советским представителем вопрос о заключении между СССР и Японией пакта о ненападении на японских условиях³⁵.

Риббентроп пытался выполнить эту просьбу. На переговорах с Молотовым он говорил: «Если будет заключен советско-японский пакт о ненападении, Япония продемонстрирует великодушную позицию в разрешении всех других проблем... Насколько мне известно, в случае заключения советско-японского пакта о ненападении и при согласии Китая Япония с радостью признает Внешнюю Монголию и Синьцзян сферами влияния Советского Союза... Что касается японских нефтяных и угольных концессий на Северном Сахалине, то Япония готова проявить понимание советской позиции. Однако для этого потребуется ослабить существующие внутри Японии противоречия по этой проблеме. Если же пакт о ненападении будет подписан, японскому правительству будет легче разрешить этот вопрос»³⁶.

В конце 1940 г. руководство Японии узнало о том, что Германия готовится к войне против Советского Союза. Одним из каналов получения этой информации стали начавшиеся осенью 1940 г. японо-американские переговоры об ослаблении напряженности во взаимоотношениях двух государств. Американские дипломаты поделились с японскими добытыми разведкой США данными о приближающемся нападении Германии на Советский Союз. Государственный секретарь США К. Хэлл признавал впоследствии: «Имевшаяся у нас информация о подготовке Гитлера к вторжению в Россию была особенно полезна для меня на переговорах с японцами. Она исключала всякую возможность соглашения между Россией и Японией»³⁷.

Складывалась ситуация, при которой Япония могла быть поставлена перед свершившимся фактом. В Токио не забыли шока, пережитого после заключения советско-германского пакта о ненападении в разгар боев на Халхин-Голе. В условиях подготовки экспансии на юге Японию беспокоила перспектива вовлечения ее как участника Тройственного пакта в войну против СССР на стороне Германии. Этот вопрос обсуждался 16 января 1941 г. на заседании военного отдела императорской ставки. Хотя в докладе начальника оперативного управления Генштаба армии С. Танака говорилось, что «Советский Союз не может готовиться к войне на два фронта», было решено начать соответствующую подготовку. На вопрос военного министра, сколько времени потребуется на переброску войск, выделяемых для войны против СССР, Танака ответил: «Около четырех месяцев»³⁸.

Неясность ситуации побудила Мацуока совершить поездку в Европу, чтобы в Берлине, Риме и Москве из первых рук получить необходимую информацию. 3 февраля 1941 г. на заседании координационного комитета правительства и императорской ставки Мацуока представил «Принципы ведения переговоров с Германией, Италией и Советским Союзом». В этом документе, в частности, излагался план заключения с СССР пакта о ненападении: 1. Осуществить при посредничестве Германии покупку Северного Сахалина; 2. В случае непринятия Советским Союзом предложения о такой продаже добиться за отказ от японских концессий на Северном Сахалине обещания советской стороны поставить Японии в течение пяти лет 1,5 млн. т. нефти; 3. Добиться прекращения советской помощи Китаю³⁹.

23 февраля 1941 г. Риббентроп, намекнув японскому послу в Берлине Осима, что в германо-советских отношениях могут произойти серьезные изменения, выразил пожелание, чтобы нападение Японии на Сингапур произошло в ближайшее время. 25 февраля Осима сообщил в Токио, что «германо-советские отношения резко ухудшаются»⁴⁰. Японское правительство, решив выяснить намерения

Германии, дало Мацуока указание не принимать никаких обязательств, которые ограничивали бы свободу действий Японии. 12 марта Мацуока выехал в Европу. 24 марта, будучи в Москве, он предложил советским руководителям рассмотреть вопрос о заключении пакта о ненападении. В ответ было высказано пожелание подписать пакт о нейтралитете. Согласие не было достигнуто, и Мацуока отбыл в Берлин. Готовясь к приему японского министра, Гитлер издал 5 марта 1941 г. директиву «О сотрудничестве с Японией», в которой была определена цель как можно скорее вовлечь Японию в войну против Великобритании. Япония, однако, должна при этом избегать войны с США. Директива запрещала сообщать японцам о плане «Барбаросса»⁴¹, так как, узнав о нем, Мацуока может использовать столь важную информацию в своих интересах на переговорах с СССР, Великобританией и США⁴².

Мацуока 27—29 марта провел переговоры с Риббентропом и был дважды принят Гитлером. Риббентроп убеждал японского министра: «В случае, если Советский Союз выступит против Японии, Германия незамедлительно нанесет удар по СССР... Поэтому Япония может, не опасаясь войны с Советским Союзом, двигаться на юг, на Сингапур»⁴³. На вопрос о состоянии германо-советских отношений Риббентроп ответил: «Конфликт с Россией всегда возможен... Во всяком случае, Мацуока по его возвращении не имеет основания сообщить японскому императору о том, что конфликт между Германией и Россией исключается. Наоборот, обстановка такова, что такой конфликт, если он и не окажется вероятным, может, однако, считаться возможным».

Не раскрывая содержания плана «Барбаросса», Риббентроп тем не менее информировал собеседника, что «большая часть германской армии уже сосредоточена на восточных границах государства»⁴⁴. Убеждая Мацуока, что возможная германо-советская война будет быстрой, Риббентроп говорил: «Я полагаю, что после разгрома Советский Союз развалится. Если Япония попытается захватить Сингапур, ей не придется больше беспокоиться о севере»⁴⁵. Гитлер также склонял Японию к нападению на Сингапур: «Никогда... не представятся более благоприятные возможности. Такой момент никогда не повторится. Это уникальная в истории ситуация». По поводу германо-советских отношений фюрер ограничился сообщением, что рейх на советских границах сконцентрировал свыше 160 дивизий⁴⁶.

Следуя данным ему инструкциям, Мацуока старался не высказывать своего отношения к заявлениям собеседников, заверяя их, что «Япония будет всегда лояльным союзником, который посвятит себя общим усилиям и не займет пассивной позиции»⁴⁷. Руководители рейха не настаивали на участии японских вооруженных сил в войне против СССР, а стремились направить их против США и Великобритании, но в ходе войны могло создаться положение, когда Германия потребовала бы от своего союзника выполнения обязательств по Тройственному пакту.

В таком случае Японии пришлось бы выступить против СССР не в тот момент, который ее правящие круги сочтут наиболее благоприятным, а тогда, когда это будет необходимо Германии. А это не устраивало Японию, не желавшую играть подчиненную роль в мировой войне. Вот почему для обеспечения свободы действий как на южном, так и на северном направлениях Японии целесообразно было иметь пакт о ненападении или нейтралитете с Советским Союзом. Хотя Риббентроп и предупредил Мацуока «не заходить слишком далеко в сближении с Россией», в Германии считали, что «русско-японское взаимопонимание не принесет вреда»⁴⁸. Впоследствии Гитлер даже заявил, что Япония заключила пакт с СССР «с одобрения Германии»⁴⁹.

Вернувшись из Берлина в Москву, Мацуока 7 апреля в беседе с Молотовым снова попытался выдвинуть условия подписания пакта с СССР, предложив ему, в частности, продать Японии Северный Сахалин. Нарком ответил, что это условие можно рассматривать лишь как шутку. На следующей встрече с Молотовым 9 апреля Мацуока, согласившись на заключение пакта о нейтралитете, продолжал возражать против ликвидации японских концессий на Северном Сахалине. Но 12 апреля в беседе со Сталиным он пошел на уступку и по этом вопросу.

13 апреля 1941 г. в Кремле был подписан пакт о нейтралитете между СССР и Японией: 1. Обе стороны обязуются поддерживать мирные и дружественные отношения между собой и взаимно уважать территориальную целостность и неприкосновенность другой стороны. 2. В случае, если одна из сторон окажется объектом

военных действий со стороны одной или нескольких третьих держав, другая сторона будет соблюдать нейтралитет в продолжении всего конфликта. 3. Пакт сохраняет силу в течение пяти лет. Если ни одна из сторон не денонсирует его за год до истечения срока, он будет считаться продленным на следующие пять лет⁵⁰. Одновременно была подписана Декларация о взаимном уважении территориальной целостности и неприкосновенности границ Монгольской Народной Республики и Маньчжоу-Го. Была достигнута и договоренность о ликвидации японских концессий на Северном Сахалине в течение шести месяцев со дня подписания пакта о нейтралитете.

В японской прессе подписание пакта о нейтралитете с Советским Союзом было встречено в целом одобрительно. Военно-политическое руководство Японии, однако, не придало ему большого значения. В «Секретном дневнике войны» Генштаба японской армии 14 апреля 1941 г. была сделана запись о том, что пакт «дает дополнительное время для принятия самостоятельного решения о начале войны против Советов»⁵¹. Командующий Квантунской армией генерал Ё. Умэдзу заявил, что «отношение Японии к пакту о нейтралитете должно измениться, как только изменятся отношения, существующие между Германией и Россией»⁵². Еще более определенно высказался в апреле 1941 г. военный министр Тодзио, занявший через несколько месяцев пост премьер-министра Японии: «Невзирая на пакт, мы будем активно осуществлять военные приготовления против СССР. Необходимо постоянно оказывать давление на Советский Союз»⁵³.

28 мая в ответ на запрос Мацуока Риббентроп сообщил: «Сейчас война между Германией и СССР неизбежна... Армия уже завершила развертывание»⁵⁴. О том же информировал Токио Осима 6 июня, сообщая, что Гитлер желал бы видеть Японию участником войны против СССР⁵⁵. Подписавший в Москве пакт о нейтралитете Мацуока был первым, кто после получения сообщения о германском нападении на СССР предлагал, отложив продвижение на юге, «оккупировать Сибирь вплоть до Иркутска»⁵⁶. Японию удерживало от нападения на Советский Союз наличие у него в этом регионе частей Красной Армии, доказавших в боях на Халхин-Голе свою способность отразить нападение агрессора. Сыграл свою роль и пакт о нейтралитете. Тем самым от СССР была отведена опасность войны на два фронта.

Примечания

1. Подробнее см.: КУТАКОВ Л. Н. История советско-японских отношений. М. 1962.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 7867, оп. 1, д. 275, л. 92.
3. Секция сухопутных сил императорской ставки. Ч. 1. Токио. 1967, с. 258--259, 302 (на яп. яз.).
4. Документы внешней политики СССР (ДВП СССР). Т. XI. М. 1966, с. 144.
5. Там же. Т. XIV. М. 1968, с. 746.
6. Цит. по: РАГИНСКИЙ М. Ю., РОЗЕНБЛИТ С. Я. Международный процесс главных японских военных преступников. М.— Л. 1950, с. 237.
7. ДВП СССР. Т. XVI. М. 1970, с. 17.
8. Секция сухопутных сил императорской ставки. Ч. 1, с. 339—340.
9. История периода Сёва. Т. 4. Токио. 1982, с. 194 (на яп. яз.).
10. BERGAMINI D. Japan's Imperial Conspiracy. Lnd. 1971, p. 552.
11. История периода Сёва. Т. 4, с. 194.
12. См. История войны на Тихом океане. Т. 2. М. 1957, с. 343--346.
13. История войны на Тихом океане. Т. 3 Токио. 1972, с. 283 (на яп. яз.).
14. КУДО МИТИХИРО. Исследование японо-советского пакта о нейтралитете. Токио. 1985, с. 62—63 (на яп. яз.).
15. PRESSEISEN E. L. Germany and Japan. The Hague. 1958, p. 219.
16. MONTGOMERY M. Imperialist Japan. Lnd. 1987, p. 436.
17. Мияко, 13. XII. 1939.
18. История второй мировой войны 1939—1945. Т. 3. М. 1974, с. 182.
19. Секция сухопутных сил императорской ставки. Ч. 2. Токио. 1968, с. 4,9.
20. LENSEN G. A. The Strange Neutrality: Soviet-Japanese Relations during the Second World War 1941—1945. Florida. 1972, p. 6.
21. Асахи, 17.1.1940.
22. Шестая сессия Верховного Совета СССР, 29 марта — 4 апреля 1940 г. Стеногр. отч. М. 1940, с. 41.

23. КУТАКОВ Л. Н. Ук. соч., с. 257.
24. ТИХВИНСКИЙ С. Л. Заключение советско-японского пакта о нейтралитете 1941 г.— Новая и новейшая история, 1990, № 1, с. 26.
25. История войны на Тихом океане. Т. 3, с. 316.
26. Токио нити-нити, 16.VII.1940.
27. История войны на Тихом океане. Т. 4. Токио. 1972, с. 62.
28. Japan's Decision for War: Records of the 1941 Policy Conferences. Stanford (Cal.). 1967, p. 5.
29. КУДО МИТИХИРО. Ук. соч., с. 80.
30. LU D. J. From the Marco Polo Bridge to Pearl Harbor. Washington. 1961, pp. 110, 112.
31. Архив внешней политики России, ф. 4366, д. 14, л. 171.
32. Там же, д. 26, лл. 46—47.
33. СССР и Япония, с. 194.
34. КУДО МИТИХИРО. Ук. соч., с. 87—88.
35. ТАМУРА САТИСАКУ. История мировой дипломатии. Т. 3. Токио. 1964, с. 546 (на яп. яз.).
36. Секретные документы периода большой войны. Токио. 1948, с. 326 (на яп. яз.).
37. HULL G. The Memoirs. Vol. 1. N.Y. 1948, p. 969.
38. Секция сухопутных сил императорской ставки. Ч. 2, с. 207—208.
39. Хронология японской дипломатии и основные документы. Т. 2. Токио. 1965, с. 481 (на яп. яз.).
40. Путь к войне на Тихом океане. Сб. док. Токио. 1963, с. 383 (на яп. яз.).
41. PRESSEISEN E. L. Op. cit., pp. 287, 289
42. FEIS H. The Road to Pearl Harbor. Princeton. 1950, p. 183.
43. Секретные документы периода большой войны, с. 393.
44. ГАРФ, ф. 7867, оп. 1., д. 275, л. 251; д. 482, л. 861.
45. Japan's Decision for War, p. 22.
46. BERGAMINI D. Op. cit., pp. 745—746.
47. ГАРФ, ф. 7867, оп. 1, д. 482, л. 862.
48. BERGAMINI D. Op. cit., p. 746.
49. Führer Conferences on Matters Dealing with German Navy 1941. Vol. 1. Washington. 1947, p. 53.
50. Внешняя политика СССР. Сб. док. Т. IV. М. 1946, с. 550.
51. Путь к войне на Тихом океане. Т. 5. Токио. 1963, с. 300.
52. ГАРФ, ф. 7867, оп. 1, д. 230, л. 50.
53. История войны на Тихом океане. Т. 4. Токио. 1972, с. 66.
54. ТАКУСИРО ХАТТОРИ. Япония в войне 1941—1945. М. 1973, с. 43.
55. РАГИНСКИЙ М. Ю., РОЗЕНБЛИТ С. Я. Ук. соч., с. 254—255.
56. Путь к войне на Тихом океане. Сб. док., с. 458.

В. С. Соловьев и Й. Ю. Штросмайер об объединении церквей

И. В. Чуркина

В 70—80-х годах XIX в. в кругах, близких славянофилам, появились люди, выступавшие за объединение православной и католической церквей, которое, по их мнению, должно было бы способствовать укреплению единства славян. Среди идеологов указанного направления выделялся сын знаменитого русского историка, философ В. С. Соловьев (1853—1900). В южнославянских землях Габсбургской монархии сторонником этой идеи был видный хорватский национальный деятель дьяковский епископ Йосип Юрай Штросмайер.

Он родился и провел большую часть жизни в восточной Хорватии, где вперемежку жили православные сербы и католики-хорваты. Желание сгладить между ними противоречия, которые особенно обострились во второй половине XIX в., сыграло большую роль в стремлении епископа объединить церкви.

В начале 40-х годов XIX в. Штросмайер написал работы, посвященные проблемам единства церквей, за которые получил степень доктора теологии, а в 1859 г. передал Пию IX меморандум, в котором доказывал необходимость введения славянской литургии в католических церквях и издания религиозных книг на древнехорватском глаголическом алфавите. Он отверг принятый в 1870 г. католическим клиром догмат о непогрешимости папы, так как считал, что это создаст новые препятствия на пути объединения церквей. В 1881 г. Штросмайер в своем окружном послании по поводу 1000-летия завершения христианизации хорватов снова выступил за введение славянской литургии в католической церкви, за сближение и, возможно, объединение ее с православной церковью. Это окружное послание было одобрено папой Львом XIII, но им остались недовольны правительства России и Австро-Венгрии. Поэтому инициативу Штросмайера пришлось отложить до лучших времен¹.

Соловьев стал проявлять интерес к вопросу объединения церквей со второй половины 70-х годов XIX в., по-видимому, не без воздействия влиятельной, славянофильски настроенной семьи Киреевых. В 1875 г. Соловьев несколько месяцев прожил в Лондоне, регулярно бывая в салоне публицистки О. А. Киреевой-Новиковой, где велись разговоры о сближении православной и англиканской церквей². С братом ее, А. А. Киреевым, выступавшим за объединение православной и католической церквей, Соловьев переписывался с 1878 по 1887 г. и сначала видел в нем своего единомышленника. Однако взгляды их, особенно на национальный вопрос, существенно различались. Киреев называл себя «православным националистом», у Соловьева национализм вызывал искреннее отвращение.

Чуркина Искра Васильевна — доктор исторических наук, Институт славяноведения и балканистики РАН.

Соловьев в отличие от славянофилов, особенно позднего периода, не противопоставлял культуру России западной культуре, а, напротив, считал, что первая составляет часть второй. В то же время он разделял мнение, что культура католических народов отличается от культуры православных. А поскольку славяне частично принадлежат к православному миру, а частично — к католическому, они никак не могут составлять целое, противостоящее западной цивилизации. «Пока не решен этот великий церковный вопрос, останется нерешенным и вопрос славянский,— считал Соловьев,— и нечего нам думать о единении славян, о всеславянстве и его всемирном призвании»³.

Интерес к объединению церквей у Соловьева, таким образом, был связан с его стремлением разрешить славянский вопрос. Наиболее подробно он пишет об этом в статье «Великий спор и христианская политика. Польша и восточный вопрос». Главной причиной неприязни поляков к русским, по мнению Соловьева, является различие вероисповедания: поляки — католики, русские — православные. По евангельской заповеди, на вражду поляков русские должны ответить примирением. «Россия должна делать добро польскому народу». Тем самым Россия может сделать Польшу мостом между Востоком и Западом и окончательно примирить их⁴. В объединении католичества и православия Соловьев видел не только далекую цель — слияние европейской культуры, но и практическую, близкую — примирение поляков и русских. Он считал, что «церковное примирение Востока и Запада есть именно национальная историческая задача России»⁵.

Произвести объединение церквей Соловьев предполагал не путем подчинения одной из них другой, но посредством их постепенного сближения. Единение церквей должно подготавливаться полной свободой «духовного взаимодействия между западным католичеством и нашим православием». «Восточное православие и западное католичество,— считал Соловьев,— по своим образующим началам не исключают, а восполняют друг друга. Их враждебное противоположение не вытекает из их истинной сущности, а есть лишь временный исторический факт»⁶. Он не отдавал ни одной из них предпочтения. Каждая имела, по его мнению, свои преимущества перед другой. «Сохранение церковной истины,— писал он,— было преимущественною задачей православного Востока, организация церковной деятельности под руководством единой и безусловно самостоятельной духовной власти являлось преимущественною задачей католического Запада»⁷. Соединение этих двух начал — церковной истины и церковной организации — дало бы возможность создать подлинно вселенскую христианскую церковь.

Осенью 1882 г. в газете И. С. Аксакова «Русь» появилась статья Соловьева «О церкви и расколе»⁸. Русский раскол, полагал Соловьев, отрицает католичность (вселенский характер) христианства во имя местных и временных особенностей. В этом отношении, несмотря на кажущуюся разницу, «раскольниковство похоже на протестантизм, ибо то и другое ставят личное мнение выше вселенского, частное — выше общего». «Оставляя все односторонние пристрастия и интересы,— призывал Соловьев,— должно нам решительно стать на почву самого вселенского католического христианства, иметь в виду единственно только самую святыню Божией церкви». И на этой основе объединиться.

Штросмайер узнал об этой статье Соловьева из пересказа, напечатанного в хорватской газете «Позор» П. Томшичем. 25 октября 1883 г. епископ попросил своего друга и ближайшего сподвижника Ф. Рачкого, президента Югославянской Академии наук и искусств, достать ему номера «Руси», в которых была напечатана статья Соловьева. Спустя три дня Рачки писал Штросмайеру: «Сейчас читаю интересное сочинение Соловьева в аксаковской «Руси» о расколе. Пишет очень умно; признает необходимость соглашения между восточной и западной церковью, признает примат папы, но его должно очистить от кое-каких наслоений средних веков». Рачки верно уловил главное в статье: Соловьев высказался не только за объединение раскольников с православной церковью, но и за объединение всех христианских церквей вообще. Именно это для Рачкого было очень важно. «Я теперь не ожидаю от Рима ничего для славянства... — замечал он.— К тому, что пишет Соловьев, следовало бы добавить, что вопрос о соглашении между двумя церквями должен рассматриваться с точки зрения высших интересов, а не с точки зрения (того или иного) монсиньора»⁹.

Штросмайера статья Соловьева настолько заинтересовала, что он попросил

Ф. Целестина, преподававшего славянские языки и литературу в Загребском университете, написать Аксакову, чтобы он внес его в число своих подписчиков¹⁰. В июле 1884 г. Рачки обратил внимание Штросмайера на работу Соловьева «Славянский вопрос», напечатанную в «Известиях Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества». Соловьев пишет об объединении церквей, подчеркивал Рачки, «и так умеренно, и с такой искренностью по отношению к русским, что было бы полезно заключить договор с этим ученым русским». Штросмайер сразу же попросил достать ему эту статью. «Прежде всего необходимо изучить, что этот человек думает», писал он, а затем следовало бы опубликовать перевод его статьи в «Позоре» с замечаниями, из которых Соловьев мог бы понять, «что мы думаем об этом». В следующем письме Штросмайер вновь напоминал Рачкому о Соловьеве: «Хорошо бы было, если бы все, что он пишет, было бы переведено на наш язык и опубликовано»¹¹.

В конце лета 1884 г. Рачки отправился в Россию. Одной из целей его путешествия была встреча с Соловьевым. Вернувшись в Загреб, Рачки 3 октября 1884 г. написал Штросмайеру: «В Петрограде я жил целую неделю, посмотрел все просветительские учреждения и встретился с замечательными людьми. Среди остальных разговаривал я и с проф. Соловьевым, который сейчас пишет о примате римского епископа. Этот человек по своим чувствам является католиком». Рачкого удивил интерес к объединению церквей, который проявляли в разговорах с ним русские интеллигенты, в том числе и киевский митрополит Платон¹².

В 1885 г. Соловьев получил от Штросмайера через свою ученицу приглашение посетить Дьяково. Соловьев поблагодарил Штросмайера и сообщил ему: «Если Богу будет угодно, в конце настоящей зимы хочу приехать в Загреб и Дьяково, узнать Вас лично, поклониться и принять благословение от знаменитого служителя церкви и радателя славянства, и услышать Ваши мысли и советы в общем нам великом деле соединения церквей. От этого соединения зависят судьбы России, славянства и всего мира»... Одновременно Соловьев написал Рачкому о своем намерении посетить Дьяково и послал ему свои сочинения для передачи их Штросмайеру¹³.

Летом 1886 г. Соловьев приехал в Хорватию. Некоторое время он пробыл в Загребе, где печаталась его книга «История теократии». Издание ее за границей было связано с неприязненным отношением к философу обер-прокурора Св. Синода К. П. Победоносцева. В России Соловьеву стало весьма затруднительно печататься. Хорватские друзья обеспечили публикацию его книги.

Из Загреба Соловьев отправился в Дьяково с письмом Рачкого Штросмайеру. В нем говорилось: «Это письмо передаст Вам г. Владимир Сергеевич Соловьев... Очень рад такому замечательному гостю, умному ученому, пламенному борцу за идею объединения обеих церквей». Не менее благоприятное впечатление произвел Соловьев и на Штросмайера. «Он действительно необыкновенный человек, которым мы можем гордиться — сообщал тот Рачкому 23 июля 1886 года. Я с ним часто встречаюсь, и во всех важных вопросах мы придерживаемся одного и того же мнения». Через день Штросмайер добавлял: «Соловьев дивный, святой человек, выражающий волю божественного провидения. Я в него влюблен»¹⁴. И Штросмайер понравился Соловьеву. «Епископ говорит со мною и по-латыни, и по-французски, и по-хорватски,— писал он Рачкому,— и на всех языках одинаково приятно слышать его вдохновенную речь. Соглашаюсь вполне с о. Франки, что ни у одного народа нет такого епископа»¹⁵.

Основной смысл встречи Соловьева с Штросмайером заключался в попытке согласовать условия, на которых может произойти объединение церквей. Об этом свидетельствуют записка Соловьева Штросмайеру, составленная в сентябре 1886 г. в Загребе и посланная в Дьяково, и ответное письмо Штросмайера. О записке упоминал в письме епископу 29 сентября 1886 г. Рачки: «Соловьев надеется, что Вы получили его меморандум, и думает Вам еще написать до своего отъезда в Россию». Далее Рачки сообщал, что их общий друг К. Войнович (юрист и политик, близкий Штросмайеру) просил Соловьева, чтобы он написал дополнительно о примирении русских с поляками. Но я его от этого отговорил, так как вопрос об объединении церквей тем самым в России, а также и в Риме еще более бы осложнился»¹⁶.

В записке Соловьева говорилось, что у православной церкви нет никакого догмата или учения, которое бы противоречило вселенской истине. Она признает все

догматы первых семи вселенских соборов. Выступления отдельных православных богословов, в которых католическая церковь обвиняется в ересь, не приняты Восточной церковью. У православных отделение от католической (или Западной) церкви не санкционировано ни одним вселенским собором. Русская церковь, принимая в свое лоно католиков, не требует их перекрещивания, так как признает действительными все католические таинства. Все это, по мнению Соловьева, облегчает объединение Восточной и Западной церквей.

Однако оно может произойти при двух условиях. Во-первых, Русская православная церковь, признавая авторитет папы как преемника св. Петра, вместе с тем никогда не признает над собой его административной власти. Во-вторых, Русская церковь должна сохранить свои обряды, а также то высшее положение, которое в ней всегда принадлежало власти императора. В сопроводительном письме Соловьев пригласил Штросмайера посетить Петербург и Москву, что дало бы русским «единственный в своем роде случай искупить свои грехи перед Вашим предшественником Крижаничем»¹⁷.

Мною найдена копия ответного послания Штросмайера Соловьеву. В нем хорватский епископ одобрил записку русского философа, полную, по словам Штросмайера, мудрости и правды. Для подготовки общественного мнения России к объединению церквей он рекомендовал создать общества в Петербурге и Москве из авторитетных лиц, пользующихся уважением народа. Они должны просвещать царский двор и народ, подготавливая их к мысли о необходимости соединения церквей. В Риме также должна быть учреждена соответствующая организация, в которую входили бы кардиналы, прелаты и миряне из высших кругов и которая должна была бы заниматься пропагандой идеи объединения церквей. «Ваша записка будет хорошей практической программой для римского общества», — писал Штросмайер.

Российского императора надо убедить, чтобы он вернул Русской церкви ее автономию, восстановив пост ее естественного главы — патриарха. Благодаря автономии православная церковь усилится, что будет выигрышем и для государства, и для императора, который останется ее защитником и покровителем. Синод должен быть освобожден от правительственного надзора. Естественным местом пребывания синода Штросмайер считал Москву, которая в результате станет истинно священным городом. Только после этих реформ может произойти соединение православной и католической церквей. Штросмайер просил Соловьева написать также записку о поляках и русинах, то есть о католиках и униатах¹⁸.

В письме папскому нунцию в Вене Ванутелли, сопровождавшем записку Соловьева, Штросмайер отмечал, что разделяет взгляды русского философа и считает необходимым принять его условия объединения церквей. Далее он сообщал, что Соловьев собирается приехать на 10-летие понтификата Льва XIII в Рим, где Штросмайер организует ему встречу с папой. На аудиенции Соловьев желает, чтобы Лев XIII благословил объединение церквей.

Юбилей отмечался в 1888 году. С 10 по 20 апреля в Риме по этому случаю находился Штросмайер, с хорватскими паломниками. Здесь он ожидал приезда Соловьева и 19 апреля написал секретарю папы кардиналу М. Рамполле о намечающемся приезде в Рим Соловьева. «Всем сердцем и душою католик, — характеризовал русского философа хорватский епископ, — и положивший всю жизнь и славные труды свои на то, чтобы возвратить возможно большее число русских славян в лоно Святой Матери церкви Католической». «Я в высшей степени просил бы поэтому, — продолжал Штросмайер, — чтобы сей муж был милостиво принят Святейшим отцом и утвержден в благих своих намерениях». Конечно, епископ преувеличивал степень католических симпатий Соловьева. Письмо Штросмайера с брошюрой Соловьева «Русская идея» (*L'idée Russe. Paris. 1888*) были доложены Льву XIII, который сочувствовал объединению церквей. Рамполла сообщил Штросмайеру, что папа по прочтении письма «воздал хвалу русскому философу»¹⁹.

Вернувшись в Дьяково, Штросмайер 2 мая 1888 г. сообщил Рачкому, что он все устроил так, что Соловьев будет хорошо принят в Риме. Вместе с тем епископ полагал, что если Соловьев и не приедет туда, то хорошо сделает, ибо «в этой суматохе не было бы времени встретиться с папой и поговорить о столь важных делах»²⁰. И Соловьев действительно в Рим не поехал. Вероятно, он понимал, что взгляды его и папы на объединение церквей различны. Возможно также, что ему не

хотелось усложнять свои отношения с православной церковью, которые без того были весьма натянутыми.

Между тем Штросмайер и Рачки продолжали получать труды Соловьева. Относительно его работы «Русская идея» Штросмайер замечал: «Брошюра, написанная Соловьевым по-французски, прекрасна». С этой оценкой Рачки не во всем был согласен. «В новейшей брошюре Соловьева,— писал он 22 июля 1888 г.,— много прекрасных мыслей и цель его святая. Но мне не нравится его тон, чересчур раздраженный. Обвиняет Россию в грехах, которые и другим великим народам свойственны в еще большей мере. Все их можно было бы адресовать и Германии. Россия среди волков должна быть овцой! И так она слишком кротка!» Но Штросмайер остался при своем мнении. 25 июля 1888 г. в ответном письме Рачкому он замечал: «Брошюру Соловьева читаю и все понимаю. Святой и очень умный человек, но повторяю: Рим далеко не то, чем мог и должен бы быть»²¹.

Летом 1888 г. Соловьев написал Рачкому о своем намерении приехать в Хорватию в сентябре на обратном пути из Парижа в Россию. Но только 24 ноября Рачки смог обрадовать Штросмайера вестью о приезде русского философа в Загреб. Католическое рождество Соловьев встретил в Дьяково с хорватскими друзьями. «Он провел праздник Рождества с нами,— вспоминал секретарь Штросмайера М. Цепелич.—... С той поры не помню, чтобы он более переписывался с епископом». Это была последняя встреча хорватского епископа с русским философом²².

За несколько дней до отъезда Соловьева в Дьяково 15 декабря 1888 г. Рачки писал епископу: «Успокойте Соловьева, чтобы он не выступал так резко против России. Статья о Киевском праздновании, напечатанная в «L'Univers» и переводимая сейчас для «Katolički list», настолько резка, что если бы я так писал об Австро-Венгрии, я бы не посмел в нее вернуться. Соловьев так увлекся универсализмом, что в России его считают плохим русским патриотом, который вредит русским интересам. Знаю, что это не так, но по видимости выглядит именно так». 20 декабря Штросмайер отвечал Рачкому: «Все сделаю, как Вы мне советуете, по отношению к нашему другу Соловьеву... Я буду ему говорить и советовать то же самое, что и Вы». Уже после отъезда Соловьева 1 января 1889 г. Штросмайер сообщал в Загреб: «Соловьев уехал. Святой человек. Я его успокоил».

В 1889 г. в Париже вышла книга Соловьева «Россия и вселенская церковь». 20 экземпляров ее автор послал Штросмайеру. 9/21 декабря 1889 г. Соловьев писал Рачкому, что его книгу «не одобряют с двух сторон: либералы за клерикализм, а клерикалы за либерализм... зато я получил (косвенное) известие о печатном одобрении со стороны епископа, и это меня очень утешило»²³.

Объединение католической и православной церковей тогда не могло практически осуществиться. Это понимал и Штросмайер. 6 октября 1886 г. он писал Рачкому: «Жаль, но в Петербурге, а еще менее того в Риме люди до этого не дозрели». То же самое повторил Штросмайер спустя 8 дней: «Я вновь говорю: для этой цели не созрели в Петрограде, а еще менее того в Риме»²⁴.

Взаимоотношения двух выдающихся мыслителей России и Хорватии, их взаимное глубокое уважение, умение понять друг друга говорят об их искреннем желании найти точки соприкосновения в решении сложной проблемы политического примирения славянских народов разного вероисповедания.

Примечания

1. Зарубежные славяне и Россия. М. 1975, с. 458.
2. ЛУКЪЯНОВ С. М. О Вл. С. Соловьеве в его молодые годы. Т. 3. Пг. 1921, с. 90, 139.
3. СОЛОВЬЕВ В. С. Собр. соч. Т. 5. СПб. Б. г., с. 71.
4. Там же. Т. 4. СПб. Б. г., с. 10—16.
5. Там же. Т. 5, с. 36.
6. Там же, с. 69, 72, 73.
7. Там же. Т. 4, с. 102.
8. Русь. М. 1882, № 38 (18.IX), № 39 (25.IX), № 40 (2.X).
9. Korespondencija Rački — Štrossmayer. Т. 3. Zagreb. 1930, s. 92, 94, 102, 106.
10. Зарубежные славяне и Россия, с. 457.
11. Korespondencija. Т. 3, s. 131—133, 138.

12. Ibid., s. 143.
13. СОЛОВЬЕВ В. С. Письма. Т. 1. СПб. 1908, с. 165, 180.
14. Korespondencija. Т. 3., s. 214, 215, 217.
15. СОЛОВЬЕВ В. С. Письма. Т. 1, с. 167. *А. Франки* — профессор Загребского университета.
16. Korespondencija. Т. 3, s. 269.
17. СОЛОВЬЕВ В. С. Письма. Т. 1, с. 182—190. *Ю. Криканич* — хорватский писатель, сторонник славянского единства, находившийся в России в 1659—1676 гг. большей частью в ссылке в Сибири.
18. Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки, ф. 696, карт. 4, д. 14.
19. Н. И. Н. Воззрения В. С. Соловьева на католичество. — Богословский вестник, Сергиев Посад, 1910, январь, с. 516, 517.
20. Korespondencija. Т. 3, s. 365.
21. Ibid. Т. 4. Zagreb. 1931, s. 2—4.
22. СОЛОВЬЕВ В. С. Письма. Т. 1, с. 190—193
23. Там же, с. 179.
24. Korespondencija. Т. 3, s. 223, 226.

Гости-сурожане

В. Б. Перхавко

Еще в прошлом столетии составитель «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даль застал употребление в сфере торговли таких ныне мало кому понятных терминов, как «суровской (суроужской) товар», «суровской (суроужской) ряд». Реже употреблялось слово «сурога», обозначавшее купца, торговавшего в розницу суровским (шелковым) товаром. С XIV в. в русских летописях Азовское море (иногда вместе с Черным) называется Суроужским. С того же времени появляются упоминания о пребывании в Москве «гостей-сурожан»¹, выходцев из торгового центра Судака (старинной Солдайи).

В Крыму в VIII в. возник византийский город Сугдея, достигший спустя 400 лет экономического расцвета. Попутное морское течение благоприятствовало кораблям перемещаться из Судакской гавани к берегам Малой Азии. Город служил перевалочным пунктом в торговле Востока и Средиземноморья с Русью и привлекал внимание предприимчивых купцов из разных стран Европы и Азии. Прибывавший в те времена в Судакский порт путешественник или торговец попадал в атмосферу оживленного торгового центра: у причалов с утра до вечера загружались и разгружались суда, с верфей доносился стук топоров и визг пил, на городском рынке звучала разноязычная речь. В XII—XIII вв. здесь существовали венецианские и генуэзские торговые фактории. Город состоял тогда из нескольких крупных кварталов, включавших лавки, мастерские, двух- и трехэтажные каменные жилые дома, храмы и общественные здания.

На протяжении XIII в. Сугдею не раз разоряли чужеземные захватчики, причинявшие колоссальный урон ее торговле. В 1249 г. в городе насчитывалось около 40 тыс. жителей, среди которых были и греки, и итальянцы, и армяне, и евреи, и сирийцы, и турки, и персы, и половцы, и аланы, и русские. Но с XIV в. Судак уже уступал по торговому значению находившейся неподалеку ведущей генуэзской колонии Кафе (Феодосии). С 1365 г. по соглашению с татарскими ханами он перешел в руки генуэзцев, назвавших Сугдею Солдайей и владевших ею вплоть до захвата города турками в XV веке.

Судак с давних времен был связан с Русью. В составленной в первой половине XV в. русской редакции «Жития Стефана Суроужского» помещено предание о нападении на Суроуж в IX в. русов под предводительством новгородского князя Бравлина, принявшего здесь крещение под впечатлением чудес, исходивших от гробницы этого местного святого. В XII в. православное население византийской Сугдеи

Перхавко Валерий Борисович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН.

отмечало 24 июля день «памяти святых новоявленных мучеников в русских странах, Давида и Романа (Бориса и Глеба), убитых собственным братом, окаянным Святополком», о чем свидетельствует приписка на страницах местного синаксаря — сборника кратких житий святых ². Русский былинный богатырь Чурила Пленкович, сын Пленка Сароженина (сурожанина), дарит князю Владимиру из своих подвалов «золоту казну, сорок сороков черных соболей, другую сорок печерских лисиц, камку белохрущету (шелковую ткань. — *В. П.*)». Тут точно описан перечень товаров сурожан. Из русского народного эпоса известен также «Суровец-богатырь Суздалец, богатова гостя заморенин сын». Наряду с Тмутараканью и Корсунем (Херсонесом) Сурож упоминается в «Слове о полку Игореве».

Еще до монгольского нашествия в портовой части Судака сформировался русский квартал, при раскопках которого обнаруживаются изделия XI—XIII вв. — медные кресты, украшения, глиняные поливные пасхальные яйца-писанки с узорами, каменные пряслица из розового овручского шифера ³. По сообщению арабского историка Ибн-аль-Биби, во время нападения на город в 1221—1222 гг. турецкого флота на помощь горожанам пришло русское войско.

Вот что писал о Судак побывавший там в 1253 г. французский путешественник Гильом Рубрук: «Туда пристают все купцы, как едущие из Турции и желающие направиться в северные страны, так и едущие обратно из России и северных стран и желающие переправиться в Турцию. Одни привозят горностаев, белок и другие драгоценные меха; другие привозят ткани из хлопчатой бумаги, бумазю, шелковые материи и душистые коренья» ⁴. Русские вывозили из Крыма соль, а добирались туда и по рекам (Волге, Дону, Днепру), и по морю (Азовскому и Черному), и дорогами через степь в крытых повозках. Из Судакской гавани русские торговцы и путешественники доплывали за несколько дней до Синопа на южном побережье Черного моря.

В свою очередь местные купцы уже в XIII в. посещали русские торговые центры. Как свидетельствует автор Ипатьевской летописи, при погребении в 1288 г. во Владимире-Волынском князя Владимира Васильевича «так плакавшеся над ним все множество Володимерчев: мужи и жены, и дети, Немци, и Сурожьце, и Новгородци» ⁵. В 1319 г., направляясь в Золотую Орду, великий князь Тверской Михаил Ярославич пришел «на усть реку Дону, иде же течет в море Сурожьское». Упоминание о приезде торговых людей из Сурожа в Московское княжество летопись содержит под 1356 г.: «Того же лета прииде на Москву изо Орды Ирынчей и с ним гости сурожане» ⁶. Гости-сурожане привозили в Москву дорогие восточные шелковые ткани (поэтому и закрепилось за ними название «суровский товар»), пряности, вина, а вывозили оттуда меха, воск, мед, льняные изделия.

Некоторые из сурожских торговцев, в основном греки и итальянцы, чтобы приблизиться к русскому рынку, перебрались на постоянное жительство в Москву и впоследствии обрусели. Таково происхождение ряда московских купеческих династий XIV—XV вв.: Саларевых, Ховриных, Шиховых. Согласно родословной книге, основатель рода Ховриных-Головиных «князь Стефан Васильевич из своей вотчины с Судака, да из Манкупе, да из Кафы» приехал в Москву еще при великом князе Дмитрие Донском либо его преемнике Василии Дмитриевиче ⁷.

В конце XIV в. в Москве сформировалась корпорация богатых сурожан, получавших крупную прибыль от торговли с Золотой Ордой, Византией, странами Средиземноморья, а также Востока. Они пользовались привилегиями и приближались по общественному положению к боярству. Не последнюю роль в их возвышении сыграло выполнение ими торговых поручений московских великих князей и родовитых бояр, заинтересованных в сбыте своих товаров в обмен на дорогие заморские товары.

Ряд свидетельств о поездках в Сурож, Кафу, другие центры Крыма содержится в источниках XIV—XV вв., сообщающих также о случаях ограбления плывших на юг по Волге московских купцов новгородскими речными пиратами — ушкуйниками. На купеческие караваны, отправлявшиеся в Крым степными дорогами, часто совершали нападения татарские отряды ⁸. Поэтому сурожане стремились сохранять хорошие отношения с золотоордынскими властями и генуэзской администрацией Кафы. С XV в. там существовала русская купеческая слобода с православным храмом, жилыми домами и складами для товаров ⁹. А великие князья московские старались защитить интересы своих купцов, проявляли заботу о сохранении и перед-

аче законным наследникам имущества умерших в Крыму московских гостей, протестовали против сбора с них завышенных пошлин и поборов в пользу властей Киева и Чернигова, через земли которых они иногда возвращались в Москву.

Контакты сурожан с Кафой продолжались и после захвата ее в 1475 г. войском султана Мехмеда II. При штурме пострадало немало купцов из Руси. Последние совершали иногда и более дальние путешествия: в Италию, Египет, Палестину. В 1488—1489 гг. московского купца Фому Саларева встречали в Риме. В начале XVI в. в составе русского посольства туда прибыло несколько торговцев, привезших на продажу пушнину великого князя. В то время из Италии стали привозить в Россию шелк собственного производства, венецианский бархат и бумагу¹⁰.

Разбогатевшие сурожане занимались не только торговыми операциями, но и ростовщичеством. В составленной около 1481 г. духовной грамоте удельный князь Андрей Васильевич завещал наследникам вернуть 300 руб. долга купцу Гавриле Салареву. Владимир Ховрин оказывал финансовую поддержку великому князю Василию II Темному в его борьбе с соперниками, за что получил небывалый титул «гость да и боярин великого князя» (так он упомянут под 1452 г.). Сурожанин Андрей Шихов был кредитором удельного князя Юрия Васильевича, отдавшего в залог за 30 руб. серебром рулон заморского сукна¹¹. Занимаясь кредитованием родовитых особ, московские купцы рассчитывали при случае и на помощь со стороны феодальной аристократии, и на сближение с нею.

Между представителями купеческих семей и боярских фамилий заключались браки, купцы приобретали вотчины. Свидетельства о купеческом землевладении в Московском княжестве относятся уже ко времени Дмитрия Донского (под 1375 г.)¹². А в XV в. с некоторыми купеческими фамилиями оказались связаны названия подмосковных сел Саларева, Тропарева, Ховрина. Сохранилась купчая 1491—1492 гг. на приобретение Дмитрием Ховриным у сурожанина Федора Саларева дер. Красулинской в Подмосковье¹³.

Государственная служба была обязательной для богатых московских купцов. Их представители входили в состав ополчения, хотя именитые сурожане привлекались к военной службе лишь при чрезвычайных обстоятельствах. Так, в 1382 г. они участвовали в защите Москвы от войска хана Тохтамыша. В 1469 г. Иван III послал сурожан в поход против Казанского ханства. Обычно же великие князья использовали сурожан на дипломатическом поприще, ибо те владели русским, греческим, итальянским, татарским языками, знали политическую обстановку и обычаи в соседних странах, имели там связи. От них же получали информацию и советы.

Отправляясь в сентябре 1380 г. навстречу рати Мамай, Дмитрий Иванович взял с собой в поход десять сурожан в качестве информаторов, толмачей и послов. То были Василий Капица, Сидор Елферьев, Константин Волк, Кузьма Коверя, Семион Онтонов, Михайло Саларев, Тимофей Весяков, Дмитрий Черной, Дементей Саларев и Иван Ших¹⁴. Столетием позже дипломатическая переписка Таманского князя Захария Гвизольфи с Иваном III велась при посредничестве московских купцов Гаврилы Петрова и Семена Хозникова. Дипломатические услуги Ивану III неоднократно оказывал торговец из Кафы Кокос. Чтобы избежать уплаты пошлин на пути из Москвы в Крым и обратно, сурожане стремились войти в состав великокняжеских посольств, хотя ехать с ними было порою не намного безопаснее.

Показателем достаточно высокого социального положения сурожан является перечисление их в летописях сразу за московскими боярами. Об их авторитете свидетельствует и возведение ими в Москве каменных зданий¹⁵. В 1450 г. Владимир Ховрин построил на свои средства из кирпича Воздвиженскую церковь. Его сын Иван, ставший великокняжеским казначеем, и купец Торокан на удивление москвичам и зависть многим боярам возвели для себя внутри Кремля кирпичные жилые палаты. В начале XVI в. в Зарядье итальянским архитектором Фрязином по поручению сурожан Василия Бобра «с братею своею с Федором Вепрем и Юшком Урвихвостом» была построена из камня и кирпича церковь св. Варвары, давшая название улице. По их же заказу, видимо, строились в Зарядье храмы Максима Блаженного и Жен Мироносиц.

Тут, в северной части московского посада, между Варваркой и Ильинкой существовал Сурожский торговый ряд, а возле него проживала основная масса сурожан. При раскопках одной из усадеб, принадлежавшей потомкам Семиона Онтонова, нашли гири, безмен, счетные бирки, свинцовые товарные пломбы,

обломки среднеазиатской татарской и арабской посуды, ножи с клеймами западноевропейских мастеров. Столь компактное размещение торговых и жилых построек и патрональных храмов купцов свидетельствует в пользу корпоративной организации сурожан¹⁶, члены которой пользовались льготами, совместно торговали и устраивали вскладчину пиры — братчины.

Отдельные представители сурожан занимались строительными работами. Из их среды происходил московский зодчий XV в. Василий Ермолин, у истоков рода которого, по мнению М. Н. Тихомирова, стоял Василий Капица, один из вышеупомянутых свидетелей Куликовской битвы¹⁷. Отец Ермолина Дмитрий, «от московских великих купец, нарицаем Ермолин Васкина» человек «многоглаголющ и пресловущ в беседе, бе бо умея глаголати русски, гречески, половецки», был известен за пределами Руси, а в старости принял постриг под именем Дионисия в Троице-Сергиевом монастыре, но отличался там вольнодумством, выступая против монастырских порядков и церковных догматов¹⁸. Дед зодчего Ермола (в монашестве Ефрем), от имени которого пошла их фамилия, пожертвовал немалые деньги на строительство Спасского собора Андроникова монастыря и был его игуменом после 1427 года.

Василий же Ермолин, получив образование, начал заниматься сбором и перепиской книг, в качестве архитектора и организатора строительных работ — «предстателя» — участвовал в 1462—1472 гг. в ремонте стен и башен белокаменного Кремля, поставил на его Фроловских (ныне Спасских) воротах резные рельефы Георгия Победоносца и великомученика Димитрия, достроил по просьбе матери Ивана III полуразрушенную каменную церковь Вознесения в одноименном кремлевском монастыре, возвел трапезную с поварней в Троице-Сергиевом монастыре, отреставрировал древние храмы во Владимире-на-Клязьме и Юрьеве-Польском. Записи о своей строительной деятельности Василий внес в переписанный с дополнениями по его поручению текст Кирилло-Белозерского летописного свода, получивший название Ермолинской летописи¹⁹. Сохранилось его «Послание от друга к другу» с ответом на письмо Якуба, секретаря Литовского великого князя Казимира, просившего купить в Москве богослужебные книги. Проявил себя как зодчий внук (или правнук) Василия Иван Бобров, участвовавший в строительстве Вологодской крепости в 1536 году.

После ликвидации новгородской вольности Иван III переселил в Новгород часть сурожан — Саларевых, Таракановых и других, сохранив для них на новом месте привилегии, в том числе право землевладения. В источниках есть упоминания о новгородских деревнях Гаврилы и Фомы Саларевых, Владимира и Никиты Таракановых, выделенных им великим князем в качестве компенсации за утраченные подмосковные села. В XVI в. в Новгороде существовали сурожские дворы. Продолжая заниматься торговлей с Югом, новгородские сурожане ездили в Крым через Литву. Они заняли вскоре видное место в жизни Новгорода. Василий Тараканов стал купеческим старостой, возводил каменные храмы (Климента на Иворове, Федора Стратилата). «Гость московский Дмитрий Сырков», его отец, брат и сыновья проявили себя в Новгороде как подрядчики, занимавшиеся ремонтом и сооружением храмов²⁰. Это продолжалось до опричнины. Во время разгрома Новгорода Иваном IV в 1570 г. самые именитые из них были казнены, а многие семьи бывших московских купцов переведены вновь в Москву и лишены прежних привилегий. Вскоре пришел в упадок Сурожский торговый ряд Новгорода, а возвращенные в столицу потомки сурожан уже не смогли достичь высокого положения своих предков.

Примечания

1. СЫРОЕЧКОВСКИЙ В. Е. Гости-сурожане. М.-Л. 1935; ТИХОМИРОВ М. Н. Древняя Москва (XII—XV вв.). М. 1947; ЧЕРЕПНИН Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках. М. 1960.
2. СЕКИРИНСКИЙ С. А. Очерки истории Сурожа. Симферополь. 1955; СЕКИРИНСКИЙ С. А., ВОЛОБУЕВ О. В., КОГОНАШВИЛИ К. К. Судакская крепость. Симферополь. 1971; КАРТАШЕВ А. В. Очерки по истории русской церкви. Т. 1. М. 1991, с. 64—66.
3. БАРАНОВ И. А. Сугдея VII—XIII вв.: к проблеме формирования средневекового города.

В кн.: Труды V Международного конгресса славянской археологии. Т. I, вып. 2а. М. 1987, с. 19 сл.

4. Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М. 1957, с. 88—90.
5. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 2. М. 1962, стб. 920.
6. ПСРЛ. Тт. 9—10. М. 1965, с. 228; т. XXV. М.-Л. 1949, с. 162.
7. Временник императорского Московского общества истории и древностей российских. Кн. 10. М. 1851, с. 89.
8. Сборник Русского исторического общества. Т. 35. СПб. 1881, с. 23, 248; т. 41. СПб. 1884, с. 8, 163, 215; Торговля на Україні, XIV — середина XVII століття: Волинь і Наддніпрянщина. Київ. 1990, с. 32—33.
9. СТАРОКАДОМСКАЯ М. К. Русское торговое население генуэзской Каффы. В кн.: История и археология средневекового Крыма. М. 1958, с. 152 - 153.
10. ХОРОШКЕВИЧ А. Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в. М. 1980, с. 49—50.
11. СЫРОЕЧКОВСКИЙ В. Е. Ук. соч., с. 90.
12. ПСРЛ. Т. 28. М.-Л. 1963, с. 77, 85; т. 23. СПб. 1910, с. 118, 130.
13. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси. Т. 1. М. 1952, с. 444, 445, 596, 601, 630.
14. ПСРЛ. Тт. 11—12. М.-Л. 1965, с. 54, 73; т. 28. М.-Л. 1963, с. 119.
15. Памятники архитектуры Москвы. М. 1983, с. 422—435, 438—449, 453—459; ВЫГОЛОВ В. П. Архитектура Московской Руси середины XV века. М. 1988, с. 19, 48—49, 105—108, 214—218.
16. СЫРОЕЧКОВСКИЙ В. Е. Ук. соч., с. 38—39; ТИХОМИРОВ М. Н. Ук. соч., с. 113—116; ЧЕРЕПНИН Л. В. Ук. соч., с. 415—421; САХАРОВ А. М. Города Северо-Восточной Руси XIV—XV веков. М. 1959, с. 164—167.
17. ТИХОМИРОВ М. Н. Ук. соч., с. 109—111.
18. ЧЕРЕПНИН Л. В. Из истории еретических движений на Руси в XIV—XV вв. В кн.: Вопросы истории религии и атеизма. Т. 7. М. 1959, с. 280—283.
19. ПСРЛ. Т. 23, с. 157—160.
20. СЫРОЕЧКОВСКИЙ В. Е. Ук. соч., с. 111—116; ПРОНШТЕЙН А. П. Великий Новгород в XVI веке. Харьков. 1957, с. 127, 142—148, 171—172.

Фульхенсио Батиста

Э. Л. Нитобург

Будущий кубинский диктатор Рубен Фульхенсио Батиста-и-Салдивар родился 16 января 1901 г. в местечке Вегитас, муниципии Банес, на севере кубинской провинции Ориенте. По происхождению мулат (с примесью китайской крови по деду), выходец из бедной крестьянской семьи. Шести лет пошел в начальную школу, потом учился в вечернем классе квакерской школы, с восьми лет трудился на плантации сахарного тростника, помогая семье зарабатывать на жизнь. 14-ти лет устроился учетчиком, а позже тормозным кондуктором на железной дороге.

Недостаток образования восполнялся у Батисты честолюбием и стремлением во что бы то ни стало устроиться получше. Это привело 20-летнего Фульхенсио в казармы 4-го пехотного полка на окраине Гаваны. Армия Кубы в то время была наемной, и скромное жалование солдата обеспечивало безбедное существование, которое по сравнению с положением плантационного или городского рабочего считалось привилегированным. В середине 20-х годов Батиста служил в сельской гвардии, выполнявшей полицейские функции, затем был переведен снова в армию, в столичные форты Атарес и Кастильо-де-ла-Фуэрса. Его служебное рвение было замечено начальством, оценившим также его занятия стенографией, и Батиста стал кем-то вроде секретаря у генерального инспектора армии, был произведен в капралы, затем в сержанты и с 1928 г. служил стенографом военного суда в форте Ла Кабанья.

12 августа 1933 г. кубинцы ликовали: пала восьмилетняя диктатура «президента тысячи убийств» Херардо Мачадо. Режим «антильского Муссолини», как именовал себя диктатор, рухнул в разгар всеобщей забастовки, когда безработица, нищета и голод привели к бурному росту народного движения. В восточных провинциях весной 1933 г. появились партизанские отряды. Занявший в марте 1933 г. пост президента США Ф. Д. Рузвельт попытался избежать народной революции на Кубе посредством «конституционной замены» Мачадо менее одиозной фигурой.

Провозгласив политику «добраго соседа», Рузвельт направил послом в Гавану своего личного друга С. Уэллеса с миссией «конституционно» убрать Мачадо. Не сумев добиться поставленной цели и стремясь опередить назревавшую на острове революцию, Уэллес организовал в Гаване военный путч. В результате временным президентом Кубы стал его протеже К. М. де Сеспедес. Тем не менее революция пошла по восходящей. На сахарных заводах и плантациях создавались фабзавкомы, происходили вооруженные столкновения с полицией и войсками. Все чаще наблюдалось братание солдат с населением.

Нитобург Эдуард Львович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН.

К концу августа новый режим де Сеспедеса оказался перед лицом очередного взрыва. К выступлению готовился Университетский студенческий директорат, сыгравший видную роль в борьбе с Мачадо. За директоратом, представлявшим интересы слоев общества, объединившихся под лозунгом «Куба для кубинцев!», шли значительная часть студенчества, городской и сельской местной буржуазии, даже армия. Солдаты отказались стрелять в забастовщиков. В воинских частях распространился слух о будущих правилах, затрудняющих продвижение в чинах для сержантов, снижающих жалованье и предусматривающих массовое увольнение рядовых. Это усилило недовольство. Им воспользовалась группа сержантов, промышлявших политикой¹.

Ведущую роль в готовившемся восстании играл Батиста. С группой столь же честолюбивых сержантов он сразу же после падения Мачадо начал готовить восстание, создал конспиративную организацию «Военный союз Колумбии»² и установил контакт с лидерами директората и другими недовольными. В ночь на 5 сентября на собрании сержантов и капралов в солдатском клубе военного городка Колумбия Батиста и прочие ораторы подвергли критике американское хозяйничанье в стране и марионеточное правительство де Сеспедеса. Для его низвержения была образована Революционная хунта. Заговорщики заменили охрану президентского дворца и правительственных зданий, арестовали часть офицеров, других сместили с занимаемых ими постов, третьи перешли на сторону восставших. Потом радио оповестило остров о победе «подлинной, свободной от иностранного влияния, основанной на принципах патриотизма революции»³.

Сержанты захватили власть и в провинции. О том, какими побуждениями при этом руководствовались некоторые из них, свидетельствует такой факт. Батиста, в частности, отправил одному из заговорщиков в провинциальном городе телеграмму: «Действуй немедленно, ты произведен в капитаны. Подтверди получение», на что бывший сержант ответил: «Твоя телеграмма опоздала. Я уже произвел себя в полковники». Сразу же хунта отвергла слухи о том, что она как-то связана с «коммунистами». У зданий иностранных банков и посольств была выставлена охрана. Батиста лично посетил посла США, чтобы заверить его, что будут приняты все меры для обеспечения порядка⁴.

Для Уэллеса восстание оказалось настолько неожиданным, что привело его в панику. Он послал в Вашингтон 5 сентября 11 телеграмм. Новое правительство, сообщал он в одной из них, состоит из крайних радикалов, «чьи теории являются открыто коммунистическими», а некий «сержант по имени Батиста назначен начальником Генерального штаба»; было бы «предосудительным даже обсуждать вопрос об официальном признании Соединенными Штатами этого режима»⁵. Уэллес потребовал отправки на Кубу эсминцев и крейсера с морскими пехотинцами, чтобы вернуть де Сеспедеса к власти.

К острову были направлены 30 кораблей США, в том числе два крейсера и линкор. Это вызвало на Кубе бурю возмущения, и Рузвельт предпочел сделать ставку на внутренние силы, дав указание Уэллесу действовать чужими руками⁶. Хотя сообщения газет о хунте становились все более успокаивающими и было объявлено о назначении временным президентом профессора Гаванского университета Р. Грау Сан-Мартина, который обещал уважать все «иностранные интересы» на острове (Батиста стал полковником), Уэллес продолжал в своих донесениях характеризовать новое правительство как крайне радикальное. Поэтому Вашингтон отказывал ему в официальном признании и оказывал на него непрекращавшийся нажим.

В это время забастовочная волна охватила почти все сахарные заводы. 37 из них уже управлялись рабочими. Развернулись вооруженные схватки с сельской гвардией и войсками, появились народные советы. Это напугало Временное революционное правительство, правое крыло которого стало ассоциироваться с Батистой, а левое — с министром внутренних дел А. Гитерасом. Именно под его влиянием были провозглашены декреты о 8-часовом рабочем дне и 44-часовой рабочей неделе, признании профсоюзов и заключении коллективных договоров, образовании министерства труда, повышении зарплаты, помощи безработным, отмене продиктованной Вашингтоном конституции 1901 г.; были распущены прежние партии, конфискована собственность сторонников Мачадо и созданы трибуналы для суда над ними.

Одновременно правительство пыталось поставить рабочее движение под свой контроль. Уже в конце сентября войска начали разгонять митинги, вытеснять рабочих с занятых ими предприятий и возвращать их прежним владельцам⁷. Батиста завязал тайные контакты с Уэллесом, потом с лидерами проамериканских буржуазных партий и дал понять послу США, что намерен «твердой рукой навести порядок на всех американских сахарных плантациях, где еще происходят рабочие волнения, арестовать и удалить оттуда всех коммунистических лидеров и при помощи войск восстановить порядок всюду, где необходимо»⁸.

Однако часть вооруженных сил и полиция еще не были под его контролем. Поэтому открыто выступить против Временного революционного правительства Батиста не рисковал, предпочитая выиграть время. Вашингтон решил сделать ставку на раскол в правительстве Грау и на замыслы Батисты. В декабре Уэллес покинул Кубу, где его сменил Дж. Кэффери в качестве личного представителя Рузвельта. Кэффери сразу же развернул в Гаване кипучую деятельность, после чего отношения Батисты с США резко улучшились. Кэффери и Батиста стали друзьями⁹.

Между тем обстановка в стране осложнилась. Местная крупная буржуазия перешла к открытому саботажу, уклоняясь от налогов. Государственным служащим нечем было выплачивать жалованье, росла безработица. Бастовали десятки тысяч рабочих, железнодорожники, связисты, учителя, служащие предприятий. Чтобы сохранить свою популярность, правительство Грау пошло на ограничение интересов американского капитала. Тогда Вашингтон заявил, что Кэффери направлены особые инструкции. Батиста встретился с Кэффери, и тот телеграфировал в госдепартамент о согласии одного из местных политиков, Мендиэты, занять пост временного президента, а Батисты — поддержать его при условии, что Вашингтон гарантирует признание нового правительства.

14 января Батиста под угрозой ареста заставил Грау Сан-Мартина уйти в отставку. Войска заняли все полицейские посты, правительственные учреждения, электро- и радиостанции. Революционная хунта распалась. 18 января Карлос Мендиэта-и-Монтефур, лидер партии «Националистический союз», владелец газеты и сахарозаводчик, связанный с американским капиталом, принял присягу в качестве временного президента. 23 января новое правительство было официально признано Вашингтоном, а спустя три дня Кэффери назначили послом на Кубе. Однако рабочее движение не утихало, и когда в марте 1934 г. вспыхнула всеобщая забастовка, Батиста ввел военное положение. Были распущены профсоюзы, на крупные предприятия направлены штрейкбрехеры под охраной солдат¹⁰.

Главной фигурой в правительстве почти сразу же оказался Батиста, а подлинным правителем в Гаване — Кэффери, который для Батисты стал другом и хозяином в одном лице. Кубинцы называли их «сиамскими близнецами». 29 мая между США и Кубой был подписан новый Постоянный договор, сохранявший военно-морскую базу США в Гуантанамо, но смягчивший формы американского диктата. По словам американского историка, этот договор был недорогим жестом в сторону кубинского национализма, а события предшествующих месяцев показали, что американские интересы можно защитить при помощи более гибкой тактики. Той же цели служили предоставление кредитов, квоты на ввоз в США сахара и заключенный в том же году новый торговый договор, который один из американских дельцов в порыве откровения назвал «шагом в направлении здоровой колониальной политики»¹¹.

Целый год остров находился на военном положении. Тем не менее в марте 1935 г. вспыхнула новая всеобщая забастовка. Батиста пустил в ход всю военную машину. Народное движение беспощадно подавили¹². Только в начале 1936 г. на Кубе состоялись неоднократно откладывавшиеся выборы нового конгресса и президента. Они принесли победу М. Гомесу, поддержанному Батистой и Кэффери, которым он показался сговорчивым человеком. Однако честолюбивый начальник штаба армии сам подумывал о президентском кресле и готовил почву для выдвижения своей кандидатуры на предстоящих в 1940 г. выборах. Заигрывая с массами, Батиста объявил о существующих у него планах реформ, строительстве школ для сельских детей, предоставлении пенсий старикам, осуществлении общественных работ для борьбы с безработицей. В декабре 1936 г. он добился смещения конгрессом Гомеса, а вице-президент Ф. Ларедо Бру, ставший новым главой государства, столь безоговорочно подчинялся Батисте, что даже в американском пособии для колледжей был назван «марионеточным президентом»¹³.

Конгресс Кубы принял закон о введении с 1940 г. новой конституции и созыве Учредительного собрания. Мечтая о кресле президента, Батиста летом 1937 г. выдвинул трехлетний «План экономической и социальной реконструкции Кубы». К той поре он в глазах Вашингтона стал символом стабильности на острове. В свою очередь, полковник сделал поворот в сторону демократизации политической жизни на острове и во время Мюнхенского кризиса 1938 г. заявил, что в случае войны Куба окажется на стороне США. В ноябре 1938 г. его пригласили в гости к начальнику штаба американской армии генералу М. Крейгу. Батиста провел важные переговоры в госдепартаменте и беседовал с Рузвельтом об обороне Западного полушария ¹⁴.

Вашингтон подчеркнул свое доверие бывшему сержанту и поддержал его замыслы в отношении президентского поста. Теперь Батиста в своих выступлениях говорил, что стремится к прогрессивной демократии, критиковал политику фашистских держав, осуждал расовую дискриминацию, провозгласил союз рабочих, крестьян и солдат основой свободы Кубы, легализовал ряд оппозиционных партий, включая компартию. Государственная власть на острове приобретала более цивилизованный вид. Были образованы Конфедерация трудящихся Кубы и Национальная крестьянская федерация.

6 декабря 1939 г. Батиста, уйдя в отставку с поста начальника штаба армии, выставил свою кандидатуру в президенты. Оппозиционный блок назвал кандидатом Грау Сан-Мартина. Предвыборная платформа Батисты включала почти все пункты выдвинутого им еще в 1937 г., но затем отложенного трехлетнего плана и обещала различные социальные реформы, укрепление суверенитета страны. «Капитал,— заявил он,— не должен бояться какого-либо уничтожения собственности, но если он не желает уважать права и требования народа, результатом этого явятся беспорядки, которые нанесут ущерб ему же». На состоявшихся в июле 1940 г. выборах Батиста одержал победу, а 10 октября принес присягу в качестве президента. В тот же день вступила в силу принятая 1 июля 1940 г. наиболее прогрессивная в то время во всем Западном полушарии конституция Кубы ¹⁵. Созыв Учредительного собрания и принятие демократической конституции, закреплявшей завоевания трудящихся, стали крупным поражением реакции и победой народа.

7 декабря 1941 г., после нападения японцев на Пёрл-Харбор, США вступили во вторую мировую войну, и 9 декабря Куба объявила войну Японии, а 11 декабря — Германии и Италии. Островная экономика в годы войны переживала подъем. В несколько раз выросла добыча никелевой, марганцевой и хромовой руд, вывозимых в США, увеличился и спрос на кубинский сахар, причем система импортных квот на него в США была отменена ¹⁶. Созданное Батистой коалиционное правительство соблюдало элементарные буржуазно-демократические свободы, проводило либеральную политику, приняло ряд законов в развитие статей конституции о правах трудящихся и более прогрессивное положение о выборах. В стране окрепло профсоюзное и в целом демократическое движение, коммунисты получили посты вице-премьера и министра без портфеля.

Попытка реакционных, профашистских элементов организовать военный переворот и свергнуть коалиционное правительство была подавлена Батистой. В то же время он не стеснялся использовать свое положение для обогащения и сам произвел себя в генералы. Это припомнила ему в политической борьбе оппозиция, а прежде всего возглавляемая Грау Кубинская революционная партия (КРП). В месяцы подготовки к выборам 1944 г. она возглавила оппозиционный блок. Кандидатом от правительственного блока в президенты был премьер-министр Карлос Саладригас ¹⁷. Батиста согласно конституции 1940 г. мог выдвинуть свою кандидатуру в президенты лишь спустя 8 лет, поэтому собирался вновь возглавить штаб армии. Накануне выборов он заявил: «Ухожу еще молодым, хочу жить на своей родине... пользуясь уважением всего моего народа. Тем, кто сомневается, я говорю, чтоб они спросили себя сами в глубине души своей, возможно ли, чтобы я в материально-политических или каких-либо иных целях выиграл, прибегая к силе, за или против какого-либо кандидата?» ¹⁸.

Широкие массы поверили лидерам КРП — их обещаниям обеспечить всех работой, расширить демократические свободы, добиться полной независимости Кубы и «завершить программу, прерванную 15 января 1934 года». На выборах 1 июня 1944 г. оппозиционный блок получил большинство голосов. Грау Сан-Мартина избрали президентом. Американская пресса объявила выборы 1944 г.

самыми честными в истории Кубы и открыто писала, что это целиком заслуга Батисты, «уважающего волю народа и выполнившего свое обещание не вмешиваться в ход выборов»¹⁹. Посол США в Гаване посетил Грау, поздравил его с победой. А когда через несколько дней после выборов посольству стало известно, что группа офицеров организовала заговор с целью сохранить у власти Батисту, посол предупредил их, что США могут заблокировать остров. 3 июня Рузвельт пригласил Грау посетить Вашингтон.

Правительство Грау в 1945 г. приняло ряд декретов, отвечавших интересам трудящихся: была повышена зарплата рабочим сахарных заводов и плантаций, запрещены сгон крестьян с земли, повышение квартплаты и выселение съемщиков квартир, лишены постов офицеры, связанные с прежним режимом. Батиста, предпочтя покинуть Кубу, обосновался во Флориде с новой супругой. Но с началом «холодной войны» правительство КРП резко поправило и развернуло репрессии против демократических сил. В результате накануне президентских и парламентских выборов летом 1948 г. произошел раскол КРП: ее левое крыло — «ортодоксы» во главе с Э. Чибасом — основало Партию кубинского народа (ПКН). Тем не менее президентом стал кандидат от КРП К. Прио Сокаррас. По списку либеральной партии в сенат был избран Батиста, а его брата Панчина избрали губернатором провинции Гавана.

Ранее Грау Сан-Мартин делал буквально все, чтобы помешать Батисте вернуться на Кубу, и пытался даже возбудить уголовное дело против него. Теперь, став сенатором, Батиста смог вернуться и начал активную деятельность, восстановил старые связи и вскоре основал партию Объединенное прогрессивное действие (ОПД). Заигрывая с демократическими кругами Латинской Америки, он объявил себя сторонником движения в защиту мира и даже заявил члену Всемирного совета мира П. Неруде о тяжелых обидах, нанесенных ему, о личных оскорблениях со стороны власть имущих североамериканцев.

В конце 40-х годов экономика Кубы вновь оказалась в кризисном состоянии, что в первую очередь отразилось на положении трудящихся. Чтобы ослабить их протест, правительство Прио Сокарраса продолжало репрессии. В то же время оно в ноябре 1951 г., вопреки нажиму Вашингтона, отказалось от посылки кубинских войск для участия в Корейской войне. Правление КРП длилось уже семь лет, и его неудачи породили разочарование в массах. Ослабил КРП и новый раскол на приверженцев Грау и Сокарраса. Зато быстро возросло влияние «ортодоксов» — ПКН. Батиста в свою очередь добился роста влияния ОПД. Но стало ясно, что он не сумеет соперничать с кандидатом ПКН на очередных выборах, и с помощью определенных кругов в Вашингтоне, а также старых связей в армии начал готовиться к захвату власти в Гаване. Не случайно уже в сентябре 1951 г. хорошо осведомленный корреспондент американского агентства Скриппс-Говард писал: «Наиболее здравомыслящие кубинцы считают, что решением вопроса может быть государственный переворот, который поставил бы у власти военных во главе с сильной личностью, такой, например, как Батиста»²⁰.

Правда, правительство Прио Сокарраса приняло некоторые меры предосторожности, но дни его были сочтены. 7 марта 1952 г. после отставки ряда министров было объявлено, что новое правительство будет сформировано 10 марта. Тем временем, 9 марта участвовавшие в заговоре офицеры в военном городке Колумбия получили условное сообщение: «Четыре Колумбия десятое марта», означавшее место и время переворота. За час до его начала в военном городке появились автомашины. Из них вышла группа лиц во главе с одетым в спортивную рубашку невысоким коренастым человеком со скуластым лицом. Это был Батиста. Он обратился к солдатам с призывом подняться на «революцию ради спасения родины от политиканов и жуликов». Заговорщики быстро овладели военным городком, фортом Ла Кабанья, полицейским управлением и приступили к захвату почты, телеграфа, административных учреждений, аэропорта. Отряд солдат был послан в провинцию Камагуэй.

Большинство гражданских и военных властей на местах сохраняли верность правительству. Но ни Прио Сокаррас, бежавший из президентского дворца, ни лидеры буржуазных партий не попытались организовать сопротивление, и вскоре почти все вооруженные силы перешли на сторону заговорщиков. А сам президент, нашедший убежище в мексиканском посольстве, повел переговоры с Батистой о возвращении ему сейфа с деньгами и драгоценностями, брошенного во дворце.

Получив сейф со всем содержимым, он тотчас покинул Кубу²¹. Что касается народных масс, то они помнили, что дал им в годы войны «президент-демократ» Батиста, и спокойно отнеслись к перевороту. Был удовлетворен и Вашингтон.

Сформировав правительство и приняв на себя функции его главы, Батиста обратился к народу с заявлением, в котором говорилось: «Вместо бойни я предлагаю мир, вместо крови — любовь, вместо лжи — искренность». Он обещал «безопасность», «справедливые и честные выборы», соблюдение всех заключенных Кубой договоров, защиту иностранных капиталовложений. 21 марта его правительство фактически прекратило дипломатические отношения с СССР. В апреле Батиста провозгласил себя «временным президентом». Конгресс был заменен Консультативным советом, назначены новые губернаторы провинций и мэры, конституцию 1940 г. заменили Конституционным статутом, наделявшим главу государства диктаторскими полномочиями, президентские выборы с 1952 г. перенесли на 1953 г., затем на 1954 год.

Воспользовавшись тем, что в июле 1953 г. группа революционной молодежи во главе с Ф. Кастро попыталась овладеть в г. Сантьяго-де-Куба казармами Монкада, Батиста добился принятия жестких законов о «безопасности и общественном порядке», «запрещении коммунистической деятельности», усилил систему сыскных и карательных органов. Еще большим влиянием в стране стало пользоваться посольство США. Перед президентскими выборами 1954 г. давний соперник Батисты Грау Сан-Мартин вынужден был снять свою кандидатуру. И хотя в выборах единственного кандидата — Батисты — участвовало лишь 30% избирателей, он становится президентом. Новый посол США в Гаване А. Гарднер объявил выборы «действительными и честными» и поздравил Батисту с победой²². В феврале 1955 г. Батиста заявил о восстановлении конституции 1940 г., в мае — о всеобщей амнистии и освободил, в частности, участников штурма Монкады.

В апреле 1959 г. в беседе с корреспондентом американской газеты «Daily Mirror» Батиста заявил: «Я порвал отношения с Россией, как вы того от меня хотели. Я запретил коммунистическую партию». В ООН и Организации американских государств кубинская дипломатия следовала в фарватере вашингтонской. Были установлены тесные отношения с диктаторскими режимами Сомосы в Никарагуа, Трухильо в Доминиканской республике, Одриа в Перу, устранены все преграды для иностранных вкладчиков капитала. К 1958 г. американцам принадлежали сентралы, производившие около 40% продукции сахара-сырца; такие компании, как «Кьюбэн атлантис шугар», владевшая 248 тыс. га земли на острове, «Кьюбэн американ шугар» (146 тыс. га), «Америкэн рифайнинг шугар» (137 тыс. га), «Юнайтед фрут» (109 тыс. га), были довольны приходом Батисты к власти²³.

Если в 1946 г. прямые частные инвестиции США составляли на Кубе 533 млн. долл., а в 1950 г. — 646 млн., то в 1958 г. они достигли 1 млрд. долларов²⁴. Американцы считали, что Батиста оказывает на свою страну стабилизирующее влияние. Посетивший Кубу в 1954 г. вице-президент США Р. Никсон назвал Батисту надежным «защитником принципов свободы и демократии», посол Гарднер считал Батисту единственным честным человеком «из всех правителей Кубы»²⁵.

Но, как и в годы войны, бывший сержант не забывал о своем кармане. За предоставление концессий или разрешение на создание новых компаний он получал 50% акций и сам стал акционером 40 компаний. За повышение тарифов телефонной компании ему преподнесли 3 млн. долл. и в подарок литой из золота телефонный аппарат. Другая фирма подарила ему серебряный ночной горшок. Проценты от различных сделок рекой текли в его сейфы. Диктатор стал столь богатым, что даже некоторые миллионеры, бывая у него в гостях, чувствовали себя смущенно при виде окружавшей его роскоши. Точная цифра его состояния неизвестна по сей день. Тем не менее местная белая элита презирала его как выходца из народа и в частных беседах именовала нового президента «этот негр»²⁶.

Между тем американские товары душили национальную промышленность. Коррупция привела к тому, что долг страны вырос в 5 раз. С каждым годом росла безработица. Зарплата рабочих сократилась на 25%. Пышно расцвели игорные дома и проституция. Характеризуя в интервью французскому журналисту Ж. Даниэлю политику США на Кубе в 50-х годах, президент Дж. Кеннеди сказал: «Думаю, что во всем мире не найдется страны, включая все районы Африки, включая любую страну, находящуюся под колониальным господством, где бы экономическая колонизация,

унижения и эксплуатация были ужаснее, чем все то, что перенесла Куба в результате политики моей страны при режиме Батисты... В известной мере Батиста как бы унаследовал некоторые грехи Соединенных Штатов. Теперь нам приходится расплачиваться за них»²⁷. Обнищание масс вызывало все большее недовольство.

Батиста правил, опираясь на кастовую армию, руководимую реакционным офицерством, и на полицейско-бюрократический аппарат, а в числе его личных телохранителей был небезызвестный гаванский гангстер Э. Венерео. Репрессии на острове приняли такие масштабы, что, по выражению одной из газет, Куба напоминала «тюремный лагерь, где штыки приставлены к горлу граждан». Список замученных насмерть за годы его правления насчитывал около 20 тыс. человек.

В ночь на 2 декабря 1956 г. к побережью провинции Ориенте подошла шхуна «Гранма», с которой высадились 82 кубинца, прибывших из Мексики, чтобы поднять восстание против режима Батисты. Они попали в засаду, и лишь двум десяткам из них удалось уйти в горы от преследования. К ним вскоре начали стекаться крестьяне близлежащих районов, составив ядро повстанческого движения, постепенно набравшего силы и получившего поддержку многих слоев населения. «Вызывает тревогу тот факт,— сообщила уже в конце февраля 1957 г. «New York Times»,— что оппозиция настроена антиамерикански. По мнению представителей оппозиции, поддержка, оказываемая Батисте Вашингтоном, особенно усложняет проблему. Американский посол публично выступает за генерала Батисту. Поддерживают его и вкладчики капитала. Продажа кубинскому правительству американского оружия вызвала резкую критику на Кубе и в других латиноамериканских странах. Все кубинцы расценивают этот факт как стремление Соединенных Штатов укрепить режим Батисты в ущерб кубинскому народу»²⁸.

Критика действий посла США Гарднера привела к замене его в мае 1957 г. Э. Смитом, получившим инструкции, воздерживаясь от открытой поддержки Батисты, попытаться спасти его от краха либо вовремя найти ему замену. С помощью американского оружия в сентябре 1957 г. Батисте удалось быстро подавить восстание гарнизона военно-морской базы в Сьенфуэгосе. А в мае 1958 г. он бросил против повстанцев в горах Сьерра-Маэстра 11 тыс. солдат, однако потерпел поражение, которое ускорило складывание единого фронта сил, оппозиционных Батисте. Расчеты добиться передышки и переломить ход событий организацией в ноябре 1958 г. очередных выборов тоже не принесли политического успеха, поскольку повстанческие отряды продолжали активно действовать в четырех из шести провинций острова. В армии Батисты началось разложение, тысячи ее солдат дезертировали или переходили на сторону повстанцев.

Смит и прибывший в Гавану американский дипломат У. Паули убеждали Батисту добровольно покинуть Кубу. Он и сам готовился к этому: основная часть его капиталов и ценностей уже была переведена в швейцарские банки, а на аэродроме военного городка Колумбия второй месяц стоял наготове самолет «дакота». Чтобы быть к нему поближе, Батиста перебрался на охраняемую отборными телохранителями загородную виллу Кукине неподалеку от аэродрома, а также повел тайные переговоры через своих премьер-министра и министра труда о подготовке в Доминиканской республике убежища для себя. Под предлогом встречи Нового года в Нью-Йорк вывезли двух его младших сыновей.

Между тем отряды повстанцев подходили к столице. В ночь под 1959 год Батиста с женой и ближайшими приспешниками улетел в Доминиканскую республику, бросив почти все личные вещи и даже киноплёнки, фиксировавшие его любовные похождения. Утром Нового года несколько самолетов с Кубы приземлились также в Новом Орлеане и во Флориде. В них находилось несколько сот высокопоставленных беженцев из Гаваны, включая старшего сына диктатора. 2 января передовые части Повстанческой армии вступили в Гавану.

У хозяина Доминиканской республики Р. Трухильо вместе с Батистой укрылись более 100 его приспешников. Но после того, как вскоре бывший сержант бросил почти всех их на произвол судьбы, они вынесли ему смертный приговор. «Батиста,— заявил один из них,— привез сюда миллионы песо помимо тех сотен миллионов, которые поместил в иностранные банки еще до своего бегства. Он привез нас сюда нищими, а потом вообще бросил. Теперь он не дает нам даже на жизнь, в то время как сам с Гонсало Гёлом (премьер-министр последнего правительства при Батисте.— Э. Н.) роскошно живет в отеле Харагуа»; другой добавил: «Мы не будем

убивать его здесь. Это означало бы нарушение нашего обещания, данного генералиссимусу Трухильо. Но собака должна умереть, и она об этом знает»²⁹.

Доминиканские власти также намекали Батисте на нежелательность его пребывания в стране. Поэтому он перебрался в Португалию, под защиту диктатора Салазара и с сентября 1959 г. жил на о. Мадейра, а затем — близ Лиссабона³⁰. Умер экс-президент Кубы в Испании, в августе 1973 года.

Примечания

1. TABARES del REAL J.A. La revolución del 30: sus dos últimos años. La Habana. 1971, pp. 251—258; THOMAS H. Cuba, or the Pursuit of Freedom. Lnd. 1971, pp. 631—635.
2. CHESTER E.A. A Sergeant Named Batista. N.Y. 1954, pp. 41—42; BATISTA F. Respuesta. Mexico. 1960, pp. 394—396.
3. VALLADARES ABREU A. La Universidad de la Habana en la revolución nacional. La Habana. 1944, rr. 27—31; Libro de Cuba. La Habana. 1954, p. 102.
4. DUBOIS J. Fidel Castro: Rebel-liberator or Dictator? Indianapolis. 1959, p. 12; Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers — 1933. Vol. 5. Washington. 1952, pp. 383, 388.
5. Foreign Relations — 1933. Vol. 5, pp. 379, 380, 382, 384—386, 392, 396, 398.
6. HULL C. Memoirs. Vol. 1. N.Y. 1948, p. 315; The Secret Diary of Harold L. Ikes: the First Thousands Days, 1933—1936. Vol. 1. N.Y. 1953, pp. 87, 92—93.
7. VALDES MIRANDA J. Cuba revolucionaria. La Habana. 1959, pp. 41—42; PHILLIPS R.H. Cuba, Island of Paradox. N.Y. 1959, pp. 81—82.
8. Foreign Relations — 1933. Vol. 5, pp. 451, 461—462, 472—473, 477—478, 500, 503, 505.
9. CHESTER E.A. Op. cit., p. 150.
10. Idib., pp. 156—157; Problems of the New Cuba. N.Y. 1935, pp. 185—186.
11. SMITH R. The United States and Cuba. N.Y. 1960, p. 157, 161.
12. Diario de la marina [La Habana], 7, 10, 15, 21. III. 1935; Nation, 27. III. 1935, p. 345.
13. SMITH R. Op. cit., p. 176; BATISTA F. Op. cit., pp. 410—412; WILLIAMS M. The Peoples and Politics of Latin America. Boston. 1938, p. 418.
14. WOOD B. The Making of the Good Neighbour Policy. N.Y. 1961, pp. 115—116; PHILLIPS R.H. Op. cit., pp. 183—184.
15. PHILLIPS R.H. Op. cit., pp. 185—189, 195—196; BATISTA F. Op. cit., p. 412.
16. Investment in Cuba. Washington. 1956, p. 62; Report on Cuba. Baltimor — Lnd. 1951, pp. 729, 799, 801, 982, 986—987, 997—998.
17. LE REVEREND J. La República: dependencia y revolución. La Habana. 1966, pp. 324—326, 328; CHESTER E.A. Op. cit., pp. 182—183.
18. Цит. по: ГРИНЕВИЧ Э. А. Страницы истории Кубы (1939—1952 гг.). М. 1964, с. 28.
19. CHESTER E.A. Op. cit., p. 201; FERGUSON E. Cuba. N.Y. 1964, p. 116.
20. Bohemia, 5.X.1954, p. 83; Fundamentos, № 122, V. 1952, p. 392.
21. CHESTER E.A. Op. cit., pp. 225—235; THOMAS H. Op. cit., pp. 777—786.
22. ГОНИОНСКИЙ С. А. Латинская Америка и США: 1939—1959. М. 1960, с. 326; El Popular, 25.VI.1957.
23. Daily Mirror, 9.IV.1959; Worker, 23.XII. 1956.
24. ЕФИМОВ А., АНЧИШКИН А. Куба планирует национальную экономику. М. 1963, с. 8.
25. Bohemia, 1957, № 10, p. 55.
26. MONTANER C.A. Informe secreto sobre Revolución Cubana. Madrid. 1976, pp. 13—14.
27. New York Times, 11. XII. 1963.
28. Ibid., 25.II. 1957.
29. Bohemia, 1959, № 10, p. 104; THOMAS H. Op. cit., p. 1027.
30. CRASSWELLER R.D. The Life and Times of a Caribbean Dictator. N.Y. 1966, pp. 344—345.

М. В. Довнар-Запольский: историк и общественный деятель

С. И. Михальченко

Одним из еще остающихся в тени русских историков является Митрофан Викторович Довнар-Запольский. Широко был диапазон его творческих устремлений: в его научном наследии более 200 публикаций по истории России и Белоруссии, этнографии и фольклористике¹. Между тем историографическому исследованию были подвергнуты лишь некоторые его работы, нет до сих пор и полной характеристики ученого.

Довнар-Запольский родился 2 июня 1867 г. в г. Речице Минской губернии в семье столоначальника Речицкого уездного полицейского управления². Отцу его, Виктору Мартиновичу, хотя и было пожаловано потомственное дворянство, богатства и почестей оно не принесло. В начале 80-х годов XIX в. семья уезжает из России в Болгарию, где в Пловдиве жил старший его сын Петр. Однако поссорившись с ним, Виктор Мартинович покидает Болгарию, оставив там жену и двух дочерей и с 1884 г. снова проживает в Белоруссии, служа в Мозыре писцом у мирового судьи³.

Из-за переездов и материальной неустроенности семьи Митрофан вынужден был несколько раз менять место учебы. Поступив в 1879 г. в гимназию в Минске, он уже через год переводится в Мозырскую прогимназию. Успехи его были далеко не блестящи. Единственная отличная оценка в его табеле стояла по Закону Божьему (тем более парадоксальным выглядит замечание воспитателя в кондуитном списке: «В религиозном отношении требует особого наблюдения»⁴). В 1885 г. он переезжает в Киев, где был принят в 7 класс Первой мужской гимназии. Главным источником средств к существованию для него были уроки. Тогда же появляются и первые печатные работы Довнар-Запольского. Трудно выяснить, что заставило его публиковать небольшие заметки о жизни Мозыря и Киева в киевской «Заре», петербургском «Еженедельном обозрении» и «Випенском вестнике» — действительный ли интерес к народной жизни или стесненность в средствах. Так или иначе, но в 1887 г. он был уже автором около 10 статей.

28 февраля 1888 г. на квартире, снимаемой Довнар-Запольским, инспектором гимназии была обнаружена запрещенная к распространению литература — издания украинского демократа М. Драгоманова, письмо Н. И. Костомарова А. И. Герцену, поэма Т. Шевченко «Мария». Ретивый инспектор отнес к подозрительной литературе даже речь Цицерона и программу по статистике⁵. Время было тревожное, выступления народолюбцев заставляли власти предержащие смотреть на подобные события через лупу, и брошюры, купленные в Болгарии, где Митрофан был в гостях у матери, явились поводом для исключения его из гимназии за два месяца до выпускных экзаменов.

Михальченко Сергей Иванович — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры отечественной истории Брянского государственного педагогического института им. акад. И. Г. Петровского.

В этой ситуации ему помогли завязавшиеся к тому времени журналистские знакомства — Довнар-Запольский продолжает публиковать статьи в периодической печати. Эти статьи все больше приобретают характер этнографических исследований. Белорусская этнография переживала в то время пору становления. Главной ценностью этнографических публикаций Довнар-Запольского было то, что основное большинство их имело исследовательский характер, в отличие от изданий других авторов, которые занимались только печатанием не обработанных в научном отношении материалов.

Только через год, в 1889 г., Довнар-Запольскому удалось получить разрешение на сдачу экзаменов за гимназический курс экстерном. Наконец, перед ним открылись двери в университет. Несмотря на отговоры отца («Да мало ли есть хороших должностей и с хорошим содержанием, вот и жил бы припеваючи, исполняя свои обязанности»⁶), Довнар-Запольский поступил в том же году на историко-филологический факультет Киевского университета, причем отцу удалось добиться освобождения сына от уплаты за обучение.

В 80—90-е годы XIX в. на историко-филологическом факультете Киевского университета преподавали такие ученые, как В. Б. Антонович, В. С. Иконников, И. С. Луцицкий. Интерес Довнар-Запольского к истории и этнографии белорусов привел его на кафедру русской истории, где его учителем стал Антонович. Прославившийся своими исследованиями и архивными публикациями по истории Великого княжества Литовского и Украины (в том числе казачества), Антонович был незаурядным педагогом. В 80—90-е годы XIX в. его учениками были А. М. Андрияшев, Д. И. Багалей, М. С. Грушевский, В. Г. Ляскоронский и другие известные историки. Общие принципы в выборе тем и методологии исследований позволили назвать сформированную Антоновичем школу областнической: многочисленные публикации его учеников касались прежде всего истории и географии различных областей Древнерусского государства.

Не остался в стороне от этой работы и Довнар-Запольский. Его интерес к Белоруссии и имевшийся уже определенный опыт ее изучения predetermined выбор темы: ею стала история кривичей и дреговичей, двух племен, населявших ранее территорию Белоруссии. Опубликованное вначале в виде отдельных географического и исторического очерков, а затем (в дополненном виде) отдельной книгой⁷, исследование Довнар-Запольского (как и его газетные статьи) было подчинено, по его собственному признанию, доказательству «исконной государственной обособленности белорусского народа, его отличия от других славянских народов и его права на самостоятельное существование».

Теоретическая деятельность Довнар-Запольского в области белорусоведения постепенно начала сочетаться с практической его работой по просвещению населения Северо-Западного края (так называли тогда Белоруссию). В начале 90-х годов XIX в. он подготовил программу сбора этнографических материалов и привлек к этому делу учителей Минской губернии. Своему другу Е. А. Ляцкому он говорил, что в научной деятельности надо равняться на таких исследователей, как П. Шафарик, В. Караджич, Н. Костомаров, поскольку они не ограничились «чистой» наукой, применяя полученные знания в области просвещения своих народов⁸.

Не случайной поэтому была идея об организации белорусского кружка Довнар-Запольского. Цель его состояла «в печатании и распространении книг на белорусском языке или относящихся к белорусской литературе». Кружок мыслился как всероссийское объединение с центром в Киеве⁹. Но реализация этой идеи успеха не имела. Согласившийся было участвовать, Ляцкий смог привлечь к сотрудничеству лишь несколько человек и в письме от 26 мая 1894 г. с горечью писал Довнар-Запольскому: «До нашей милой Белоруссии здесь (в Петербурге.— С. М.) никому и дела нет. Для общества Белоруссия некая еврейско-польская страна или «quelque chose dans ce genre»¹⁰. Разочарованный неудачей, Довнар-Запольский писал Ляцкому: «Я всегда стремился к изучению истории. Вижу, что этнография обойдется и без меня. Кончу сборник («Белорусское Полесье». Киев. 1895.— С. М.) и весь вхожу в акты наши — буду заниматься историей землевладения — любимая моя мечта»¹¹.

При окончании университета в 1894 г. Довнар-Запольский получил блестящий отзыв председателя экзаменационной комиссии Ф. Зелинского («обладает редкостным для его возраста объемом познаний, замечательным трудолюбием и выдающимися природными дарованиями») ¹². Однако, хотя он «в годы обучения в университете ни в чем предосудительном замечен не был», ему припомнили события 1888 г., и решение об оставлении при кафедре затягивалось. Его удалось получить лишь с помощью Антоновича. Научные интересы влекли молодого историка в Москву: там, в Московском архиве Министерства юстиции, хранилось множество источников по истории землевладения Белоруссии, в том числе один из наиболее важных — Метрика Литовская. С 1895 г. Довнар-Запольский жил в Москве, где работал

в частных женских гимназиях преподавателем истории и в МАМЮ старшим помощником архивариуса по Метрике Литовской¹³. Определилась и тема магистерской диссертации — «Финансовое хозяйство Литовско-Русского государства».

Как и в Киеве, в Москве Довнар-Запольский развил бурную общественную деятельность. В 1896 г. он предложил организовать Археографическую комиссию при Московском археологическом обществе (МАО). Став затем ее секретарем, он на протяжении пяти лет (до переезда в Киев) фактически руководил деятельностью комиссии, вел переписку с археографами и губернскими комиссиями по выявлению новых документов, издал несколько томов архивных материалов¹⁴. В 1899—1901 гг. Довнар-Запольский вел также занятия в качестве приват-доцента в Московском университете, где читал курс лекций об эпохе Александра I и вел практические занятия по истории народного хозяйства XVII века.

Как отмечала позднее ученица Митрофана Викторовича Н. Д. Полонская-Василенко, популярность его лекций обратила на него внимание Л. Н. Толстого. Писатель работал тогда над романом «Декабристы» и обратился к ученому за советом. А когда в 1900 г. встал вопрос об издании в толстовском духе еженедельного журнала «Утро», его организаторы П. А. Буланже, И. И. Горбунов-Посадов и А. Н. Коншин предложили Довнар-Запольскому быть официальным редактором издания, Толстой решил сам редактировать литературный отдел журнала. 20 августа 1900 г. Буланже привез Довнар-Запольского в Ясную Поляну. Как вспоминал историк, «в нашей беседе вопрос об издании журнала играл большую роль. Меня очень стесняло обращение со мной великого писателя как с таким редактором, который должен давать указания сотрудникам, в том числе и самому Толстому»¹⁵. Однако из-за противодействия начальника Главного управления по делам печати князя Шаховского журнал так и не вышел¹⁶.

Несмотря на занятость, Довнар-Запольский осенью 1901 г. защитил диссертацию. Тема исследования была при этом значительно расширена, ибо к защите был представлен выпущенный в том же году труд о государственном хозяйстве Великого княжества Литовского при Ягеллонах¹⁷. Главной заслугой ученого стало обращение к истории экономики. Предшественники его в изучении темы (В. Б. Антонович, П. Д. Брянцев, Ф. И. Леонтович), как и современники (М. К. Любавский), освещали преимущественно политические стороны истории княжества. К концептуальным удачам Довнар-Запольского относился и показ преемственности в развитии Великого княжества Литовского и древнерусских княжеств.

После успешной защиты диссертации Довнар-Запольский был переведен приказом министра народного просвещения в Киевский университет, где прошел путь от приват-доцента до ординарного профессора, руководителя кафедры русской истории. Именно в Киеве, где историк работал без малого 20 лет, раскрылся его талант педагога. Он воспитал блестящую плеяду исследователей (А. М. Гневушев, Ф. Я. Клименко, Б. Г. Курц, Г. А. Максимович, В. А. Романовский, П. П. Смирнов, Е. Д. Сташевский, Ф. Н. Яницкий). Формой работы со студентами — наряду с лекциями и семинарами — Довнар-Запольский избрал историко-этнографический кружок, который действовал 14 лет (1903—1917). Общность методологии (экономический материализм), тематическое единство (изучение хозяйства отдельных территорий средневековой Руси) говорят о формировании им в Киевском университете школы российских историков, которая, будучи преемницей школы Антоновича, подняла на качественно новую ступень исследование русской истории.

Особую страницу в педагогической деятельности Митрофана Викторовича составляет Киевский коммерческий институт. В 1906 г. Довнар-Запольский открыл частные коммерческие курсы, преобразованные в 1907 г. в институт (окончательно права вуза были получены им в 1912 г.). Довнар-Запольский десять лет был руководителем института, который стал воплощением на практике его плана перестройки высшего экономического образования. Сутью его было соединение фундаментальности экономического образования с практической направленностью обучения. Для реализации этого принципа учебная программа института, имевшего два отделения, включала не только специальные предметы, но и курсы истории России, права, народного хозяйства, иностранных языков, в том числе, восточных. Для работы в институте были привлечены талантливые преподаватели — будущий украинский академик К. Г. Воблый, проф. Е. Д. Сташевский и др. Довнар-Запольский читал курс истории русского народного хозяйства. «Не в пример другим профессорам, нередко едва насчитывавшим десять-двенадцать слушателей (посещение лекций было необязательно) — директор института часто собирал полную аудиторию. Он, действительно, умел привлекать студентов. Особенно ему удавались лекции по крепостному праву. Здесь он иллюстрировал крепостной быт и крепостные нравы очень яркими фактами, и его слушали с неослабевающим интересом»¹⁸.

Киевский период стал вершиной деятельности Довнар-Запольского и как ученого. Именно в это время окончательно сформировались его методологические воззрения, появились и наиболее известные его труды. Его философия истории проделала к этому времени определенную эволюцию. Еще в студенческие годы познакомившись с марксизмом, он, как и большинство других «легальных марксистов», горячо принял лишь экономическую сторону этого учения. Открыто называя себя марксистом, он подчеркивал, что «общий взгляд на историческую науку выдвинул на первый план вопросы экономики»¹⁹. Но более обоснованной тогда ему представлялась общая платформа школы Антоновича — позитивистская концепция, согласно которой общество развивалось под воздействием нескольких равнозначных факторов. «Никто не отрицает взаимодействия материальных и идеалистических факторов,— писал Довнар-Запольский в 1901 г.,— но отправляясь от первых, надо искать именно взаимодействия, а не априорно устанавливать исключительное господство последних»²⁰. Итогом его рассуждений стало заявление о том, что «в настоящее время было бы ошибочно полагать, что формула исторического процесса, как она вылилась в учении Маркса, Энгельса и их последователей, является вполне обоснованной... Это обоснование пока не сделано удовлетворительно, следовательно, конечная фигура прогресса ждет своего разрешения»²¹.

По мере продолжения исследований в области истории хозяйства, по мере углубленного изучения различных экономических теорий (П. Маслова, В. Зомбарта, Г. Шульца-Геверница), Довнар-Запольский постепенно изменял свои методологические принципы, акцентируя роль экономики в развитии общества. Уже в 1908 г. он видел «истинную первопричину общественных интересов в факторах экономических, на фоне которых выделяются классовые интересы»²², а в 1911 г. умеренно постулировал: «хозяйственное развитие является мощной движущей частью исторического процесса»²³. Все более поздние работы историка основывались на теории экономического материализма. Отношение же его к марксизму не изменилось. Он и в 1911 г. настаивал на том, что законы исторического развития «еще не открыты экономической наукой»²⁴. Признавая, что «значение материального фактора, как главного двигателя исторического процесса, впервые мощно выдвинули К. Маркс и его друг Энгельс»²⁵, Довнар-Запольский однако полагал, что Маркс основывал свою теорию на обмене, что в его концепции «обращение товаров поставлено на первый план». И лишь выработанные в будущем (!) законы покажут причинность развития «в изменении производственных сил страны»,— считал он²⁶.

Тематически работы Довнар-Запольского киевского периода относились прежде всего к русской истории. Он исследовал периоды и события, казавшиеся ему переломными: восторженно приняв манифест 17 октября 1905 г., он искал в прошлом прототипы переживаемых Россией революционных событий. Такими периодами борьбы нового со старым он считал XVI и XIX века.

XVI век определялся им не иначе, как «век ревизионизма», «радикальной перестройки государственного правосознания»²⁷, он пытался проводить некоторые параллели между Боярской думой и Государственной думой. Оригинальной была его трактовка опричнины: определяя ее смысл вслед за С. Ф. Платоновым как борьбу с порядком, а не с лицами²⁸, Довнар-Запольский характеризовал опричнину как явление, аналогичное западноевропейским процессам отделения личного двора государя от общегосударственных учреждений. Он усматривал похожие события во Франции — там домен Каролингов стал основой позднейшего государства. Но на Руси, по его мнению, была сделана попытка провести обратный процесс. Так как «деятели эпохи не считают государство царской вотчиной», то Грозный сделал попытку выделить царский домен из государственных владений. Но методы и приемы этого выделения (опричнина) были не лучшие, и к концу жизни Иван IV вынужден был вернуться к прежним порядкам совмещения управления двором и государством²⁹. Эта трактовка опричнины практически не получила затем развития в науке, а между тем попытка рассмотреть ее на фоне общеевропейского процесса представляет значительный интерес.

Постоянное внимание к экономике привело Довнар-Запольского и к изучению истории русского города XVI—XVII веков. Наполненные обширным фактическим материалом, статьи его по этой теме³⁰ вновь возбудили дискуссию о цеховом устройстве русского средневекового ремесла, начатую еще в середине XIX в.³¹, но затем затихшую из-за отсутствия новых источников. Найденные Довнар-Запольским архивные материалы позволили предположить существование напоминающей западноевропейские цехи корпорации серебряников в Москве. Развернувшаяся по этому поводу дискуссия продолжалась до 50-х годов XX века.

Значительное внимание уделил Довнар-Запольский XIX веку. Особенно он выделил первую его четверть. «Через всю александровскую эпоху красной нитью проходит

стремление общества к постановке вопроса о политических правах, и делаются попытки к их осуществлению», — обосновывал он свой интерес к этому периоду истории России³². Ученый уделил пристальное внимание также общественно-политической мысли и общественным движениям того времени³³. Закономерным и логичным поэтому выглядит его интерес к движению декабристов, корни которого он усматривал в российской действительности, а не в заимствованиях с Запада. Носившие черты поспешности, работы Довнар-Запольского о декабристах были — наряду с трудами П. Е. Щеголева и В. И. Семевского — ценны привлечением ранее мало использовавшегося архивного материала³⁴. После революции 1905—1907 гг. наступившая реакция не позволила ученому завершить тогда публикацию цикла работ о декабристах: его заключительная часть — «Декабрьская революция 1825 года» — вышла только в 1917 году³⁵.

В киевский же период Довнар-Запольским была окончательно сформулирована и общая концепция истории России³⁶. Она основывалась на признании доминирующим географического фактора, полагал ученый, «экономический быт каждого народа в первичной стадии своего развития определяется природой страны». Особенности же ее географического положения приводили к тому, что «русский славянин предпочитал лесные и водные промыслы трудовой заботе земледельца» и поэтому «все направление древнерусской жизни было проникнуто интересами, связанными с торговлей». Необходимость постоянной торговли приводила, по Довнар-Запольскому, к почти полному отсутствию земледелия («земледельческие продукты при тогдашних путях сообщения не могли служить предметом торговли») и, наоборот, к преобладающему развитию бортничества и добычи пушного зверя, так как именно продукты этих промыслов были основными в русском вывозе. Широта торговли внешней (с арабами, Византией, затем с Ганзой) не могла не привести, полагал он, и к широте внутреннего обмена. Среди доказательств, приводимых Довнар-Запольским в подтверждение этого тезиса, например, тот факт, что о «своде» (поиске преступника) в древней Руси, по свидетельству «Русской Правды», объявляли на торге, следовательно, торги были частым явлением, а поэтому и сама торговля была весьма развита. Это в свою очередь обуславливало рост городов и запустение сел. «Вся жизнь сосредоточивалась в городах», — утверждал Довнар-Запольский.

Первый период истории Руси закончился, по его мнению, примерно в XII в. в связи с истощением природных благ на юге, потерей восточного рынка, а также из-за уменьшения потребностей западного рынка в основных продуктах обмена, представляемых ею. Наступил, по терминологии Довнар-Запольского, почти «ойкосный» (замкнутый) период в истории страны. Жизнь переносится на северо-восток, и ввиду отсутствия средств к существованию «верхи» общества вынуждены начать прикрепление крестьян. Начинает широко развиваться земледелие, и из торговой Русь превратилась в земледельческую, что в политической жизни совпадает с «удельным» периодом³⁷. «Ойкосный» этап в жизни страны продолжался до второй половины XVI в., когда хозяйственный кризис привел к нарушению замкнутости. На этот раз кризису было подвержено земледелие, а не торговля. Резкое уменьшение запашки привело, во-первых, вновь к развитию торговли, а во-вторых, к новому туру закрепощения крестьян, поскольку предметами вывоза теперь постепенно становятся земледельческие продукты. Эти же тенденции прослеживаются вплоть до конца XVIII в., когда хлеб окончательно занимает доминирующее положение в структуре экспорта и начинается постепенный переход к капитализму³⁸.

Таким образом, концепция истории России Довнар-Запольского сводилась к смене периодов торговли и натурального («ойкосного») хозяйства. Политическая история играла в этой концепции подчиненную роль. Влияние на ее выработку оказали геосоциологическая доктрина С. М. Соловьева — В. О. Ключевского и теория торгового капитализма М. Н. Покровского. Построения Довнар-Запольского были, конечно, замечены научными кругами, однако удаленность их автора от Москвы и Петербурга и публикация некоторых его работ в научно-популярных изданиях помешали этой концепции занять подобающее место среди других научных теорий.

Довнар-Запольский в киевский период весьма популярен: он читает множество публичных лекций, участвует в работе различных общественных организаций. Он не пропускает гастролей Московского Художественного театра или Айседоры Дункан³⁹, знакомится с Осипом Мандельштамом⁴⁰. Бунтарские «грехи молодости» забывались, существующий «конституционный» строй его, пожалуй, удовлетворял. Политическое «поправление» Довнар-Запольского выразилось особенно в годы первой мировой войны: германофобские выступления с призывами отказаться от изучения немецкого языка в гимназиях и активное неприятие революционных организаций в Коммерческом институте начинают нередко приводить к «кошачьим концертам» и иным формам обструкции со стороны студентов⁴¹.

Репутации Довнар-Запольского повредило также разразившееся в 1916 г. «дело Сташевского». Ученик и к тому времени коллега по преподаванию в Коммерческом институте профессор Е. Д. Сташевский за несколько лет работы в Главном архиве МИД и в МАМЮ похитил ряд ценных документов. Материалы «дела», сразу же завершенного (так как Сташевский вернул документы), просочились в печать. Пресса потребовала от Довнар-Запольского порицания Сташевского⁴². Тяжело перенесший происшествие, Довнар-Запольский порвал отношения со Сташевским⁴³. А 20 марта 1917 г., еще успев отправить поздравительную телеграмму М. В. Родзянко из-за конфликта с коллегами, получил отставку с поста директора Коммерческого института⁴⁴.

Путь Довнар-Запольского в послеоктябрьский период был логичен для общественного деятеля с буржуазной платформой, белоруса по национальности: он стал активным участником национального буржуазного движения. После образования в марте 1918 г. Белорусской Народной Республики (БНР) со столицей в занятом немцами Минске Довнар-Запольский приветствовал ее восторженной статьей «Жребий брошен»⁴⁵. Он становится управляющим Белорусской торговой палатой в Киеве⁴⁶, вместе с А. Цвикичем ведет переговоры с Украинской Радой и представителем РСФСР на Украине Х. Раковским о взаимном признании⁴⁷. Однако БНР не спешили признать даже германские оккупационные власти, занявшие Белоруссию по условиям Брестского мирного договора.

Для мирового общественного мнения Довнар-Запольский к началу Версальской мирной конференции подготовил брошюру «Основы государственности Белоруссии», изданную в 1919 г. в Гродно, Вильно, и Париже на шести европейских языках, в том числе на белорусском — двумя изданиями⁴⁸. Концепция этой брошюры была изложена уже в статье «Жребий брошен»: Белоруссия стала независимым государственным образованием еще со времен феодальной раздробленности (Полоцкое, Турово-Пинское, Смоленское княжества), далее путь ее был тоже самостоятелен и если и связан с Россией, то не по желанию ее населения, а по принуждению (разделы речи Посполитой). Белоруссия — страна высокой и древней культуры, пик развития которой («золотой век») пришелся на XVI столетие, причем классовые различия были тогда здесь значительно меньшими, чем в Московской Руси. Но брошюра не выполнила своих политических задач.

Весь период гражданской войны Довнар-Запольский продолжал числиться профессором киевских вузов, но лекций почти не читал. Война разорвала его семью: оба сына погибли, сражаясь в рядах Красной Армии. Личная трагедия и неудачная политическая деятельность привели его к переосмыслению своих позиций: отказавшись от возможности эмигрировать Довнар-Запольский в 1920 г. покинул Киев и переехал в Харьков. Непродолжительный харьковский (до 1922 г.), а затем — бакинский периоды его жизни были наполнены напряженной работой в различных государственных учреждениях Украины и Азербайджана. Не оставляет он и преподавательской деятельности, являясь профессором Харьковских университета и института народного хозяйства, а затем проректором Азербайджанского университета и профессором Бакинского политехнического института.

Когда в Минске открылся Белорусский государственный университет (БГУ), по приглашению его ректора, бывшего своего ученика, В. И. Пичеты, Довнар-Запольский в 1925 г. приехал туда на работу. В октябре 1925 г. он начал чтение лекций по истории Белоруссии и истории белорусского народного хозяйства в БГУ. Не оставался он в стороне и от общественной деятельности: совместно с Д. И. Довгялло организовал, а затем стал председателем Археографической комиссии Историко-археологической секции Института белорусской культуры⁴⁹. Он сотрудничал также и в Госплане СССР.

Но главная цель его переезда в Минск — издание написанной им к началу 20-х годов «Истории Белоруссии» — оказалась нереализованной. Причиной этому послужили некоторые содержащиеся в работе оценки событий, расходившиеся с официальными. Здесь вновь сказалось неканоническое понимание Довнар-Запольским марксистской доктрины: он стоял за «внепартийный марксизм»⁵⁰. Он видел в Белоруссии прежде всего крестьянскую страну со слабо развитым рабочим классом, а поэтому считал главным содержанием дореволюционных классовых противоречий в ней борьбу «трудового крестьянства с нетрудовым землевладением». Отсюда следовало его заключение: «Настоящим победителем из революции вышел крестьянский трудовой класс, господствующий в стране по своей численности и по отбитым у буржуазии материальным благам... По внешней форме победившее революционное направление было рабочим, по существу настоящим революционером и настоящим победителем явился трудовой элемент деревни»⁵¹.

Категорически негативная критика «Истории Белоруссии» закончилась обвинением ее автора в признании диктатуры пролетариата «почти не существующей и, во всяком случае,

незаконной»⁵², Довнар-Запольский осенью 1926 г. переехал в Москву. Используя минский опыт работы в плановых органах, он поступает на службу в Мосгубплан; с ноября этого же года ведет занятия по экономической географии в Московском Институте народного хозяйства (МИНХ), а с октября 1927 г. является также профессором Тимирязевской сельскохозяйственной академии.

В 1928—1929 гг. Довнар-Запольский — действительный член Института истории РАНИИ-ОН. Он продолжает заниматься белорусской тематикой⁵³. В Минске 3 апреля 1929 г. состоялось торжественное заседание Отделения истории Белорусской АН, посвященное 45-летию его научной деятельности⁵⁴. В 1929 г. он получил персональную пенсию, но не собиравшись оставлять научные занятия. Но усилившаяся идеологизация науки все более сужала возможности для работы ученым старой школы. Прогрессившее в 1930 г. «академическое дело» в материалах которого промелькнула и фамилия Довнар-Запольского⁵⁵, и, в особенности, дело группы националистов-демократов («нацдемов») в Белоруссии свели на нет усилия Довнар-Запольского стать действительным членом АН СССР.

В 1930—1934 гг. практически все его работы подвергаются ожесточенной критике. Довнар-Запольского последовательно обвиняли в неонародничестве⁵⁶, национал-демократизме⁵⁷. А киевский профессор А. П. Оглоблин в своей статье школу Довнар-Запольского объявил школой «фашистского направления», а решительную борьбу с нею одной из главных задач советской исторической науки⁵⁸.

Спасло Довнар-Запольского от репрессий, по-видимому то, что он был уже оторван от Минска и Киева, где на него обрушивались больше всего.

Последние годы жизни Довнар-Запольский сотрудничал в НИИ пушно-мехового хозяйства Наркомата внешней торговли СССР, работая в области изучения промысловой кооперации и кустарных художественных промыслов. Жил он вместе с третьей женой Надеждой Маркиановной, преподавателем французского языка, у своей сестры Серафимы Листой. Скончался ученый 30 сентября 1934 г. от припадка «грудной жабы». Как вспоминала Н. Полонская-Василенко, он «умер, собираясь праздновать именины своей жены: лег на минутку отдохнуть на диван — и больше не встал»⁵⁹. Несмотря на краткий некролог в «Известиях» 2 октября, смерть его прошла настолько незамеченной, что до сих пор ни в одной энциклопедии нет ее точной даты! А в конце 30-х годов были репрессированы практически все (из оставшихся к тому времени в живых) ученики Довнар-Запольского по Киевскому университету.

Примечания

1. Библиографию работ Довнар-Запольского см.: Записки аддзелу гуманітарных навук Беларускай Акадэміі Навук, 1929, кн. 8, т. 3.
2. Российский Государственный исторический архив (РГИА), ф. 733, оп. 150, д. 1066, л. 108.
3. Государственный архив (ГА) Киева, ф. 108, оп. 93, д. 461, лл. 32об.—33.
4. Там же, л. 19.
5. Там же, лл. 36—36 об.
6. ЦГИА Украины, ф. 262, оп. 1, д. 158, лл. 2—2 об.
7. ДОВНАР-ЗАПОЛЬСКИЙ М. В. Очерк истории Кривичской и Дреговичской земель до конца XII столетия. Киев. 1891.
8. Рукописный отдел Института русской литературы РАН (РО ИРЛИ), ф. 163, оп. 2, д. 179, лл. 11—12.
9. Там же, лл. 36—37.
10. «Что-то в том же духе». ЦГИА Украины, ф. 262, оп. 1, д. 167, л. 29.
11. РО ИРЛИ, ф. 163, оп. 2, д. 179, лл. 13 об.—14.
12. РГИА, ф. 733, оп. 150, д. 1067, лл. 141—143 об.
13. Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф. 337, оп. 1, д. 955.
14. Документы Московского Архива Министерства юстиции. Т. 1. М. 1897; Акты Литовско-Русского государства. Вып. 1. М. 1899, и др.
15. Цит. по: ШОХОР-ТРОЦКИЙ К. С. Примечания. ТОЛСТОЙ Л. Н. Полн. собр. соч. Т. 54. М. 1935, с. 423.
16. ПАЛОНСКАЯ-ВАСИЛЕНКА Н. Даўнар-Запольскі: Зачемкі да біяграфіі.— Записы Беларускага Інстытуту навукі і мастацтва, т. II, № 1. Нью-Йорк, 1953, с. 17. КАРЯКИН В. Н. Московская охранка о Л. Н. Толстом и толстовцах.— Голос минувшего, 1918, № 4—6, с. 423.
17. ДОВНАР-ЗАПОЛЬСКИЙ М. В. Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах. Т. 1. Киев. 1901.
18. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ), ф. 218, Карт. 1270, д. 1, л. 37.
19. ДОВНАР-ЗАПОЛЬСКИЙ М. В. Государственное хозяйство Великого княжества Литовского, с. V.

20. Русская мысль, 1902, март, отд. 2, с. 135.
21. Там же, с. 186.
22. ДОВНАР-ЗАПОЛЬСКИЙ М. В. Из истории общественных течений в России. Киев. 1910, с. 22.
23. ДОВНАР-ЗАПОЛЬСКИЙ М. В. История русского народного хозяйства. Т. 1. Киев. 1911, с. 40.
24. Там же, с. 1.
25. ДОВНАР-ЗАПОЛЬСКИЙ М. В. Пособие по истории Московского периода. Киев. 1912, с. 22.
26. ДОВНАР-ЗАПОЛЬСКИЙ М. В. История русского народного хозяйства, с. 37.
27. ДОВНАР-ЗАПОЛЬСКИЙ М. В. Политические партии в России первой половины XVI века и власть Московского царя. В кн.: Русская история в очерках и статьях. Т. 2. М. 1910, с. 127.
28. ДОВНАР-ЗАПОЛЬСКИЙ М. В. Московские гуманисты и обскуранты XVI века. В кн.: Москва в ее прошлом и настоящем. Вып. II, ч. 1. М. Б.г., с. 56.
29. ДОВНАР-ЗАПОЛЬСКИЙ М. В. Время царя Ивана Грозного. В кн.: Русская история в очерках и статьях. Т. 2, с. 218—219. Статьи его в популярных изданиях почти не подвергались серьезному историографическому анализу.
30. ДОВНАР-ЗАПОЛЬСКИЙ М. В. Организация московских ремесленников в XVII в.— Журнал Министерства народного просвещения, 1910, сентябрь, отд. 2, с. 131—164; е г о ж е. Торговля и промышленность Москвы XVI—XVII вв. М. 1910; е г о ж е. Торговля и промышленность. В кн.: Русская история в очерках и статьях. Т. 3. Киев. 1912, с. 312—341.
31. См. ЛЕШКОВ В. Русский народ и государство. М. 1858, с. 366.
32. ДОВНАР-ЗАПОЛЬСКИЙ М. В. Из истории общественных течений, с. 6.
33. См. его статьи: «Эпоха императора Александра I»; «Зарождение министерств в России и указ о правах Сената 8 сентября 1802 г.»; «Политические идеалы М. М. Сперанского» (ДОВНАР-ЗАПОЛЬСКИЙ М. В. Из истории общественных течений). См. также: ДОВНАР-ЗАПОЛЬСКИЙ М. В. Крепостники в первой четверти XIX в. В кн.: Великая реформа. Т. II. СПб. 1911, с. 124.156; е г о ж е. Обзор новейшей русской истории. Т. 1. Киев. 1914.
34. ДОВНАР-ЗАПОЛЬСКИЙ М. В. Мемуары декабристов. Вып. 1. Киев. 1906; е г о ж е. Идеалы декабристов. М. 1907; е г о ж е. Тайное общество декабристов. М. 1907. Еще в 1902 г. он предложил издательству «Мир» издать книгу о декабристах (РГАЛИ. ф. 597, оп. 1, д. 115, л. 2).
35. Голос минувшего, 1917, № 7—8, с. 5—76.
36. В основном она нашла отражение в трудах «История русского народного хозяйства». Т. 1; «Обзор истории хозяйственной жизни России».— Академия коммерческих знаний. СПб.—Пг. 1914—1915, вып. 6, 7, 9. «История русского народного хозяйства» удостоилась нескольких рецензий, в том числе М. Н. Покровского. Довнар-Запольского возмутил тон рецензии (см. Голос минувшего, 1913, № 6). Обращаясь к редактору «Голоса минувшего» С. П. Мельгунову, он писал: «Я сам ожидал от г. Покровского более основательных возражений, и я поражен слабостью их и недостаточным знакомством с предметом. Зато, с другой стороны, я поражен резкостью тона, озлобленностью... это... какое-то сведение личных счетов. Мне почти не верят, что я с г. Покровским (кажется) даже не встречался. «Марксизм» здесь не при чем, ибо антимарксисты как раз меня упрекают в излишнем марксизме» (РГАЛИ, ф. 305, оп. 1, д. 600, л. 20 об.). Дискуссия между автором и рецензентом продолжалась в следующих номерах этого журнала (1913, №№ 10, 12).
37. Академия коммерческих знаний. Вып. 6, с. 167—174.
38. ДОВНАР-ЗАПОЛЬСКИЙ М. В. Крепостники в первой четверти XIX в., с. 124.
39. По свидетельству Д. Куманова (ОР РГБ, ф. 218, карт. 1270, д. 1, л. 40).
40. Как вспоминал Мандельштам, в годы гражданской войны «в Киеве профессор Довнар-Запольский подарил мне свою шубу, длинную, коричневую, с воротником из обезьяны. Чудесную профессорскую шубу и такую же шапку. Только шапка мне оказалась мала — голова у меня не по-профессорски большая и умная» (ОДОЕВЦЕВА И. На берегах Невы.— Звезда, 1988, № 3, с. 136).
41. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 102, оп. 245, д. 167, ч. 69, лл. 17—17 об.
42. РГАДА, ф. 337, оп. 1, д. 863.
43. ДОВНАР-ЗАПОЛЬСКИЙ М. В. Вынужденные разъяснения. Киев. 1919.
44. ГА Киева, ф. 153, оп. 1, д. 52, лл. 11 об.— 12; оп. 8, д. 1472, л. 17.
45. См. ЦВИКЕВИЧ А. Краткий очерк возникновения Белорусской Народной Республики. Киев. 1918, с. 2—3.
46. ЦГИА Украины, ф. 262, оп. 1, д. 202, л. 1.
47. ТУРУК Ф. Ф. Белорусское движение. М. 1921, с. 117—118.
48. ДАЎНАР-ЗАПОЛЬСКИ М. В. Асновы дзяржаўнасці Беларусі. Гродна. 1919; Выд. 2-е. Вільня. 1919; DOVNAR-ZAPOLSKY M. The Basis of White Russia's State Individuality. P. S.a.; DOVNAR-ZAPOLSKI M. Les bases de l'état de la Ruthénie blanche. Grodno. 1919; ejusd. Die Grundlagen des Staatswesens WeiBruthenien. Grodno. 1919; ejusd. Podstawy państwowosci Białorusi. Grodno. 1919.
49. УЛАЩИК Н. Н. Очерки по археологии и источниковедению истории Белоруссии феодального периода. М. 1972, с. 248—252.
50. ЦГА Украины, ф. 296, оп. 5, д. 1537, л. 6 об.; ЦГА Беларуси, ф. 205, оп. 3, д. 2549, л. 1 об.
51. ЦПА КПБ, ф. 60, оп. 3, д. 126, лл. 459—460.
52. Там же, л. 596.
53. См.: ДОВНАР-ЗАПОЛЬСКИЙ М. В. Экономический очерк БССР. БСЭ. Т. V. М. 1927; е г о ж е. Соцыяльна-эканамічная структура Літоўска-Беларускай дзяржавы у XVI—XVII ст. В кн.: Гістарычна-археалёгічны зборнік ІБК. Минск. 1927, № 1; е г о ж е. Западный район. М.-Л. 1928, и пр.

54. См. Записки аддзелу гуманітарных навук БАН, с. 566.
55. См. ЗАЙДЕЛЬ Г., ЦВИБАК М. Классовый враг на историческом фронте. М. 1931, с. 96—97.
56. Марксыцкі зборнік. Кн. 2. Менск. 1931, с. 243—254.
57. Труды первой Всесоюзной конференции историков-марксистов. Т. 2. М. 1930, с. 472.
58. Шчарбакоў В. К. Нарыс гісторыі Беларусі. Ч. 1. Менск. 1934, с. 14.
59. ОГЛОБЛІН О. П. Буржуазна Історична школа Довнар-Запольского. В кн.: Записки Історично-археографічного Інституту, Київ, 1934, № 1, с. 158—225.
60. ПАЛОНСКАЯ-ВАСІЛЕНКА Н. Ук. соч., с. 26.

История отечественного государства и права. Часть 1. Издательство Московского университета. М. 1992. 335 с.

Перед нами вузовский учебник. Авторы его — большая группа научных работников стран СНГ, объединенных кафедрой истории государства и права МГУ¹. Учебник охватывает территорию не только Российской Федерации, но и другие земли, исторически связанные с нею, входившие в свое время в состав Российской империи, а затем Советского Союза. Авторы стремятся к объективности, свободной как от традиционных штампов, так и от модернизации истории. Выходу в свет этой книги предшествовало такое важное событие в нашей научной жизни, как издание в 1984—1986 гг. восьми томов нормативных актов «Российское законодательство X—XX веков». В производстве находится последний, девятый том — «Законодательство эпохи империализма и буржуазно-демократических революций». Над подготовкой этих сборников по существу работал тот же коллектив, который под руководством проф. О. И. Чистякова написал и учебник.

Учебник охватывает дореволюционный период развития отечественного государства и права. В современной литературе научная достоверность нередко подменяется стремлением «обосновать» политические притязания ссылками на историю. Предметом подобных политических спекуляций стала история Древней Руси, которая в некоторых отношениях трактуется как государство украинское, а не общеславянское. Авторы учебника убедительно доказывают, что это государство было образовано древнерусской народностью, из которой лишь впоследствии выделились три самостоятельных народа — русские, украинцы и белорусы.

Русское государство с момента его возникновения было полиэтническим. Описывая процесс расширения его территории, авторы указывают на разные пути вхождения в него нерусских народов. В книге отмечается, что русские князья и цари стремились при всяком удобном случае расширить свои владения, не останавливаясь перед любыми способами. Однако, как показано в учебнике, многие народы присоединились к России добровольно, по собственной просьбе. Так вошла в состав России Украина, для которой это было даже сопряжено первоначально с определенными жертвами —

войной с Польшей. Примерно то же можно сказать и о Грузии, Казахстане и пр.

Авторы рассматривают проблему движущих сил развития государства и права. Долгие годы в нашей литературе безраздельно господствовала доктрина исключительно экономической обусловленности этих институтов. В учебнике показана роль субъективных факторов, национальных движений, действовавших порой даже вразрез с экономической целесообразностью, а также религиозных течений, породивших целые правовые системы.

При написании учебника авторы довольно широко использовали труды ученых стран СНГ.

Вместе с тем в книге недостаточно четко разработана история становления права, а главное предпочтение отдано истории государства. История права выглядит как нечто, развивающееся параллельно с государством. Вопросы истории права в разные периоды, характеристика особенностей самого процесса его становления разбросаны по многим главам и параграфам. В гл. 17 «Государство и право России в период утверждения и развития капитализма (вторая половина XIX в.)» авторы ограничиваются пересказом актов Александра II и не прослеживают влияния всего комплекса тогдашних реформ на процессы развития права. По существу, внимание авторов сосредоточено не на анализе реформ, а скорее на так называемых контрреформах. Между тем судебная реформа 1864 г., так сильно изменявшая облик России, и ныне остается великим памятником русского права. Авторы мало использовали свои собственные труды по созданию многотомной публикации «Российское законодательство X—XX веков».

К сожалению, в учебнике крайне редко упоминаются имена Н. М. Карамзина и В. О. Ключевского, зато без какой-либо особой надобности даются ссылки на К. Маркса, Ф. Энгельса, В. Ленина (с. 103, 159, 210 и др.). Складывается впечатление, что авторы как бы стыдятся упоминать имена царей, известных русских юристов (А. Кони, К. Кавелина и др.).

Учебник целесообразнее было бы назвать «Историей российского государства и права».

Об этом, собственно, и идет речь в нем. «Отечество» все-таки более широкое понятие, чем «государство и право».

В. СМОЛЯРЧУК

Примечания

1. В. В. Абашмадзе, Л. В. Дюков, Ю. А. Егоров, М. М. Кекелия, В. С. Кульчицкий, Т. Е. Новицкая, В. П. Портнов, Л. Л. Потарикина, А. И. Рогожин, Н. А. Семидеркин, А. Н. Таукелев, Ю. П. Титов, Ш. З. Уразаев, О. И. Чистяков, С. И. Штамм, И. А. Юхо. Под редакцией О. И. Чистякова.

И. Л. ОМЕЛЬЧЕНКО. Терское казачество. Владикавказ. Ир. 1991. 301 с.

Книга кандидата исторических наук И. Л. Омельченко посвящена образованию и развитию Терского казачьего войска и социально-экономическому положению терского казачества от момента его появления до начала первой мировой войны.

По мнению Омельченко, раньше всех, в первой четверти XVI в., поселились на Северном Кавказе гребенские казаки, выходцы из Рязанского княжества (с. 55—56). В книге рассматривается образование Терско-Кизлярского и Терско-Семейного казачьих войск (с. 65—75), переселение на Терек волжских, донских и малороссийских казаков, а также военно-административное устройство объединенного Кавказского линейного казачьего войска (с. 117—140).

Исследовав поземельные отношения в казачьей общине (с. 148—170), автор пришел к выводу, что ей все труднее становилось регулировать порядок землепользования. Думается, однако, утверждение, что эта община практически приобрела форму политической организации, предназначенной для выполнения хозяйственных и военных функций, нуждается в более убедительной аргументации. Достаточно подробно в монографии говорится о развитии земледелия, скотоводства, рыболовства и других отраслей казачьего сельскохозяйственного производства. Автором показаны состояние кустарного производства, рост торговли и развитие местной промышленности.

Нельзя, однако, пройти мимо ряда спорных положений, требующих существенных уточнений и более обстоятельного изучения. По мнению автора, казачество формировалось исключительно за счет беглого люда, уходившего из родных мест по различным социальным мотивам (с. 47, 51, 59, 148). В основном, это были крестьяне, а упомянутые выше первые поселения гребенских казаков образовали наряду с ними и рязанские казаки (с. 55—56). Но автор не упоминает о других концепциях происхождения казачества, которые предлагались и обсуждались в дореволюционной и современной историографии, в том числе — Л. Н. Гумилевым, Л. Б. Заседателевой, А. А. Шенниковым¹.

Думается, с этим связаны и некоторые противоречия в тексте. На с. 30 книги сказано, что «после разгрома Хазарского каганата по рекам Дону и Кубани появляются первые русские поселения»

(о том, кто их организовал и какова их дальнейшая судьба, ничего не говорится). Затем, на с. 49—50, приводятся документальные свидетельства о казаках, относящиеся к 1360, 1380, 1444 годам. Сам же Омельченко относит начало истории казачества только к XVI веку.

В книге говорится, что размеры среднего земельного пая в различных станицах Сунженского и Кизлярского отделов колебались от 9,5 до 24,7 десятины. Однако автор не указывает, какова была величина среднего казачьего пая в целом по Терскому войску и не прослеживает его динамику. Между тем вопрос этот заслуживал внимания. Характерно, что в 1905 г. средний пай равнялся 16,8 дес. (из них удобной — 13,7 дес.)², а на рубеже 1911/12 гг. — 15,1 дес. (из них удобной — 12,3 дес.)³. Представляется, что такое сокращение размеров земельного пая должно было существенно отразиться на общем состоянии казачьего хозяйства. Более обстоятельного изучения заслуживают и социальные отношения в казачьей среде. Конечно, вопрос этот сам по себе достаточно сложен, однако исследователи уже приступили к его разработке⁴.

Омельченко считает, что события 1905—1907 гг. «больше затронули неказачье население, а станицы жили своим распорядком, установленным правительством и безоговорочно признанным всеми общинниками». Однако при этом обходится важный вопрос о степени участия казаков, включая и терцев, в «усмирении волнений и беспорядков», который заслуживает всестороннего и объективного анализа.

Не нашла отражения в монографии и другая проблема, обсуждаемая сегодня в научных и общественных кругах: чем было донское, кубанское и терское казачество — нацией или сословием. Думается, в пылу полемики смешиваются две совершенно различные характеристики казачества — этническая и социальная. Казачество — это уникальное этносоциальное явление. Своеобразный его облик сформировался под непосредственным влиянием двух взаимосвязанных, но разных процессов. Этническое развитие способствовало формированию казачьего субэтнуса (народа), а социальное вело к складыванию казачества как особого военизированного сословия. Нам представляется, что собранный и обобщенный автором материал позволял сделать значительно более емкие

и аргументированные выводы и обобщения по перечисленным выше вопросам.

В. П. ТРУТ

Примечания

1. См. ГУМИЛЕВ Л. Н. Открытие Хазарии. М. 1966; его же. Древняя Русь и Великая Степь. М. 1989; ЗАСЕДАТЕЛЕ-

ВА Л. Б. Терские казаки. Л. 1974; ШЕННИКОВ А. А. Червлёный яр. М. 1987.

2. Отчет начальника Терской области и наказного атамана Терского казачьего войска за 1905 год. Владикавказ. 1906, с. 22.

3. Юго-Восточный статистический сборник. Ростов-н.Д. 1918, с. 10; Терский календарь за 1912 год. Статистический ежегодник. Вып. 21. Владикавказ. 1911, с. 20.

4. См., напр. КОЗЛОВ А. И. На историческом повороте. Ростов-н.Д. 1977; и др.

В. П. ЗАГОРОВСКИЙ. *История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке.* Воронеж. Издательство Воронежского университета. 1991. 272 с.

В книге доктора исторических наук, профессора Воронежского университета В. П. Загоровского, предваряющей, по его замыслу, серию монографий о Белгородской и Изюмской засечных чертах, раскрывается процесс включения в состав государственной территории России областей Центрального Черноземья, начавшийся в 1500 г. с перехода Рыльска под власть московского великого князя и затянувшийся на целое столетие. Основное содержание этого процесса, по мысли автора, — возрождение на «Поле» «русской жизни, утраченной в ходе господства татар Золотой Орды и Большой Орды».

Нынешние белгородские, курские, воронежские, липецкие, тамбовские земли стали частью России в ходе упорной борьбы с Крымским ханством (а с конца XVI в. также с Речью Посполитой) и колонизации ранее ничейного края. Загоровским намечены этапы превращения юго-восточной «украины» и «Поля» в порубежные уезды Русского государства.

В первой половине XVI в. оно фактически признавало татарское владычество на «Поле», но в тот период уже начинается вольная колонизация края, формами которой служили казацкие станы и «ухажай» севрюков. До середины века, особенно после «крымского смерча» 1521 г., Русское государство придерживается на «украине» и «Поле» оборонительной стратегии (примечательным фактом стало появление летом 1541 г. сторожевой службы). В 50-х годах XVI в. развернулась борьба с татарами за «Поле»: выдвигаются отряды московских воевод, на стыке с «украиной» строятся города-крепости, т. е. начинается правительственная колонизация.

По вине Ивана Грозного не была использована возможность закрепления за Россией всего «Поля». В распоряжении царя о разорении Псельского города в 1563 г. Загоровский усматривает явный признак изменения внешнеполитического курса. Правительство России возвращается к оборонительной стратегии на южных рубежах, но с 1571 г. предъявляет притязания относительно территории

«Поля», зафиксировав «русские станичные маршруты», приступив к установке сторож общегосударственного значения и пограничных знаков в южных степях. К концу царствования Ивана IV на «Поле» сложилось равновесие русских и татарских сил, а в течение последних полутора десятилетий XVI в. этот обширный край фактически сделался российским владением.

В результате правительственной колонизации, по мнению автора, вольное казачество на исходе XVI в. оказалось вытесненным за пределы современного Центрального Черноземья, где складывается феодальное землевладение в форме промысловых угодий («юртов») и «десятиной пашни».

Обширный документальный материал, приведенный Загоровским, опровергает утвердившиеся в литературе мнения, что к концу XVI в. власть русского правительства распространялась на «Поле» лишь номинально, а возведенные здесь крепости составляли сплошные оборонительные линии¹. Знаток исторической географии Центрального Черноземья Загоровский локализует рассматриваемые события применительно к нынешнему административно-территориальному делению края и сопредельных с ним областей. Несомненный интерес представляют его оценки Ивана IV как государственного деятеля и наблюдения о военных способностях крымских ханов (с. 98, 119, 125, 129, 137, 142, 143, 147, и др.). Автором указан и ряд тем, нуждающихся в дальнейшем изучении (с. 92, 103, 228).

Вместе с тем некоторые выводы автора требуют дополнительной аргументации. Недостаточно выявлена степень изученности темы. Вне поля зрения Загоровского остались труды ученых XVIII в., работы Г. Ф. Карпова, С. Ф. Платонова, С. Д. Шереметева, В. И. Саввы, С. О. Шмидта, Г. Д. Бурдея, В. И. Буганова, А. Л. Хорошкевич, ряд исследований И. И. Смирнова, А. А. Зимина и Р. Г. Скрынникова; о книгах И. Д. Беляева и В. В. Каргалова только упомянуто. Хотя Загоровский привлек многочисленные опубликованные и архивные источники, им не использованы Пафнутьево-Боровской, Соло-

вещкий, Безднинский, Московский летописцы, краткий летописец, изданный В. И. Корецким и Б. Н. Морозовым, «Временник» Ивана Тимофеева, записки К. Буссова, И. Массы, Арсения Елассонского, боярские списки, местнические дела, описи архивов Посольского и Разрядного приказов. Некоторые разрядные записи² позволяют дополнить представленную автором хронику противоборства России и Крыма на «украине» и «Поле».

С точки зрения Загоровского, выражение «Дикое поле», которое нередко употребляется историками для обозначения ничейных степных пространств юга и юго-востока Европы, лишено географического содержания. Так называли целину и заброшенные земли, расположенные повсеместно (с. 8—9). Но автор сам указывает, что Г. Штаден называл «Диким полем» территорию между Россией и Крымским ханством. В том же смысле о «Диком поле» неоднократно писал К. Буссов. Это выражение для наименования полосы, разделяющей Россию и татарские ханства, т. е. в его географическом значении, используют и русские публицисты XVI века³. В документах же так назывались, действительно, невозделанные земли.

Думается, автором преувеличена степень незаселенности «украины» и «Поля» до последней трети XVI века. Согласно Загоровскому, до строительства Данкова (1568 г.) и Курска (1596 г.) на этих местах не было постоянных поселений (с. 18, 105, 189, ср. с. 29). Есть, однако, данные о существовании Данкова еще до возведения тут крепости, даже в начале XVI столетия⁴, а Курска — в 1582 году⁵.

Автор считает, что правительство Грозного не сумело воспользоваться победой при Молодях, придерживаясь после 1572 г. на «Поле» сугубо оборонительных действий (с. 176). Известно, однако, что в 1573 г. попавшему в немилость видному опричнику В. Г. Грязному «велено было на Миус ходити и на Молочные воды, языков добывати»; по словам царя, тот сражался «среди крымских улусов»⁶.

Загоровскому «видится только один возможный ответ» на вопрос о цели срочного вызова в Москву дворянина В. Г. Биркина 20 октября 1585 г., сопровождавшего турецкого посланника Ибрагима-чеуша: в тот день «было вчерне подготовлено» будущее (принятое, возможно, в виде царского указа 25 ноября того же года) решение Боярской думы об основании Воронежа (Биркин вместе с С. Ф. Сабуровым и И. С. Мясным руководил строительством нового города) (с. 198, 201). Но можно предложить как минимум еще одно решение поставленного вопроса.

Биркин, побывавший накануне в низовьях Дона, располагал сведениями о тамошних вольных казаках, отношение к которым должно было стать предметом обсуждения в преддверии приема в столице Ибрагима-чеуша (декабрь 1585 г.). Недалом вместе с Биркиным в Москву явился русский

посланник в Турции Б. П. Благово. К тому же одновременно с Воронежем правительство распорядилось «поставить» Ливны. Как считает Загоровский, вероятно причастность к этому распоряжению боярина Н. Р. Юрьева, руководившего российской сторожевой службой на «Поле». Однако первый из «душеприказчиков» Грозного был тяжело болен еще летом 1585 г.⁷ и в последние месяцы своей жизни лишь формально ведал сторожами, обеспечивавшими безопасность южных границ.

По мнению Загоровского, переписчик Пискаревского летописца ошибочно перенес из статьи за 1572 г. в рассказ про татарское нашествие 1571 г. сообщение о начале вторжения Девлет-Гирея. Нетрудно заметить, однако, что в представлении летописца крымские походы на Москву осуществлялись по одному сценарию (к русской столице степняки двигались через Тулу и Серпухов)⁸, т. е. ошибку допустил не писец, а создатель памятника. Едва ли можно и обнаружить антигодуновскую тенденцию в статье Пискаревского летописца, посвященной нашествию Казы-Гирея (с. 166, 211).

Порой в книге встречаются досадные неточности. Так, в ней говорится о Николае (надо Никите) Плещееве; соглашение с татарами в Ливнах в ноябре 1593 г. заключал не боярин Д. И. Хворостинин (с. 203, 217), к этому времени покойный, а его брат Федор.

В историографическом обзоре В. П. Загоровский с полным основанием констатирует отсутствие обстоятельного исследования по истории Центрального Черноземья в XVI в. (с. 12). Теперь такое исследование имеется, и можно надеяться, что это будет содействовать углубленному более глубокому пониманию внешней политики и социально-экономического развития средневековой России.

Я. Г. СОЛОДКИН

Примечания

1. См. БУССОВ К. Московская хроника. 1584—1613. М.-Л. 1961, с. 359, прим. 77; СКРЫННИКОВ Р. Г. Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII века. Л. 1985, с. 124, 130; ЗИМИН А. А. В канун грозных потрясений. М. 1986, с. 200.
2. См. Разрядная книга 1475—1598 гг. М. 1966, с. 266, 433, 519; Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2, ч. 3. М. 1982, с. 239, 414.
3. БУССОВ К. Ук. соч., с. 94, 96, 100, 136, 138, 141, 163; ДЕМИН А. С. Отрывки из неизвестных посланий и писем XVI—XVII вв.— Труды Отдела древнерусской литературы. Т. XXI. М.-Л. 1965, с. 188, 191; Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века (ПЛДР). М. 1986, с. 88, 230, 232, 320, 332, 372, ср. с. 298.
4. См. Русский исторический сборник. Т. V. М. 1842, с. 224—225; СМЕТАНИНА С. И. К вопросу о правительственной политике в отношении церковного землевладения

в годы опричнины.— История СССР, 1978, № 3, с. 161—162; ХОРОШКЕВИЧ А. Л. О месте Куликовской битвы.— Там же, 1980, № 4, с. 92.

5. КАРАМЗИН Н. М. История государства Российского. Кн. III, т. IX. СПб. 1843, прим. 814.

6. Там же, прим. 406; ПЛДР, с. 170, 597. См. также: Разрядная книга 1475—1598 гг., с. 250.

7. ЗИМИН А. А. Ук. соч., с. 119, 122.

8. Полное собрание русских летописей. Т. 34. М. 1978, с. 191, 192, 197.

Herrschaft als soziale Praxis. Historische und sozialanthropologische Studien. Cöttingen. Vandenhoeck und Ruprecht. 1991, 594 S.

Власть как социальная практика. Исторические и социально-антропологические исследования

Сборник статей ряда английских, немецких, французских и австралийских историков и этнологов посвящен истории политических институтов и правящих структур и слоев.

Политическая история в последние годы переживает своего рода обновление, что во многом, связано с применением междисциплинарных методов, в частности социологических и историко-антропологических. На стыке наук возникают новые методы исследования. Если раньше эта отрасль исторической науки занималась в основном событийной историей государств и политических институтов, то теперь предметом анализа становится сам феномен власти и возникающие на ее основе структуры и отношения. Политические реалии все чаще рассматриваются как концентрированное выражение социального поведения людей и их ментальности.

В работе известного французского историка М. Блока «Короли-чудотворцы» впервые были поставлены проблемы изучения политической психологии масс, роли коллективных представлений в политической жизни общества¹. Власть и политические институты стали рассматриваться как сложный социальный и психологический феномен, включенный в достаточно широкий историко-культурный контекст. В связи с этим важное значение приобрел анализ внешних символов политического церемониала и политической семиотики власти². В работе американского автора Э. Канторовича³, обратившегося вслед за Блоком к истории представлений о сверхъестественном характере королевской власти, рассматриваются религиозная символика, различные аспекты сакральной семиотики власти.

Антропологический подход привел к тому, что исследователи все больше обращаются к политическим церемониалам, инсигниям и символике власти, воплощающимся в дипломатии, обрядах празднеств и погребений королей⁴.

Авторам сборника присущ в наибольшей мере историко-антропологический подход; они широко используют этнографические материалы и рассматривают те психологические аспекты истории власти, которые до сих пор зачастую оставались в те-

ни. Как отмечает в предисловии к сборнику его редактор, немецкий историк А. Людтке, авторов интересует, как реализуется на практике сама идея господства, какие психологические факторы обеспечивают функционирование власти, как достигается ее влияние, обеспечивается господство над людьми. Авторы подчеркивают, что феномен власти характеризуется не только социальными или психологическими, но и политическими факторами, в том числе такими, как государство, бюрократия, полиция и др. (с. 9—16). Но в центре их внимания оказываются до сих пор слабо изученные психологические факторы.

Власть и сопровождающее ее насилие не могут осуществляться, по мнению авторов, без определенного психологического воздействия, внушения. Само создание властного авторитета есть психический акт, необходимыми предпосылками которого являются мотивы покорности, готовности к повиновению. Как же создавались подобные мотивы? В сборнике раскрывается механизм функционирования власти в европейских и азиатских странах в различные периоды — от средневековья до XX века.

Английский арабист М. Гильзенан анализирует внешние атрибуты политических институтов Северного Ливана в XX в.: образ жизни, манеры общения и поведение правителей. Определенные действия представителей высшей власти должны были выполнять демонстративную, репрезентативную функцию; важную роль играл и сам образ их жизни — пышные пиршества и зрелища, показная щедрость, роскошные одеяния и пр. Эта репрезентативная функция играла важную роль в создании психологических мотивов господства. В статье немецкого медиевиста М. Зотса о королевской власти в средневековой Германии также рассматриваются внешние символы королевской власти.

Анализируя проблемы реализации власти, историки большую роль отводят коллективным политическим представлениям, преобладавшим в том или ином обществе. В статье Гильзенана показано, что в начале XX в. власть в ливанском обществе осуществлялась через воздействие на коллективные представления людей об их месте в окружа-

ющем мире и о своей истории. Сформированные господствующими слоями представления доминировали в обществе. Господствующий класс выступал как творец истории и осуществлял тем самым контроль над коллективной памятью народа.

В статье французского историка Ж.-К. Шмитта идет речь о взаимоотношениях церкви и мирян в эпоху классического средневековья. В XII—XIII вв. церковь пытается усилить свое влияние, прибегнув к новому жанру церковной литературы — рассказам о призраках, которые являются живым людям, отдают им приказания, просят поддержки и т. д. Воздействуя таким образом на воображение прихожан, церковь пытается регулировать их жизнь в соответствии с собственными интересами и утверждает свое господство над ними.

В сборнике поднимается и проблема соотношения сакральных и политических элементов в системе власти. Политика как часть сакрального рассматривается в статье английской африканистки Э. Гуди. Она показывает, как через систему мифологических и религиозных представлений утвердились в традиционном африканском обществе политическая власть и господство. Особенно важную роль имели эти представления для закрепления господствующей роли мужчин. В мифах подтверждается исключительная причастность мужчины к сакральному.

Зотс также подчеркивает, что в традиционных обществах полновластие короля было связано именно с сакральными моментами. Развивая выдвинутый еще Канторовичем тезис о двух ипостасях короля — мирской (профанной, природной) и божественной (сакральной), о соединении в его персоне «двух тел» — личности и должности, Зотс показывает, что власть короля признавалась лишь до тех пор, пока он проявлял свою сакральную силу (особенно важное значение этот момент имел в условиях критических ситуаций — голода, эпидемий). Указанная тема рассматривается и в других статьях. Английский африканист Ш. Маркс и другие авторы сборника показывают, как в принятых в африканском обществе ритуалах, традициях, церемониалах, освящалась социальная практика.

Статьи сборника пронизывает еще одна общая мысль. Многие авторы подчеркивают, что власть и господство над людьми — это сложный и многогранный процесс взаимодействия экономических, социальных, политических и психологических факторов, различных социальных сил («силовых полей», по выражению Людтке) и действующих лиц. При этом сами власть имущие находятся в определенной психологической и социальной зависимости от тех, над кем они господствуют. Австралийский историк Р. Исаак показывает, что сложные и амбивалентные взаимоотношения плантатора и эксплуатируемых им рабов характери-

зуются взаимной зависимостью, переплетением интересов обеих сторон.

Некоторые вопросы рассматриваемой темы остаются за пределами сборника. К ним относятся: специфика психологического воздействия на подчиненных в различных обществах в разные эпохи, отличие методов и степени психологического воздействия в традиционных и индустриальных обществах. Между тем даже из материалов сборника видно, что в средневековом обществе или афроазиатских обществах зрелищная функция господства была намного эффективнее, чем в развитых индустриальных обществах. Видимо, это было связано со спецификой восприятия мира в различных обществах и определяемым им типом поведения, которые облегчали или затрудняли психологическую внушаемость. Но вместе с тем, и это тоже видно из материалов сборника, иррациональные мотивы и символика сохраняют свою эффективность и в развитых европейских обществах. От чего же в данном случае зависит эта эффективность? На этот вопрос авторы не дают ответа.

Другой вопрос касается различных типов взаимоотношений между господствующими и подчиненными. В какой степени реализация власти зависела от изменения самого типа подчиненных, их образованности, признаваемых ими ценностей и т. д.? Авторы сборника указывают, что во взаимоотношениях господ и подчиненных в колониальных странах большую роль играли процессы ассимиляции колонизируемыми культуры колонизаторов или же, напротив, ориентация их на местную культуру и систему традиционных ценностей. Какие ресурсы могли использовать те или иные группы, воздействуя на весь спектр «силовых полей», от чего зависела их интенсивность? Видимо, здесь играли свою роль и уровень образованности подчиненных, и их принадлежность к разным социальным слоям, а также возраст. К сожалению, вопрос о влиянии различных типов подчиненных на механизм реализации власти не получил в сборнике подробного освещения.

Знакомство с проблематикой сборника может стимулировать размышления историков о существующих в историографии подходах к изучению политической истории и политических институтов.

С. И. ЛУЧИЦКАЯ

Примечания

1. BLOCH M. Les rois thaumaturges. P. 1983.
2. SCHRAMM P. E. Herrschaftszeichen und Staatssymbolik. Bd. 1—3. Stuttgart. 1954—1956.
3. KANTOROWICZ E. H. The King's Two Bodies, a Study in Medieval Political Theology. Princeton. 1957.
4. LE GOFF J. Is Politics Still the Backbone of History? — Daedalus, Hiver, 1971.

Ph. WILLIAMSON. *National Crisis and National Government. British Politics, the Economy and Empire, 1926—1932*. Cambridge University Press. Cambridge — N. Y. 1992, 569 p.; A. THORPE. *The British General Elections of 1931*. Clarendon Press. Oxford. 1991, 323 p.

Ф. ВИЛЛИАМСОН. *Национальный кризис и национальное правительство. Британская политика, экономика, империя, 1926—1932 гг.*; Э. ТОРП. *Всеобщие выборы в Великобритании в 1931 г.*

Конец 20-х — начало 30-х годов — один из переломных периодов политического развития Великобритании в XX веке. Сложнейшие экономические, политические, социальные и имперские проблемы, поиски путей стабилизации и обновления партийной системы и многие другие проблемы, с которыми столкнулось тогда английское общество, позволяют обозначить это время как национальный кризис. В последние годы в Англии вновь усилился интерес к этому периоду. Это связано с концом «эры кейнсианства» и переходом на новую модель экономического развития. Открытие ряда архивных фондов способствовало также появлению новых взглядов на указанную проблематику.

Преподаватель истории университета в Дареме Филипп Виллиамсон — ученик М. Каулинга¹. Книга Виллиамсона как бы восполняет недостающее звено в исследованиях его учителя. Виллиамсон поднимает целый комплекс политических, социально-экономических и имперских проблем с 1926 по 1932 год. Можно согласиться с его выводом, что именно в эти годы и возник в Англии национальный кризис.

Именно тогда происходил переход от политики фритредерства к протекционизму, закладывались основы Британского содружества, осознавалась необходимость новой финансовой политики и т. д. Кроме того, несмотря на неравнозначную роль, которую консерваторы, лейбористы и либералы играли в политической жизни страны, именно в тот период все они активно участвовали в выработке политических решений. Виллиамсон считает, что энергичные действия лидера либералов Д. Ллойд Джорджа по возрождению этой партии в 1926—1929 гг. побудили консерваторов и лейбористов проводить антилиберальную политику с тем, чтобы перейти от трехпартийной системы к традиционной двухпартийной. Однако поражение консерваторов на выборах 1929 г. привело к тому, что либералы вновь, как и в 1924 г., стали играть роль «баланса силы» в парламенте.

Освещая события 1929—1932 гг., Виллиамсон выделяет два непродолжительных, но важных этапа: октябрь — декабрь 1930 г., когда в бурных межпартийных дискуссиях утвердилось предчувствие неминуемого политического кризиса, а также середину июля — конец октября 1931 г., отмеченные обострением финансового и валютного кризиса, образованием Национального правительства и выборами в парламент.

Эндрю Торп (Эксетерский университет) рассма-

тривает в своей книге широкий спектр проблем, относящихся к внутренней политике Англии в период между всеобщими выборами — 1929 и 1931 годов. В центре его внимания партии и межпартийные дискуссии по проблемам безработицы, социального страхования, тарифов. Национальное правительство, образовавшееся в августе 1931 г., представляло собой коалицию трех партий — консерваторов, лейбористов и либералов. На всеобщих выборах в октябре того же года это правительство одержало впечатляющую победу. Эти выборы явились одним из кульминационных моментов национального кризиса 1931 года. Торп пытается ответить на вопрос, почему Национальное правительство, созданное первоначально на непродолжительный срок в целях преодоления кризиса, просуществовало значительное время.

Событиям августа-октября 1931 г., когда экономический и политический кризис достиг своего апогея, оба автора уделяют особо пристальное внимание. Именно в эти месяцы окончательно оформилась консервативно-лейбористская партийно-политическая модель, которая, несмотря на некоторые изменения конца 70-х — начала 80-х годов, функционирует и по сей день. Тогда же были заложены основы новой экономической и имперской политики, происходило переосмысление роли государства. Начало 30-х годов — это своеобразный итог 30-летней борьбы за протекционистскую политику, начатую известным консерватором Дж. Чемберленом еще в начале XX века. Утвердившись в 1932 г. как официальная правительственная политика, протекционизм знаменовал окончательное поражение господствовавшей в XIX — первой четверти XX столетия системы свободной торговли.

Обе книги интересны постановкой проблем, их отличает широкий круг привлекаемых источников и литературы, глубина анализа и аргументированность выводов. Авторы использовали документы личных архивов ведущих деятелей консервативной, либеральной и лейбористской партий: С. Болдуина, О. и Н. Чемберленов, Р. Макдональда, Дж. Саймона, Е. Д. Саймона, Т. Джонса и других. Изучены были также документы лейбористского кабинета, центральных и местных органов трех ведущих партий, ежегодных конференций лейбористской партии и Британского конгресса тред-юнионов (БКТ), материалы заседаний парламента, а также обширная партийная периодика и другие источники. Содержательны статистические материалы в книге Торпа, а в книгу Виллиамсона включе-

ны емкие биографические справки об основных участниках описываемых событий.

До сих пор в английской историографии продолжают споры, была ли у лейбористского правительства реальная возможность удержаться у власти и пережить обострение экономического и финансового кризиса в августе 1931 года. С какого времени отставка лейбористского правительства стала неизбежной, имелась ли альтернатива созданию Национального правительства и какую роль в его образовании сыграли лидеры трех партий — Болдуин, Макдональд и Ллойд Джордж? Раньше эти дискуссии традиционно концентрировались вокруг внутренних проблем лейбористской партии: можно ли было, например, расценивать согласие Макдональда возглавить кабинет как предательство по отношению к своей партии и рабочему движению, или же его действия были продиктованы чувством патриотизма и ответственности за судьбу страны? Лишь недавно историки обратились к изучению внутривнутрипартийных разногласий, имевших место также и в рядах консерваторов и либералов², и той роли, которую сыграли эти партии в образовании Национального правительства.

Оба автора считают, что события, связанные с национальным кризисом и его преодолением к 1932 г., не привели к кардинальной реконструкции формы государственного устройства, но, тем не менее, внесли в нее существенные коррективы. В результате двухпартийная система была сохранена, но уже с иной расстановкой политических сил.

Авторы придерживаются различных позиций по вопросу о возможности сохранения второго лейбористского правительства у власти. Точка зрения Торпа традиционна: истоки отставки лейбористов в августе 1931 г. надо, по его мнению, искать в ошибочных действиях правительства, начиная с 1929 года. Виллиамсон же, напротив, доказывает, что основной причиной смены лейбористского кабинета Р. Макдональда был финансовый кризис августа 1931 года. Аргументы Торпа выглядят предпочтительнее.

Негативную роль в судьбе лейбористского кабинета сыграла и твердая позиция лидеров БКТ Ситрина и Бевина, которые под давлением рабочего класса не согласились с существенными сокращениями правительственных расходов на социальное страхование ради сбалансирования бюджета. Свою роль сыграла и фритредерская политика канцлера казначейства лейбориста Ф. Сноудена, под давлением которого Макдональд так и не согласился с мерами, предложенными еще осенью 1930 г. комитетом экономистов во главе с Дж. Кейнсом.

Другой вопрос, который встает при размышлении над проблемой национального кризиса: каковы были «истоки» идеи образования Национального правительства? Возникла ли она в сферах «высокой политики» в результате межпартийных переговоров летом 1931 г. или раньше и почему

она была активно поддержана партийными лидерами и рядовыми членами консервативной, либеральной и частично лейбористской партий? Последнее, на первый взгляд, кажется странным, если вспомнить, что на протяжении 20-х годов «призрак» коалиции 1918—1922 гг. и коалиционистского прошлого Ллойд Джорджа преследовал многих ведущих политиков, не соглашавшихся ни на какие переговоры о сотрудничестве с либеральной партией. Это и привело в конечном итоге к провалу кампании Ллойд Джорджа по возрождению либерализма.

Оба автора считают, что решающее значение для образования Национального правительства имели межпартийные переговоры осенью 1930 г., когда идея коалиционного правительства как один из способов разрешения национального кризиса была выдвинута и «принята на заметку» многими ведущими политиками. Эта идея всплыла на поверхность в августе 1931 года. Впрочем, если бы события приняли иной оборот, она так и осталась бы нереализованной.

Один из неясных вопросов — действительно ли к лету 1931 г. оформился союз либералов и лейбористов. В этот период идет активное движение к двухпартийной системе. Кризис, в котором находилась консервативная партия с момента поражения на выборах 1929 г., к середине 1931 г. был в основном преодолен. В то же время нарастает кризис в лейбористской партии. Эти события повлияли и на либеральную партию. Значительная ее часть вслед за Ллойд Джорджем выступает за сотрудничество с лейбористами, требуя от правительства выполнить наконец-то обещания о реформе избирательной системы. Меньшая часть либералов, во главе с Дж. Саймоном была склонна поддерживать консерваторов и протекционистскую политику.

Утверждение Виллиамсона о существовании союза либералов и лейбористов представляется весьма сомнительным. Во-первых, источники не позволяют об этом с уверенностью говорить. Предположение автора о наличии меморандума, написанного Ллойд Джорджем в начале июля 1931 г., в котором он заявляет о своей готовности войти в лейбористское правительство, на сегодняшний день остается лишь гипотезой. Во-вторых, необходимо учитывать и позицию либеральной партии, особенно после того, как либералы провалили в парламенте в апреле 1931 г. законопроект о профсоюзах.

Торп справедливо считает, что при всех условиях парламентская позиция лейбористской партии не была такой простой и однозначной. Поражение лейбористов на дополнительных выборах в парламент, демарш О. Мосли и разногласия в партии по поводу предложенных мер по борьбе с безработицей и кризисом вообще, а также постоянное давление левого крыла партии (Независимой рабочей партии) на парламентскую фракцию

лейбористов делали весьма проблематичными надежды лейбористов на будущие выборы.

С. Ю. ТОРОПОВА

Просветительское движение в Англии. М. Издательство Московского университета. 1991. 445 с.

Английское Просвещение принадлежит к числу слабо изученных тем не только в отечественной, но и зарубежной историографии. Тем больший интерес представляет коллективная монография, вышедшая под редакцией профессора Московского университета доктора исторических наук Н. М. Мещеряковой. С одной стороны, это монографическое исследование Мещеряковой, рассматривающей ряд важных теоретических проблем данной темы. С другой — собрание статей, авторы которых (А. И. Петина, Н. В. Кованов, Е. В. Иерусалимская, Е. Б. Рубинштейн, Л. Г. Мясникова, С. В. Гриднев, Е. А. Макарова) анализируют общественно-политические взгляды выдающихся просветителей XVIII в. — графа Шефтсбери, Дж. Толанда, Б. Мандевиля, лорда Болингброка, Г. Филлинга, Дж. Мэсси, А. Юнга, Дж. Пристли, У. Годвина.

Трудно сказать, чем объяснялся выбор именно этих просветителей (возможно, слабой изученностью их общественно-политических воззрений), но так или иначе, исследования о них, важные в научном плане и интересные по исполнению, мало связаны между собой и не подчинены главной цели книги. К тому же и выводы, сделанные авторами, не послужили основанием для заключительной, обобщающей главы. Мещерякова справедливо указывает, что наиболее слабо изучены в историографии общественно-политические взгляды мыслителей Просвещения. Однако представленный Петиной обзор литературы не в полной мере охватывает работы зарубежных и отечественных историков по теме, а также оставляет без внимания дискуссионные проблемы изучения просветительского движения.

В книге подробно охарактеризованы исторические условия, в которых развивалось просветительское движение, состояние наук, во многом способствующих зарождению его идей в Англии. Просвещение возникло в Англии как плод буржуазной революции середины XVII века. В книге обстоятельно рассмотрены изменения в экономике, трансформация социальной структуры общества, преобразования в политическом устройстве в результате Славной революции 1688—1689 гг., после которой начался «процесс становления, развития, упрочения новой политической системы» (с. 56). Мещерякова продолжает именовать Славную революцию «государственным переворотом», следуя

Примечания

1. COWLING M. *The Impact of Labour. 1920—1924.* Cambridge. 1971; e j u s d. *The Impact of Hitler.* Lnd. 1975.
2. BALL S. *Baldwin and the Conservative Party.* Lnd. 1988.

глубоко укоренившейся в нашей историографии традиции: преувеличивать значение первой буржуазной революции середины XVII в. и принижать, а порой и просто игнорировать события и последствия второй революции.

Автор условно делит эпоху английского Просвещения на два периода, исходя при этом из экономического развития страны. Конец XVII — первая половина XVIII в. были отмечены бурным ростом мануфактурного производства, а вторая половина XVIII в. знаменовала собой утверждение «фабрично-заводской стадии индустриального капитализма» (с. 48). Первый период характеризовался дифференциацией аграрной и промышленной сфер экономики, ростом промышленности, расцветом торговли, расширением колониальных владений Англии. Укреплялись позиции дворянско-буржуазных кругов при сравнительно невысоком уровне «напряженности во взаимном противостоянии классов работников и предпринимателей» (с. 54).

Именно в этот период и зародилось просветительское движение, носителями идеологии которого стали представители молодого класса буржуазии и обуржуазившегося дворянства. Во втором периоде формируется промышленная буржуазия, обостряются социальные контрасты, зарождается рабочее движение. Уже к концу XVIII в. выделились, как отмечает автор, «три потока»: «стихийная народная борьба, буржуазный радикализм и демократическое движение» (с. 66). В самом просветительском движении разворачивается борьба против господства «просвещенных олигархов», в защиту буржуазно-демократических преобразований. Возникает и «социалистическая тенденция».

Предложенная автором периодизация нуждается в уточнении. Следует учитывать не только влияние социально-экономических перемен, но и перестановки в политической сфере, трансформацию партийно-политической структуры Англии, а также изменения на культурно-образовательном уровне общества. Более уместной нам представляется периодизация, предложенная нашими литературоведами, которые делят Просвещение на «раннее» (1688—1740 гг.), «зрелое» (40—50-е годы XVIII в.) и «позднее» (последние десятилетия XVIII в.)¹. Такая периодизация позволяет полнее представить эволюцию просветительского движения: от времени формирования его идеологии и до ее кризиса.

Идеология Просвещения на протяжении века претерпела существенные изменения. Менялось, например, отношение к Славной революции: если у «ранних» просветителей оно было восторженным, то «поздние» высказывались о ней критически, а порой и просто негативно, и т. д. Претерпел изменения и социальный состав просветителей. Если в период формирования просветительской идеологии ее вдохновителями и выразителями были представители исключительно высших слоев, то во времена «позднего» Просвещения заметно усилилось влияние средних слоев, что позволяет говорить о «демократическом» крыле в этом движении. Общественно-политические взгляды «ранних» и «поздних» просветителей должны рассматриваться с учетом различий в исторических условиях, в которых протекала их творческая активность.

Игнорирование особенностей просветительской идеологии в разные периоды ее развития сказалось и в том, что автор придерживается традиционной для нашей историографии типологии направлений в просветительском движении: «аристократического» и «демократического». Мещерякова полагает, что «аристократический тон» (с. 427) отражал социально-политический компромисс верхов дворянства и буржуазии. К этому крылу автор причисляет Дж. Локка, Шефтсбери, А. Попа, Дж. Аддисона, Р. Стиля, Болингброка, Д. Юма, основываясь на том, что они, хотя и принимали буржуазный прогресс, продолжали, однако, ориентироваться на землевладельческую элиту, на дворянский класс. К «демократическому» направлению автор относит Дж. Свифта, Г. Филдинга, Б. Мандевиля, которых объединяла «глубокая критика... современности», а также «искренний демократизм» (с. 430—431).

Но в основе идейных разногласий между течениями просветителей лежала их социально-классовая принадлежность, их приверженность «денежным» или «земельным» интересам, о чем, кстати, неоднократно заявляли они сами. Сторонники торгового и промышленно-финансового капитала (Локк, Дефо, Стиль, Аддисон и др.) оказались по одну сторону баррикады, а защитники землевладельческих классов (Свифт, Болингброк) — по другую. По мнению же Мещеряковой, Свифт и Болингброк представляли противоположные течения, первый принадлежал к «демократическому» крылу, второй — к «аристократическому», а Дефо вообще «выпадает» из этой классификации, вероятно потому, что не являлся «аристократом» и не подвергал «глубокой критике» современность.

В английском Просвещении можно говорить о двух направлениях — «оптимистическом» и «пессимистическом». Просветители «вигской» ориентации, отстаивавшие интересы «денежных людей», боролись за то, чтобы устранить все препятствия, мешавшие капиталистическому развитию Англии, что позволяет отнести их к «оптимистическому» направлению. Просветители же «торийской» ориентации, выражавшие «земельные» интересы, не

верили в историческую перспективу капитализма и выступали с острой критикой буржуазного строя. Их можно условно отнести к «пессимистическому» направлению. Конечно, такая классификация не исчерпывает довольно пестрый и изменяющийся, как по своему социальному составу, так и по убеждениям, на протяжении столетия лагерь просветителей.

Во второй половине XVIII в. к вышеназванным направлениям добавилось еще одно — «демократическое». В свою очередь, каждое из направлений делилось на идейные течения и потоки. Так, в «раннем» Просвещении имелись течения «новых республиканцев», или «истинных виггов» (Р. Мойль, К. Девнент, Р. Молсуорт, Э. Флитчер), и «свободомыслящих» (Д. Толанд, А. Коллинз), о чем Мещерякова, к сожалению, не упоминает. Впрочем, в «позднем» Просвещении она отмечает появление в «демократическом» крыле «социалистической ориентации». И все же основополагающие различия в среде просветителей проходили по линии социально-классовой и партийной принадлежности.

Недостаточное внимание к социально-классовой позиции просветителей сказалось также на освещении в книге вопроса об их отношении к политическим партиям. Хотя Мещерякова признает, что все просветители принимали участие в политической борьбе, придерживаясь «торийской» или «вигской» ориентации, тем не менее, она полагает, что в своих рассуждениях они «отвергали обе партии» (с. 119), что удивляет даже самого автора, увидевшего в этом «парадокс». Действительно, некоторые просветители видели в партиях тори и виггов «зло» для нации. Однако при этом они руководствовались собственной партийной принадлежностью, признавая необходимость существования партий в структуре государственного правления.

Вызывает сомнение утверждение Мещеряковой (кстати, ничем не подкрепленное), что Дефо и Болингброк «видели преимущества в одной общенациональной партии» (с. 119). Это был период становления двухпартийной системы, и просветители (особенно Болингброк) поддерживали существование партийной оппозиции. А когда они говорили об «усилении партии», то имели в виду не общенациональную, а каждый «свою», вигскую или торийскую партию.

Партийно-классовая принадлежность привела многих представителей интеллигенции в ряды просветительского движения. Оно самым тесным образом переплеталось с партийной борьбой. Именно в этом и заключалась наиболее характерная особенность английского Просвещения. К сожалению, в концепции Мещеряковой данный факт остался без должного внимания.

В книге подробно анализируются идеи великих мыслителей предыдущих столетий, которые легли в основу просветительской идеологии XVIII века. Мещерякова верно подметила, что просветители

опирались на идейное наследие античных авторов, гуманистов эпохи Возрождения, а также материалистов и рационалистов XVII века. Но наиболее важную роль в формировании просветительской идеологии сыграло, как справедливо подчеркивает автор, именно идейное наследие буржуазной революции середины XVII века.

К особенностям английского Просвещения автор относит практицизм, прагматизм. Трудно, однако, согласиться с тем, что ему были присущи «антидемократизм» и «антинародность». Ряд проектов просветителей (к примеру, предложения Дефо о создании пенсионных контор, социальном страховании, помощи бедным), а также широкая благотворительная деятельность многих из них (Локка, У. Темпля, Свифта, епископа Ходли), свидетельствует скорее об обратном. Что же касается их суждений о рабочем законодательстве, критических замечаний по адресу пауперов, то здесь уместнее говорить о буржуазной принадлежности просвети-

телей. Думается, что по-настоящему оригинальной в английском Просвещении была отмеченная автором конструктивная их работа «с целью обоснования и утверждения нового строя» (с. 108).

Спорность ряда положений концепции рецензируемого труда не умаляет того непреложного факта, что перед нами серьезная обобщающая работа, одна из первых в отечественной историографии английского Просвещения.

Т. Л. ЛАБУТИНА

Примечания

1. АНИКСТ А. История английской литературы. М. 1956, с. 133.

По страницам зарубежных журналов

ЧТО СТОИТ ЗА РАСПАДОМ СССР?

Osteuropa. Zeitschrift fur Gegenwartsfragen des Ostens (Stuttgart), 1992, № 7.

Профессор Бохумского университета, заведующий кафедрой восточноевропейской истории Берндт Бонвеч в статье «Конец Советского Союза: неподъемное бремя великой державы» пытается оценить политические и экономические проблемы бывшего СССР, полемизируя с широко распространенной на Западе точкой зрения, что Союз был фактически взорван национальными проблемами. Этого мнения придерживалась в 70-е годы французский социолог Э. Каррер д'Анкосс, назвавшая национальные проблемы СССР «горючим материалом», способным взорвать это государство.

Бонвеч считает, что это «едва ли можно назвать подлинной причиной развала Советского Союза». Вспыхнувший в различных частях некогда единой страны национализм был «не причиной,

а скорее следствием распада ее и созданной ею системы ценностей» (с. 552). Распад СССР Бонвеч объясняет прежде всего тем, что ему не удалось «справиться с ролью великой державы» в экономическом плане (с. 555). Эта слабость была унаследована им от царской России, которая, несмотря на успехи и громадные материальные ресурсы, всегда отставала от других великих держав. На рубеже веков в России развернулась промышленная революция, но поражение в войне с Японией и первая мировая война показали, что царская империя ни в экономическом, ни в организационном плане не доросла еще в полной мере до великой державы.

В период нэпа, полагает Бонвеч, Советский Союз достиг «значительных успехов» благодаря экономической либерализации, сочетавшейся, од-

нако, с ликвидацией политических свобод (с. 557). Но сталинская «революция сверху» в конце 20-х годов, форсированная индустриализация и насильственная коллективизация положили конец надеждам на возможность улучшения жизненного уровня людей.

В отличие от царской России, проигравшей первую мировую войну, Советский Союз победил во второй мировой войне. Однако, по мнению Бонвеча, это отнюдь не означало, что СССР превратился в современную мировую державу. Абсолютная концентрация всех сил на потребностях войны позволила Советскому Союзу, который уже перед ней производил вооружений больше, чем его противник, избежать судьбы царской России. Этому обстоятельству способствовала как раз отсталость страны, ибо «при высоком уровне развития, предполагающем высокую комплексность и взаимозависимость экономики, ресурсы невозможно использовать столь концентрированно и одновременно экстенсивно» (с. 558).

Сразу же после войны началась постоянная непропорциональная перекачка ресурсов в военный сектор, ибо возникшая биполярная мировая система требовала глобализации великодержавных и военных интересов обеих сверхдержав. СССР «слишком рано» стал играть роль «мировой

державы»: истощенный в войне он просто «не располагал нужными для осуществления этой цели средствами» (с. 562).

Экономические трудности стали все более ощущаться в конце 70-х — начале 80-х годов. Снижавшиеся темпы промышленного прироста и постоянные неурядицы в сельском хозяйстве, превратившие СССР в крупнейшего мирового импортера зерна, вынудили его руководство признать, что экстенсивные методы не способны ни повысить жизненный уровень населения, ни вывести страну на уровень конкурентоспособности с ведущими капиталистическими державами. Именно отсюда родилась задуманная поначалу скорее технократически концепция «перестройки».

Автор показывает, что под давлением объективных обстоятельств был сделан вывод, что существование «империи слишком дорогостоящее дело и финансировать ее более невозможно». Однако освобождение от тяжелой обязанности мировой державы не принесло должного облегчения, ибо последовало «слишком поздно». Оно не позволило сохранить Советский Союз ни как «страну, ни как территориальную единицу». Напротив, считает Бонвеч, «были развязаны центробежные силы» (с. 563).

И. А. ДЬЯКОНОВА

РОССИЙСКИЕ ФЕМИНИСТКИ

„Lust und Last“ (Berlin). 1990.

Беате Физелер (Рурский университет, ФРГ) пишет о женском движении в России в начале XX века. В 1898 г. в РСДРП женщины составляли приблизительно 15%, т. е. значительно больше, чем в аналогичных западноевропейских партиях. Тем не менее эта партия так никогда и не стала партией женщин-работниц. Социал-демократки происходили по преимуществу из более высоких социальных страт и имели по меньшей мере среднее образование (с. 14). На заре партийного строительства, когда интеллигенция искала выход в «массы», мужские и женские политические кружки, замечает автор, существовали, как правило, отдельно. Это было связано с тем, что грамотность работниц была значительно ниже, чем рабочих-мужчин.

Мало делали российские социал-демократы и в области теоретической разработки женского вопроса. Сочинения К. Маркса, Ф. Энгельса, А. Бебеля по проблемам освобождения женщин на рубеже веков уже были известны в России. По предложению В. И. Ленина, в партийную программу были включены требования о равном избирательном праве для женщин, а также о защите

интересов работниц. Н. К. Крупская выступила с брошюрой по женскому вопросу, которая была издана в 1900 г. нелегально небольшим тиражом. «Однако этим до 1905 г. и исчерпывалась вся работа в области женского вопроса, проводившаяся российской социал-демократической партией», пишет Физелер (с. 14).

Хотя в 1905 г. женщины приняли в стачечном движении активное участие, социал-демократия отнеслась к этому факту пассивно. А. М. Коллонтай говорила, что социал-демократы в России очень мало занимаются судьбой женщин и не проявляют большой заинтересованности в их освобождении. К феминизму большинство российских социал-демократов относилось скептически. «Антифеминизм черпал свои традиции в самой социалистической мысли», полагает автор, ибо считалось, что феминистское движение изолирует женщин от рабочего движения и что женский вопрос может быть решен только при социализме (с. 15—16).

Коллонтай отстаивала несколько иную позицию, чем большинство российских социал-демо-

кратов. Осенью 1907 г. в Петербурге был основан клуб работниц, в 1908 г. состоялся общероссийский съезд женщин-феминисток. В предвоенные годы в России возникли ориентированные на женщин органы печати, в частности журнал «Работница», руководимый из Парижа И. Арманд, которая в тот период довольно близко стояла по своим воззрениям к Коллонтай (с. 18). Февральская революция, по выражению Л. Троцкого, была начата женщинами, которые в наибольшей степени ощущали тяготы войны, инфляции и голода (с. 18). В мае 1917 г. тираж «Работницы», который стал к тому времени ежемесячным изданием, достиг 40 тыс. экземпляров.

В послереволюционный период выявилась тенденция, сохранявшаяся на протяжении многих десятилетий: чем выше был организационный, государственный или партийный уровень, тем меньше было там женщин. В 1922 г. они составляли 7,5% членов партии (с. 20). Феминизм Коллонтай ната-

лживался на прагматизм Ленина, который видел в женском движении помеху для развертывания классовой борьбы.

Физелер подробно пишет о развернувшемся в 20-е годы движении женщин-делегаток, а также о женотделах. Большую роль в их организации сыграли Коллонтай и Крупская. После того, как первая перешла на дипломатическую работу (что было для нее в известной мере политической ссылкой), женотделам был нанесен серьезный удар (с. 26). Женские организации лишились серьезной поддержки. Троцкий в это время терял свое политическое влияние, а Крупская не решалась использовать свой авторитет для поддержки женских организаций (с. 27). Что касается Сталина и его окружения, то от них «нельзя было ожидать чего-либо хорошего» (с. 27). Л. Каганович в 1930 г. отдал распоряжение о роспуске женотделов (с. 27).

И. Алексеева

ПИТАНИЕ В ИТАЛЬЯНСКОМ ОБЩЕСТВЕ XIX — XX ВЕКОВ

Il Risorgimento. Rivista di storia del Risorgimento e di storia contemporanea (Milano). Anno XLIV. 1992, № 2.

Очередной номер журнала по истории Италии XIX—XX столетий содержит материалы состоявшейся годом ранее в Альгере (Сардиния) научной конференции о связи общественных событий с тем, как менялось питание населения разных районов Италии.

Пища ломбардских крестьян в XIX в., охарактеризованная Ф. Делла Перута, состояла в основном из крупяных, мучных продуктов и овощей и видоизменялась по мере того, как они спускались с гор на равнину, но нигде не была сориентирована на привоз продуктов. Жители сильно страдали от пеллагры, вызываемой отсутствием в пище витаминов группы В. Для тружеников деревни и города единственным удовольствием являлось употребление вина, имевшегося в любой таверне. Использовались также напитки домашнего производства, а подмешивание к вину посторонних примесей являлось обычным для лавочников делом.

М. А. Романи, касаясь поставок ко двору Марии-Луизы Австрийской в Парме (1826—1836 гг.), отмечает, что предпочтение отдавалось французским винам, а также деликатесам или экзотическим продуктам. П. Сорчинелли дает обзор демографических, этнографических и исторических работ по проблеме. А. Лонни пишет о том, как фальсифицировались продукты питания, опираясь на материалы судебного разбирательства, происходившего в Турине в 1891 году. Неразра-

ботанность соответствующего законодательства, отсутствие целенаправленной правительственной политики и слабость санитарно-контрольной службы облегчали фальсификацию продовольствия.

Ф. Таддеи, анализируя обеспеченность продуктами семей итальянцев — главной категории земледельцев Умбрии, Марке и Тосканы с середины XVIII по XX в., обращает внимание на сезонные различия в их рационе, основу которого составляли бессолевы хлебцы с оливковым маслом и салаты при почти полном отсутствии вина. У низших слоев сицилийского общества в XIX в., как отмечает К. Ветро, мясо и рыба были редкостью и обычно подавались по праздникам. К хлебцам местной выпечки добавлялись специфические растительные блюда, молоко же доставалось детям и больным. Автор рассмотрел питание заключенных палермской тюрьмы, обитателей богаделен и учащихся привилегированного Морского пансионата в 1836—1840 гг., а также охарактеризовал меню богатых семейств.

Г. Чампи констатирует обновление рациона римского общества в конце XIX — начале XX в. вследствие индустриализации и роста городского населения. Расширяется покупка полуфабрикатов или готовых пищевых изделий. Автор исследовала состав завтраков, полдников и обедов 1340 семейств римского квартала Тестаччо между 1907 и 1910 годами. У трудящихся по-прежнему основу пищи составляли тогда мучные и раститель-

ные блюда, но теперь чаще употреблялись также сыр и свинина. Говядина же, рыба и вино оставались привилегией более зажиточных.

Питанию жителей Сардинии второй половины XIX в. (о нем сообщает Ф. Пилья) присущи были разнообразие салатов, богатый набор присоленных, свежих и сладких хлебных изделий, изощренные мясные заготовки, специфические сорта сыра, широкое использование сладостей. Обзор источников о питании сардинцев с XVIII по XX в. предпринят А. Тилокка Сегрети. Питание 300 шахтеров Арджентьерских рудников на Сардинии между 1908 и 1930 гг. исследует С. Руджу по материалам официальных отчетов и личных писем из семейных архивов.

П. Корти показывает, как у итальянских эмигрантов национальные блюда постепенно дополнялись общеевропейскими или американскими. Уровень потребления пищи у неаполитанцев с 1863 до 1987 г. и умбрийцев с 1884 до 1976 г. рассмотрен Ф. Фиданца. Питанию младенцев с 1860 по 1925 г.

посвятила свой доклад К. Коломбелли. Нехватка грудного молока у матерей, болезни кормилиц и бытовые неурядицы увеличивали и без того высокую детскую смертность. А. де Бернарди охарактеризовано падение уровня жизни в фашистской Италии. О скудном рационе военных моряков в годы второй мировой войны сообщила А. Трова.

Общую картину, нарисованную участниками конференции, подытоживает А. Варни, отметивший изменение рациона питания от былого разнообразия к моделированному единству. Материалы конференции содержат обильный конкретный фактический материал, как правило, сведенный в таблицы. Общий же недостаток издания состоит в сравнительном отрыве полученных результатов от анализа развития общества, что (по мнению автора предисловия А. Ганаду) должно было быть раскрыто в первую очередь.

С. А. СЕРЕГИН

ИДЕЯ РЕСПУБЛИКАНИЗМА В США

Journal of American History (Bloomington). 1992, June.

Статья профессора истории Принстонского университета Д. Роджерса касается одной из важных составляющих американской политической культуры — идеи республиканизма. Ее генезис автор связывает с революцией XVIII в., в документах которой закреплены основные принципы формирующейся американской системы, в том числе народный суверенитет. Как подчеркивает Роджерс, этот принцип, а также другие составляющие республиканизма — положения о праве каждого гражданина на «жизнь, свободу и стремление к счастью», о самоценности личности и недопустимости любой формы дискриминации и угнетения, — заложили основу менталитета американской нации.

На протяжении всей истории США, пишет Роджерс, республиканская идея вдохновляла на активные социальные поиски самые разные общественные силы и течения — от бедняков и черных Юга в XIX в. до современных «альтернативистов». «Республиканский дух» присутствовал, в частности, и в юриспруденции Дж. Маршалла, и в юнионизме 1930-х годов, он придавал «воинственный пафос» рассуждениям Т. Рузвельта и моральную силу аргументам Дж. Адамса (с. 32).

Республиканская идея нашла воплощение и в развитии американской исторической мысли. Каждое ее течение (направление, школа) черпало в этой идее свое, наиболее ему близкое. «Рабочая история», отмечает Роджерс, использовала респу-

бликанскую идею для легитимизации ценностей американского рабочего класса, его борьбы против «все разъедающей власти капитала» (с. 28, 29). «Женская история», занятая реабилитацией роли женщины в национальной американской истории, также питается духом республиканизма (с. 32). Наиболее яркое воплощение республиканского кредо получило во взглядах леворадикальных историков, тесно связанных с движением «новых левых» 60 — начала 70-х годов. Эти историки посвятили свои силы раскрытию роли «молчаливого большинства», которое, по их убеждению, и творило историю США, способствуя утверждению в них республиканизма и демократии.

Особенностью американской политической традиции и политической культуры является то, что едва ли не с XVIII в. главным оппонентом радикальной традиции и республиканскому кредо выступал либерализм. Обоснованию этого тезиса посвящена значительная часть статьи. Роджерс, солидаризуясь с рядом авторов, подчеркивает, что республиканизм альтернативен либерализму по нескольким позициям. Республиканские ценности участия и социальной справедливости плохо согласуются с упованием либералов на «процедурный нейтралитет», их сравнительно индифферентным отношением к проблеме социальной поляризации (с. 33).

Заметим, однако, что в США, где в силу особенностей исторического развития не сложилась

организационно оформленная леворадикальная идеология, родившийся в ходе революционных событий XVIII в. радикализм и его неотъемлемый атрибут — республиканская идея — были изначально интегрированы ранним американским либерализмом. И лишь по мере развития капитализма, укрепления позиций монополий и частичного отхода либералов от идей Просвещения в обществе все чаще стали звучать голоса, призывающие «хранить дух 1776 г.», вернуться к «либерализму джефферсоновской демократии».

Инверсия, которой подвергся либерализм в тяжелые для США 30-е годы, несколько изменила отношение общества к либералам. Однако в 60-е годы, как замечает Роджерс, так или иначе сохранившийся дух антилиберализма проявил себя с новой силой, когда в обществе под влиянием агрессии во Вьетнаме и малорезультативной «вой-

ны с бедностью», особенно в молодой его части, возникла ностальгия по «забытому демократическому республиканскому кредо», по идеям и заветам отцов-основателей (с. 21, 22).

В 70—80-е годы, в условиях усилившейся диффузии различных идейно-политических течений, нарастания духа прагматизма в обществе, республиканская идея продолжает жить; более того, как считает автор, она начинает все активнее играть социально консолидирующую роль (с. 32, 34). В то же время, отмечено в статье, до полного идейного консенсуса американскому обществу еще далеко, и вряд ли таковой в принципе возможен, тем более, что в стране сохраняется немало проблем как экономического, так и социально-политического и нравственного характера.

И. Д. Гусева

«СРЕДИЗЕМНОМОРСКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ»

Исследователи из Тель-Авивского университета с 1986 г. издают «*Mediterranean Historical Review*». Цель этого издания, как объявлено в предисловии к первому выпуску, — возродить интерес к средиземноморскому региону. В состав редколлегии журнала входят крупные специалисты из разных стран. Издается он дважды в год.

Средиземноморье рассматривается в нем как целостная система. Редакция продолжает дело, начатое Ф. Броделем в его труде «Средневековье и средневековый мир в эпоху Филиппа II». Творчество этого французского ученого, как считает израильский историк М. Харсгор, открыло совершенно новую эпоху в современных исторических исследованиях (1986, № 2) Французский историк М. Эмар сопоставляет упомянутый труд Броделя с более поздней его книгой о европейской цивилизации (1987, № 1).

П. Картледж (Кэмбридж), сравнивая творческие методы Тацита и английского историка Э. Гиббона, обнаруживает сходство в их отношении к прошлому и приходит к выводу о невозможности понять «тацитизм» Гиббона без Монтеスキе.

Восприятие Средиземноморья обыденным сознанием анализирует на материале известной книги М. Твена «Простаки за границей» Э. Наве (Израиль) (1990, № 1). Понятия «средиземноморскость» (*mediterranean*), «средиземноморские черты» рассматриваются в статье тель-авивского ученого Я. Шавита (1988, № 2).

Хронологический диапазон публикуемых в журнале материалов весьма широк — от бронзового века до современности. Внушительно представлена в нем античная тематика. Это понятно: именно

античность и создала основы средиземноморской цивилизации. Среди статей по истории древнего мира эссе Дж. Прайора (Австралия) о путешествии в Рим аквитанского аристократа V в. Рутилия Наматиана, содержащее наблюдения о морских путешествиях в древности (1989, № 2), статья археолога Д. Блэкмана (Великобритания) о портовых сооружениях в древности (1988, № 1).

К этой же группе работ относятся и статьи Р. Холлоуэя о монетном обращении и торговле между Сицилией и Ближним Востоком в бронзовом веке и Р. Роулэнда (США), которому удалось проверить, насколько справедливо традиционное представление о Сардинии как житнице Римской империи. Известно, что в XVI—XVII вв. население этого острова периодически испытывало голод, и местные историки объявили мифом свидетельства древних авторов о его плодородии. Исходя из современных данных о производстве зерна, Роулэнд приходит к выводу, что при римлянах Сардиния была в состоянии обеспечить питанием 200—250 тыс. человек и даже вывозить зерно (1990, № 1).

Специальный номер «Обозрения» посвящен истории городов (1988, № 1). И. Малкин и Н. Шмуэли (оба — Израиль) пытаются ответить на вопрос об обстоятельствах возникновения Византии. Для этого используются не только античные тексты, но и собственные мореходческие наблюдения Шмуэли. Д. Радан (США) рассматривает обстоятельства того, как Веспасиан в 67 г. разгромил пиратов из Акко для того, чтобы облегчить подвоз зерна в Рим.

Столица Иудеи Цезаря (Кесария) привлекла

внимание Р. Хольфедера (США) и Й. Рингера (Израиль). Первый на материале археологических экспедиций последних лет рассматривает технику строительства кесарийских укреплений, опираясь на трактат Прокопия «О постройках». Второй обобщает нумизматический материал и письменные источники о кесарийских мореходах в римское время. По мнению Рингера, они убедительно свидетельствуют о важной роли Кесарии в морской торговле вплоть до конца IV века.

Ценную информацию содержат фотографии и реконструкции мозаик времен Ирода Великого, открытых в ходе раскопок в Иерусалиме, Масаде, Иерихоне, а также на Кипре (статья А. Овадиа, 1990, № 2). З. Герцог (Израиль) обобщает итоги археологических раскопок Тель-Михаля, античного поселения к северу от Тель-Авива. Н. Каштан (Германия) на материале письменных свидетельств рассматривает историю морской столицы Восточного Средиземноморья — Акко-Гидемаиды (до 70-х годов н. э.). Каштан показывает, что 400-летнее господство этого города на морских коммуникациях было обусловлено благоприятным сочетанием географических, социальных и культурных обстоятельств.

Роли Средиземноморья в судьбах поздней Римской империи посвящена статья З. Рубина (Израиль). Он прослеживает внешнеполитические, преимущественно военные конфликты, в которых участвовала империя — от Помпея до Анастасия, завоевание Римом господства на море и превращение Средиземноморья в главный связующий фактор всех частей огромной империи. Рубин считает, что ко времени появления арабов, изнуренная войнами, она уже не могла, а молодые варварские государства еще не могли воспользоваться возможностями Средиземноморья.

Значительно большее внимание уделено в журнале истории средних веков. Здесь доминирует тема крестовых походов. Ж. Ришар (Франция) пришел к выводу, что среди большинства крестоносцев, паломников, наемников и купцов, обозначаемых в источниках как «франки», преобладали выходцы из Франции (1987, № 2). А. Мэррей (Великобритания) исследует этнический состав франкского нобилитета в Иерусалимском королевстве в начале XII в. (1989, № 2). Подвергая проверке старую идею о лотарингском происхождении этого дворянства, автор показал, что оно состояло из выходцев из Иль-де-Франса, Нормандии, Лотарингии, Фландрии и Пикардии.

Актуальному имагологическому анализу (т. е. изучению образа одного народа в глазах другого) посвящена статья Р. Ирвина (Великобритания). На материале народной арабской литературы он воссоздает этнопсихологические стереотипы византийца и латинянина-франка, сложившиеся в умах арабов, и образ мусульманина, складывавшийся в представлении франков (1989, № 1).

Ряд публикаций посвящен социальной стру-

ктуре народов, населявших берега Средиземного моря в средние века. Среди них выделяется статья Б. Арбея (Израиль) о кипрском дворянстве XIV—XVI вв. (1989, № 1). По его мнению, признаком принадлежности к дворянству могла служить рыцарская служба и выполнение некоторых административных обязанностей, но не следует считать таким признаком участие в городском совете Никосии.

Отдельные номера журнала посвящены определенным темам и хронологическим периодам. Таков, например, номер «Латиняне и греки в Восточном Средиземноморье после 1204 года», где напечатаны материалы конференции, состоявшейся в Ноттингеме в 1988 г. (1989, № 1). Д. Якоби (Израиль) полагает, что различия между византийскими и западными порядками к 1200 г. проявлялись в специфике социальной стратификации, в особенностях сельской жизни и систем государственных пожалований. Однако и те и другие порядки на территориях, захваченных латинянами (автора интересует в первую очередь Морея, Пелопоннес), сосуществовали долгое время. Якоби убежден, что византийские порядки сохранялись здесь во многих сферах: в поземельных отношениях, в налогообложении, церковной сфере, но особенно — в жизни сельских общин, возглавляемых местными архонтами. Перемены же были связаны с контактами с западной хозяйственной сферой (к примеру, с заметно возросшим вывозом из Мореи и с Крита в Венецию вина, масла, сыра, меда и особенно зерна).

В этом же номере содержатся статьи Д. Моргана (Великобритания) о монголах в Восточном Средиземноморье, М. Барбера (Великобритания) об отношении европейцев к захваченной крестоносцами Греции, а также М. Балара (Франция), который пишет о деятельности генуэзцев на Хиосе с 1204 по 1453 год. Отмечая легкость, с которой многие греческие архонты из Эпира и Фессалии приспособились к введенным крестоносцами отношениям, П. Магдалино (США) объясняет ее однотипностью общественного развития. Е. Захариаду пытается на материале турецких текстов, относящихся к вторжению турок-османов в Эгеиду с начала XIV в., осмыслить, что такое джихад (священная война).

Естественно внимание журнала к проблематике венецианской и генуэзской морской торговли. Первой посвящена статья А. М. Сталя (США) о европейских монетах в Греции после 1204 г. (1989, № 2). О генуэзской колонии Пере в предместье Константинополя — после падения Византии — пишет Дж. Пистарино (Италия), используя нотариальные акты второй половины XV века. Эти документы позволяют показать процесс превращения генуэзской Перы в турецкую Галату, как часть новой османской столицы (1986, № 1).

Сходные процессы освоения генуэзской колонии Каффы турками рассматривает Ж. Вейнштейн

(Франция) по данным описей из османских архивов. В поле его зрения оказались иные, чем у Пистарино, явления — медленный рост численности городского населения, смена его этнического состава, сдвиги в его социальной организации и порядке обложения. Автор подчеркивает, что при этом не происходило крутой ломки прежних порядков, сохранялась преемственность (1989, № 2).

В ряде материалов журнала речь идет об отдельных странах региона. Д. Абулафия (Великобритания) опровергает (1990, № 2, 1991, № 1) мнение об отсутствии прочных внутренних связей в Каталонском королевстве, возникшем в 1276 г. на Балеарских островах, в Руссильоне и Монпелье. Связь эта нашла выражение и в политике королей и особенно в экономическом единстве этого государства, просуществовавшего до 1343 года. Г. Мартинец (Франция), отвечая на вопрос о причинах «загадочно быстрого падения» в начале XI в. Кордовского халифата, анализирует соотношение активно воздействовавших на него сил, в том числе берберов и славян, состоявших на службе у халифов и захвативших управление страной (1990, № 2).

На кордовском материале написана статья Д. Эдвардса (Великобритания) о развитии капитализма в Испании. Он считает, что тенденции капиталистического накопления были сильны в двух важнейших сферах кордовской (и даже шире — андалузской) экономики — в сельскохозяйственном производстве и торговле; местная деревня уже в XV в. интенсивно развивалась, хотя этого оказалось все же недостаточно для того, чтобы преодолеть феодальные преграды (1987, № 1).

Журнал уделяет внимание и роли исторических личностей в судьбах стран региона. О французском короле Людовике IX Святом пишет Ж. Ле Гофф (Франция). Этот король полагал, что не следует ограничиваться покровительством святым местам и надо перейти к прочному закреплению на Востоке. Автор затрагивает привычную для него тему средневекового менталитета и ошибок в познании средиземноморского мира (в частности, объясняя неудачу крестового похода в Тунис тем, что европейцы не знали, насколько Тунис далек от Египта).

Достаточно полно представлена в журнале история городов, как средневековая, так и античная. Одна из наиболее солидных здесь статья Ф. Вольфа (Франция) об истории Арля, Авиньона, Каркасона, Монпелье, Марселя и других (1988, № 2). Их античные корни он видит, в частности, в системе ежегодной сменяемости должностных лиц («консулов»). Начало собственно городского развития он связывает с появлением в X в. «бургов» — убежищ, показывает бурный рост населения этих французских городов и, наконец, приходит к выводу о независимом их статусе, что роднит их с итальянскими и обособляет от остальной Франции. В статье Я. Лев (Израиль) о Фустате — столице

Египта в X—XI вв. (1988, № 2) исследуется — с использованием арабских хроник — организация полицейской службы и рыночного надзора в ней.

Городское производство в Генуе XIII в. рассматривает С. Эпштейн (США). По его мнению, это была «героическая» эпоха в жизни города, в том числе и в развитии ремесла. Нотариальные акты позволяли автору увидеть, как был организован труд сотен мастеров, связанных в первую очередь с мореходством, как он оплачивался, какими были характер сезонных перепадов и социальная организация (1988, № 1). Это существенно дополняет картину мощного взлета генуэзского мореходства. Статья Б. Кройц (США) касается истории амальфитанской гавани, сыгравшей важную роль в развитии средиземноморской торговли (1988, № 1). В этом же номере напечатана статья Р. Гертваген (Израиль) о строительстве порта Кандии на Крите в 1299—1343 годы.

В одиннадцати номерах журнала есть лишь две статьи, посвященные истории еврейского народа. Е. Лурие (Израиль) извлекла из арагонского архива доселе неизвестные документы об инсценировке ритуального убийства в еврейском квартале Барселоны в 1301 г. (1986, № 2). А. Кашер (Израиль) пишет о миграциях евреев в страны Средиземноморья в эллинистическую и римскую эпохи (1987, № 1). В статье анализируются факторы, породившие диаспору — войны, политические преследования, депортация по религиозным мотивам, географические обстоятельства, характеризуются условия расселения евреев в соседних странах (земельные пожалования в птолемеевском Египте, военная служба у Селевкидов). По мнению автора, миграция евреев в принципе не отличалась от греческой и других народов древности.

В статье Б. Мельман (Израиль) о семейных порядках в странах арабского Востока, положении женщины и роли гарема (1989, № 2) рассматривается отражение этих тем в сочинениях английских путешественниц 1763—1914 гг., которые, как установил автор, отказываются от традиционных представлений.

Современных проблем журнал касается редко. Статьи С. Пейна (США) о понятии «Южная Европа» (к ней автор относит Италию, Испанию, Португалию и Грецию) показывает, что общность этих стран основывается на их географическом и климатическом сходстве, похожих чертах сельской жизни и политической эволюции (1986, № 1). М. Ласкиер (Израиль) рассматривает историю внутривнутриполитической борьбы в Тунисе в 1952—1961 гг. и роль местных евреев, сосредоточенных главным образом в столице (1987, № 2).

А. Нахмани (Израиль) анализирует отношения между Грецией и Израилем, затрагивая проблемы освобождения евреев, сидевших в греческих тюрьмах, помощи Греции после землетрясения 1953 г., постепенного ухудшения отношений между двумя странами после 1952 года (1987, № 2). В статье

о Латеранском конкордате 1929 г., озаглавленной «Странный союз: Муссолини, папа Пий XI...», С. Ни (США) характеризует стороны, заключившие его, и обстановку, в которой было достигнуто это соглашение. Автор негативно оценивает последствия конкордата, укрепившего позиции фашизма и с негодованием встреченного европейской общественностью.

Медиевистские и антиковедческие пристрастия журнала проявились и в формировании раздела публикаций. Среди них — обращение (молитва) к морю арабского морехода конца XI в., отрывки из средневековой еврейской поэзии, заново переведенные и откомментированные тексты Гомера и Цицерона, статут египетского торгового флота начала XVIII в., письма католических монахов в римскую курию о состоянии христианской общины в Св. Земле в XV в., рассказ о том, как в 1943 г. 32 тыс. итальянских солдат сдались немецкому батальону в Дубровнике, позволив без боя захватить этот город.

Журнал стремится откликаться на выходящие в свет работы по истории Средиземноморья. Рецензии, как правило, информационно насыщены и оперативны, но критических замечаний в них немного.

Журналу присущи серьезность и аналитичность публикуемых материалов, их фундированность, готовность быстро откликнуться на новейшие работы, широкий тематический и хронологический диапазон. Редколлегию можно, однако, упрекнуть в недостаточном внимании к проблемам источниковедения и вспомогательных дисциплин (почти единственное исключение — статья Г. Бриджера и Н. Липшиц (оба Израиль) о дендрохронологии построек XIX в. в Яффе.— 1991, № 1), а также в том, что среди его авторов мало историков из балканских государств и никого нет из Восточной Европы.

М. М. Фрейденберг
(Израиль)

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

О роли кадровых офицеров в гражданской войне

До сих пор в литературе бытует устойчивое мнение: если офицер — то значит белый, а если и служил у красных — то все равно был предателем, за что и расстрелян во время гражданской войны или в 30-е годы. Лживость этого стереотипа доказывают некоторые редко публикуемые данные о российском офицерском корпусе.

Нужны ли были офицеры большевикам? Ведь в первой программе РСДРП, принятой еще в 1903 г., выдвигалось требование уничтожения армии как средства насилия эксплуататорских классов и замены ее вооруженным народом. Этой точки зрения В. И. Ленин придерживался еще летом 1917 г. (в работе «Государство и революция»). Но уже в 1918 г. он поднимает вопрос о создании регулярной Красной Армии. Дело в том, что наступление германских войск в начале того же года со всей очевидностью показало неспособность партизанских красногвардейских отрядов, так называемых боевых завес, успешно противостоять регулярной армии. И это несмотря на многочисленные потери, понесенные тогда прежде всего рабочим классом. Ведь согласно декрету от 14 января 1918 г. эти отряды комплектовались на добровольных началах из наиболее сознательных борцов, которые сами себе выбирали командиров.

Однако ряд членов ЦК выступил против создания регулярной армии, аргументируя свою точку зрения недавними ленинскими положениями. Иную позицию занимал Л. Д. Троцкий, которому Совет народных комиссаров поручил создать регулярную Красную Армию, назначив его народным комиссаром по военным делам и председателем Реввоенсовета республики. Необходимым условием успешного военного строительства он считал введение в армии единоначалия, строгой дисциплины, военного трибунала с правом наказания виновных

вплоть до смертной казни. Им же было выдвинуто требование использования в качестве военной администрации бывших царских офицеров. Ленин согласился с этим. Были изданы декреты от 22 апреля о порядке замещения должностей в Красной Армии по усмотрению вышестоящего начальника и от 20 ноября об учете бывших царских офицеров. Правда, одновременно Ленин предложил ввести в Красной Армии институт политических комиссаров для непосредственного разъяснения массам рядовых бойцов политики партии и предотвращения сосредоточения военной власти в руках бывших офицеров.

Кем же они были по своему происхождению? К Февральской революции русская регулярная армия насчитывала до 10 млн. человек, и по штатному расписанию в ней состояло до 250 тыс. офицеров¹. Дворянство не могло предоставить нужное армии количество офицеров. Они были в основном разночинцами, выходцами из интеллигенции, крестьян или казаков; терять в революции им было нечего, ибо ни поместий, ни заводов, ни фабрик они не имели.

Это была одна из причин, почему, когда в 1919 г. возник план создания 3-миллионной регулярной Красной армии и была объявлена всеобщая мобилизация, кадровые офицеры пошли на службу новой власти. Других средств для существования они попросту не имели. Кроме того, в то время началось активное вмешательство во внутренние дела России стран Антанты, которые поддерживали белое движение, снабжая его припасами и координируя его усилия. Российские офицеры, воспитанные в духе патриотизма и преданности Родине, не могли с этим мириться.

В записке Ленину летом 1919 г. Троцкий сообщал, что в Красную Армию отобработано 67 тыс.

офицеров, и он надеется до конца года мобилизовать еще 50 тысяч². И так, речь шла почти о всех офицерах, находившихся на территории советской республики. По-видимому, эта задача была решена, поскольку в 1920 г. численность регулярной Красной Армии достигла 5,5 млн. человек. Был организован Полевой штаб Реввоенсовета республики — высший оперативный орган Главного командования Красной Армии, в котором служили бывшие царские генералы и адмиралы: М. Д. Бонч-Бруевич, В. Н. Егорьев, Ф. В. Костяев, П. П. Лебедев, Д. П. Парский, Н. И. Ратель, В. М. Альтфатер и А. П. Зеленый. Под их руководством были разработаны новые уставы, которые высоко оценили белые офицеры, воевавшие по уже устаревшим уставам царской армии.

В книге известного советского военачальника и военного историка Г. Х. Эйхе приводятся интересные данные об участии офицерского корпуса в гражданской войне на стороне белых. За время гражданской войны в Добровольческой армии А. И. Деникина находилось до 30 тыс. кадровых офицеров, в армии А. В. Колчака — до 10 тысяч. Около 5 тыс. офицеров было сосредоточено в белой армии на севере России и, по-видимому, такое же количество находилось в воинских формированиях на западных и на юго-восточных границах России³. Таким образом, общее количество кадровых офицеров, участвовавших в гражданской войне в рядах регулярной Красной Армии, более чем в 2 раза превышало число кадровых офицеров, принимавших участие в военных действиях на стороне белых.

Участие кадровых офицеров в Красной Армии явилось одной из основных причин ее относительно высокой боеспособности, мобильности, обученности, одной из причин ее побед. Колчак, понимая, что без достаточного количества кадровых офицеров его армия из насильно от мобилизованных крестьян не будет боеспособной, в переписке с Деникиным настойчиво требовал передачи ему кадровых офицеров, которых в немногочисленной в то время Добровольческой армии было в избытке, так что капитаны командовали взводами, а полковники — ротами. Однако Деникин лишних кадровых офицеров не отдавал.

Хотя и были случаи предательства, но большинство офицеров, связавших свою судьбу с Крас-

ной Армией, честно служили в ней. Они продолжали делать это и после гражданской войны, когда Красная армия была сокращена в 10 раз, ибо военная служба, защита Родины была их профессией.

Среди 40 тыс. командиров Красной Армии, репрессированных перед Великой Отечественной войной, было немало именно этих честных офицеров, поскольку консервативной административно-бюрократической системе управления войсками нужны были не мыслящие командиры, а слепые исполнители, способные бездумно исполнять любые приказы какой-либо ценой. Так был уничтожен выдающийся военный теоретик М. Н. Тухачевский, а бывший вестовой С. М. Буденного В. И. Книга произведен в генерал-майоры и получил командование кавалерийской дивизией, которую он впоследствии, не задумываясь, бросил против немецких танков, однако никакого наказания за гибель 15 тыс. человек не понес, поскольку «не рассуждал, а исполнял»⁴.

Ложная оценка роли российского офицерского корпуса в гражданской войне была навязана историкам Сталиным, который повинен в предательском расстреле в 1919 г. в Петрограде нескольких тысяч зарегистрировавшихся согласно декрету советской власти бывших царских офицеров и в уничтожении кадровых офицеров во время предвоенных репрессий. Если бы командиры Красной Армии из числа кадровых офицеров не были тогда выбиты, они могли бы внести достойный вклад в победу над фашизмом, особенно в снижение потерь во время Великой Отечественной войны как обладатели ценного опыта военных действий.

*И. И. Лившиц,
старший научный сотрудник
(С.-Петербург)*

Примечания

1. КАВТАРАДЗЕ А. Г. Военные специалисты на службе Республики Советов, 1917—1920 гг. М. 1988, с. 278.
2. ТРОЦКИЙ Л. Д. Соч. Т. 17, ч. 2. Гражданская война. М.-Л. 1926, с. 748.
3. ЭЙХЕ Г. Х. Опрокинутый тыл. М. 1966, с. 384.
4. АФРЕМОВА О. А. Генерал Книга. Ставрополь. 1985, с. 222.

Еще раз о кадрах чекистов 30-х годов

Письмо в редакцию журнала «Вопросы истории» (1992, № 2—3) А. А. Папчинского — одна из первых публикаций, затрагивающих проблему кадров в органах Народного комиссариата внутренних дел (НКВД) периода массовых репрессий. Нам представляется, что автор напрасно разделил тандем Е. Г. Евдокимов — М. П. Фриновский, ибо Фриновский являлся наиболее ярким представителем «северокавказской школы». Евдокимов и Фриновский — коллеги. Существовала «близость Евдокимова и Фриновского, шедших вместе еще с Украины»¹. Работа Фриновского в Особом отделе 1-й Конной армии и его руководство Управлением пограничной и внутренней охраны по Северо-Кавказскому краю (УПВО по СКК) и дивизией особого назначения им. Дзержинского (в 1930—1932 гг. она участвовала в подавлении вооруженных выступлений в Чечне, Ингушетии, Нагорном Дагестане) проходили под непосредственным началом Евдокимова либо при его активном содействии.

Заняв пост заместителя наркома внутренних дел, а затем начальника Главного управления государственной безопасности (ГУГБ) НКВД СССР, Фриновский стал конкретным исполнителем линии на усиление «северокавказской школы» в НКВД. Именно через него направлялись на руководящие должности бывшие евдокимовские соратники и воспитанники. О Фриновском говорили как о человеке, который «фактически собрал и выдвинул при Ежове северокавказскую группу», а сам при этом «стоял в тени»². Фриновский и ранее, будучи еще начальником Главного управления пограничной и внутренней охраны (ГУПВО) НКВД СССР, приближал к себе людей Евдокимова. Так, начальником 1-го отделения Оперативного отдела, а затем помощником начальника I Отдела ГУПВО являлась полковой комиссар М. Н. Коста — бывший личный секретарь Евдокимова.

Любопытны способы, с помощью которых Евдокимов сколачивал свою «северокавказскую школу» (помимо тех, о которых уже упоминал А. Г. Авторханов): «У Евдокимова есть свои воспитанные им в течение многих лет люди, которые расставлены им на основных и решающих участках чекистской работы в крае. Анархизм Евдокимова в прошлом принял своеобразный характер батьковщины, или атаманщины в настоящем, который выражается в том, что Евдокимов не дает в обиду своих людей, выручает их, когда они попадают в беду, выдвигает, награждает их и тем самым приковывает их к себе, заставляет выполнять их свою волю»³, — показал заместитель начальника Контрразведывательного отдела ГУГБ М. А. Листенгурт. В показаниях заместителя начальника XI

водного отдела УГБ Управления НКВД (УНКВД) по Московской обл. И. Я. Ильина содержится рассказ о методах кадровой работы Евдокимова: «Примерно по такой системе воздействовали и на группу руководящих работников периферии: как правило, ни одно оперативное совещание, созываемое в Ростове довольно часто, не проходило без того, чтобы в конце оперативного совещания, а зачастую и во время его, не устраивалась грандиозная пьянка с полным разгулом, длившаяся иногда сутки и более. Были случаи, когда отдельных работников разыскивали только на 3 или 4 день где-нибудь в кабаках или у проститутки. Эта система морального и политического разложения, таким образом, переносилась и на аппарат периферии»⁴.

Аналогичные способы подбора кадров использовал и Фриновский. В конце 1936 г. начальником УНКВД по Азово-Черноморскому краю был назначен Г. С. Люшков, работавший заместителем начальника Секретно-политического отдела (СПО) ГУГБ. Он через некоторое время начал посылать в Москву компромат на работников центрального аппарата НКВД и местных управлений, бывших сотрудников Полномочного представительства Объединенного государственного политического управления (ПП ОГПУ) по СКК. На основании этих материалов были репрессированы А. А. Волков — прежний начальник СПО УГБ УНКВД по СКК и Колесников — работник представительства ПП ОГПУ по СКК, а затем начальник Административно-хозяйственного отдела НКВД Казахской ССР. В документах Люшкова имелись «нежелательные сведения» о начальнике УНКВД по Куйбышевской обл. И. П. Попашенко (бывшем начальнике Кубанского оперсектора ОГПУ), начальнике УНКВД по Омской обл. Г. Ф. Горбаче (бывшем заместителе начальника УНКВД по СКК), начальнике УНКВД по Курской обл. Н. В. Емеце (бывшем начальнике Черноморского оперсектора ОГПУ), вторым секретаре Северокавказского крайкома ВКП(б) А. И. Кауле (бывшем помощнике начальника Секретно-оперативного управления ОГПУ, а потом заместителе полпреда ОГПУ по СКК), помощнике начальника СПО ГУГБ М. Л. Гатове (бывшем заместителе начальника СПО УГБ УНКВД по СКК), начальнике отделения СПО ГУГБ М. А. Листенгурте (бывшем начальнике Иностранного отдела ПП ОГПУ по СКК)⁵.

Сходный компромат поступил на помощника начальника Минусинского сектора НКВД П. Е. Финакова (бывшего начальника Экономического отдела (ЭКО) УГБ УНКВД по Дагестанской АССР, а еще ранее — начальника ЭКО Шахтинско-Донского сектора ПП ОГПУ по СКК). Впрочем, «северокавказское» происхождение не всегда спасало,

когда одна волна чекистов уничтожала другую. Так, в октябре 1937 — январе 1938 г. были арестованы нарком внутренних дел Туркмении Ю. Л. Зверев (бывший начальник ЭКО ПП ОГПУ по СКК) и сменивший его в этой должности О. Я. Нодев (в 1924—1927 гг. начальник Черноморского сектора ОГПУ), нарком внутренних дел Татарской АССР П. Г. Рудь (бывший полпред ОГПУ по Азово-Черноморскому краю — АЧК), начальник УНКВД по Орджоникидзенскому краю П. Ф. Булах (бывший начальник Особого отдела УГБ УНКВД по АЧК).

Одним из представителей «северокавказской школы» Папчинский называет А. И. Успенского, но тот никогда на Северном Кавказе не работал. Сын не то лесного сторожа, не то священника, Успенский по окончании сельской школы работал в тульском частном магазине, а с 1917 г. — в Суходольском волисполкоме. В органах госбезопасности находился с сентября 1920 г., служил в Тульской губчека, затем в Тульском губотделе ОГПУ. В 1927 г. переведен на работу в ПП ОГПУ по Уралу, где являлся начальником ЭКО ПП ОГПУ. В 1930 г. Успенский «за разгром шахтинских вредителей в уральской металлургии, в угольной, медеплавильной и золото-платиновой промышленности» был награжден орденом Красного Знамени. В 1931 г. Успенский был направлен в Москву и работал в ПП ОГПУ по Московской обл.; с июля 1934 г. — второй заместитель начальника УНКВД по Московской области. 29 ноября 1935 г. ему присвоено спецзвание старшего майора государственной безопасности. Затем он был заместителем начальника комендатуры Московского Кремля по внутренней охране, в феврале 1936 г. направлен в Западно-Сибирский край заместителем начальника краевого УНКВД.

В марте 1937 г. как «не обеспечивший чекист-

кой работы по области» был снят с должности начальника УНКВД по Оренбургской обл. старший майор госбезопасности Н. М. Райский (Лехтман) ⁷, его сменил Успенский. С января 1938 г. он — народный комиссар внутренних дел Украинской ССР. В связи с нависшей над ним угрозой ареста он в октябре 1938 г., сменив документы, попытался скрыться ⁸, но был задержан. Решением Военной коллегии Верховного Суда СССР от 28 января 1940 г. «за участие в антисоветском заговоре в органах НКВД и нарушении социалистической законности» приговорен к расстрелу. 21 октября 1939 г. той же коллегией «за активное участие в подготовке и совершении перехода Успенского на нелегальное положение» приговорена к высшей мере наказания его жена А. В. Успенская, приговор приведен в исполнение 27 марта 1940 года ⁹.

Таковы некоторые факты, уточняющие сведения, приведенные в письме Папчинского.

М. А. Тумшис
(Самара)

Примечания

1. Центральный архив Министерства безопасности Российской Федерации, архивно-следственное дело И. П. Попашенко, л. 306.
2. Там же.
3. Там же, л. 184.
4. Там же, лл. 240—241.
5. Там же, лл. 67, 94, 97.
6. Архив УВД Самарской области, личное дело П. Е. Финакова.
7. Оренбургская коммуна, 15.XI.1937.
8. См. об этом в мемуарах Н. С. Хрущева (Вопросы истории, 1992, № 2/3, с. 87).
9. Щит и меч, 1991, № 17, с. 12.

Contents

The Political Archives of the XXth Century. Materials of the February — March 1937 Plenary Meeting of the CC CPSU (B). Articles: Ju. E. Ivonin. Imperial Idea and Problem of Statesmanship in Western Europe in the XVIth Century. N. A. Troitskij. Judges in former Russia (Life and Fate of N. P. Karabchevskij). Historical Profiles. Ja. E. Vodarskij. Peter the First. Reminiscences. Memoirs of Nikita Sergeevich Khrushchev. Historical Journalism V. D. Topoljanskij. Murder of Frunze. History and Fates. A. I. Denikin. The Essays of the Troubled Time in Russia. Communications. A. A. Koshkin. How Molotov-Matsuoka Pact Was Made. (1941) I. V. Churkina. V. S. Solovjev and J. Ju. Shtrosmajer About the Unity of Church. People. Events. Facts. V. B. Perkhavko. Merchants from Surozh; E. L. Nitoburg. Fulchensio Batista. Historiography. Reviews on Books. M. V. Dovnar-Zapolskij: Historian and Public Figure. History of Mother country and Law. I. L. Omelchenko Cossacks from Tersk. V. P. Zagorovskij. History of the Central Chernozem Lands' Entry into Russian State in the XVIth Century. Herrschaft als soziale Praxis. Historische und sozial-anthropologische Studien. (Göttingen.) Ph. Williamson. National Crisis and National Government. British Politics, the Economy and Empire, 1926—1932. (Cambridge University Press.) A. Thorpe. The British General Elections of 1931. (Oxford). The Enlightenment Movement in England. On the Pages of Foreign Journals. Letters to the Editor.

**Учредители: Трудовой коллектив редакции журнала «Вопросы истории»
Российская Академия наук.**

Главный редактор: А. А. ИСКЕНДЕРОВ

Редакционная коллегия:

Н. Н. Болховитинов, П. В. Волобуев, А. С. Гроссман, В. П. Данилов, В. А. Дьяков, И. Д. Ковальченко, В. И. Кузицин, Б. В. Левшин, А. П. Новосельцев, Р. Г. Пихоя, О. А. Ржешевский, И. В. Созин (заместитель главного редактора), К. И. Седов, А. Я. Шевеленко, В. В. Шелохаев, В. Л. Янин

Перепечатка без разрешения журнала «Вопросы истории» не допускается

«Вопросы истории» № 6, 1993

Адрес редакции: 103781, ГСП, Москва, К-6, М. Путинковский пер., 1/2. Телефон: 209-96-21.

Технический редактор В. Г. Паленцева.

Сдано в набор 07.04.93. Подписано в печать 04.06.93. формат 70x108/16. Бумага офсетная № 2
Гарнитура таймс. Печать офсетная. Усл.печ.л. 16,8. Бум. л. 6,0. Уч.-изд. 21,15. Тираж 40.000
Заказ 3686 Индекс 70145

ТОО Редакция журнала «Вопросы истории», ТОО «САШКО»

Полиграфическая фирма «Красный пролетарий». 103473. Москва, Краснопролетарская, 16.

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**